

ISSN 2224-5294

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ҰЛТТЫҚ ҒЫЛЫМ АКАДЕМИЯСЫНЫҢ

Х А Б А Р Л А Р Ы

ИЗВЕСТИЯ

НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

NEWS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

ҚОҒАМДЫҚ ЖӘНЕ ГУМАНИТАРЛЫҚ
ҒЫЛЫМДАР СЕРИЯСЫ



СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК



SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

1 (311)

ҚАҢТАР – АҚПАН 2017 ж.
ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ 2017 г.
JANUARY – FEBRUARY 2017

1962 ЖЫЛДЫҢ ҚАҢТАР АЙЫНАН ШЫҒА БАСТАҒАН
ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1962 ГОДА
PUBLISHED SINCE JANUARY 1962

ЖЫЛЫНА 6 РЕТ ШЫҒАДЫ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
PUBLISHED 6 TIMES A YEAR

АЛМАТЫ, ҚР ҰҒА
АЛМАТЫ, НАН РК
ALMATY, NAS RK

Б а с р е д а к т о р

ҚР ҰҒА академигі
Пралиев С. Ж.

Р е д а к ц и я а л қ а с ы:

эк. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Баймұратов У.Б.**; тарих ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Байпақов К.М.**; филос. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Есім Г.Е.**; фил. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Қирабаев С.С.**; эк. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Қошанов А.К.**; эк. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Нәрибаев К.Н.** (бас редактордың орынбасары); филос. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Нысанбаев А.Н.**; заң ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Сабиқенов С.Н.**; заң ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Сулейменов М.К.**; эк. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА академигі **Сатубалдин С.С.**; тарих ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Әбжанов Х.М.**; тарих ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Әбусейтова М.Х.**; тарих ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Байтанаев Б.А.**; тарих ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Жақып Б.А.**; фил. ғ. докторы, проф., чл.-корр. НАН РК **Қалижанов У.К.**; тарих ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Қамзабекұлы Д.**; тарих ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Қожамжарова Д.П.**; тарих ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Қойгелдиев М.К.**; фил. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Құрманбайұлы Ш.**; тарих ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Таймағанбетов Ж.К.**; социол. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА корр. мүшесі **Шәукенова З.К.**; фил. ғ. докторы, проф., ҚР ҰҒА құрметті мүшесі **Дербісәлі А.**

Р е д а к ц и я к ең с е с і:

Молдова Республикасының ҰҒА академигі **Белостечник Г.** (Молдова); Әзірбайжан ҰҒА академигі **Велиханлы Н.** (Азербайжан); Тәжікстан ҰҒА академигі **Назаров Т.Н.** (Тәжікстан); Молдова Республикасының ҰҒА академигі **Рошка А.** (Молдова); Молдова Республикасының ҰҒА академигі **Руснак Г.** (Молдова); Әзірбайжан ҰҒА корр. мүшесі **Муратов Ш.** (Әзірбайжан); Әзірбайжан ҰҒА корр. мүшесі **Сафарова З.** (Әзірбайжан); э. ғ. д., проф. **Василенко В.Н.** (Украина); заң ғ. докт., проф. **Устищенко В.А.** (Украина)

«Қазақстан Республикасы Ұлттық ғылым академиясының Хабарлары. Қоғамдық және гуманитарлық ғылымдар сериясы». ISSN 2224-5294

Меншіктенуші: «Қазақстан Республикасының Ұлттық ғылым академиясы» РҚБ (Алматы қ.)

Қазақстан республикасының Мәдениет пен ақпарат министрлігінің Ақпарат және мұрағат комитетінде 30.04.2010 ж. берілген № **10894-Ж** мерзімдік басылым тіркеуіне қойылу туралы куәлік

Мерзімділігі: жылына 6 рет.

Тиражы: 2000 дана.

Редакцияның мекенжайы: 050010, Алматы қ., Шевченко көш., 28, 219 бөл., 220, тел.: 272-13-19, 272-13-18,
<http://nauka-nanrk.kz>, social-human.kz

© Қазақстан Республикасының Ұлттық ғылым академиясы, 2016

Типографияның мекенжайы: «Аруна» ЖК, Алматы қ., Муратбаева көш., 75.

академик НАН РК
С. Ж. Пралиев

Редакционная коллегия:

докт. экон. н., проф., академик НАН РК **У.Б. Баймуратов**; докт. ист. н., проф., академик НАН РК **К.М. Байпаков**; докт. филос. н., проф., академик НАН РК **Г.Е. Есим**; докт. фил. н., проф., академик НАН РК **С.С. Кирабаев**; докт. экон. н., проф., академик НАН РК **А.К. Кошанов**; докт. экон. н., проф., академик НАН РК **К.Н. Нарисбаев** (заместитель главного редактора); докт. филос. н., проф., академик НАН РК **А.Н. Нысанбаев**; докт. юр. н., проф., академик НАН РК **С.Н. Сабикенов**; докт. экон. н., проф., академик НАН РК **С.С. Сатубалдин**; докт. юр. н., проф., академик НАН РК **М.К. Сулейменов**; докт. ист. н., проф., чл.-корр. НАН РК **Х.М. Абжанов**; докт. ист. н., проф., чл.-корр. НАН РК **М.Х. Абусейтова**; докт. ист. н., проф., чл.-корр. НАН РК **Б.А. Байтанаев**; докт. ист. н., проф., чл.-корр. НАН РК **Б.А. Жакып**; докт. фиол. н., проф., чл.-корр. НАН РК **У.К. Калижанов**; докт. ист. н., проф., чл.-корр. НАН РК **Д. Камзабекулы**; докт. ист. н., проф., чл.-корр. НАН РК **Д.П. Кожамжарова**; докт. ист. н., проф., чл.-корр. НАН РК **М.К. Койгельдиев**; докт. фил. н., проф., чл.-корр. НАН РК **Ш. Курманбайулы**; докт. ист. н., проф., чл.-корр. НАН РК **Ж.К. Таймаганбетов**; докт. социол. н., проф., чл.-корр. НАН РК **З.К. Шаукенова**; д. фил. н., проф., Почетный член НАН РК **А. Дербисали**

Редакционный совет

академик НАН Республики Молдова **Г. Белостечник** (Молдова); академик НАН Азербайджанской Республики **Н. Велиханлы** (Азербайджан); академик НАН Республики Таджикистан **Т.Н. Назаров** (Таджикистан); академик НАН Республики Молдова **А. Рошка** (Молдова); академик НАН Республики Молдова **Г. Руснак** (Молдова); чл.-корр. НАН Азербайджанской Республики **Ш. Мурадов** (Азербайджан), член-корр. НАН Азербайджанской Республики **З.Сафарова** (Азербайджан); д. э. н., проф. **В.Н. Василенко** (Украина); д.ю.н., проф. **В.А. Устименко** (Украина)

Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. ISSN 2224-5294

Собственник: РОО «Национальная академия наук Республики Казахстан» (г. Алматы)

Свидетельство о постановке на учет периодического печатного издания в Комитете информации и архивов

Министерства культуры и информации Республики Казахстан № 10894-Ж, выданное 30.04.2010 г.

Периодичность 6 раз в год

Тираж: 2000 экземпляров

Адрес редакции: 050010, г. Алматы, ул. Шевченко, 28, ком. 219, 220, тел. 272-13-19, 272-13-18,

www.nauka-nanrk.kz / social-human.kz

© Национальная академия наук Республики Казахстан, 2016 г.

Адрес типографии: ИП «Аруна», г. Алматы, ул. Муратбаева, 75

Editor in chief

S.Zh. Praliyev,
academician of NAS RK

Editorial board:

U.B. Baymuratov, dr. econ. sc, prof., academician of NAS RK; **K.M. Baipakov**, dr. hist. sc., prof., academician of NAS RK; **G.Ye. Esim**, dr. philos. sc., prof., academician of NAS RK; **S.S. Kirabayev**, dr. phil. sc., prof., academician of NAS RK; **A.K. Koshanov**, dr. econ. sc, prof., academician of NAS RK; **K.N. Naribayev**, dr. econ. sc., prof., academician of NAS RK (deputy editor-in-chief); **A.N. Nysanbayev**, dr. philos. sc., prof., academician of NAS RK; **S.N. Sabikenov**, dr. jur. sc., prof., academician of NAS RK; **M.K. Suleimenov**, dr. jur. sc., prof., academician of NAS RK; **S.S. Satubaldin**, dr. econ. sc., prof., academician of NAS RK; **Kh.M. Abzhanov**, dr. hist. sc., prof., corr. member of NAS RK; **M.Kh. Abusseitov**, dr. hist. sc., prof., corr. member of NAS RK; **B.A. Baitanayev**, dr. hist. sc., prof., corr. member of NAS RK; **B.A. Zhakyp**, dr. hist. sc., prof., corr. member of NAS RK; **U.K. Kalizhanov**, dr. phil. sc., prof., corr. member of NAS RK; **D. Kamzabekuly**, dr. hist. sc., prof., corr. member of NAS RK; **D.P. Kozhamzharova**, dr. hist. sc., prof., corr. member of NAS RK; **M.K. Koigeldiev**, dr. hist. sc., prof., corr. member of NAS RK; **Sh. Kurmanbaiuly**, dr. phil. sc., prof., corr. member of NAS RK; **Zh.K. Taymaganbetov**, dr. hist. sc., prof., corr. member of NAS RK; **Z.K. Shaukenova**, dr. soc. sc., prof., corr. member of NAS RK; **A. Derbisali**, dr. phil. sc., prof., honorary member of NAS RK

Editorial staff:

G. Belostechnik, NAS Moldova academician (Moldova); **N. Velichanly**, NAS Azerbaijan academician (Azerbaijan); **T.N. Nazarov**, NAS Tajikistan academician (Tajikistan); **A. Roshka**, NAS Moldova academician (Moldova); **G. Rusnak**, NAS Moldova academician (Moldova); **Sh. Muradov**, NAS Azerbaijan corr. member (Azerbaijan); **Z. Safarova**, NAS Azerbaijan corr. member (Azerbaijan); **V.N. Vasilenko**, dr. econ. sc., prof. (Ukraine); **V.A. Ustimenko**, dr. jurid. sc., prof. (Ukraine)

News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Series of Social and Humanities. ISSN 2224-5294

Owner: RPA "National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan" (Almaty)

The certificate of registration of a periodic printed publication in the Committee of information and archives of the Ministry of culture and information of the Republic of Kazakhstan N 10894-Ж, issued 30.04.2010

Periodicity: 6 times a year

Circulation: 2000 copies

Editorial address: 28, Shevchenko str., of. 219, 220, Almaty, 050010, tel. 272-13-19, 272-13-18,
www.nauka-nanrk.kz / social-human.kz

© National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, 2016

Address of printing house: ST "Aruna", 75, Muratbayev str, Almaty

Археология древности. Эпоха камня, бронзовый и ранний железный век

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

ISSN 2224-5294

Volume 1, Number 311 (2017), 5 – 24

UDC 903/904 «637»/«639» (574.51 + 574.52)

A.A. Goryachev, M.A. Chernov

A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan
LLC “Archaeological expertise”, Almaty, Kazakhstan
aga.2805@mail.ru, mihalapych@yandex.kz

METAL INVENTORY FROM THE BURIAL COMPLEXES OF THE BRONZE AGE IN ZHETYSU

Abstract. The most significant parts of the bronze decoration of Zhetysu from the burial complexes are: bangles, earrings, beads, drilling stones and bronze strings of beads. River cockle-shells were used as the material of sewn-on plaques. In certain cases, on buried people there were amulets of predators' canines or appendages in the form of deer horns. Analysis of metal products from burials of the Bronze Age on the territory of Zhetysu gives the opportunity to confirm that in the region there was the center of metal production. Typological and morphological analysis of bronze products and their technological characteristics indicate a high level of metal working in general and jeweler's art in particular for its time. Together with data on treasures of the late Bronze Age we can conclude that during the Bronze Age on the territory of Zhetysu the craftsmen of blacksmith's work in central kinds of industries were coming into service.

Typology of bronze ornaments from the Southern-Western regions of Zhetysu shows that there were mixed traditions of Alakul-Fedorov symposium tribes of the Andronovo cultural-historical community and domination of Central Kazakhstan cultural influences. At the same time in mountainous area of Jungar, Zailiyskiy and Kungey Alatau cultural traditions of Fedorov Symposium tribes from Eastern Kazakhstan and Altai were spread out. Together with data about the origin of certain types of products from early Asian cultures, we can conclude that the Zhetysu region was an area of intensive contacts the Ancient cultures of Central Asia.

Keywords: metallurgy, bronze, decorations, technology, traditions.

УДК: 903/904 «637»/«639» (574.51 + 574.52)

А.А. Горячев, М.А. Чернов

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан
ТОО «Археологическая экспертиза», Алматы, Казахстан

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ИНВЕНТАРЬ ИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЖЕТЫСУ

Аннотация. Среди вещевого материала из погребальных комплексов эпохи бронзы Жетысу наиболее значительную часть составляют украшения из бронзы: браслеты, серьги, подвески, кольца, заколки, нашив-

ные бляшки, бусины, пронизки и нитки бронзовых бус. В качестве нашивных бляшек нередко использовались речные раковины. Встречаются бронзовые наконечники стрел, бритва, проколки, шилья и иголки. В некоторых случаях, погребаемых сопровождали амулеты из клыков хищников или отростков рога марала. Анализ металлических изделий из погребений эпохи бронзы на территории Жетысу дает возможность подтвердить, что в регионе существовал свой собственный очаг металлопроизводства. Типолого-морфологический анализ бронзовых изделий и их технологические характеристики свидетельствуют о высоком уровне металлообработки в целом и ювелирного искусства в частности для своего времени. Вместе с данными покладам позднебронзового века можно заключить, что в эпоху бронзы на территории Жетысу происходит специализация мастеров кузнечного ремесла на отдельных видах производств.

Типология бронзовых украшений показывает, что в юго-западных регионах Жетысу преобладают традиции, характерные для смешанных алакульско-федоровских племен андроновской культурно-исторической общности с доминантой центрально-казахстанских культурных влияний. В то же время в горной зоне Джунгарского, Заилийского и Кунгей Алатау преобладают в большей степени культурные традиции федоровских племен Восточного Казахстана и Алтая. Вместе с данными о происхождении отдельных видов изделий из ранних среднеазиатских культур можно сделать вывод, что регион Жетысу являлся зоной интенсивных контактов древних культур Центральной Азии.

Ключевые слова: металлургия, бронза, украшения, технология, традиции.

Одним из наиболее важных материалов для определения типологии и хронологии погребальных памятников эпохи бронзы на территории Жетысу является металлический инвентарь. Детальный анализ технологии изготовления и морфологии металлического инвентаря способствует его дальнейшей атрибуции и классификации. Наряду с керамической посудой металлические изделия, фиксируемые в могилах, позволяют не только выявить хронологические рамки погребального комплекса, но и реконструировать важнейшие атрибуты погребальной обрядности, что в свою очередь дает возможность определить культурно-типологический контекст, как отдельного объекта, так и всего памятника в целом.

На территории Жетысу на сегодняшний день изучено свыше 300 погребений на более чем 20 могильниках [1, с. 313-337]. Классификация металлического инвентаря эпохи бронзы проводилась преимущественно по материалам кладов и далеко не всем типам металлических изделий из погребальных памятников [2, с. 5-20; 3, с. 37-84; 4, 2008; 5, с. 108-115; 6, с. 37-47]. Поскольку на территории Жетысу работ по реконструкции древних технологий [7, с. 106-119], в том числе и в металлургическом производстве не проводилось [8, с. 180-191], первой задачей нам представляется классификация погребального металлического инвентаря по технико-морфологическим признакам. На этой основе возможен анализ, как основных приемов производства бронзовых изделий, так и способов их применения на территории Жетысу.

Металлические изделия из погребальных комплексов эпохи бронзы представляют собой специфический набор украшений, предметов оружия и инструментов, которые использовались не только при захоронении умершего, но и нередко достаточно длительное время использовались в быту и повседневной жизни. Об этом говорят аналогичные предметы из бронзы, зафиксированные нами в ходе археологических раскопок в материалах поселений [1, с. 313-337]. Однако сам факт их нахождения в могилах позволяет нам предполагать определенное смысловое назначение металлических изделий как сопровождающего, погребенного в иной мир инвентаря. Необходимость понимания погребальных традиций эпохи бронзы Жетысу вынуждает провести детальный анализ всех обнаруживаемых в могилах металлических изделий.

Технология производства металлических пластин различной формы последовала вскоре за открытием металла и выявлением его основных физических свойств. Технологический процесс быстро усовершенствовался, спровоцированный инструментом из нового металла. Более пластичный металл увеличил разнообразие форм инструментов, соответственно разнообразились приемы обработки материала. Их подавляющее большинство закрепилось на уровне традиций в приемах обработки ручной и художественной обработки металла.

Изначально кричной заготовке придается уплощенная листовая форма методом проковки. Эта операция проводится в несколько приемов с предварительным нагревом заготовки, что позволяет снять молекулярное напряжение и вернуть пластичность металлу. Гладилками и утюжками метал-

лическому листу придается утолщение по всей плоскости. Растягивая металл, таким образом, заготовку можно довести до состояния фольги, особенно податливы золото и серебро.

Из листового металла методом обрубки, отсечения по шаблону или рисунку получается заготовка будущего изделия. По замыслу на заготовку чеканным способом при помощи каменных или бронзовых пуансонов наносится декор, а отверстия для крепления бляшек на одежду выполняется пробойником. В зависимости от толщины металлического листа инструменты для декорирования (выдавливания точек, линий, сферических выпуклостей) могут быть не только из металла и камня, но также допустимы костяные, роговые и деревянные инструменты. Подложкой для вытягивания рисунка и придания формы изделию в зависимости от толщины заготовок могли служить дерево, кожа, войлок, кожаный мешочек, наполненный песком или глиной. Аналогичные материалы (+ резина) применяются в чеканке художниками и в наше время.

Пластинчатые изделия можно подразделить на три основные группы по технологическому формообразующему принципу:

Первая группа изделий – это те, которым придана пространственно-трехмерная форма различными приемами: сгибания, скручивания, вытягивания и выколоткой-выдавливанием. Чаще в эту группу попадают серьги в полтора оборота, браслеты, подвески, наборные наконечники украшения.

Вторая группа – это собственно бляхи, бляшки и наконечники, т.е. те изделия, которым в процессе обработки была сохранена плоскостная форма. Обычно по контуру им придавалась форма круга, овала и прямоугольника, часто со скругленными углами, с отверстиями для крепления к одежде и соединения с различными деталями, с рисунком-декором, выполненными различными методами, или без него(?).

Третья группа – плоскостные изделия, кованные или литые с проковкой не из листового металла (зеркала, накладки на ремни, сбрую, оружие и воинские панцири).

Четвертую группу составляют пространственные изделия, литые и кованные: серьги с растромом, шилья, проколки, иглы и другие.

Среди вещевого материала из погребальных комплексов эпохи бронзы Жетысу наиболее значительную часть составляют украшения из бронзы: браслеты, серьги, подвески, кольца, заколки, нашивные бляшки, бусины, пронизки и нитки бронзовых бус. В качестве нашивных бляшек нередко использовались двусторчатые раковины моллюсков. В некоторых случаях, погребаемых сопровождали амулеты из клыков хищников или отростков рога марала. Встречаются бронзовые наконечники стрел, бритва, проколки, шилья и иголки.

Бронзовые браслеты со спиралевидными окончаниями являются одним из важнейших атрибутов погребального инвентаря захоронений женщин эпохи бронзы Жетысу (таблица 1). Несомненно, они являлись показателем статуса не только погребенной, но и семьи, к которой она принадлежала, так как подобные изделия встречаются менее чем в 5% изученных могил. Браслеты носили на запястьях обеих рук, поскольку они встречаются обычно попарно. Некоторые виды неразъемных браслетов отмечены в районе локтей (таблица 1:1). Сравнительно небольшое количество зафиксированных браслетов (13 экземпляров из 8 могил и 1 жилища) объясняется тем, что значительная часть погребений, которые могли бы содержать подобные находки «ограблены». Чаще всего в них обнаруживаются фрагменты средней части (таблица 1:5) или открепившиеся спиральные окончания браслетов (таблица 1:3).

Бронзовые браслеты со спиралевидным окончанием имеют вид желобовидной пластины, свернутой в неполное кольцо. Концы украшений увенчаны спиралями плоской или высокой конической формы. В ряде случаев один конец завершается крючком (таблица 1:2). Браслеты этого типа изготавливались методомковки. Всем изделиям придавалась овальная форма, с размерами в среднем от 5х6см до 6х8см.

Общий принцип изготовления браслетов таков:

1. Из бронзовой болванки отковывается прутки необходимой длины и диаметра.
2. Средняя часть расковывается в пластину определенной ширины (13-23 мм), края пластины утончаются. Пластина расковывается таким образом, что концы прутка оказываются не на продольной оси пластины, а у одного из ее краев.
3. Концы заготовки, имеющие вид прутка, проковываются на уплощение с утончением к концам, и сворачиваются в спираль таким образом, что начало спирали оказывается в ее центре и

всему завитку придается коническая форма кнаружи (лицевой части) браслета. Завиток формируется как по часовой стрелке, так и против нее. Спиралевидные окончания браслетов состоят обычно из 6-8 завитков.

4. Пластина браслета проутюживается посередине вдоль оси для придания желобовидной формы. В результате этой операции пластина сворачивается в кольцо. В местах наибольшей изогнутости глубина желоба сильнее.

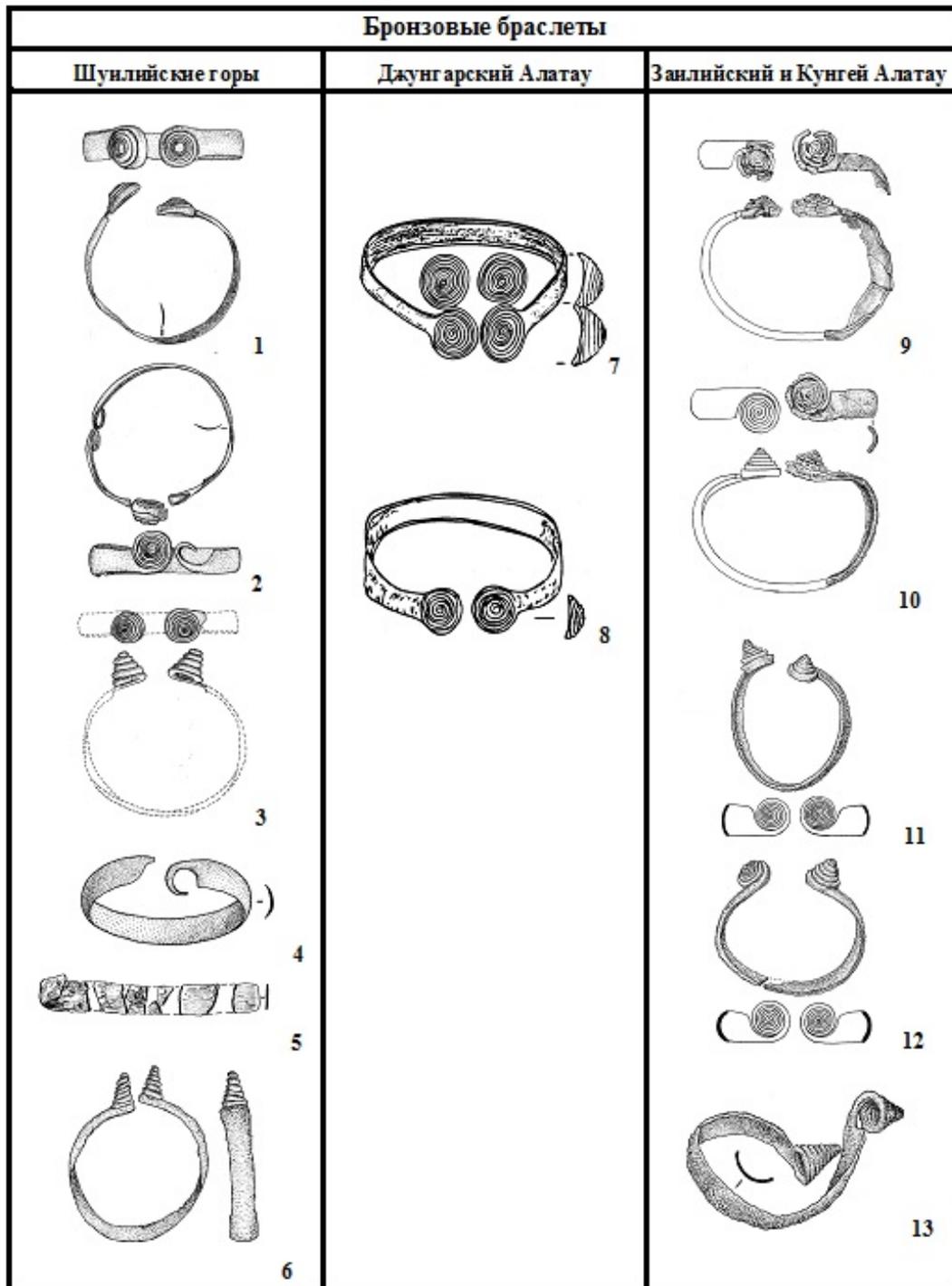


Таблица 1- Бронзовые браслеты из погребальных комплексов эпохи бронзы на территории Жетысу: 1-5 – могильники Ой-Джайляу-III, 6 – могильник Кожаболо в горах Хантау, 7 – могильник Буйен – 2, 8 – могильник Буйен-13, 9-12 – могильник Кызылбулак-I, 13 – археологический комплекс Тургенъ-II (жилище 2 эпохи бронзы)

Подобная технология изготовления присуща всем изделиям данного типа на территории Жетысу и относятся Н.А. Аванесовой к типу Б1, характерному как для алакульских, так и федоровских племен андроновской культурно-исторической общности [9, с. 68,69]. Подобные браслеты известны в материалах различных могильников Центрального Казахстана [10, с. 316, рис. 229; 11, с. 84,86], но наиболее близки они браслетам из Урала и Притоболья [12, с. 169,170; 13, рис. 88: 10,11]. Браслеты из погребальных комплексов Жетысу сочетают признаки двух типов - с высокой и низкой конусностью спирали, в том числе на одном и том же памятнике и даже в одном изделии. По мнению специалистов, плоская спираль характерна для алакульской традиции, а высокая – федоровской [12, с. 169, табл. 10Б; с. 170, 10В].

Есть определенные малозначимые различия в изготовлении браслетов из разных регионов Жетысу, которые характеризуют какие-либо локальные художественные традиции или даже манеру работы «мастера». Так, в Шуилийских горах и западной части Заилийского Алатау вместо спирали ряд браслетов заканчивается крючком (таблица 1:2,4). Один из этих браслетов не цельнокованный, а составной. Одну его часть составляет сегмент в $\frac{1}{4}$ часть браслета, который завершается с одной стороны спиралевидным окончанием, а с другой - внутренней петлей для ремennого крепления. Второй сегмент в $\frac{3}{4}$ части с сопредельной стороны также завершается петлевидным окончанием, а с другой - крючком. Подобные традиции в материалах андроновского ареала нам неизвестны. Это явление в ювелирном искусстве племен эпохи бронзы Жетысу можно объяснить бережным отношением к металлу и достаточно оригинальным решением по ремонту «дорогого» для его хозяйки предмета.

В горах Заилийского Алатау заметно преобладание браслетов с высокими волютами (таблица 1:6, 10-13), что не так выражено в других регионах Жетысу. На браслете из могильника Буйен-II в Северной Джунгарии вместо двух отмечены четыре волюты. Для их изготовления каждый из концов пластины был рассечен на двое, а образовавшиеся прутки прокованы и свернуты в спирали [5, с. 111, рис. 53:7]. Левые прутки огибали правые волюты и образовывали двойную спираль, аналогичную двойному завитку, распространенному в искусстве древних народов скифского мира (таблица 1:7). Подобного украшения браслетов с плоскими спиралевидными окончаниями в андроновском ареале неизвестны и скорее являются неординарным явлением художественного и технического решения мастера-ювелира, увеличивающий зрительно и материально статус владельца.

Наиболее представительной серией бронзовых украшений из погребальных комплексов эпохи бронзы на территории Жетысу являются серьги и подвески с раструбом (таблица 2). Часто исследователи одни и те же изделия называют и серьгами, и подвесками, что вносит определенную терминологическую путаницу. В данном случае мы придерживаемся простого критерия: украшение, продеваемое в мочку уха, относится к серьгам, все остальные, несмотря на их похожесть к подвескам [9, с.50].

К собственно серьгам можно отнести серию из могильников урочищ Тамгалы, Ой-Джайляу (таблица 2:3-6) в Шуилийских горах, могильников долины реки Коксу (таблица 2:9,10,12) в западных отрогах Джунгарского Алатау и из погребений кульсайского типа (таблица 2:13,14,16,19-21) в горной зоне Заилийского и Кунгей Алатау. Остальные, за исключением фрагментов раструбов двух серег из Тамгалы и ущелья Тургенъ (таблица 2:5,18), функциональное назначение которых не определяется, могут быть отнесены к височным подвескам. Основанием для подобного заключения является, как невозможность использовать их в качестве ушного украшения, так и фиксация при раскопках ряда таких «серег» под черепом погребенных.

Они встречаются повсеместно в захоронениях представительниц женского пола в возрасте от 5-7 до 65-70 лет (определение пола и возраста погребенных здесь и далее произведено антропологами О.И. Исмагуловым и А.О. Исмагуловой в антропологической лаборатории НАН РК). Чаще всего серьги и подвески с раструбом обнаруживаются в одном экземпляре в могилах. Однако такая ситуация не отражает реальности древнего погребального костюма и скорее является следствием «ограбления» могилы. В тех же захоронениях, где погребальные конструкции оказались не потревоженными, у каждой погребенной женщины находятся по паре подобных украшений. При захоронении детей и подростков женского пола в погребальный костюм входила только одна серьга.

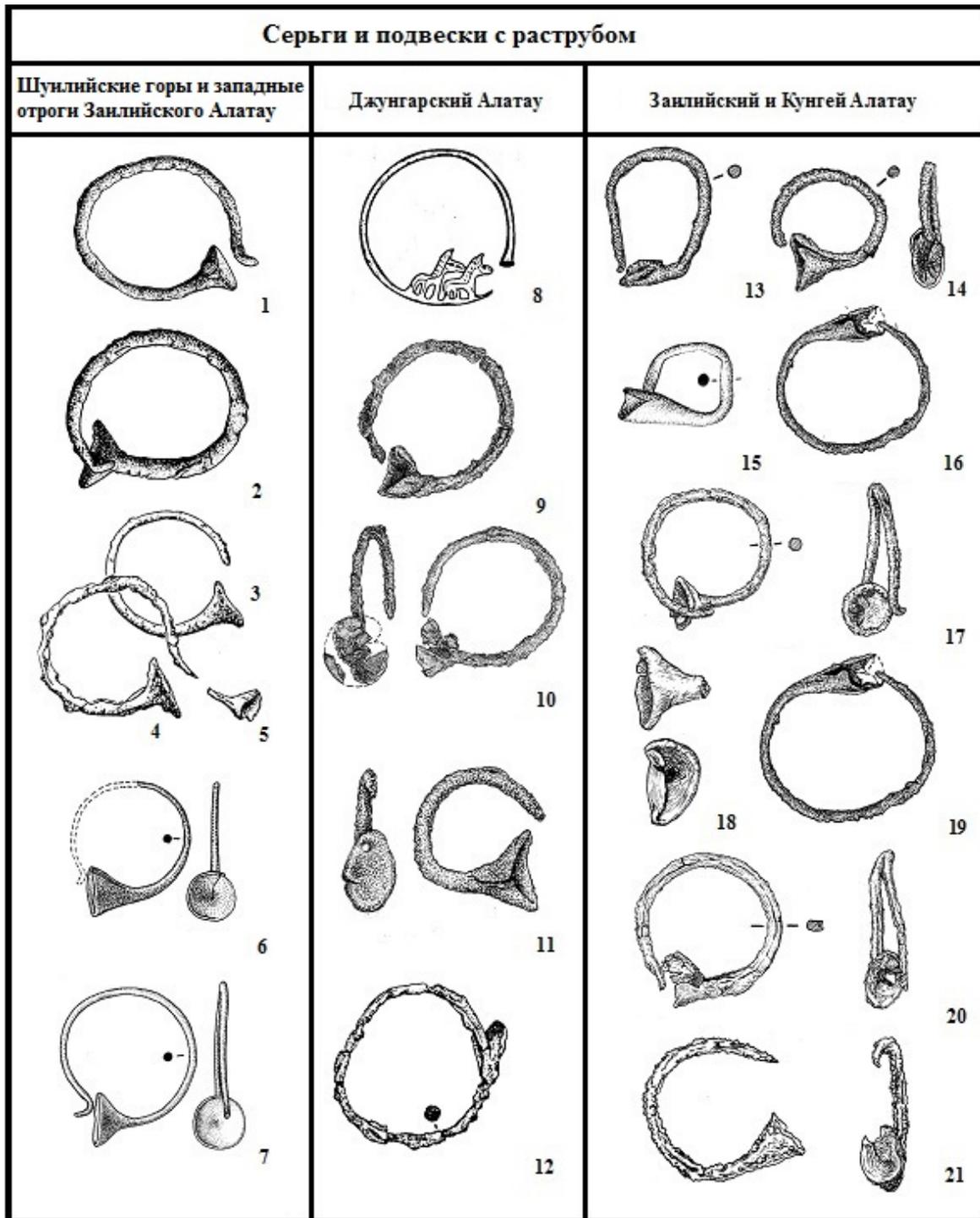


Таблица 2 - Бронзовые серьги и подвески с раструбом из погребальных комплексов эпохи бронзы на территории Жетысу: 1, 2 – могильник Каргалы-I, 3-5 – могильники урочища Тамгалы, 6, 7 – могильник Ой-Джайляу-III, 8 - могильник Мыншункур-II, 9-12 – могильник Куйган-II в долине реки Коксу, 13, 14 – могильник Узынбулак-I, 15 – могильник Кульсай-I, 16-20 – могильник Кызылбулак-I, 21 – могильник Кызылбулак-II.

По технологии изготовления серьги и подвески с раструбом делятся на литые и кованные. Оба типа изделий большинством специалистов признаются этнографической особенностью федоровских племен андроновской культурно-исторической общности [9, с.53]. Их распространение в Южном Зауралье и Центральном Казахстане связывается только с миграциями населения эпохи бронзы Алтая и Восточного Казахстана во второй половине II тысячелетия до н.э. [14, с.145].

Большинство литых изделий фиксируется в Шуилийских горах (таблица 2:3-7) и в горах Джунгарского Алатау (таблица 2:8,11). В горах Заилийского и Кунгей Алатау отмечены только две литые подвески (таблица 2:15,18). Часть из них подвергалась дополнительной проковке раструба. Серьга-подвеска из могильника Кульсай-I (таблица 2:15) изготовлена из литого остроконечного стержня в сечении круглой формы. Методомковки заготовке должна была быть придана округлая форма. Вследствие технологических просчетов «мастера» (разная толщина стержня) окружность получила неправильную форму. Острый конец касается раструба сбоку. По технологии изготовления и морфологическим признакам литые серьги и подвески относятся к типу IA1 [9, с.50-51] и получают распространение в восточных ареалах андроновской культуры.

Исключение составляет золотая серьга с узким раструбом, найденная на могильнике Мыншункур-III близ села Капал [15, с.7, 233; 5, с. 109, табл.51:4]. Это крупная серьга-подвеска с литыми фигурками двух лошадей, идущих друг за другом. Аналогов в искусстве андроновского ареала данным традициям не обнаружено. До сих пор она является первым изделием ювелирного искусства племен эпохи бронзы Центральной Азии, выполненным в зверином стиле [15, с. 8]. Ее находка, по мнению Карабаспаковой, позволяет включить Северо-Восточный регион Жетысу в ареал развития сеймино-турбинского культурного феномена [5, с.182], исходный очаг которой формировался в Алтайской горной и предгорной областях [16, с. 270].

Общими признаками для кованных изделий данного вида являются изготовление методомковки из металлического прутка, кольцевая форма изделия, наличие раструба конической формы, противоположный раструбу конец несколько заужен-заострен. Кованные серьги и подвески с раструбом пооперационно проходили следующие этапы обработки:

1. Металлическому прутку придается цилиндрическая форма.
2. Все тело заготовки вытягивается, один конец заужается и заостряется.
3. Оставшемуся утолщению на 2-ом конце придается бутанообразная форма, которая: а) расковывается и вытягивается в форме плоского листа в виде сегмента, из которого скручивается относительно продольной оси конус; б) расковывается в точке выхода продольной оси, утолщению придается коническая чашевидная форма.
4. Изгибается в виде кольца. Конец ориентируется на центр конуса.

Второй способ изготовления сложнее по технологии и требует дополнительной инструментальной оснастки. Поэтому по способам изготовления конусы из листовой пластины могли появиться несколько раньше. Расковка в точке выхода продольной оси применялась и для литых изделий данного типа. Однако на территории Жетысу преобладает листовая технология изготовления раструбов, особенно в горной зоне Заилийского и Кунгей Алатау.

Появление серег и подвесок с раструбом как по форме, так и по технологии изготовления отмечается на территории Казахстана не ранее XIV-XIII вв. до н.э. [17, с. 81] и связывается с развитием восточно-казахстанских и алтайских традиций [12, рис. 69]. Кованные серьги и подвески с раструбом большинством специалистов относятся к восточной федоровской традиции андроновской культурно-исторической общности [18, рис.1: 5-12]. По технологии изготовления и морфологическим признакам они относятся к типу IA2 [9, с. 51-52].

Однако следует отметить большое разнообразие форм серег и раструбов из материалов могильника Кызылбулак-I [19, с. 56]. Подобная многовариантность, в том числе и в размерах изделий (от 3x2 см до 5,5 см в диаметре), по мнению исследователей, фиксирует возраст и социальный статус погребенных [14, с. 145]. К примеру, стоит отметить, что в захоронениях детского и подросткового возраста обнаруживаются серьги с узкой или овально-узкой формы раструбом. В захоронениях женщин вегетативного периода широкий раструб имеет строго округлую форму, в могилах женщин старческого возраста он обычно смят, или значительно разрушен.

Кроме этого вида серег и подвесок в погребальных комплексах эпохи бронзы Жетысу встречаются самые разнообразные украшения в виде сережек со спиралевидными и призматическими окончаниями, заколок со спиралевидным навершием, кольцевидных подвесок, серьги-подвески в полтора оборота, кольца и перстни (таблица 3). Серьги со спиралевидными завитками на конце известны только в материалах могильника Тамгалы-IV (таблица 3: 1,2), датированного исследователями позднефедоровским периодом [20, с.31]. По технологии изготовления и морфологическим признакам они относятся к типу ID2 [9, с. 57,58].

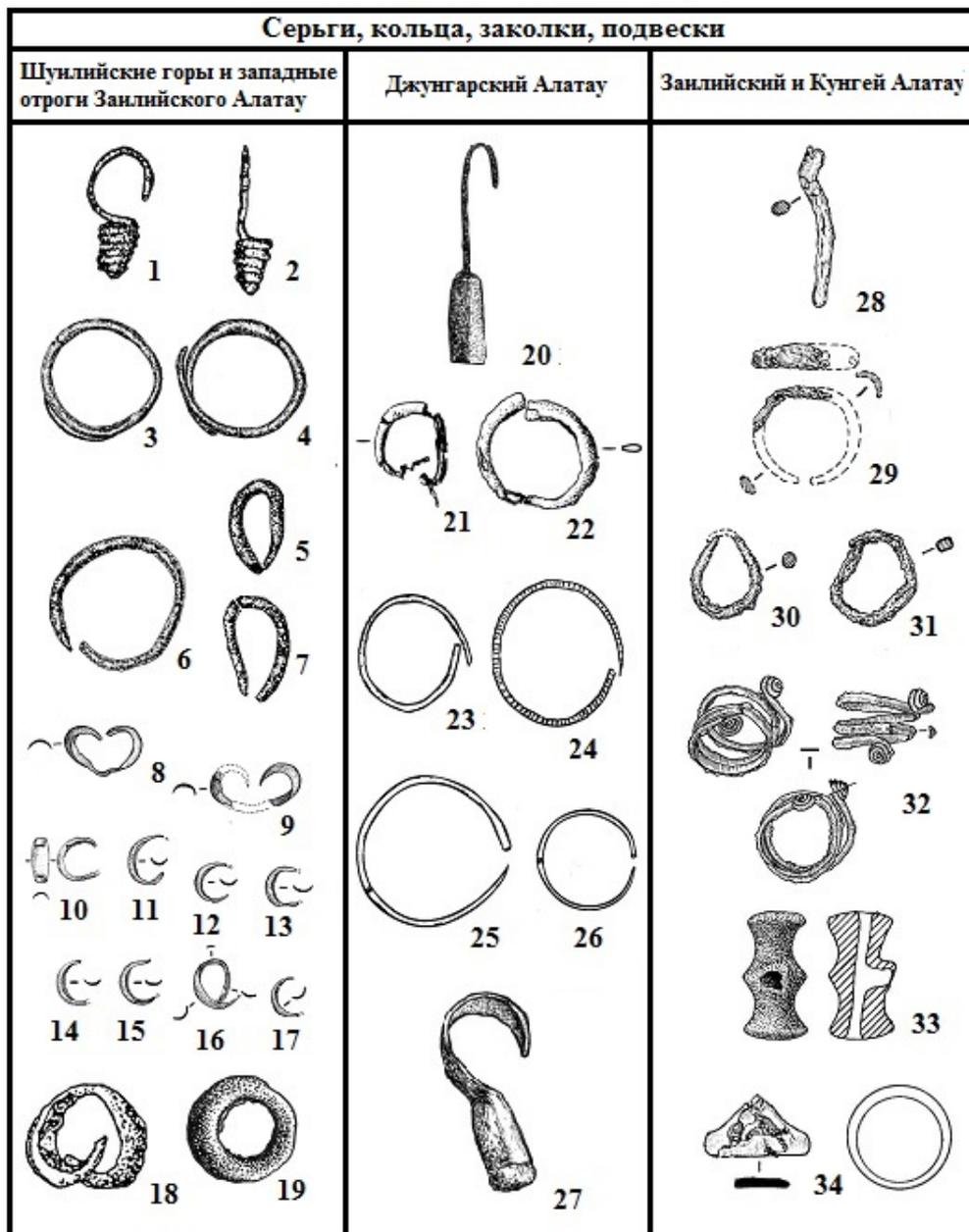


Таблица 3 - Серьги, кольца, заколки и подвески из погребальных комплексов эпохи бронзы на территории Жетысу: 1, 2, 18, 19 – могильники урочища Тамгалы, 3-7 – могильник Каргалы-I, 8-17 – могильник Ой-Джайляу-III, 20 – могильник Бигаш-II, 21, 22 – могильники Талапты-I и Пв долине реки Коксу, 23, 24 – могильник Буйен-13, 25, 26 – могильник Мыншункур-III, 27 – могильник Бигаш-III, 28-31, 34 – могильник Кызылбулак-I, 32, 33 – археологический комплекс Бутақты-I (жилище I эпохи бронзы)

Подобные серьги изготавливались из бронзовой проволоки округлой в сечении, скрученной по спирали с одного края и с округлой петелькой или прямым заостренным концом с другой. Спиралевидные завитки по форме соответствуют высоким воллотам на браслетах, характерных для федоровских комплексов Средней Азии, Центрального Казахстана и Западной Сибири [9, с. 57,58; 12, с.170, табл. 10 В: 18; 14, с.144, рис. 133:1].

Также спиралевидными завитками завершались бронзовые шпильки и заколки, найденные на территории Жетысу (таблица 3: 28). Такие заколки обнаружены в материалах могильников Кызылбулак-I [21, рис. 9: 7] и Ой-Джайляу-VII [22, рис. 7:11]. Шпилька - булавка из могильника Ой-Джайляу-VII зафиксирована фрагментарно в районе затылочной части черепа погребенной.

Она выкована из необычно тонкой проволоки (0,4 мм), ее характерной деталью являются два спиралевидных завитка на навершии (1 мм). Наиболее близкие ей аналогии известны в погребальных комплексах Северного Казахстана [14, с.158, рис. 163:1]. Подобные украшения для Центрально-Азиатского региона соотносятся Е. Е. Кузьминой с материалами андроновских украшений и датируются в пределах XV-XIII вв. до н.э. [23, с.432, рис 33: 54].

Булавка-заколка с несохранившимся спиралевидным навершием была найдена среди кальцинированных костей черепа погребенной девушки 15-16 лет. По своим морфологическим признакам она наиболее близка булавам с биспиральной головкой из среднеазиатских погребальных комплексов, где они известны еще на ранних этапах эпохи бронзы [24, с.78, табл. XVI: 27-29]. Заколка из верховьев ущелья Тургенъ имела, вероятно, один спиральный завиток и слегка изогнутую верхнюю часть, что характеризует скорее местные традиции изготовления подобных украшений.

Бронзовая серьга с крючком в форме призмы, несколько расширенной к нижней части, из могильника Бигаш-II, как и схожей формы подвеска, из могильника Бигаш-III (таблица 3: 20,27) изготовлены из тонкой бронзовой проволоки. Нижняя часть изделий была расплющена до призматической формы. Подвеска была обернута тонким листом золота, что собственно и дало возможность использовать украшение как подвеску.

А.Х. Маргулан набор подобных бронзовых и золотых украшений датирует эпохой поздней бронзы. Разнообразие форм серег и височных подвесок им объясняются тем, что литейное и ювелирное мастерство обитателей степей в этот период достигло расцвета [10, с.318-320]. Подобные бронзовые серьги были обнаружены в погребениях Еловского могильника на Алтае и датируются в пределах XII-IX вв. до н.э. [25, с. 155]. Потемкина Т.М. рассматривает их в комплексе с другими украшениями из могильника Дашти-Козы и датирует в пределах XI-X вв. до н.э. [26, с.65-66]. В то же время следует отметить, что в Центральном Казахстане украшения, близкие по типу бигашским, датируются более ранним периодом [11, с. 94, рис. 64].

Значительную серию среди металлических изделий в погребениях эпохи бронзы Жетысу составляют кольцевидные подвески. Наиболее широко они распространены в памятниках Джунгарского Алатау (таблица 3: 21-26). В погребальных комплексах других микрорайонов они зафиксированы только на могильнике Каргалы I (таблица 3: 3-7) и могильнике Кызылбулак I (таблица 3: 30,31) на северных склонах Заилийского Алатау. По морфологическим признакам они делятся на кольцевидные подвески с сомкнутыми или заходящими друг за друга концами.

Наиболее простой и широко распространенный тип таких изделий представлен в материалах могильника Каргалы I. Эти кольца-подвески изготавливались из бронзовой проволоки простым сгибанием. Подобная традиция украшений известна с наиболее ранних этапов изготовления металлических украшений еще в доандроновскую эпоху. По классификации Аванесовой они относятся к типу ПГ1 [9, с.56]. Среди наиболее близких по культурным традициям памятников каргалинские подвески с заходящимися концами схожи с аналогичными из Сухого Озера на Енисее [27, рис.46-57].

В горах Джунгарского Алатау помимо кольцевидных подвесок, изготовленных из бронзовой проволоки, встречаются еще кольца, выполненные из бронзовой пластины, свернутой в трубочку и покрывающих органическую основу. Один конец заострен и входит в коническое расширение другого (таблица 3: 21,22). Одна серьга изготовлена необычным способом, когда органическая основа была обернута золотой фольгой, поверх которой был наложен тонкий бронзовый лист.

Эти признаки дали основание Карабаспаковой К.М. отнести подобные изделия к серьгам с трубчатым основанием [5, с.108, рис. 51: 6,7], однако большинство специалистов классифицирует эту группу с кольцами-подвесками типа ПГ2 [9, с.56]. Подобные изделия характерны для петровско-алакульских погребальных комплексов Центрального и Северного Казахстана [28, рис.46: 15,16,21,27; 13, рис.46: 18,19,27]. Эти подвески являлись ушными украшениями головных уборов [9, рис.56: 2,4].

Среди головных украшений эпохи бронзы в погребениях Шуилийских гор и западных отрогов Заилийского Алатау достаточно часто встречаются (преимущественно во фрагментарном состоянии) желобчатые подвески в полтора оборота (таблица 3: 8-18). Серьги в полтора оборота изготавливались из плоской заготовки, узкой в средней части и расширяющейся к концам и к ним же плавно сужающимся до образования заостренных концов, иначе эту форму можно

охарактеризовать как двойной ивовый лист. Каждая половинка серьги имеет желобовидную форму, закрученную полумесяцем концы, которых перекрещиваются. Размеры подвесок не превышают 2см в диаметре.

Методом продавливания-утюжения специальным чеканом с округлым концом изделию придавалась желобообразная форма, и как следствие намеренно неравномерного приложения усилий возникал серповидный изгиб, т.е. срединная часть по долеой оси выдавливалась сильнее. Разница в линейных размерах, возникающая от давления-растягивания заставляла скручиваться деталь. Имеющиеся образцы не всегда хорошей сохранности, но те, что сохранили форму, показывают высокий технологический уровень работы с металлом. Это выражается и в качестве поверхности, и в обработке кромок, и симметричности изделия.

По классификации Аванесовой подобные изделия, широко распространенные в степной зоне Евразии в бронзовом веке, относятся к типу IB1 [9, с.53,54]. Такие изделия имели определенное своеобразие в каждом регионе своего распространения. На могильнике Тамгалы I желобчатая подвеска была обернута тонкой золотой фольгой [20, с.17].

В Жетысу часть подобных подвесок фиксируется в разомкнутом состоянии в виде «сердечек». Технически возможно их применение в качестве украшений в виде своеобразных клипсов. Интересно также, что такие желобчатые подвески встречаются отдельно от серег с раструбом и кольцевидных подвесок [29, 2008, с.44-59].

Оригинальная подвеска была зафиксирована при раскопках поселения Бутакты I у северных склонов Заилийского Алатау на территории города Алматы (таблица 3: 33). Бронзовая подвеска изготовлена методом литья и имеет сложную форму, размерами 3 x 1,5см. Вдоль оси обоймы имеется сквозное отверстие, диаметром 0,3см. Перпендикулярно ему в центральной части изделия имеется еще одно отверстие, диаметром 0,5см, соединенное с продольно-сквозным. Подобной формы изделия применялись в качестве наcosных украшений от эпохи бронзы до XIX века [30, рис.13,32]. Однако точных аналогов данному изделию в материалах эпохи бронзы Казахстана пока неизвестно.

На поселении Бутакты I найдено также достаточно интересное украшение кольцо-перстень со спиралевидными окончаниями (таблица 3: 32). Перстень со спиралевидными окончаниями изготовлен методомковки из расплющенной бронзовой проволоки. Кольцо имеет три оборота, диаметром 2см. С обеих сторон перстень имеет плоские спиралевидные окончания, диаметрами 0,6-0,7см. Подобной формы изделия определяются нами как перстни, хотя не исключена их интерпретация как подвески [Кузьмина, 1994, с. 432, рис 33: 42]. В материалах эпохи бронзы Жетысу данный перстень является миниатюрной аналогией браслетов со спиралевидными окончаниями алакульского типа [12, с.170, 10В; 31, fig.4.3: 4,5,11]. Характерно, что наиболее близкие аналогии перстню из Бутакты обнаружены в материалах алакульских могильников Центрального Казахстана [11, с.104, рис.76: 21] и Южного Зауралья [14, с. 152, рис. 150].

К украшениям для пальцев рук относится и категория изделий в захоронениях бронзового века Жетысу, которые именуются кольцами (таблица 3: 19, 29, 34). Практически все они зафиксированы в Шуилийских горах и горной зоне Заилийского Алатау. Изделия данного типа встречаются как литые, так и кованые. Причем технология производства кованых колец горной зоны Заилийского Алатау очень близка кольцевидным подвескам из Джунгарского Алатау, которые изготавливались из бронзовой пластины, свернутой в трубочку и покрывающую органическую основу. Одно из колец могильника Кызылбулак I поверх бронзовой пластины обертывалось еще тонкой золотой фольгой (таблица 3: 34).

По размерам (1,5-2см в диаметре) эти кольца возможно надеть исключительно на мизинец. Вероятно, поэтому в большинстве случаев такие изделия относятся к кольцевидным подвескам [9, рис.43]. Поскольку большинство подобных колец из Жетысу зафиксированы в захоронениях молодых представителей женского пола, мы не исключаем возможности их использования как украшений для пальцев рук.

Интересную серию металлических изделий из захоронений бронзового века Жетысу представляют бляшки, накладки и амулеты, которые в значительной мере являются украшениями одежды погребенных. Наибольшее количество из них относится к так называемым бляшкам. Согласно словарю В.И. Даля «бляшка – кованная или катаная пластина, металлический листок,

жестяная накладка, щиток» [32, с.100]. В словаре С.И. Ожегова это понятие определяется по функциональному назначению – «жесткая пластинка как опознавательный знак или как украшение (с выдавленным рисунком, надписью, номером)» [33, с.57].

Исходя из данных определений, к бляшкам из погребений эпохи бронзы относится вся серия нашивных пластин из бронзы. Среди них специалистами различаются бронзовые диски-зеркала, детали наконечников украшений (листовидные пластины и обоймы), бляшки-подвески или накладки и амулеты из клыков хищников или отростков рогов марала, «пуговицы» и обычные плоские и выпуклые бляшки (таблица 4).

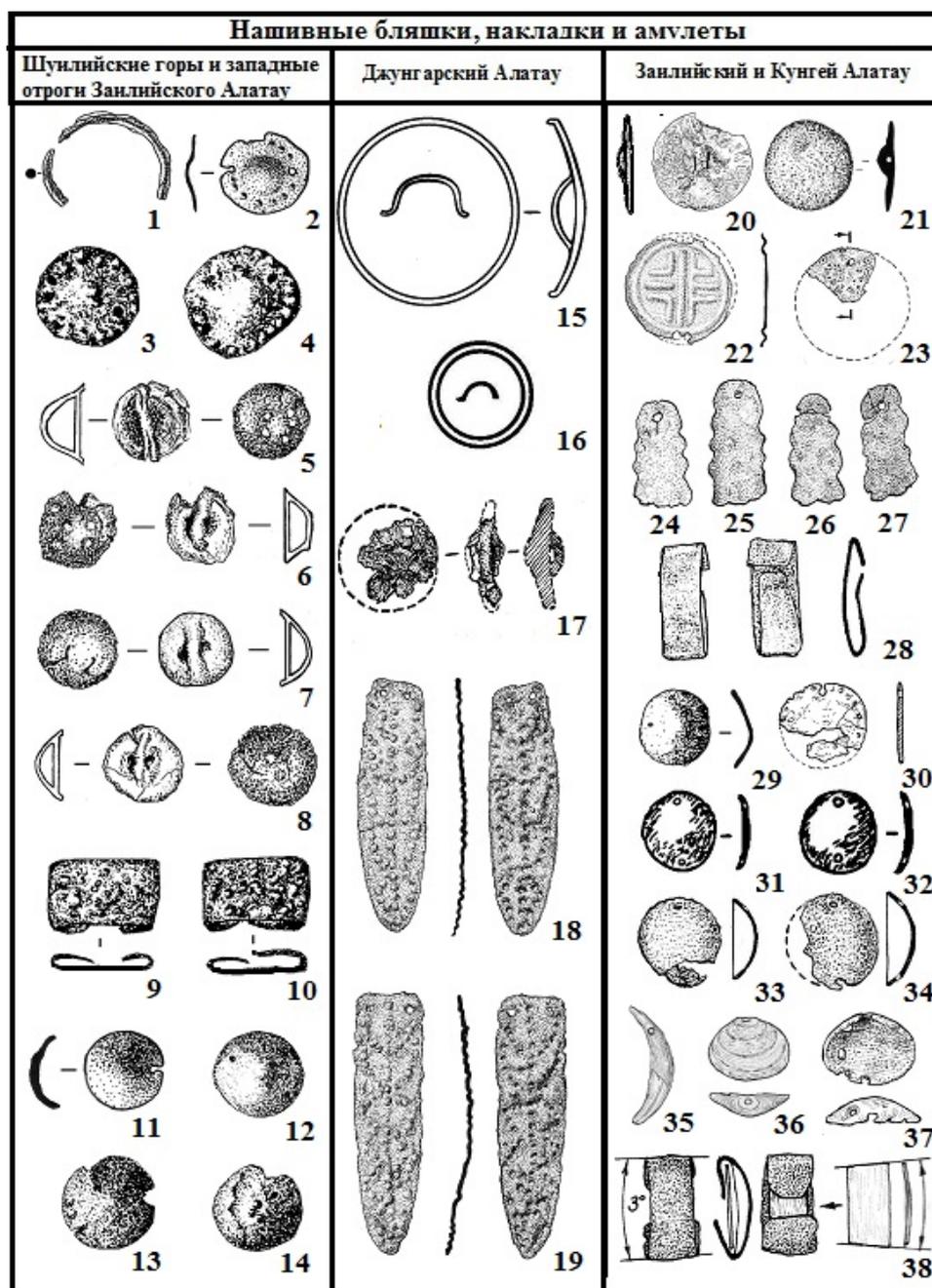


Таблица 4 - Нашивные бляшки и накладки из погребальных комплексов эпохи бронзы на территории Жетысу: 1, 2 - могильники урочища Тамгалы, 3, 4, 13, 14 - могильник Каргалы-I, 5-8 - могильник Ой-Джайляу-VII, 9-12 - могильник Ой-Джайляу-III, 15 - могильник Саганды, 16 - могильник Теренозек, 17-19 - могильник Куйган-II, 20 - могильник Кызылбулак-II, 21 - могильник Кульсай-I, 22, 24-30, 33, 34 - могильник Кызылбулак-I (бронза), 35 - могильник Кызылбулак-I (клык), 36-38 - могильник Кызылбулак-I (ракушечник), 23 - поселение Асы-I, 31, 32 - могильник Айдахар

Бронзовые диски-зеркала на территории Жетысу зафиксированы в памятниках у северных склонов Джунгарского, Заилийского и Кунгей Алатау (таблица 4: 15,20,21). Они представляют собой бронзовые диски правильной формы, диаметрами 5-6 см. Лицевая сторона гладкая слегка или вогнутая до полусферической формы, в середине небольшая вдавленность. На обратной стороне имеется ушко из одной массы материала с изделием для крепления. Толщина диска в срединной части до 3,5 мм. К краям толщина металла уменьшается равномерно. На полусферической бляшке-зеркальце (таблица 4: 15) из могильника Саганды края имеют небольшие закраины (до 3 мм).

Диски выполнены методомковки, их толщина позволяет предположить и использование метода литья, но в пользу первого свидетельствует углубление в центре лицевой стороны и следы инструмента на обратной, оставленной инструментом при пробивке инструментом отверстия в ушке. Учитывая данные особенности и формы можно установить следующую технологическую цепочку. После того, как заготовке была придана форма диска, изделие разместили на «наковальне» с углублениями. Удар молотка в центр выдавил материал в углубление, создав основу для ушка. С обратной стороны бляшки-зеркала под основание ушка двумя встречными ударами рубящего инструмента было пробито отверстие. Дополнительными операциями форма отверстия была улучшена.

Е.Е. Кузьмина относит подобные изделия к зеркалам с ручкой-петелькой к типу Па и соотносит их с алакульско-федоровскими погребальными комплексами Южного Зауралья, Казахстана и Алтая [24, с. 68]. Однако анализируемые ею изделия были больших размеров (9-12 см). Н.А. Аванесова более близкие, но меньшие по размерам изделия, относит к выпуклым бляшкам с петелькой из серии нагрудных украшений [9, рис. 49]. Наиболее сопоставимы подобные бляшки-зеркальца с нагрудными бляшками-подвесками из Жетысу и основных ареалов развития андроновской культурно-исторической общности.

В частности, в верховьях ущелья Тургень и на плато Асы найдены две такие бляшки-подвески (таблица 4: 22,23). Бляшка-подвеска из погребения 38 могильника Кызылбулак I изготовлена из тонкого бронзового листа округлой формы, диаметром 4,2 см, с чеканкой крупным округлым бойком (таблица 4: 22). Изделие орнаментировано солярными символами, выступающими над поверхностью бляшки на 1-2 мм. Так по окружности бляшки обозначен круг, диаметром 3,3 см и шириной 0,3 см. Внутри круга крестообразный орнамент из двух групп перпендикулярных друг другу линий. В каждой группе по 3 линии, длиной 3 см и шириной 0,3 см. Внешние линии соединяются с перпендикулярными, образуя уголки. Центральные обозначены как пересекающиеся. Общий вид орнамента относится по типологии к круговой свастике.

Бляшка из жилища I поселения Асы I представлена небольшим фрагментом (таблица 4: 23). Бляшка была округлой формы, диаметром около 4см, была украшена геометрическим солярным орнаментом, выполненным чеканкой. Орнамент представлял собой круг точек, с внешней стороны которого вычеканены семью-восемью точками круги, диаметром 0,5-0,7см. Подобные изделия относятся Н. А. Аванесовой к типу ПА2Г округлых бляшек с равносторонним солярным или крестообразным орнаментом, характерным для памятников алакульского круга [9, с.63, рис.50a]. Такие бляшки встречаются в материалах Центрального и Северного Казахстана и относятся специалистами к группе челюстно-лицевой и нагрудной подвесок [14, с.44-45, рис. 74-76; с. 92-93; 34, с.74, рис.51; 9, рис.58:5].

Наиболее распространенной формой нашивных бляшек является серия небольших сферических и крупнее с надрезанными краями изделий (таблица 4: 2-4, 11-14, 29-34). Они зафиксированы преимущественно в памятниках предгорной и горной зоны к югу от реки Или – в Шуилийских горах и на северных склонах Заилийского и Кунгей Алатау. Технология изготовления небольших бляшек одина для всего набора. Круглые пластинки 0,6-0,7мм толщины продавливались чеканом с округлым рабочим концом (бобошник) на каком-либо упругом, но плотном материале (кожа, мягкая древесина). С двух сторон в каждой бляшке пробиты сквозные отверстия для пришивания.

Выделяется одно изделие из урочища Тамгалы, где выпуклая часть вполовину меньше общего диаметра бляшки и имеет пуансонный орнамент по периметру. Таким же орнаментом украшены выпуклые нашивные бляшки из могильника Каргалы I (таблица 4: 3,4) и одна плоская бляшка из могильника Кызылбулак I (таблица 4: 30).

На бляшках из погребения 38 могильник Кызылбулак I (таблица 4: 29-34) радиус округления поверхности на отдельно взятой бляшке неравномерен, что исключает использование единой матрицы и бойка, но предполагает, что радиус рабочей части чекана значительно меньше радиуса любой из восьми бляшек. И ближе всего он к радиусу самой маленькой из блях. Сохранившиеся части бляшек имеют по 1-2 отверстия правильной (или близкой к тому) форме для крепления. На бляшках крупнее и отверстия более крупные – 1,1 мм, на самой маленькой – 0,7мм. Края отверстий заметно приподняты наружу. Это значит, что отверстия продавливались пробойником из твердого материала изнутри. Диаметры бляшек и высоты выпуклости по мере убывания: 17 и 4,5 мм, 16 и 5 мм, 14 и 4,6 мм, 13,5 и 4,4 мм, 13 и 4,3 мм, 12,5 и 3,2 мм, приблизительно 11 и 3 мм (по фрагменту), 10 и 3,4 мм. Края бляшек не лежат в одной плоскости и окружность по контуру не идеальная, присутствует некоторая овальность. Это указывает на низкий технический уровень обработки и отделки изделий, а с ними и уровень возможностей мастера. Вместе с большой округлой бляшкой (таблица 4: 22) они создавали определенный ансамбль в одежде погребенной в данной могиле женщины. Варианты выпуклых нашивных бляшек из могильника Кызылбулак I наиболее характерны для аналогичных изделий федоровской культурной традиции [9, рис.49: 1,4].

Интересно, что серия бронзовых выпуклых бляшек по своей форме идентична нашивным накладкам, изготовленным из раковин моллюсков (таблица 4: 36-37). Подобная традиция украшений характерна для культур среднего и позднего бронзового века Центрального Казахстана [28, табл.XLI: 2; 11, рис.42: 1; рис. 50: 4; рис. 76: 18]. Между тем (речные) ракушки - один из древнейших видов природных украшений, использовавшихся людьми в своей истории. Вероятно, выпуклые бронзовые бляшки являются своеобразной калькой в металле данного вида украшений.

Другая серия выпуклых бляшек с петелькой вместо отверстий представлена в основном в материалах захоронений Шуилийских гор и хребта Джунгарский Алатау (таблица 4: 5-8,16,17). Характер крепления и ситуация, в которой была зафиксирована серия из 10 таких бляшек из могильника Ой-Джайлю VII, позволяет предположить их использование на одежде в качестве пуговиц или деталей накосных украшений по аналогиям в материалах Центрального и Северного Казахстана [30, рис. 17: 7, 13].

Пуговицы сферической выпукло-вогнутой куполообразной формы. Некоторые относительно правильной формы, остальные слегка эллиптические. Несколько пуговиц обладают правильной сферичностью, но подавляющая часть имеет выпуклость двоякой сферичности, что придает им форму шляпки гриба, с отогнутыми краями. Диаметрально противоположные края пуговиц изнутри соединены перемычкой в форме прямого прутка, различной плоскости сечения, расположенного внутри полости пуговицы параллельно внешнему краю, но у различных пуговиц, независимо от их размера и диаметра, на различной глубине.

Характер сохранности материала, форма пуговиц, их вес позволяют судить о том, что все они выполнены по единому технологическому принципу. Форма и вес изделий говорят о том, что они изготовлены не из листового металла, а значит, что это не чеканка. Предположительно пуговицы выполнены методом литья по выплавляемой модели. Уверенность в этом вопросе могла бы придать только чистая форма изделия, не обезображенная коррозией, т.к. коррозия скрывает следы обработки и технологических приемов.

Разница в размере, форме и весе пуговиц, размере, форме и глубине установки перемычек, степени сглаженности концов их в месте стыка с купольной формой пуговицы, означает то, что пуговицы были изготовлены либо разными мастерами, либо одним человеком, не особо обеспокоенном совершенством изделий. Первая версия вероятнее, и набор пуговиц, очевидно, был собран не в раз. Материалом, из которого изготавливаются выплавляемые модели, с незапамятных времен служит воск. Наличие воска в хозяйственной культуре говорит о том, что люди данного времени либо занимались медосбором, либо пчеловодством. Несовершенство форм изделий указывает на применение способа ручной лепки модели.

Современные пуговицы пришивают к одежде посредством иголки и нитки. Расположение перемычек в сферических пуговицах не оставляет для предположения иного способа крепления, чем привязывание к одежде кожаным шнурком-ремешком. Н.А. Аванесова подобные изделия относит к выпуклым бляшкам с петелькой из серии нагрудных украшений, связанных с развитием

федоровской культуры [9, рис. 49]. Е.Е. Кузьмина относит их ко II типу выпуклых литых бляшек, более характерных для карасукской культуры или синхронных им культур позднебронзового века Центральной и Средней Азии. Однако материалы могильника Ой-Джайляу VII позволяют отнести данный памятник к андроновскому периоду бронзового века [22, с.191-202].

Плоские фигурные нашивные бляшки на территории Жетысу были зафиксированы только в материалах погребения 38 могильника Кызылбулак I в верховьях ущелья Тургень (таблица 4: 24-27). Эти украшения изготовлены из тонкого бронзового листа и, вероятно, отделены от него волнообразным штампом. К такой идее подвигает определенный алгоритм волнообразного изгиба края изделия. В верхней части каждой бляшки сделано тонкое отверстие для пришивания к одежде. Подобные бляшки принято именовать лапчатыми подвесками [9, рис. 48]. Они широко известны в андроновских культурах Южного, Центрального и Северного Казахстана [5, с. 170, табл. 61: 4; 28, табл. XII: 2; 34, с. 198, рис. 9: 14-17]. Э.Р. Усманова относит их к категории лапчатых подвесок с зубчатыми краями, которые являлись характерным украшением обуви у племен федоровской культурной традиции [14, с.156-157, рис.160], что соответствует их позиции в материалах могильника Кызылбулак I.

К плоским нашивным бляшкам относятся наконечники из могильника Куйган II в долине реки Коксу (таблица 4: 18,19). Два листовидных пластинчатых наконечника 78-80мм, ширина обоих наконечников 22мм в самой широкой части (третий найден во фрагментарном состоянии). Оба наконечника плавно по дуге сужаются к окончанию. Края верхней части наконечников почти или перпендикулярны продольной оси, в них пробиты по одному отверстию по 1-2,5 мм. Отверстия не однородны по форме и размеру, что исключает операцию сверления. Вероятней всего, отверстия были пробиты бронзовым или каменным орудием-пробойником. Поверхность изделий декорирована чеканным рисунком точечного характера. Ряд выпуклостей небольшого размера оставлен инструментом, аналогичным современному пуансону и предназначен для выбивки выпуклых точек.

Рисунок на обоих наконечниках не идентичен, но схож по схеме и содержанию. Он представляет собой «древовидный» орнамент, где в нижней части ромбовидно обозначена «корневая система». Ряд точек вдоль Центральной оси символизирует «ствол», который пересекается четырьмя дугообразными линиями, обращенными концами вверх – «ветви». При своем большом сходстве эти наконечники не одинаковы ни в размерах, ни в форме. Это позволяет утверждать, что при производстве данных изделий не использовался шаблон.

Аналоги по форме подобным изделиям были изучены в центрально- и северо-казахстанских могильниках Бестамак, Лисаковский, Бозенген, Токанай-I, Шондыкорасы-I [30, с.30-33, где они вписываются в период от синташтинско-петровского (XVIII-XVI вв. до н.э.) до алакульского времени (XV-XIV вв. до н.э.). Наконечники с пунсонным орнаментом известны в алакульско-федоровских материалах Восточного и Центрального Казахстана [9, рис. 49].

Однако в других памятниках на подвесках-наконечниках отсутствует древовидный орнамент, выполненный чеканкой. Мы предполагаем, что данное украшение наконечницы относится к местным культурным традициям, тем более что подобный знаковый символ характерен при изображении рогов оленей как в петроглифах Ешкиольмес, расположенного рядом, так и в рисунках урочища Тамгалы [35, рис. 28, 46, 195, 237, 238].

К числу наконечных украшений бронзового века относится и серия обойм, чаще всего фиксируемая в Жетысу в полуразрушенном состоянии. Они известны по всей территории региона, но сохранились в материалах преимущественно не разграбленных погребальных комплексов (таблица 4: 9,10,28, 38). Массивные подвески зафиксированы в изголовье погребенных и являются различными деталями украшения головных и наконечных украшений.

Обоймы прямоугольной формы изготовлены из тонкого бронзового листа длиной около 4см и шириной до 1см. Внешняя поверхность украшения представляет собой прямоугольную пластину длиной 1,7-2,2см и шириной 0,8-1см. По внутренней стороне края бронзового изделия сводились друг с другом. В погребении 38 могильника Кызылбулак I было обнаружено около 15 подобных украшений (таблица 4: 38). Они представляли собой слегка выпуклые пластины прямоугольной формы, длиной по внешней стороне 2-2,5 см и шириной 0,8-1,6 см. С внутренней стороны края

пластин заужены. Изнутри в каждой обойме вставлены тонкие деревянные пластины, которые закреплялись за счет загиба внутренних краев металлической пластины.

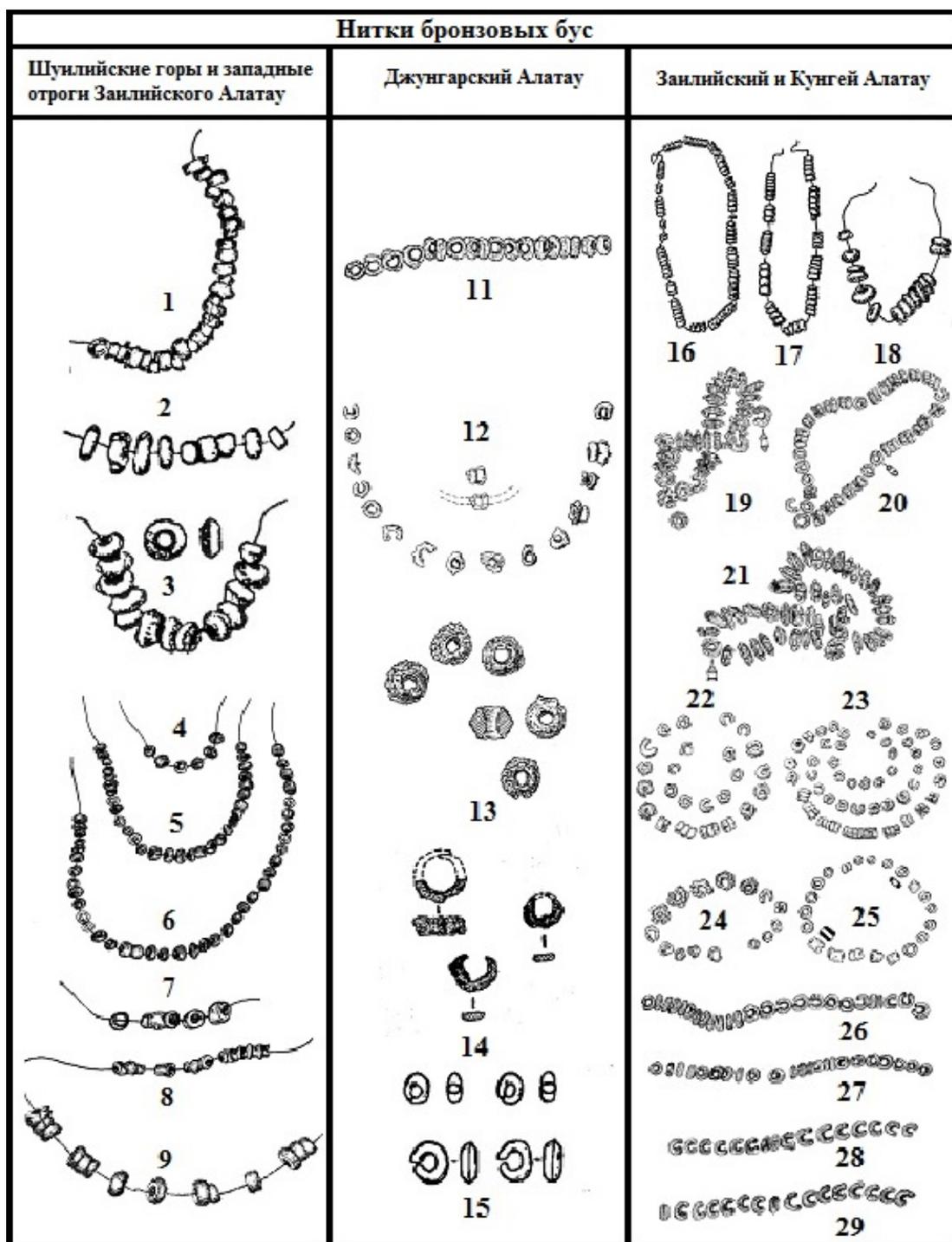


Таблица 5 - Бронзовые бусы из погребальных комплексов эпохи бронзы на территории Жетысу: 1-3 -могильники урочища Тамгалы, 4-8 - могильник Ой-Джайляу-III, 9 - могильник Каргалы-I, 11-14 - могильник Куйган-II, 15 - могильник Мыншункур-III, 16-18 – могильник Айдахар, 19-29 – могильник Кызылбулак-I

По своим формам они похожи на бронзовые обоймы андроновского периода Центрального Казахстана [28, с. 272, табл. LV: 1-6], которые встречаются с петровского и алакульского этапов [14, с. 159, рис.165]. Столь крупные формы таких изделий известны нам в материалах могильников андроновского и позднебронзового периодов Жетысу [19, с.110-112].

Наиболее массовым и распространенным металлическим изделием, встречаемым в почти половине всех исследованных в регионе погребений эпохи бронзы, являются бронзовые бусы биконической и прямоугольной форм в сечении (таблица 5). Они изготавливались из бронзовой проволоки соответствующего сечения и являлись важным элементом декора одежды племен эпохи бронзы Центральной и Средней Азии [9, рис. 61]. В реконструкциях древнего костюма андроновского времени Казахстана бусинами обшивались по периметру края рукавов, платья и обуви. Однако в материалах Жетысу при раскопках бусины фиксировались в районе грудной клетки (таблица 5: 5, 6, 22, 23). К сожалению, в силу особенностей местонахождения материала обнаружение их в целостной композиции возможно фрагментарно, а детальная фиксация узоров затруднительна. Вероятней всего, создавали на одежде геометрические узоры, чаще округлой или спиралевидной формы.

Еще один способ применения бронзовых бус был зафиксирован на могильнике Кызылбулак I при изучения парного захоронения в ограде 2. Поскольку в обе могилы умершие были помещены в кремированном состоянии, бусы находились у стенок могил в виде ниток (таблица 5: 19-21). Нитки бронзовых и пастовых бус, которые не использовались в качестве украшения одежды, зафиксированы в могильнике Лисаковский [14, с. 127]. Бусины были нанизаны на кожаный шнурок, диаметром около 2мм. Вероятно, эти нитки бус использовались как украшения запястий рук или как четки.

Достаточно редким видом бронзовых изделий в погребальных комплексах эпохи бронзы Жетысу являются элементы оружия и бытовые инструменты. Из предметов вооружения в погребениях обнаружен только один фрагмент наконечника стрелы (таблица 6: 1) в материалах могильника Кожабала в горах Хантау [36, рис.10]. Бронзовый наконечник стрелы был литой, втульчатый листовидной формы. Скругленные края обломка дают основание предположить, что изделие имело утилитарное назначение в качестве двухсторонней бритвы со втулкой.

Схожий по форме и технологическим приемам наконечник стрелы найден на поселении Асы I (таблица 6: 5). Этот наконечник стрелы относится к типу литых двухлопастных втульчатых листовидной формы. Наконечник массивный с длинной выступающей втулкой и полуовальной ударной частью. Общая длина изделия - 4 см, пера - 2 см. Определенные аналогии этим изделиям можно найти в материалах поселения Атасу-I [11, с. 180-181]. Комплексы с бронзовыми наконечниками подобных листовидных форм для степных районов относятся к XIV-XII вв. и XII-VIII вв. до н.э. [9, табл. 39]. Их прародину Н.А. Аванесова локализует в восточной части степной Евразии, на территории распространения андроновских племен [9, с. 44-45].

Достаточно редкой находкой на территории Жетысу можно назвать пластинчатую бронзовую бритву из могильника Тамгалы VI (таблица 6: 2). Бритва имеет несколько ассиметричную форму лезвия с двухсторонней заточкой, один конец изделия затуплен, другой представляет собой черешок для крепления к ручке. Наиболее близкие аналогии бритве находятся в материалах Южного Зауралья и Северного Казахстана и относятся к типу Па группы режущих инструментов эпохи бронзы [9, с.30, рис. 35: 1-7]. Подобные изделия достаточно надежно датируются исследователями серединой II тыс. до н.э. [20, с. 40].

Чаще в погребальных комплексах эпохи бронзы Жетысу встречаются иглы, шилья и проколки, основная серия которых представлена в материалах из Джунгарского, Заилийского и Кунгей Алатау (таблица 6: 3, 4, 6-13). Единственное двухстороннее шило было найдено в погребениях могильника Жыланды I в Северной Джунгарии (таблица 6: 3). Оно изготовлено из толстого четырехгранного прута длиной 6,3 см, толщиной 0,7 см. К обоим краям заточено. В материалах могильников эпохи бронзы Казахстана практически не встречался. Но известны похожие инструменты среди бронзовых изделий поселения Мыржик в Центральном Казахстане [11, с.57, рис. 29: 9]. В культурах Средней Азии древнейшие орудия этого типа появились в Туркмении еще с энеолитических времен и относятся Е.Е. Кузьминой к типу II [24, с. 62, 141, табл. XII: 59,68,76].

Определенный интерес представляет и схожее по типу и форме двухстороннее шило из позднебронзового могильника Талапты II в долине реки Коксу (таблица 6: 4). Оно было зафиксировано на костях пальцев левой руки женщины среднего возраста. Этот факт дает основание предположить, что подобные изделия помещались в могилу преднамеренно, возможно,

с целью подчеркнуть особые умения мастериц шитья одежды и ткачества. Подобным же набором из одностороннего шила-проколки и иглы были отмечены захоронения на могильниках Кульсай I (таблица 6: 6,7) и Кызылбулак II (таблица 6: 8,9). Но наиболее хорошо весь спектр данных инструментов представлен в материалах поселения андроновского времени Бутакты I у северных склонов Заилийского Алатау (таблица 6: 10-13).

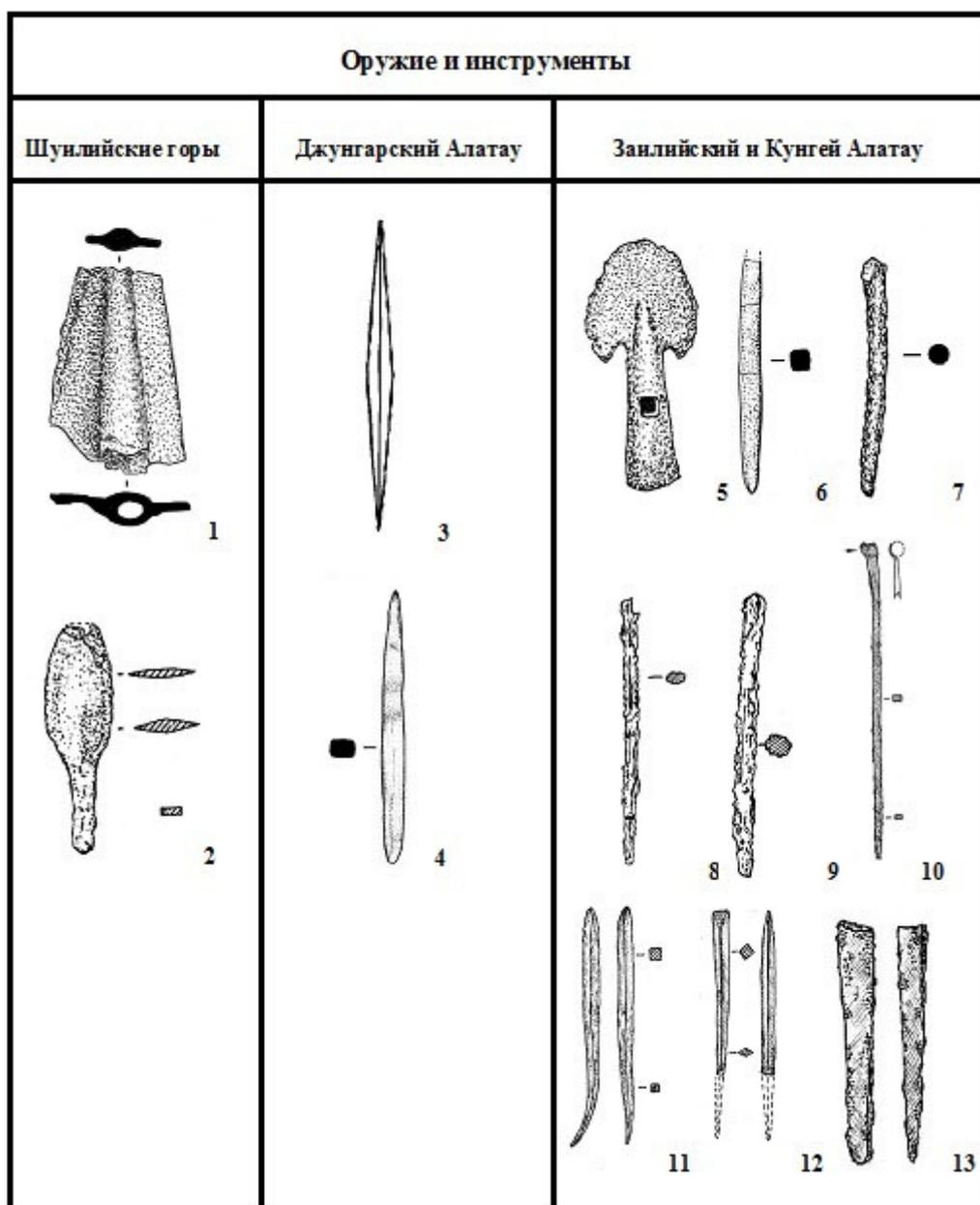


Таблица 6 - Бронзовое оружие и инструменты из поселений и погребений эпохи бронзы на территории Жетысу: 1 – могильник Кожабола, 2 – могильники урочища Тамгалы, 3 – могильник Жыланды-I, 4 – могильник Талапты-II, 5, 7 – поселение Асы-I, 6 - могильник Кульсай-I, 8, 9 - могильник Кызылбулак-II, 10-13 – поселение эпохи бронзы археологического комплекса Бутакты-I

Типология данных инструментов затруднительна в силу того, что большинство авторов исследований из-за схожести форм нередко пренебрегают их анализом. Данную категорию изделий эпохи бронзы Жетысу можно разделить шилья (проколки) и иглы. Отличием иглы от шила является более тонкий диаметр прута, округлая в сечении форма и наличие ушка с одной стороны, которое редко сохраняется (таблица 6: 7, 8, 10).

Шилья различаются между собой по функциональным признакам на двухсторонние и односторонние, по типу на четырехгранные и трехгранные. Данные различия скорее отражают различия в практике их применения, чем в культурных параметрах. В частности, одно из шильев из поселения Бутакты I имело загнутый рабочий край, что подтверждает его преимущественное применение в кожевнном ремесле. Фиксация подобных изделий, как в памятниках андроновского времени, так и периода общности культур валиковой керамики позволяет сделать вывод, что они являлись основными инструментами кожевнного ремесла, ткачества и изготовления одежды в это время.

Анализ металлических изделий из погребений эпохи бронзы на территории Жетысу дает возможность подтвердить, что в регионе существовал свой собственный очаг металлопроизводства [5, с. 171]. Типолого-морфологический анализ бронзовых изделий и их технологические характеристики свидетельствуют о высоком уровне металлообработки в целом и ювелирного искусства в частности для своего времени. Вместе с данными покладам позднебронзового века можно заключить, что в эпоху бронзы на территории Жетысу происходит специализация мастеров кузнечного ремесла на отдельных видах производств [6, с. 46].

Типология бронзовых украшений показывает, что в юго-западных регионах Жетысу преобладают традиции характерные для смешанных алакульско-федоровских племен андроновской культурно-исторической общности с доминантой центрально-казахстанских культурных влияний. В тоже время в горной зоне Джунгарского, Заилийского и Кунгей Алатау преобладают в большей степени культурные традиции федоровских племен Восточного Казахстана и Алтая. Вместе с данными о происхождении отдельных видов изделий из ранних среднеазиатских культур можно сделать вывод, что регион Жетысу являлся зоной интенсивных контактов древних культур Центральной Азии.

Археологические исследования по данной проблеме были произведены при поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан по программе грантового финансирования научных исследований на 2015-2017 годы; по приоритету: Интеллектуальный потенциал страны; по теме: «Генезис древних поселений Северного Притяньшанья».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Итоги изучения памятников эпохи бронзы Жетысу // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991-2011). - Алматы, 2011. - С.313-337.
- [2] Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Вопросы типологии и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья // Российская археология. - № 1. - 1993. - С.5-20.
- [3] Kuz'mina E.E. CHARTER III. Historical Perspectives on the Andronovo and Early Metal Use in Eastern Asia //Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River/ Edited by Katheryn M. Linduff. - The Edwin Mellen Press. Lewiston. - New York, USA. 2004. - PP.37-84.
- [4] Джумабекова Г.С. Клады металлических изделий как исторический источник (конец II-I тыс. до н.э.). - Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. - Алматы, 2008.
- [5] Карабаспакова К.М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. - Алматы, 2011.
- [6] Сараев В.В., Горячев А.А. Шамсунский клад эпохи поздней бронзы у северных склонов Заилийского Алатау // Известия НАН РК. Серия общественных наук. - Алматы, 2011. - № 3. - С.37-47.
- [7] Горячев А.А., Чернов М.А. Орудия кожевнного ремесла и ткачества из археологического комплекса Тургенъ-II // История и археология Семиречья. - Вып.3. - Алматы, 2007. - С.106-119.
- [8] Берденов С.А. Казахстанская горно-металлургическая область // Вопросы археологии Казахстана. - Алматы – М., 1998. – Вып. 2. - С.180-191.
- [9] Аванесова Н.А., 1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). - Ташкент, 1991.
- [10] Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата, 1979.
- [11] Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. - Алма-Ата, 1992.
- [12] Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. - Свердловск, 1988.
- [13] Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. - М., 1985.
- [14] Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. - Лисаковск, 2010.
- [15] Акишев К.А. Происхождение "звериного" стиля в изобразительном искусстве саков // Маргулановские чтения (сборник материалов конференции). 1990. - М, 1992. - С.4-9.
- [16] Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. - М, 1989.

- [17] Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Серьги андроновской культуры (проблема датировки) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края (Материалы научно-практической конференции). - Барнаул, 1996.
- [18] Аванесова Н.А. Серьги и височные подвески андроновской культуры // Первобытная археология Сибири. - Л., 1975. - С. 5-12.
- [19] Горячев А.А. К вопросу о традициях погребальной обрядности в эпоху бронзы в верховьях ущелья Тургеня // История и археология Семиречья. - Вып.4. - Алматы, 2011. - С. 103-118.
- [20] Рогожинский А.Е. Могильники эпохи бронзы урочища Тамгалы // История и археология Семиречья. - Алматы, 1999. - С.7-43.
- [21] Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Памятники кульсайского типа эпохи поздней и финальной бронзы Семиречья // История и археология Семиречья. - Алматы, 1999. - С.44-56.
- [22] Горячев А. А. Новые материалы по погребальной обрядности эпохи бронзы из могильника Ой-Джайляу-VII в горах Киндыктас // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия историческая. - Алматы, 2010. - С. 191-202.
- [23] Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. - М., 1994.
- [24] Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. - М., 1966.
- [25] Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. - М., 1984.
- [26] Потемкина Т.М. Украшения из могильника Дашти-Козы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. - №3. - Тюмень, 2001. - С. 62-72.
- [27] Максименков А.Г. Андроновская культура на Енисее. - Л., 1979.
- [28] Маргулан А.Х., Акишев А.К., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата, 1966.
- [29] Горячев А. А. О погребальных традициях племен поздней бронзы урочища Ой-Джайляу в Чуилийских горах // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. - Барнаул, 2008. - Вып. II. - С. 44-59.
- [30] Усманова Э.Р., Логвин В.Н. Женские наконечники украшений Казахстана: (эпоха бронзы). - Лисаковск, 1998.
- [31] Goryachev A.A. CHARTER IV. The Bronze Age Archaeological Memorials in Semirechie // Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River/Edited by Katheryn M. Linduff. - The Edwin Mellen Press. Lewiston, New York, USA. 2004. - PP. 109-138.
- [32] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. - Том I. - А-З. - М., 1981.
- [33] Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М., 1990.
- [34] Куприянова Е.В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как текст»: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). - Челябинск, 2008.
- [35] Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. - Издание второе. - Алматы, 2002.
- [36] Горячев А.А. О погребальных традициях племен эпохи бронзы Шуилийских гор // Известия НАН РК / Серия общественных и гуманитарных наук. - 2013. - № 3 (289). - С. 3-28.

REFERENCES

- [1] Mar'jashev A.N., Gorjachev A.A. Itogi izuchenija pamjatnikov jepohi bronzy Zhetysu// Svideteli tysjacheletij: arheologicheskaja nauka Kazahstana za 20 let (1991-2011).- Алматы, **2011**. p.313-337.
- [2] Mar'jashev A.N., Gorjachev A.A. Voprosy tipologii i hronologii pamjatnikov jepohi bronzy Semirech'ja // Rossijskaja arheologija. № 1. **1993**. p.5-20.
- [3] Kuz'mina E.E. CHARTER III. Historical Perspectives on the Andronovo and Early Metal Use in Eastern Asia //Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River/ Edited by Katheryn M. Linduff. The Edwin Mellen Press. Lewiston, New York, USA. **2004**. p.37-84.
- [4] Dzhumabekova G.S. Klady metallicheskih izdelij kak istoricheskij istochnik (konec II-I tys. do n.e.). Avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskix nauk. Алматы, **2008**.
- [5] Karabaspakova K.M. Zhetysu i Juzhnyj Kazahstan v jepohu bronzy. Алматы, **2011**.
- [6] Saraev V.V., Gorjachev A.A. Shamsunskij klad jepohi pozdnej bronzy u severnyh sklonov Zailijskogo Alatau // Izvestija NAN RK. Serija obshhestvennyh nauk. Алматы, **2011**. №3. p. 37-47.
- [7] Gorjachev A.A., Chernov M.A. Orudija kozhevnogo remesla i tkachestva iz arheologicheskogo kompleksa Turgen'-II // Istorija i arheologija Semirech'ja. Vyp.3. Алматы, **2007**. p.106-119.
- [8] Berdenov S.A. Kazahstanskaja gorno-metallurgicheskaja oblast' // Voprosy arheologii Kazahstana. Алматы. М., **1998**. Vypusk 2. p.180-191.
- [9] Avanesova N.A., **1991**. Kul'tura pastusheskix plemen jepohi bronzy aziatskoj chasti SSSR (po metallicheskim izdelijam). Tashkent, 1991.
- [10] Margulan A.H. Begazy-dandybaevskaja kul'tura Central'nogo Kazahstana. Alma-Ata, **1979**.
- [11] Kadyrbaev M.K., Kurmankulov Zh.K. Kul'tura drevnix skotovodov i metallurgov Sary-Arki. Alma-Ata, **1992**.
- [12] Zdanovich G.B. Bronzovyj vek Uralo-Kazahstanskih stepej. Sverdlovsk, **1988**.
- [13] Potemkina T.M. Bronzovyj vek lesostepnogo Pritobol'ja. М., **1985**.
- [14] Usmanova Je.R. Kostjum zhenshhiny jepohi bronzy Kazahstana. Lisakovsk, **2010**.
- [15] Akishev K.A. Proishozhdenie "zverinogo" stilja v izobrazitel'nom iskusstve sakov // Margulanovskie chtenija (sbornik materialov konferencii). **1990**. М., **1992**. p. 4-9.
- [16] Chernyh E.N., Kuz'minyh S.V. Drevnjaja metallurgija Severnoj Evrazii. М., **1989**.

- [17] Tkachev A.A., Tkacheva N.A. Ser'gi andronovskoj kul'tury (problema datirovki) // Sohranenie i izuchenie kul'turnogo nasledija Altajskogo kraja (Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii). Barnaul, 1996.
- [18] Avanesova N.A. Ser'gi i visochnye podveski andronovskoj kul'tury // Pervobytnaja arheologija Sibiri. L., 1975. p. 5-12.
- [19] Gorjachev A.A. K voprosu o tradicijah pogrebal'noj obrjadnosti v jepohu bronzy v verhov'jah ushhel'ja Turgen' // Istorija i arheologija Semirech'ja. Vyp.4. Almaty, 2011. p.103-118.
- [20] Rogozhinskij A.E. Mogil'niki jepohi bronzy urochishha Tamgaly //Istorija i arheologija Semirech'ja. Almaty, 1999. p.7-43. Mar'jashev A.N.,
- [21] Gorjachev A.A. Pamjatniki kul'sajskogo tipa jepohi pozdnej i final'noj bronzy Semirech'ja //Istorija i arheologija Semirech'ja. Almaty, 1999. p. 44-56.
- [22] Gorjachev A. A. Novye materialy po pogrebal'noj obrjadnosti jepohi bronzy iz mogil'nika Oj-Dzhajljau-VII v gorah Kindyktas // Vestnik KazNU im. Al-Farabi. Serija istoricheskaja. Almaty, 2010. p.191-202.
- [23] Kuz'mina E.E. Otkuda prishli indoarii? Material'naja kul'tura plemen andronovskoj obshhnosti i proishozhdenie indoiraancev. M., 1994.
- [24] Kuz'mina E.E. Metallicheskie izdelija jeneolita i bronzovogo veka v Srednej Azii. M, 1966.
- [25] Kosarev M.F. Bronzovyj vek Zapadnoj Sibiri. M., 1984.
- [26] Potemkina T.M. Ukrasheniya iz mogil'nika Dashti-Kozy //Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii. №3. - Tjumen', 2001. - p.62-72.
- [27] Maksimenkov A.G. Andronovskaja kul'tura na Enisee. L., 1979.
- [28] Margulan A.H., Akishev A.K., Kadyrbaev M.K., Orazbaev A.M. Drevnjaja kul'tura Central'nogo Kazahstana. Alma-Ata, 1966.
- [29] Gorjachev A. A. O pogrebal'nyh tradicijah plemen pozdnej bronzy urochishha Oj-Dzhajljau v Chuilijskih gorah //Mirovozzrenie naselenija Juzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v istoricheskoi retrospektive. Barnaul, 2008. Vypusk II. - p.44-59.
- [30] Usmanova Je.R., Logvin V.N. Zhenskije nakosnye ukrasheniya Kazahstana: (jepoha bronzy). Lisakovsk, 1998.
- [31] Goryachev A.A. CHARTER IV. The Bronze Age Archaeological Memorials in Semirechie // Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River/Edited by Katheryn M. Linduff. The Edwin Mellen Press. Lewiston, New York, USA. 2004. p. 109-138.
- [32] Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka. Tom I. A-Z. M., 1981.
- [33] Ozhegov S.I. Slovar' russkogo jazyka. M., 1990.
- [34] Kuprijanova E.V. Ten' zhenshhiny: Zhenskij kostjum jepohi bronzy kak tekst»: (po materialam nekropolej Juzhnogo Zaural'ja i Kazahstana). Cheljabinsk, 2008.
- [35] Mar'jashev A.N., Gorjachev A.A. Naskal'nye izobrazheniya Semirech'ja. Izdanie vtoroje. Almaty, 2002.
- [36] Gorjachev A.A. O pogrebal'nyh tradicijah plemen jepohi bronzy Shuilijskih gor // Izvestija NAN RK / Serija obshhestvennyh i gumanitarnykh nauk. 2013. - № 3 (289). p.3-28.

А.А. Горячев, М.А. Чернов

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан
ЖІІС «Археологиялық сараптама», Алматы, Қазақстан

ЖЕТІСУДЫҢ ҚОЛА ДӘУІРІНДЕГІ ЖЕРЛЕУ КЕШЕНІНЕН АЛЫНҒАН МЕТАЛДАН ЖАСАЛҒАН ЗАТТАРЫ

Аннотация. Жетісудың қола дәуіріндегі жерлеу кешенінен алынған заттардың мейлінше көп бөлігін қоладан жасалған әшекейлер құрайды. Олар: білезіктер, сырғалар, алқалдар, сақиналар, шаш қыстырғыштар, қапсырмалар, моншақтар және қола моншақтардың жіптері. Тігілетін қапсырмаларға өзен қабыршақтары аз қолданылмаған. Қола жебе ұштары, ұстара, біз және инелер де кездеседі. Кейбір кездерде жерленген адамның қасына жыртқыш аңдардың тісінен немесе марал мүйізінің өскінінен жасалған бойтұмарлар бірге жерленген. Жетісудың қола дәуіріндегі жерлеу кешенінен алынған металдан жасалған заттардың сараптамасы аймақта металл өндірісінің өз ошақтары болғанын дәлелдеуге мүмкіндік береді. Қоладан жасалған заттардың түрлік-морфологиялық сараптамасы және оның технологиялық сипаттамасы өз уақытына сай жоғарғы дәрежеде металл өңдеудің толықтай және әшекей өнерінің кейбір түрлерінің болғандығын көрсетеді. Кейінгі қола дәуірі қоймаларынан алынған мәліметтерге қарап Жетісу территориясында қола дәуірінде жекелеген өндіріс түрлерінің ішінде темір қорытушы шеберлердің шыңдалуы жүрген деп қортын-дылауға болады.

Жетісудың оңтүстік-батыс өңіріндегі қола әшекейлердің түрлері алакөл-федоров тайпаларының андроновтық мәдени тарихи қоғамның орталық-қазақстандық мәдениеттің әсерімен араласып кеткен дәстүрлерді қамтиды. Сонымен қатар Жоңғар Алатауы мен Күнгей Алатауының таулы аймақтарының көпшілік бөлігі Шығыс Қазақстан мен Алтайдың федоровтық тайпаларының мәдени дәстүріне ие. Ерте ортаазиялық мәдениеттің жекелеген заттарының шығу түрлеріне қарап Жетісу өңірін Орталық Азияның ежелгі мәдениеттерінің жаппай араласу аймағы болған деп қорытынды жасауға болады.

Кілт сөздер: металлургия, қола, әшекейлер, технология, дәстүріне.

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

ISSN 2224-5294

Volume 1, Number 311 (2017), 25 – 33

UDC 902/904

R.T. Darmenov, Zh.R. Utubaev

A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan
darmenov_rustem@mail.ru, utubaev_z@mail.ru

KNOCKED OUT BURIAL STRUCTURES ON THE HILLFORT OF CHIRIC-RABAT

Abstract. This article discusses the burial riterelating to the Chirikrabat culture, located in the lower reaches of the Syrdarya of Chirp-discount. Study burial facilities - red lining in the eastern Aral region are genetically related to funerary rites Iranian-speaking nomads of the Eurasian steppe. Mobility, which led to the spread of some signs of burial structures in the vast steppe zone of Eurasia.

On one of ancient river-beds of Syrdarya - Inkardarya, the early monuments left by the descendants of saka tribes are fixed.

To the monuments taken by researchers to the Chirikrabat culture, dated IV-II B.C., funeral building of different type belongs: ground mausoleum, large bulk burial mounds, ground burial places in knocked out and simple pits. Characteristic syncretism of local traditions and external influences is traced in difficult on a construction and varied on funeral ceremony monuments. The small amount of burials of the Chirikrabat culture is investigational in all distinguished groups.

Research of funeral building showed that the Eastern Aral region was inhabited by a few ancient tribes, using the different types of burials.

Keywords: knocked out, pit, rite, culture, ceramics, Syrdarya.

УДК: 902/904

Д. Т. Дарменов, Ж. Р. Утубаев

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

ПОДБОЙНЫЙ ТИП ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ НА ГОРОДИЩЕ ЧИРИК РАБАТ

Аннотация. В статье рассматривается погребальный обряд, относящийся к чирикрабатской культуре, расположенный в низовье Сырдарьи на городище Чирик-рабат. Исследование могильных сооружений – подбой в восточном Приаралье генетически связаны с погребальной обрядностью ирано-язычных кочевников степи Евразии. Подвижность, которых привело к распространению некоторых признаков погребальных сооружений на обширной степной полосе Евразии.

На одном из древних русел Сырдарьи - Инкардарье зафиксированы ранние памятники, оставленные потомками сакских племен.

К памятникам, отнесенным исследователями к чирикрабатской культуре, датируемой IV–II вв. до н.э., относятся погребальные сооружения разного типа: наземные мавзолеи, большие насыпные курганы, грунтовые захоронения в подбоях и простых ямах. В сложных по конструкции и многообразных по погребальному обряду памятниках прослеживается характерный синкретизм местных традиций и внешних влияний. Во всех выделенных группах исследовано небольшое количество погребений Чирикрабатской культуры.

Исследование погребальных сооружений показывают, что регион Восточного Арала населяли несколько древних племен, использовавших разные типы погребений.

Ключевые слова: подбой, яма, обряд, культура, керамика, Сырдарья.

В настоящее время археология Приаралья располагает обширными материалами, свидетельствующими о большом разнообразии погребального обряда на территории низовья Сырдарьи в середине I тысячелетия до н.э. Могильным сооружениям Восточного Приаралья (катакомбы, мавзолеи, подбои, грунтовые захоронения, склепы) посвящена специальная литература (Толстов и т.п.). В настоящей статье мы остановимся лишь на описании и характеристике подбойного типа погребальных сооружений Чирикратской культуры, о которых из-за скудности данных почти отсутствует в литературе.

Во время полевых работ 1957–1961 гг., проводимых Хорезмской экспедицией АН СССР, на территории древних дельт Сырдарьи – Жана-Дарьи и Инкар–Дарьи были обследованы несколько десятков могильников и отдельных погребений, которые по признакам в материальной культуре были объединены в единый культурный чирикратский комплекс. Всю серию погребальных сооружений можно разделить на две группы; грунтовые погребения и наземные мавзолеи. В обеих группах исследовано лишь небольшое число из ныне известных погребений Чирикратской культуры. Если из второй группы – наземных мавзолеев в той или иной степени было затронуто раскопными работами около 24 памятников, то грунтовые захоронения подверглись раскопкам единично.

В настоящее время визуально хорошо фиксируются на поверхности курганы с большими земляными насыпями (тип катакомб), к числу которых относятся курганы на городище Чирикрат, возвышенности Аккыр около Сенгир-тама и близ средневекового городища Бештам. Один из шести курганов, расположенных в группе на территории городища Чирикрат, был раскопан [1, с. 53-56]. Вторым типичным курганом исследуется в настоящее время [2, с. 249 – 251].

Вторым типом, выявленным на территории городища Чирикрат, являются могильные ямы с подбоем. На городище Чирикрат известно лишь четыре памятника (объект 1, 5, 9, 15). Они представляют собой сложное погребальное сооружение типа усыпальницы. Все они находятся в северной части городища Чирикрат, располагаясь компактной группой внутри третьей оборонительной стены.

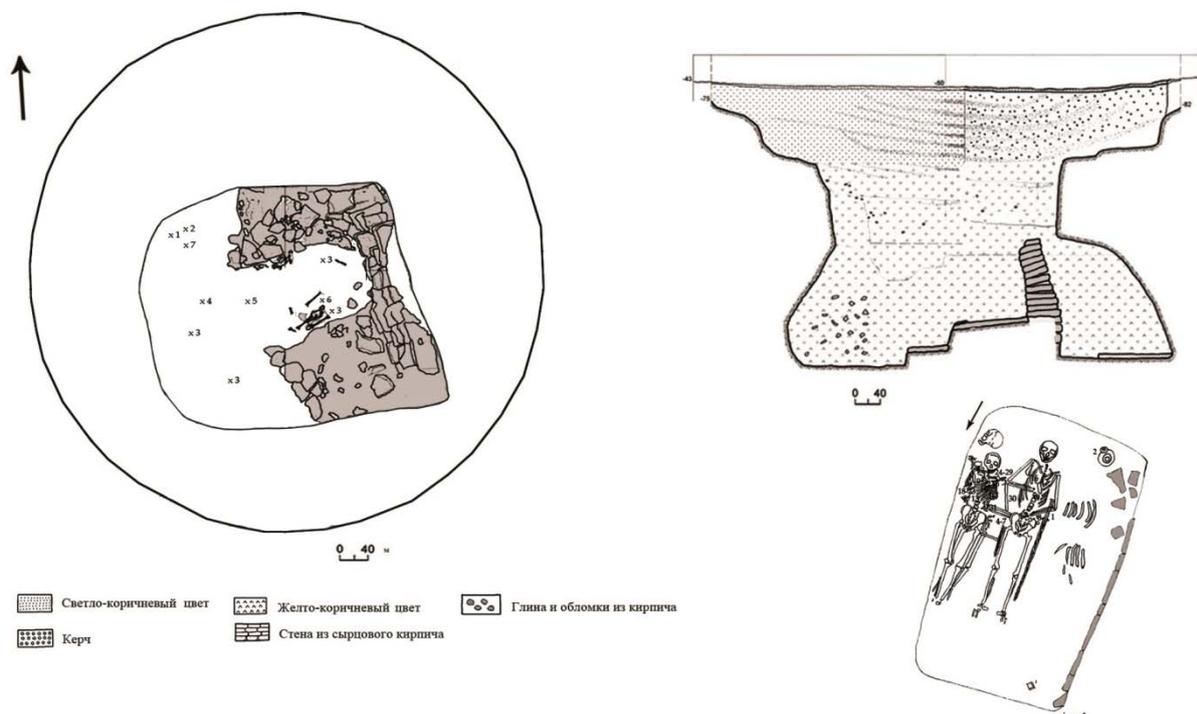


Рисунок 1 – Объект №1. План и разрез

Объект № 1 (2004-2005 гг.) – грунтовое захоронение: могильная яма (4х3.60 м) прямоугольной или почти квадратной формы, глубиной до 4,50 м и ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. В яме на глубине 2,45 см от реперной точки выявлено сырцовое сооружение – склеп. Склеп в плане прямоугольника и ориентированный по линии восток-запад (рис. 1).

Погребальное сооружение возведено из сырцового кирпича прямоугольного (30x17x15 см) или квадратного (45x35x15 см) стандарта. Планировка сооружения - это четкое расположение двух симметричных подбоев под восточной и западной стеной. Проход в подбой застраивался кирпичной стенкой, а пространство между подбойными сырцовыми стенками двумя параллельно идущими кладками из сырцового кирпича по форме прямоугольник (наподобие сундука). Кладка «сундук» ориентирована по оси восток – запад (длиной – 1,60 м, шириной – 1 м и толщиной около 1 м). В пространстве между «сундуками» расположен коридор (3,75 м от реперной точки), покрытый тонким слоем глиняной обмазки, в виде ступенек (длиной -1,60 м, шириной – 1,20 м и высота ступенек – 0,10 м). Нижняя ступенька коридора обрывается деструктивным кирпичом (толщина 0,07 м), которая выше дна ямы западного подбоя на 0,65 м. В коридоре к востоку от западного подбоя обнаружены человеческие костяки, которые были собраны в кучу и имеют переотложенные характер.

Западный подбой был в длину - 3 м и шириной – 1,75 м, ориентированный по оси север-юг, который предположительно перекрывался кирпичной стенкой (обломки сырцовых кирпичей выявлены в центре подбоя). Под завалом фрагментов кирпичей на дне ямы выявлены находки: керамические вьючные баклаги и кувшин, покрытые красным ангобом, так же фрагмент обработанной кости, доски (длиной 0,55 м, шириной около 15 см и толщиной 5 см) (рис. 2).

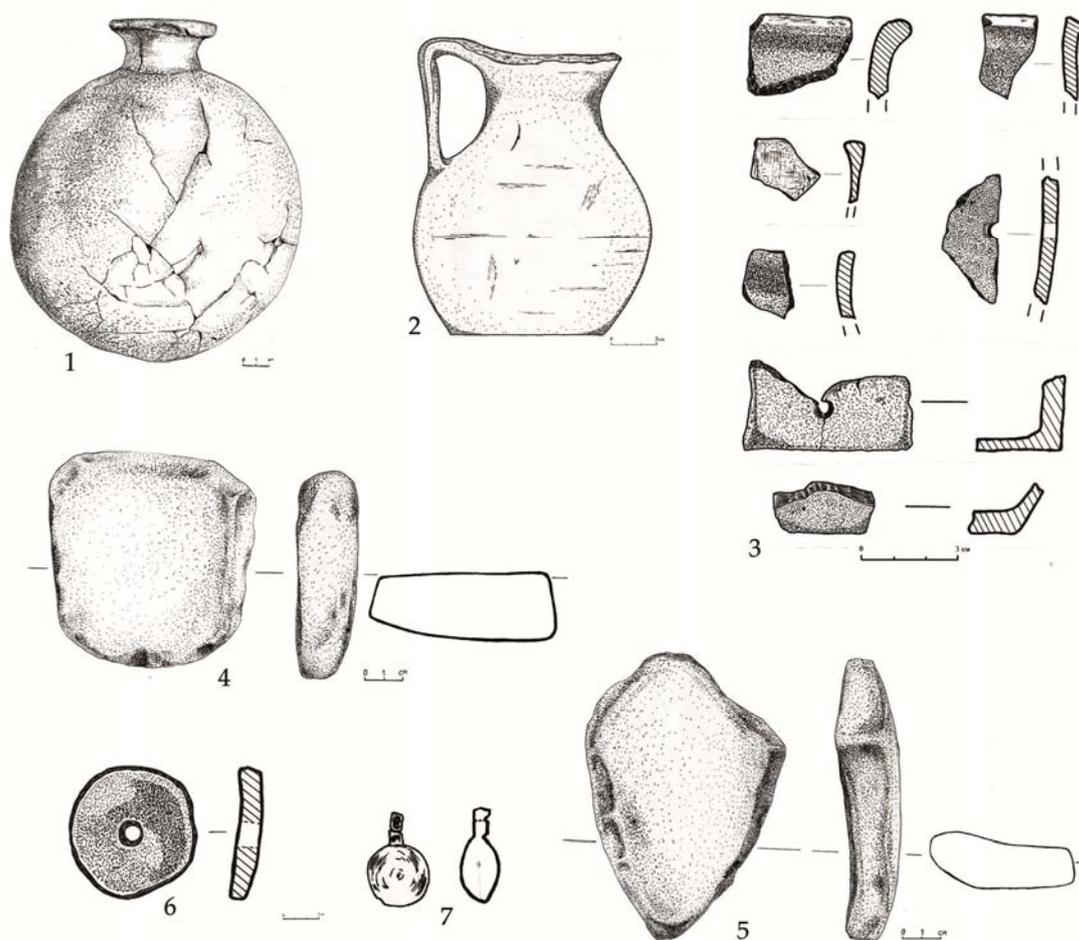


Рисунок 2 – Объект №1. Материалы из западного подбоя

Восточный подбой имел размер в длину – 2,85 м и ширину 1,75 м ориентированный по оси север-юг. Вход в подбой перекрывался стенкой из сырцового кирпича, которая имеет в верхней части срубленные кирпичи, видимо, оставленные следы древнего ограбления. Внутри подбоя обнаружено в анатомическом порядке три костяка: два взрослых и одно подростковое, ориентиро-

ванные головой на юг. Первично в подбое, видимо, был захоронен подросток, так как поверх него положен был в последующем костяк взрослого человека (женский) и отдельно лежит к западу от них костяк взрослого человека (предположительно знатного воина). Погребенные были положены на камышовой – растительной подстилке.

Костяк 1 – костяк мужчины на спине, головой на юг, на растительной подстилке (камыш, войлок или доски). Кисть правой руки - на груди, а левая - на тазовой кости. На костях, между верхней плечевой частью и головой, обнаружены остатки грубой шерстяной ткани, поверх которой золотые полусферические бляшки (4 ёлкообразных, 11 треугольный, 6 круглых, 3 четырехугольных), 138 золотых пронизок, 8 больших бус, изготовленных из сердолика (диаметр 1,7 см, толщина 1,6 см, диаметр отверстия 0,3 см), 1172 пронизок из перламутра белого цвета (длина 0,3-0,6 см), 25 серебряных гвоздиков (длина 0,7-1,2 см). В области пояса, слева от погребенного располагался железный меч, а справа - кинжал. Длина меча более 95 см, ширина лезвия 3,2-2,3 см, толщин 1,8-1,3 см. На рукоятке длиной 18,6 см были зафиксированы следы орнаментированных деревянных накладок. Навершие меча в виде усеченного конуса (диаметром 6 см, толщиной 0,3 см) и прямое ромбическое перекрестье (длина 4,2 см, ширина 0,7 см) сделаны из бронзы. В связи с плохой сохранностью кинжала не удалось выяснить тип. На тазовых костях в районе поясницы сохранились фрагмент ремня из кожи с бронзовой пряжкой круглорамчатой формы (диаметр 4,3 см) и накладными круглыми бляшками. У ног был поставлен прямоугольный глиняный жертвенник «курильница» размером 9,8x8,5x5 см, с остатками золы. В борте курильницы есть круглое отверстие диаметром 1,3 см.

Слева у изголовья погребенного стояло два сосуда. Одна из них – практически разрушенная чаша, изготовленная из дерева. Вторая – керамическая вьючная фляга с ручками, высотой 25,5 см, диаметром тулова 23 см, на плоской боковине. На сосуде было прочерчено 7 символов-знаков хорезмийского письма, разделенных между собой точками. Идентичные вьючные фляги с довольно низкой горловиной были найдены в 1957 г. на городище Чирик-рабат, в раскопке № 1 и в нижних напластованиях раскопа № 5 (4 пары). По величине они разные, диаметр тулова колеблется от 26 до 32 см. плоская сторона без орнамента. Поверхность красно- или светлоангобированная [3, с. 24-26, рис. 27, 13].

Сосуды подобной формы часто встречаются в Хорезме среди керамики кангюйского времени. Позже форма их несколько меняется [4, с. 63 – 221, 5, с. 152, рис. 84].

Костяк 2 – подростковый, на спине, головой на юг, на растительной подстилке. Кисть правой руки не сохранила анатомического расположения, а левая - на тазовых костях. На тазовых костях в плохой сохранности бронзовая бляха и остатки кожаного пояса.

Костяк 3 – женский, на спине, головой на юг, положена была на костяк 2. Расположение рук неизвестно, так как не сохранилось в анатомическом порядке. Череп костяка 3 лежал чуть впереди, видимо, подбой был открыт некоторое время, и произошло смещение. В области предплечья обнаружены полусферические золотые бляшки, бусины, пуговицы (рис. 3).

Погребальный инвентарь - керамические вьючные баклаги, кувшин, керамические и каменные бусины, пуговицы, раковины моллюсков и т.п. находят аналоги в Чирикрабатской культуре (II–III период) и датируется III – II вв. до н.э. [6, с. 135].

Объект № 5 – Безкурганное грунтовое захоронение. Могильная яма (5x5 м) квадратной формы, глубиной 3,80 м, ориентирована по сторонам света. На глубине 2,4 м от реперной точки обнаружена П-образная платформа по периметру ямы. П-образная платформа по оси север-юг – длиной 4,40 м и две параллельные стенки по оси восток-запад – длиной 3,40 м. В пределах образованного П-образной платформы прямоугольника (4,10 x 3,60 м) совершалось погребение в подбое. Подбой располагался в западной стороне и вход в него был заложен кирпичной стенкой (сохранились только три нижних ряда кирпича).

Подбой имел размер в длину 4,20 м по оси север-юг и 1,80 м по оси восток-запад. В юго-западном углу подбойной ямы (3,60 м от реперной точки) обнаружены в плохой сохранности три черепа (все в переотложенном виде). Среди остатков погребального инвентаря – фрагменты керамики, полусферические золотые бляшки, бусины, фрагмент железного орудия (рис. 4), датируемые III-II вв. до н.э. [7, с. 136].

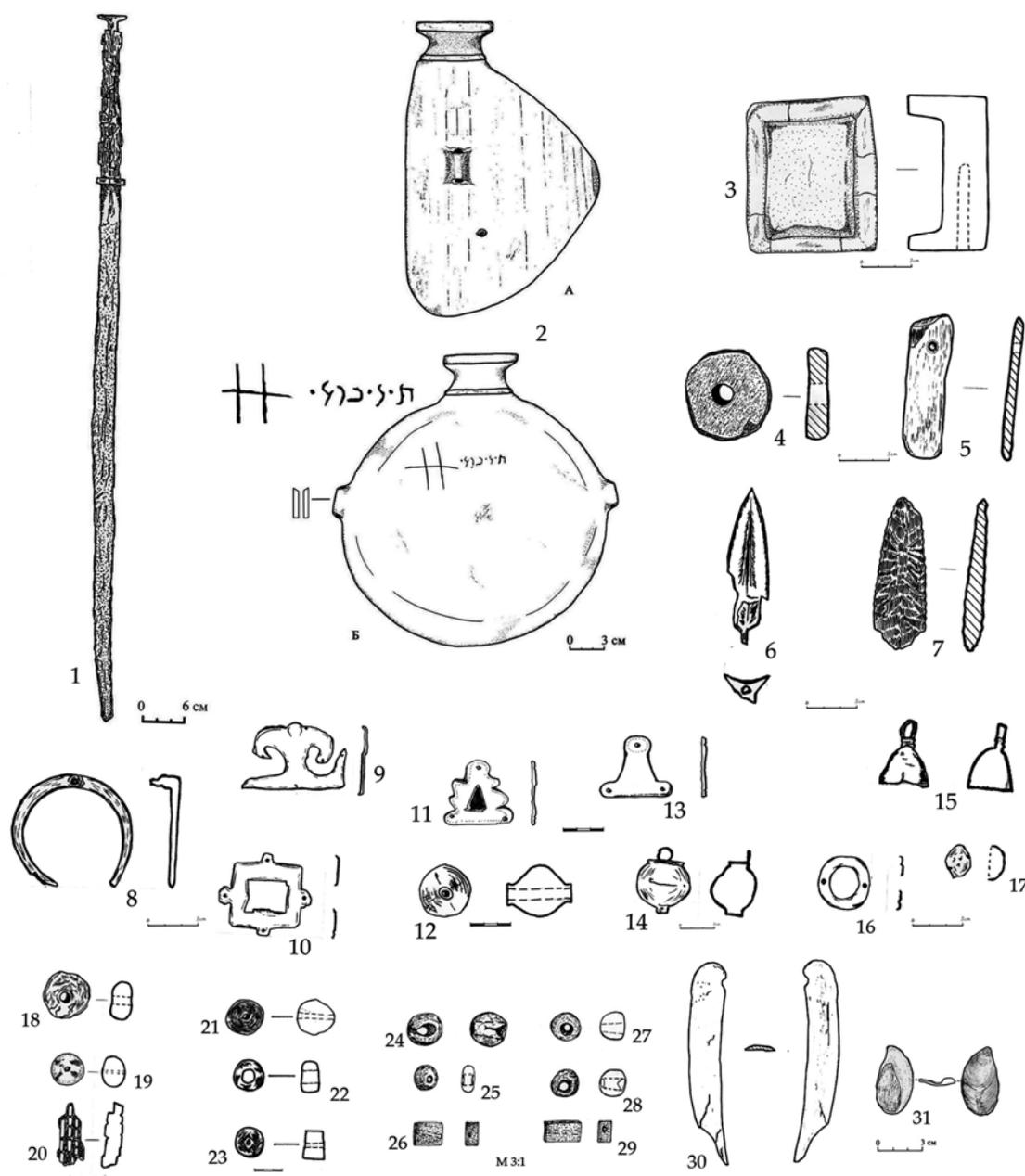


Рисунок 3 – Объект №1. Материалы из восточного подбоя

Объект № 9. (2009 г.). Расположен к востоку от объекта № 1, к северо-востоку от объекта № 5. До проведения раскопочных работ на поверхности на этом участке четко прослеживалась впадина круглой в плане формы. При зачистке была выявлена круглая в плане ямка, заполненная серой супесью. На глубине 2,05 м от дневной поверхности была выявлена прямоугольная яма шириной – 2,1 м, длиной – 3,1 м. На глубине 2,15 м выявлены оплывшие остатки сырцовых стен длиной 1,2 м, разделяющие яму на две части, восточную и западную. Видимо, основное назначение кладки состояло в закрытии подбоя.

В западной стенке впускной ямы выявлен сводчатый подбой, длиной 2,3 м и шириной 1,3 м, высота свода от пола 1,1 м. При расчистке подбоя были обнаружены человеческий череп и лежащие в хаотическом порядке фрагменты кальцинированных костей. При расчистке костей найдены золотые нашивки, а также фрагменты керамики и железного изделия (меча или ножа), и остатки деревянных досок. Погребение по-своему типу схоже с погребениями в объектах № 1 и 5 [8, с. 134].

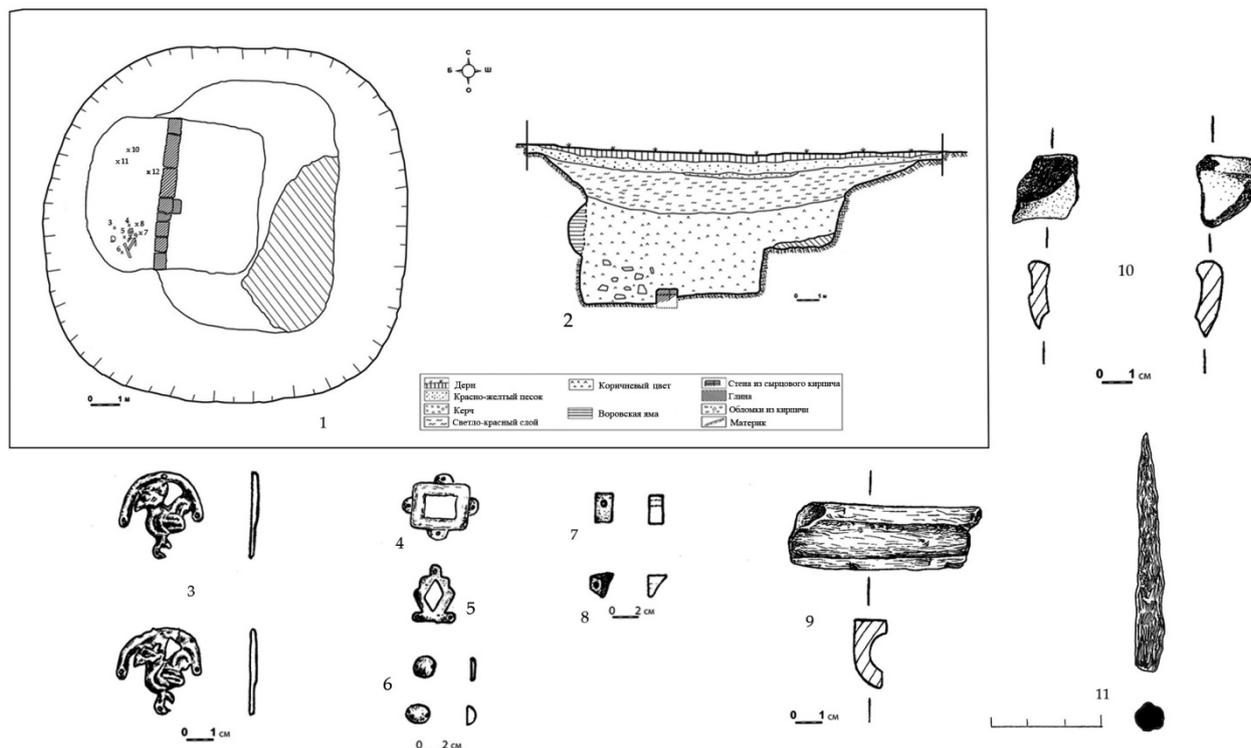


Рисунок 4 – Объект №5. 1-2 – План и разрез. 3-11 – Материалы из погребения

Вторую, наиболее многочисленную группу, представляют наземные сырцовые мавзолеи. Топографическое расположение мавзолеев, показывает, что они были распространены на всей территории Чирикратской культуры. Наземные сырцовые мавзолеи делятся типологически на два типа: квадратные и круглые. В настоящее время известно только три квадратных в плане мавзолея и более трех десятков круглых в плане мавзолеев.

Объект № 15. Грунтовое захоронение до раскопа визуально прослеживалась как впадина. Дневная поверхность ее усеяна красноватыми карбонатными стяжениями и поросла местами мелкой растительностью. В центре довольно четко прослеживалась заполненная навеем песком и поросшая травой грабительская воронка. После снятия 50 см надувной насыпи выявлено, что погребение происходило в грунтовой яме, могильный выброс лежал на древней дневной поверхности. Могила прямоугольной формы, углы которой округлые, возможно, в связи с осыпанием мягкого грунта материка, утратившая четкость своей формы. Размер ее на поверхности 5,30x3,80 м (направление продольной оси северо-запад - юго-восток). Погребальная яма на глубине 40 см от древней дневной поверхности образует платформу по всему периметру, ширина ее 60 см. В центре ямы выявлена впускная камера, размером 300x168 см. Впускная камера обнаружена на глубине 1,10 м от реперной точки. Заполнена она плотным слоем серого песка с глиняными натечками в виде линзы. Раскоп погребальной камеры показал, что захоронение происходило в подбое. Подбой расположен в западной стороне камеры. Вся камера была заполнена обломками сырцовых кирпичей и фрагментами керамики. На глубине 2,68 м от реперной точки выявилась сырцовая стена, которая перекрывала подбой. Длина стены 2,70 м, размер сырцовых кирпичей 30x20x10 см. Стена повреждена, по всей видимости, древними грабителями, которые прорывались с северо-восточного угла камеры, местами видны следы орудий. В юго-восточном углу камеры в 15 см от сырцовой стены подбоя зафиксированы остеологические кости вперемежку с обломками сырцовых кирпичей и битой керамики. Расчистка показала, что тут в переотложенном виде лежали черепа и кости, выкинутые из подбоя. В общем, выявлено было 8 плохо сохранившихся человеческих черепов вперемежку с берцовыми костями.

Впуск по подбою показал, что он полностью перекопан и тут вперемежку с человеческими костями в виде натечки много обломков сырцовых кирпичей. На глубине 47 см от верхней точки сырцовой стены вышла платформа – суфа по всей длине стены. Платформа – суфа прорезана

грабительским лазом, поэтому ширина суфы не более 40 см сохранилась. В западном и юго-западном углу подбоя могильной ямы, на уровне материкового слоя зафиксированы сырцовые кирпичи. Материк лежит на глубине 3,18 м от реперной точки. Погребальный инвентарь состоял из керамического сосуда, железного меча и железных наконечников [9, с. 88] (рис. 5).

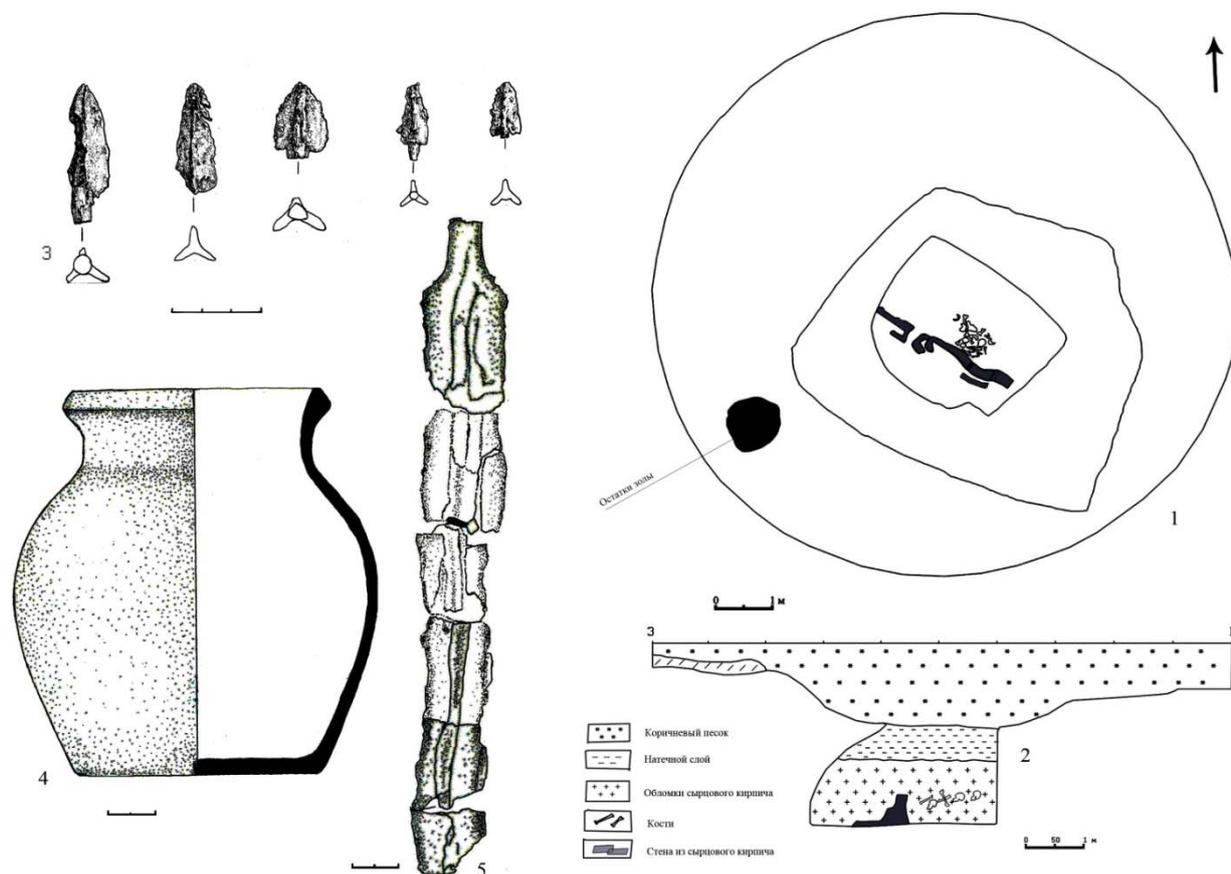


Рисунок 5 – Объект № 15. 1-2 – План и разрез. 3-5 – Материалы из погребения

В настоящее время, рассматривая конструкцию подбоя, мы можем резюмировать подбои по анализу погребального инвентаря в хронологическом порядке более поздние и не выходят за рамки конца III- начала II вв. до н.э.

Предположительно, в III-II вв. до н.э. на смену ямам с дромосом, которые были ведущей формой погребального обряда полуоседлого населения Чирикратской культуры, приходят подбойные захоронения. На смену неглубоким ямам приходят подбои с впускной ямой в виде глубокой шахты, которые представляют собой вертикально вырытые прямоугольные или подквадратные в плане шахты-колодцы (?), глубиной до 4-5 м. В большинстве случаев внизу такой вертикальной шахты, в ее западной части или с двух сторон устроен боковой подбой, овальной формы, пол которого находился либо на одном уровне с дном шахты, либо на 25-50 см ниже. Погребально-поминальный обряд тот же, что и в ямах с дромосом. Это множественные захоронения в одну камеру, по-видимому, членов одной семьи. Причем вертикальная шахта подбоя была открыта после захоронения одного из членов семьи, закладывался только подбой кирпичной стенкой.

Однако, говоря о подбойных захоронениях Чирикратской культуры, нужно учесть, что этот обряд был распространен на огромной территории: от Волго-Уральского региона до Средней Азии и Казахстана. Причины массового появления подбойных могил в отмеченных регионах много лет дискутируется в археологической литературе [10]. Многочисленные высказывания по этому вопросу могут быть сведены к двум основным утверждениям. Согласно одному, это явление должно быть связано с полной или частичной сменой населения, иногда – с заимствованием этого обряда

[11, с. 102-107, 12, с. 226-227, 13, с. 136]. Другое утверждение сводится к тому, что развитие могил подбойных и катакомбных типов шло конвергентно, спонтанно и было связано главным образом с изменениями в религиозных верованиях [14, с. 253]. В настоящей работе мы не будем затрагивать данную тему, для нас более интересен вопрос о характере связей, бесспорно, существовавших между культурными общностями сако-сарматского мира, и в какой степени они могли влиять на формирование подбойного погребального обряда чирикратской культуры.

Наиболее ранние подбойные захоронения мы встречаем в материалах тасмолинской культуры на территории Центрального, Восточного, Юго-Восточного и Северного Казахстана, где известно более десятка ранних подбойных погребений.

Самое раннее из них (могильник Карамурун 1, курган 5 ж – бассейн реки Шидерты, Павлодарская обл.) датируется временем не позднее VII–VI вв. до н.э. Входная яма могилы была неправильной овальной формы, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Подбой сделан под северо-восточной продольной стенкой и первоначально вход в него был заложен плитами. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад [15, с. 337, рис. 32]. Остальные подбойные погребения в могильниках тасмолинской культуры сосредоточены в зоне наибольшей концентрации ее памятников, т.е. южнее Караганды.

Очень интересную картину погребального обряда дал курган 16 на левом берегу р. Нуртай у аула Канаттас. Прямоугольная входная яма была ориентирована по линии север-северо-запад – юго-юго-восток и отгорожена от овального в плане подбоя вертикально поставленными плитами. Погребенный, в нарушение всех канонов тасмолинского обряда, лежал головой на юг-юго-восток. Череп его, носивший следы затылочной деформации, покоился, что нередко в курганах с грядами, на каменной плите [15, с. 179, рис. 12]. При погребенном были найдены, кроме передних ног барана, четыре трехперных бронзовых черешковых наконечника стрел. Курган был датирован не позднее V в. до н.э.

В общей сложности на территории Северного, Центрального, Восточного и Южного Казахстана оказалось 11 подбойных погребений в основном VI-V вв. до н.э. (9 – VI-V вв. до н.э.; 2 – V-IV вв. до н.э.) с преобладанием северо-западной и западной ориентировок погребенных. Однако ни для одной из археологических культур Казахстана этого времени подобные захоронения нехарактерны, так же, как и для памятников Южного Приуралья, где известны лишь три подбойные могилы V в. до н.э. [16, с. 325, рис. 20]. Вместе с тем в изученных М. Г. Мошковой могильниках IV-II вв. до н.э. сарматской культуры число подбойных могил, по сравнению с савроматским временем, значительно увеличивается. Так, самые ранние подбойные могилы существуют уже в IV в. до н.э. (2% погребений), но большинство их относится к III – II вв. до н.э., когда они становятся одной из ведущих форм могил (16% погребений) [17, с. 19 – 21, таб. 1]. Среди ранних подбойных могил преобладают формы с широкой входной ямой (более 1 м), в III-II вв. до н.э. с узкой (уже 1 м). Сам подбой обычно по длине равен входной яме, реже превышает ее. По форме это может быть прямоугольник, овал, почти круг, ширина или глубина подбоя также колеблется от 0,3-0,4 м, куда не полностью помещался покойник, и до 1,5 м. Среди подбойных погребений Поволжья III-II вв. до н.э. известны случаи с подбоями под обеими продольными стенками входной ямы (Краснополье, курган Е 14, погребенье 20). Подбой часто отделялся от входной ямы досками и жердями, поставленными вертикально или положенными продольно ветками, камнями [17, с. 20, таб. 3].

Можно судить о том, что могильные сооружения – подбоя в восточном Приуралье генетически связаны с погребальной обрядностью ираноязычных кочевников степи Евразии, подвижность которых привело к распространению некоторых признаков погребальных сооружений на обширной степной полосе Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Толстов С. П. Приаральские скифы и Хорезм // СЭ. - № 4. - М., 1963.
[2] Курманкулов Ж., Бирмуханова А., Калиева Ж., Утубаев Ж. Археологические исследования на городище Чирикрат и в его окрестностях // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2004 г. - А., 2005.
[3] Толстов С. П., Воробьева М.Г., Рапопорт Ю.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. // МХЭ. - Вып. 4. - М., 1960.
[4] Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода // Керамика Хорезма. - ТХЭ. - 1959. - Т. IV.
[5] Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. - М., 1962.
[6] Курманкулов Ж., Жетибаев Ж., Утубаев Ж., Байтилеу Д., Исаков А. Археологические исследования памятника Чирикрат и прилегающих районов // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2005 г. - А., 2006.

- [7] Курманкулов Ж., Жетибаев Ж., Утубаев Ж., Исакаев А. Археологические исследования памятников городища Чирик-рабат // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2006 г. - А., 2007.
- [8] Архив ИА РК. - Ф.1. - Д. 2924. - Л. 134.
- [9] Архив ИА РК. - Ф.2. - Д. 3086. - Л. 88
- [10] Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма (археология и антропология могильников). - М., 1999.
- [11] Бернштам А. Н. Очерки истории гуннов. - Л.1951. - С. 102-117.
- [12] Обельченко О. В. Кую-мазарский могильник // Археологические исследования на городище Варахша и в Бухарском оазисе в 1947-1953 гг. Труды ИИА ИА Уз ССР. - Вып. VIII. - С. 226-227.
- [13] Заднепровский Ю. А. Археологический памятник южных районов Ошской области (середина I тысячелетия до н.э.-I тысячелетие н.э.). – Фрунзе, 1960. - С.136.
- [14] Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя история саков и уйсуней долины реки Или. - А., 1963. - С. 253.
- [15] Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры. А., 1959. - С. 179-337.
- [16] Смирнов К. Ф. Савроматы. - М.,1964. - С. 325, рис. 20.
- [17] Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. - САИ. – Вып. Д 1-10. - М., 1963. - С. 19-21.

REFERENCES

- [1] Tolstov of S. P. Priaralskiye Scythians and Khwarezm//SE. No. 4. M, 1963.
- [2] Kurmankulov Zh., Birmukhanova A., Kaliyeva Zh., Utubayev Zh. Archaeological researches on the ancient settlement Chirik-Rabat and in its vicinities//the Report on archaeological researches on the State program "Cultural heritage" in 2004. And., 2005.
- [3] Tolstov S. P., Vorobyova M. G., Rapoport Yu.A. Works of the Khorezm archeologo-ethnographic expedition in 1957//MHE. Issue 4. M, 1960.
- [4] Vorobyova M. G. Ceramics of Khwarezm of the antique period//Ceramics of Khwarezm. THE. 1959. T. IV.
- [5] Tolstov S. P. On Oks and Yaksart's ancient deltas. M, 1962.
- [6] Kurmankulov Zh., Zhetibayev Zh., Utubayev Zh., Baytileu D., Isakov And. Archaeological researches of a monument Chirik-Rabat and adjacent areas//the Report on archaeological researches on the State program "Cultural heritage" in 2005 - And., 2006.
- [7] Kurmankulov Zh., Zhetibayev Zh., Utubayev Zh., Isakov A. Archaeological researches of monuments of the ancient settlement Chirik-Rabat//the Report on archaeological researches on the State program "Cultural heritage" in 2006 - And., 2007.
- [8] RK news agency archive. F.1. 2924. L. 134.
- [9] RK news agency archive. F.2. 3086. L. 88
- [10] Yablonsky L.T. Necropolises of ancient Khwarezm (archeology and anthropology of burial grounds). M, 1999.
- [11] Bernshtam A. N. Sketches of history of Huns. L.1951. p.102-117.
- [12] Obelchenko O. V. A Kui-mazarsky burial ground//Archaeological researches on Varakhsh's ancient settlement and in the Bukhara oasis in 1947-1953. Works IIA of Soviet Socialist Republic Ouse news Agency. Issue VIII. p.226-227.
- [13] Zadneprovsky Yu. A. An archaeological monument of the southern districts of the Osh region (the middle of the I millennium BC - the I millennium AD). Frunze, 1960. p.136.
- [14] Akishev K. A., Kushayev G. A. Ancient history of juice and uysuny valley of the river Or. And., 1963. - p.253.
- [15] Kadyrbayev M. K. Monuments of tasmolinsky culture. And., 1959. p. 179-337.
- [16] Smirnov of K. F. Savromata. M., 1964. p.325, fig. 20.
- [17] Moshkova M. G. Monuments of Prohorov's culture. SAI. Vyp D 1-10. M, 1963. p.19-21.

Д.Т. Дарменов, Ж.Р. Утубаев

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қаласы, Қазақстан

ШІРІК РАБАТ ҚАЛАШЫҒЫНДАҒЫ ЛАҚАТТЫ ЖЕРЛЕУ ТҮРІ

Аннотация. Мақалада б.з.д. IV-II ғғ. өмір сүрген Шығыс Арал өңіріндегі халықтардың материалдық мәдениеті мен жерлеу дәстүрінің кейбір қырларына жаңаша қарауға мүмкіндік береді. Қазба жұмыстары барысында алынған ақпараттар сол дәуірдің жерлеу-ғұрыптық дәстүрін, шаруашылық және әлеуметтік құрылысын толығымен қалпына келтіру мәселелері бойынша мүмкіндігімізді кеңейте түсті. Зерттелген жерлеу құрылыстарының материалдық мәдениетінің ортақтығын баса айта отырып, Шығыс Арал өңірінің көне тұрғындары жерлеу ғұрыптарымен ерекшеленетін бірнеше тайпаларға немесе руларға бөлінген деген жорамал айтуға болады. Сонымен қатар, зерттелініп жатқан аймақтағы тұрғындардың жерлеу дәстүріндегі ерекшеліктер этникалық емес, әлеуметтік сипатта болуы мүмкіндігін де теріске шығармаймыз. Бұл өз кезегінде жоспарлы жұмыстар нәтижесінде деректік базаны кеңейту мақсатын жүзеге асыруды қажет етеді. Мақалада Сырдарияның төменгі ағысында орналасқан қалалардың бірі Шірік рабат қалашығындағы жерлеу рәсімдерінің бірі лақатты жерлеу түрі қарастырылған. Олар қалашықтың солтүстік бөлігінде, үшінші қорғаныс қабырғаның ішінде топтаса орын тепкен. Олардың бірнешеуіне қазба жүргізілген болатын. Зерттеудің арқасында, шығыс Арал өңіріндегі лақатты жерлеудің түрі Евразия даласындағы иран-тілдес халықтардың жерлеу рәсімдерімен генетикалық байланыста болған деген тұжырымға келеміз.

Кілт сөздер: Лақат, шұңқыр, рәсім, мәдениет, қыш ыдыс, Сырдария.

G. B. Zdanovich

"Arkaim" OGUK reserve, Chelyabinsk, Russia

E-mail: gbzdanovich@yandex.ru

THE ARCHITECTURE AS THE CHRONICLE OF MEANINGS: "HOUSE" ON ARKAIM SITE AND "HOUSE" IN POETIC TRADITION OF RIGVEDA

Abstract. Some of observations that were undertaken in line with the work devoted to consideration of features of meanings of the noun of the "house" is stated in this article. An attempt to track major meanings of this word and its semantic and formal features is made. On the basis of the archaeological materials received during the research of Arkaim site it is offered to see through a prism of these values the Arkaim house in maximum details and counting upon explanation of meanings of the revealed artifacts.

Keywords: Arkaim site, Rigveda, house, text, architecture.

Г. Б. Зданович

ОГУК Заповедник «Аркаим». Челябинск, Россия

АРХИТЕКТУРА КАК ЛЕТОПИСЬ СМЫСЛОВ: «ДОМ» НА АРКАИМЕ И «ДОМ» В ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ РИГВЕДЫ

Аннотация. В настоящей статье излагается часть наблюдений, предпринятых в русле работы, посвященной рассмотрению особенностей смыслов существительного «дом». Предпринята попытка проследить основные значения этого слова и его семантические и формальные особенности. На основе археологических материалов, полученных при исследовании Аркаима, предлагается через призму этих значений увидеть аркаимский дом в возможно максимальных деталях и с расчетом на уяснение смыслов выявленных артефактов.

Ключевые слова: Аркаим, Ригведа, дом, текст, архитектура.

В последние годы исследователи археологических памятников эпохи бронзы евразийских степей все чаще обращаются к материалам Ригvedы и Авесты. Этому способствует не только появление ярких археологических источников, но, прежде всего, успешные работы лингвистов, как в плане новых переводов, так и в области лексической семантики. Большой интерес для археолога представляет сборник статей Т. Я. Елизаренковой, объединенных общим названием «Слова и вещи в Ригведе». Автор разработала методологию исследований лексической семантики применительно к текстам РВ и рассмотрела ряд имен существительных, объединив их в семантические группы.

В настоящей статье излагается часть наблюдений в русле работы, посвященной рассмотрению особенностей смыслов существительного «дом». Представляется важным увидеть вслед за Т. Я. Елизаренковой основные значения этого слова и проследить его семантические и формальные особенности. Следующая задача – дать возможность читателю через призму этих значений увидеть аркаимский дом в возможно максимальных деталях и с расчетом на уяснение смыслов выявленных артефактов.

Сопоставление смысловых нагрузок, связанных с домом в письменном и архитектурно-археологическом текстах, их параллельный критический анализ, возможно, приблизит смысловые аннотации к значению исторического источника.

Среди тысячи гимнов РВ, посвященных богам, искать описание реального жилища или реального поселка ариев - безнадежная задача. Однако, упоминания о доме в различных контекстах позволяют уловить явные и неявные смыслы древнего жилищного пространства, ощутить отношение человека и его богов к дому и его обитателям. Многие из этих упоминаний (в РВ около двух десятков различных слов, которые обозначают «дом») допускают различные, порой противоречащие друг другу интерпретации. Опытный исследователь текстов Т. Я. Елизаренкова приходит к выводу, что «во времена РВ арии домов не строили и что под названием «дом» скрывалось совсем иное понятие, чем то, которое привычно для современного человека» [1, с. 20].

Остановимся на некоторых моментах, которые вызывают разногласия у переводчиков и исследователей текстов. Существительные, обозначающие название дома в РВ никогда, не используются при глаголах со значением «строить», «сооружать». Слово «строить» предполагает действия, направленные на сооружение конкретного вполне осязаемого объекта. Оно не совсем подходит под тот вариант строительства, который мы видим на Аркаиме. Аркаим создается как модель Вселенной, как некое перводействие, совершенное богами и героями. Каждый дом – это неразрывная составная часть Вселенной. Как таковой, отдельный дом, ни на Аркаиме, ни в РВ существовать не может. Наиболее используемые слова со значением «дом» в Ригведе употребляются во множественном числе.

В РВ это непрерывная вселенская целокупность (обитель богов), в археологическом варианте это архитектура, которая может функционировать только как «завершенный строительный комплекс». Архитектурный ансамбль Аркаима, согласно археологическим фактам, создавался по заранее продуманному плану, длительный этап занимал «нулевой цикл»: выбор площадки и ее подготовка под строительство, разметка поселения и его коммуникаций, рытье котлованов под жилища и сооружение колодцев в них. Вероятно, все начиналось с подвода воды к будущей вселенской обители. Воды направлялись к стенам укрепленного поселения через канал – старицу [2, с. 91–100]. И сейчас в весеннее половодье Аркаим, окруженный развалами стен, возвышается островом над водной стихией аркаимской долины. Подобно тому, как среди вод Мирового океана возвышался зародыш Вселенной (РВ, X, 129, 1).

Отсутствие глаголов со значением «строить» и отсутствие эпитетов для понятия «дом» говорит об особом сакральном смысле строительной практики. Дома не строились, они возносились, их создание не приписывалось человеческому разуму и человеческим рукам. Это был акт творения Вселенной, созданный на земле по небесному архетипу. В текстах РВ четко звучит – дом создан для бога.

Люди, почитатели бога, должны ухаживать за жертвенным огнем, за что Агни должен принести благополучие в дом. Еще раз подчеркнем – реальный хозяин дома – бог. Люди, гости у хозяина дома. Особенно ярко это видно по тексту РВ III, 1, 17 – «как друг дома, ты дал приют смертным».

Одно из редких существительных, обозначающих дом, – это «мана». Оно обозначает разновидность общего понятия – дом богов. Мана – «строение», «дом» – является производным от корня *ma* – «мерить», «мера».

В X мандале (РВ, X, 27, 23) есть важные для нашего исследования строки: «Первые из богов присутствовали при построении (мироздания)». Гельднер в своих комментариях не исключает, что это событие происходит на небе [1, с. 47]. Но для меня этот текст звучит как построение мироздания на земле. И это опять возвращает нас к мысли об Аркаиме как модели космического устройства, которое не только освящено богами, но самые первые боги присутствовали на этом процессе.

Второй очень важный смысл «мана» звучит как производное слова «мерить». Аркаим весь наполнен мерными смыслами. Здесь мерено-перемерено все: диаметры оборонительных стен, улиц, глубины и плоскости жилых полов и, можно не сомневаться, высоты кровель и стен фортификации.

Этимологически *mana* – «дом» сопоставляется с авестийским *dəmana*, *hmana*, возводимым к *dam*. Контаминацию – смешение частей двух слов с формами *mana* – мера Т. Я. Елизаренкова объясняет тем, что все, связанное с почитанием богов, отмерялось: алтарь, жертва и т.п. [1, с. 48]. Опираясь на данные археологии, мы можем только подтвердить это. Аркаимский дом, с его

главным столбом ритуального пространства, с его колоннадами и нефами был, безусловно, объектом жестких измерений, не только как обычный строительный объект, но, прежде всего, как жилище богов [3, с. 55-64].

Однако среди многочисленных переводов гимнов РВ все-таки есть попытки увидеть дом, как объект, отражающий некие реальные качества. В РВ есть существительное, которое обычно трактуется, как название дома – *harmia* (*harmya*). В текстах значение этого слова моделируется общей оппозицией, важной для модели мира ария РВ: закрытый – открытый. *Harmya* принадлежит сфере «закрытый»: это место сокрытия Агни, загон для скота, дом, который запирают и т.п. Еще один важный момент, *harmya* – это не только «прочное сооружение, «твердая ограда», но это и препятствие, которое окружает некоего мифологического персонажа, которое тот должен преодолеть. Кажется, это какое-то преодоление изнутри, с выходом наружу [1, с. 44]. Преодоление лабиринта?

К яркой особенности аркаимо-синташтинской археологии относятся факты многократного заселения одних и тех же жилых площадок. Обитатели укрепленных центров через какой-то промежуток времени вынуждены были покидать обустроенные жилища. Причины перемещения связаны, скорее всего, с экологическими условиями. По прошествии какого-то значительного времени люди возвращались в укрепленный центр и, скорее всего, это было другое поколение, но очень хорошо осведомленное о месте бытия своих предков. Заново восстанавливались стены и интерьер домов, подновлялись оборонительные укрепления. Это был новый акт творения поселка, но акт, который во всех деталях повторял первоначальный замысел первоначальных творцов. И таких возвратов могло быть три и пять [4, с. 61-62].

Археологически зафиксированное стремление аркаимских строителей к полному воспроизведению первоначальных действий полностью соотносится с представлением человека РВ о времени. В эпоху создания «Ригведы» хронология событий определялась не линейным «историческим временем», а временем циклическим. Ведийские поэты, излагая любые события, представляют их как повторение изначального акта творения. Все в мире повторяется, все имеет свои циклы, вселенная, как и люди, проходит через рождение, жизнь, смерть и новое рождение.

Некогда было сакральное время, время начала, которое установило существующий порядок вещей, время мифа и оно должно постоянно воспроизводиться человеком в ритуале, иначе наступит хаос. Реально лишь то, что сакрально, а сакрально лишь то, что составляет часть космоса, выводимо из него и причастно к нему [5, с. 26–27].

Переход людей с одного укрепленного центра в другой сопровождается полным сжиганием покидаемого поселка. По данным археологии, это преднамеренные и обстоятельно подготовленные поджоги. Все памятники «Страны городов», которых касалась археологическая лопата (Аландское, Устье, Берсуат и др.), имеют яркие следы пожаров (и неоднократных). За этими фактами должны стоять глубокие смыслы.

В религиозно-мифологических системах индоиранских народов огонь выступает в качестве главного универсального принципа, олицетворяющего собой весь космос. В Ригведе огонь является посредником между различными мирами, он объединяет все уровни космоса, несет жертву от людей к богам [5, с. 148–149]. Бог Агни тождественен порознь каждому из великих богов Индре, Варуне, Вишну и т.д. (РВ, II, 1).

«Ты похож на них и равен их величием
О, Агни, прекраснорожденный, и превосходишь (их), о, бог,
Когда твоя сила во всем величии разворачивается здесь
Через небо и землю – через оба мира».

Завершая изложенные наблюдения, оставляю возможность выводов за читателем. Подобное обращение к поэзии и архитектуре соответствует многолетней традиции поисков «ведического археологического комплекса», которая была заложена со времени первого знакомства просвещенной Европы с философскими текстами Ригведы и Авесты.

На рубеже IV-III вв. до н.э. древнегреческий инженер и механик Филон уподобляет речевые строфы (колоны) колоннам архитектуры. Строфы упорядочивают речевое выражение мысли, по-

добно колоннаде, которая упорядочивает соразмерность ордера [6, с. 238–240]. Уподобление смыслов было совершенно естественно для эллинизма. Оно должно быть очевидным и для ведических ариев с их культурами поэзии и риторики.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Елизаренкова, Т. Я. Слова и вещи в Ригведе [Текст]. - М.: Восточная литература РАН, 1999. - 240 с.
 [2] Зданович Д.Г. Аркаим и «Страна городов»: модели существования, экономика, экология // Зданович Д.Г., Зданович Г.Б. Аркаим – укрепленное поселение эпохи бронзы степного Зауралья: почвенно-археологические исследования. - М.: ФГУП издательский дом «Типография» Россельхозакадемии, 2014. – 264 с.
 [3] Зданович Д.Г. Аркаим: археологический источник и его модель (проблемы и перспективы) // Зданович Д. Г., Зданович Г.Б. Вопросы культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона. – Самара: ПГСГА, 2014. – С. 55–64.
 [4] Зданович, Г.Б. Укрепленное поселение Аландское. Строительные горизонты и керамические комплексы (к проблеме взаимосвязи синташтинско-аркаимской и петровской культур) // Зданович Г.Б., Малютин Т.С. Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск, 2004. – С. 56–62.
 [5] Раевский Д.С. Мир скифской культуры. - М.: «Языки славянских культур», 2006. - 600 с.
 [6] Глазычев В.А. Архитектура. Энциклопедия. - М.: Изд-во «Астрель», 2002. – 672 с.

REFERENCES

- [1] Elizarenkova, T. Ya. Slova and things in Rigvede [Text]. M.: East literature of RAS, 1999. 240 p.
 [2] Zdanovich D. G. Arkaim and "Country of the cities": existence models, economy, ecology//Zdanovich D. G., Zdanovich G. B. Arkaim – the strengthened settlement of an era of bronze of steppe Zauralie: soil and archaeological researches. M: Federal State Unitary Enterprise Tipografiya publishing House Russian Agricultural Academy, 2014. 264 p.
 [3] Zdanovich D. G. Arkaim: archaeological source and its model (problems and prospects)//Zdanovich D. G., Zdanovich G. B. Questions of culture genesis of a beginning of a late bronze age of the Volga-Ural region. Samara: PGSGA, 2014. p.55-64.
 [4] Zdanovich, G. B. The strengthened settlement Åland. The construction horizons and ceramic complexes (to a problem of interrelation of the sintashtinsko-Arkaim and Petrovsky cultures)//Zdanovich G. B., Malyutina T. S. Ethnic interactions in South Ural. Chelyabinsk, 2004. – p.56-62.
 [5] Rajevski D. S. Mir of Scythian culture. M.: "Languages of Slavic cultures", 2006. 600 p.
 [6] Glazychev V. A. Architecture. Encyclopedia. M.: Astrel publishing house, 2002. 672 p.

Г.Б. Зданович

ОМММ «Арқайым» қорығы, Челябинск, Ресей

АРХИТЕКТУРА МАҢЫЗДЫ ЖЫЛНАМА: АРҚАЙЫМДАҒЫ «ҮЙ» ЖӘНЕ РИГВЕДА ПОЭТИКАЛЫҚ ДӘСТҮРІНДЕГІ «ҮЙ»

Аннотация. Аталған мақалада «үй» зат есімінің маңызды ерекшеліктерін қарастыруға арналған жұмыс тақырыбының бірқатар бақылаулары мазмұндалады. Осы сөздің негізгі мағынасы мен оның семантикалық және формалды ерекшеліктерін анықтауға алғышарт жасалынады. Арқайымды зерттеу барысында алынған археологиялық материалдардың негізінде осы мағынаның призмасы арқылы арқайымдық үйді үлкен бөлшектерімен және анықталған артефактілердің мағынасын айқындау есебімен көру мүмкіндігін ұсынады.

Кілт сөздер: Арқайым, Ригведа, үй, мәтін, архитектура.

S.S. Ivanov

Zh. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyzstan
sak@yandex.ru

THE NEW FINDINGS OF BRONZE ARROWHEADS OF ANCIENT NOMADS EPOCH FROM KYRGYZSTAN

Abstract. This article is dedicated to new findings of bronze arrowheads, found on the territory of modern Kyrgyzstan in last 15 years (till 2013). All arrowheads are related to the Early Iron Age and existed generally between 800 and 200 BC. Depending on shape all arrowheads were divided into different types and variants. For each type was detected chronology on the basis of findings of similar artifacts from burial and sedentary monuments.

There was especially investigated specific group of arrowheads with clipped type of hub. Such type of bronze arrowhead was discovered in a vast territory – from Urals to Tuva. All collection of clipped arrowheads is divided into two big groups: with three and two clips on hub. And if origins of arrowheads with two clips were in the north-east part of Scyth-Siberian cultural world, arrowheads with three clips on hub were invented in ancient Central Asia. All clipped arrowheads existed in our region between 600 and 200 BC.

Keywords: ancient nomads, Saka period, Kyrgyzstan, arrowheads.

УДК 903.222(575.2) «638.3»

С.С. Иванов

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызстан

НОВЫЕ НАХОДКИ БРОНЗОВЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ ЭПОХИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ КЫРГЫЗСТАНА

Аннотация. Статья посвящена новым находкам наконечников стрел эпохи ранних кочевников, сделанным на территории Кыргызстана за последние 15 лет (сборы до 2013 г.). Данная сборная коллекция существенно расширяет наши представления о составе колчаных наборов саков Семиречья и Тянь-Шаня в диапазоне от VIII по III вв. до н.э. Все наконечники были разделены на группы, типы и варианты в соответствии с устоявшейся типологией. Хронология их была выявлена на основе сравнительного анализа из хорошо датированных погребальных и поселенческих памятников.

Отдельное внимание посвящено малоизвестной группе зажимных наконечников стрел, выявленных в последнее время на огромной территории. Данные наконечники имели две основные вариации: с тремя зажимами и двумя зажимами на втулке. Сборная коллекция из Кыргызстана существенно уточняет наши знания об использовании этого типа стрел местными кочевниками.

Ключевые слова: ранние кочевники, сакский период, Кыргызстан, наконечники стрел.

Введение. За последние годы в Кыргызстане было найдено внушительное количество предметов вооружения эпохи раннего железного века, значительная часть из которых представлена бронзовыми наконечниками стрел. Это обстоятельство во многом помогло расширить наши представления об их типологическом составе в эпоху ранних кочевников, потому как еще к началу 90-х гг. прошлого века число находок бронзовых наконечников рассматриваемого периода в нашей стране исчислялось немногим более полутора десятка экземпляров. В настоящее же время их

общая численность по подсчетам автора данной статьи достигает более шестидесяти. В связи с чем, назрела необходимость более детального рассмотрения новых находок бронзовых наконечников в совокупности.¹

Очень важны при рассмотрении наконечников стрел ранних кочевников вопросы типологии и классификации, во многом проливающие свет на их хронологию, эволюцию и пути распространения отдельных типов наконечников на просторах степей Евразии, что в конечном итоге может указать на военно-культурные контакты и возможные пути миграций древних кочевников.

Методы исследования

Следуя устоявшейся в научной литературе классификации и типологии, разработанной в конце 20-х – начале 60-х годов прошлого столетия [1], в зависимости от материала, из которого были изготовлены наконечники стрел, их можно подразделить на пять больших классов: бронзовые, железные, биметаллические, костяные и деревянные. Однако в данной статье мы будем касаться только класса бронзовых наконечников стрел.

Каждый класс, в свою очередь, распадается на три группы по форме насада: черешковые, втульчатые и – очень специфическую группу – зажимные наконечники.² Втулки наконечников могут быть скрытыми и выступающими по отношению к боевой части.

Помимо этого, в каждой из групп по поперечному разрезу могут выделяться до семи отделов: плоские, двулопастные, четырехгранные или ромбические, трехлопастные, трехгранные, и круглые в сечении наконечники,³ дающие, в зависимости от различных особенностей, значительное количество типов, которые подробнее будут рассмотрены ниже.

Результаты исследования и их обсуждение

Перейдем непосредственно к рассмотрению новых находок бронзовых наконечников стрел эпохи ранних кочевников из Кыргызстана, придерживаясь отмеченной выше классификационной системы.

Втульчатые наконечники стрел.

Двулопастные наконечники.

Тип 1. Наконечники с овальной или лавролистной головкой и выступающей втулкой.

В Кыргызстане в последнее время было обнаружено три новых наконечника подобного типа, из которых один найден в районе Шамшинского хребта в Чуйской долине (рис. 1, 2). Два остальных происходят из окрестностей г. Узген (Ферганская долина), причем у одного из них утрачено острие, а у второго – часть одной из лопастей.

Наконечники листовидной формы и раньше были известны на территории Кыргызстана. Несколько таких наконечников было обнаружено также при случайных обстоятельствах в районе Норуса в Чуйской долине [2]. Здесь же, в Чуйской долине, кроме того, был найден единственный экземпляр с шипом на втулке [3].

Указанные исследователи отнесли их к раннесакскому периоду – VIII – VI вв. до н. э. Однако датировка их во многом затруднительна вследствие их случайного происхождения. Поэтому предлагаю обратиться к близким аналогиям из хорошо датированных комплексов, происходящих с соседних территорий.

На территории Средней Азии подобные наконечники были обнаружены в могильниках Тагискен и Уйгарак в Приаралье [4], Жетысу [5] и на Восточном Памире в кургане 4 могильника Айдын-Кул, в составе знаменитого «брелока», бывшего, вероятнее всего, древним амулетом [6]. Здесь они достаточно хорошо датируются в пределах VIII – начала VI вв. до н. э., причем наиболее широко они, по-видимому, были распространены в нашем регионе в начале этого периода.

В эпоху раннего железа подобные наконечники стрел были широко распространены практически на всем пространстве евразийских степей: в Северном Причерноморье [7], Приуралье и Поволжье [8], Центральном и Восточном Казахстане [9], Южной Сибири [10] и Монголии [11], а также их находки отмечены на Ближнем и Среднем Востоке [12].

Появляются двулопастные наконечники стрел этого типа еще в эпоху бронзы в древностях срубной, андроновской и карасукской культур, то есть на огромных пространствах от Поволжья до Монголии и Восточного Туркестана и, по-видимому, именно эту территорию можно признать родиной двулопастных лавролистных наконечников стрел, распространяющихся к началу раннего

железного века на еще более широкие территории [13]. Но наконечники эпохи поздней бронзы чаще всего имеют большие размеры, в раннесакское время двулопастные наконечники несколько мельчают, что, по-видимому, было связано с более широким распространением лука скифского типа. Поэтому, в основном листовидные наконечники двулопастной формы в нашем регионе хронологически разграничить можно преимущественно по длине. Хотя, впрочем, это правило не всегда работает, поскольку ряд наконечников рассматриваемой формы в начале эпохи раннего железа также имеет массивную форму, в чем нет ничего странного, потому как они напрямую продолжают линию развития наконечников эпохи поздней бронзы.

Итак, аналогичные наконечники раннего железного века из Восточной Европы, Центрального и Восточного Казахстана и Южной Сибири исследователи в целом достаточно единодушно относят к VIII – началу VI вв. до н. э. К этому времени можно отнести и наши наконечники стрел.

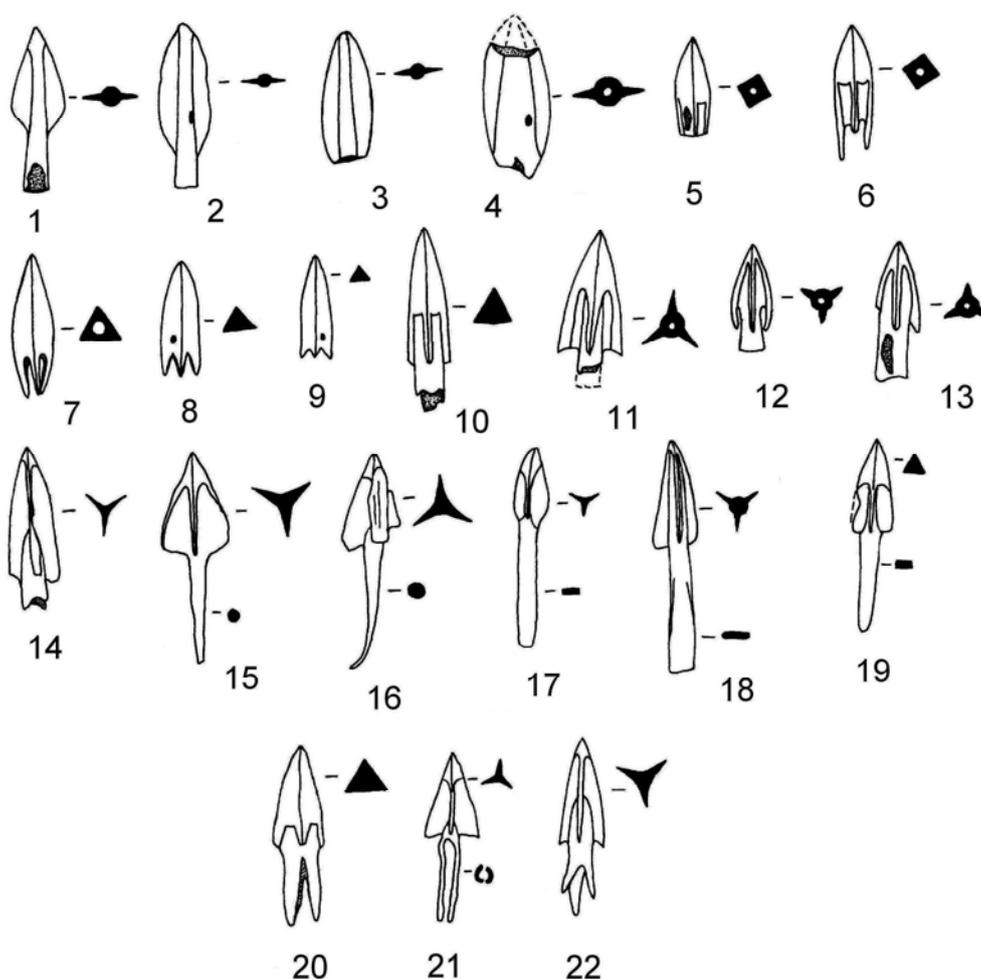


Рисунок 1 - Новые находки бронзовых наконечников стрел в Кыргызстане. 1, 2, 10, 14, 18 – район Шамшинского хребта (Чуйская долина); 3, 9, 17, 19 – Чуйская долина (?); 4 – мог. Чап (Кочкорская долина); 5, 6, 7, 12, 13 – окрестности г. Узген; 8 – гор. Кошой-Коргон (Центральный Тянь-Шань); 11 – мог. Сутту-Булак (Кочкорская долина); 15 – Иссык-Куль; 16 – Алай; 20 – гор. Сары-Булун (Иссык-Куль); 21 – предп. район пер. Торугарт (Центральный Тянь-Шань); 22 – мог. Кара-Булун (Чуйская долина)

Тун 2. Лавролистные наконечники стрел с обрезанной (скрытой) втулкой. Они практически аналогичны стрелам типа 1, отличаясь лишь от них более короткой втулкой, заканчивающейся у основания лопастей. К.Ф. Смирнов считал, что подобные наконечники стрел были достаточно редки в скифо-сибирском мире [14]. Видимо, это утверждение верно и для территории Центральной Азии, в том числе и для Кыргызстана. Здесь известно только два наконечника подобного рода. Один из них был случайно найден в местности Чап в Кочкорской долине (Тянь-Шань)

(рис. 1, 4), а второй – происходит откуда-то из Северного Кыргызстана, возможно, – из Чуйской долины (рис. 1, 3).

Примечательно, что наконечник из Кочкорской долины первоначально имел такой редкий признак, как шип на втулке, позволяющий отнести его, несмотря на его несколько массивные размеры, не к эпохе финальной бронзы, а к раннесакскому времени. Впрочем, как отмечает В.В. Волков в работе, посвященной Монголии, ряд бронзовых листовидных наконечников с шипом имели достаточно крупные размеры [15].

Сходный наконечник, но без шипа известен на востоке Ташкентского оазиса в могильнике Бурчмулла (Бричмулла), который, по-видимому, датируется раннесакским временем [16].

Единичные наконечники такого типа известны в Северном Причерноморье, Поволжье и Приуралье [17], Южной Сибири [18] и Алтае [19].

Они также известны с эпохи финальной бронзы, в том числе и на территории Центральной Азии, например, среди предметов Бричмуллинскогоклада [20]. Наконечники, относящиеся к раннему железному веку, могут быть в целом отнесены к VIII – VI вв. до н. э., а к V в. до н. э. они уже не известны в колчаных комплексах евразийских кочевников.

В свою очередь в пользу также достаточно раннего периода их использования на территории Кыргызстана говорит и такой архаичный признак, как шип на нижней части втулки, что характерно для ранних бронзовых наконечников VIII – VI вв. до н. э. от Восточной Европы до Монголии.

Поэтому с учетом всех рассмотренных аналогий в целом *тип 2* можно датировать в пределах VIII – начала VI вв. до н. э.

Тип 3. Наконечники треугольной головкой без шипов и выступающей втулкой. Этот довольно редкий тип стрелы известен двух экземплярах из Чуйской долины: первый был найден в районе Шамшинского хребта (рис. 1, 1), а второй – в окрестностях Норуса [21]. Оба наконечника достаточно сходны: сравнительно небольшие со скругленными лопастями в нижней части.

Достаточно сходный наконечник известен в кургане 23 могильника Сакар-Чага 6 в Южном Приаралье (Хорезм). Л.Т. Яблонский датирует весь колчаный набор этого погребения концом VIII – VII вв. до н. э. [22]. Наконечники из района Норуса А.Н. Бернштам суммарно отнес к VIII – VI вв. до н. э., о чем упоминалось выше.

Близкие, но не идентичные наконечники известны в Северном Причерноморье, Прикамье и Южной Сибири [23]. Эти аналогии датируются VI – началом V вв. до н. э., но наконечник из Норуса был найден вместе с достаточно архаичными типами стрел, что может указывать на его более раннюю датировку – по крайней мере, концом VIII – VI вв. до н. э. Видимо, к этому времени относится и шамшинский наконечник. Кроме того, нельзя не отметить морфологическую близость данных наконечников двулопастным проникателям с головкой ромбовидной формы, что может указывать на близкое время их существования. Это позволяет отнести наконечники типа 3 к концу VIII – началу VI вв. до н. э.

Итак, рассмотрев двулопастные наконечники стрел, нельзя не заметить, что они являются самой архаичной серией сакских бронзовых стрел и, в основном, существуют в колчаных наборах VIII – VI вв. до н. э. и являются важнейшей оставляющей *раннесакского колчанного комплекса*.

Трехгранные наконечники стрел.

Тип 1. Сводчатые наконечники с внутренней (скрытой) втулкой и дуговидным вырезом основания или опущенными вниз шипами.

На территории Кыргызстана найдено четыре наконечника данного типа. Практически все они случайного происхождения, кроме одного, найденного в кургане 29 могильника Баския II на Внутреннем Тянь-Шане [24].

Все остальные были найдены в последние годы. Один наконечник найден в нижних слоях на средневековом городище Кошой-Коргон [25] (рис. 1, 8). Второй наконечник происходит из окрестностей г. Узген (Ферганская долина) (рис. 1, 7). Что же касается третьего наконечника, то о нем известно, что он происходит откуда-то из Северного Кыргызстана (предположительно, Чуйская долина или Иссык-Куль) (рис. 1, 9). Все указанные наконечники почти аналогичны друг другу, за исключением экземпляра из Северного Кыргызстана: он отличается более малыми пропорциями и узкой боевой головкой.

Подобные наконечники были найдены в могильнике Тагискен и памятниках чирикратбатской культуры в Восточном Приаралье [26], в Бешатыре (курган 25), а также случайные находки из Казахстана [27].

В Центральном Казахстане один наконечник входит в состав колчанного набора из кургана 1 Тасмолы II, который М.К. Кадырбаев отнес ко второму этапу тасмолинской культуры (V – III вв. до н. э.). Но сам набор включает несколько архаичных наконечников, более характерных для конца раннесакского периода [28], поэтому может быть датирован более ранним временем – VI или, по крайней мере, самым рубежом VI и V вв. до н. э.

В Восточном Прикаспии (на плато Устюрт) аналогичные наконечники найдены в погр. 3 кургана 1 могильника Каскажол [29]. Они достаточно хорошо датируются по сопровождающему погребальному инвентарю и погребальному обряду, имеющему значительное сходство с раннепрохоровским, IV в. до н. э.

Аналогичные стрелы были широко распространены в скифо-сибирском мире. Они известны в Поволжье и Южном Приуралье [30], Причерноморье [31], Алтае [32] и Минусинской котловине [33], Тыве [34], а также единичные находки – на Ближнем и Среднем Востоке (Персеполь) [35]. Примечательно, что, являясь, одним из наиболее распространенных типов бронзовых наконечников рассматриваемого периода к востоку от Урала, подобных наконечников практически нет в Северном Причерноморье, где, впрочем, существовали сходные наконечники, но преимущественно с треугольной формой головки. Причем значительное распространение они здесь получают в комплексах IV – III вв. до н. э. [36].

Исследователи относят среднеазиатские наконечники этого типа преимущественно к VI – V вв. до н. э. [37]. Примерно к этому же времени они относятся и на других территориях степной части Евразии. К примеру, К.Ф. Смирнов отмечает, что они в основном использовались савроматами в VI – V вв. до н. э., но отмечены также и в последующем IV столетии, а вот у скифов Причерноморья они бытовали несколько – в V – начале III вв. до н. э. и скорее всего, появились здесь под влиянием савроматов/ранних сарматов [38]. Южносибирские параллели в целом укладываются в рамки V – III вв. до н. э. [39], хотя самые ранние наконечники этого типа известны уже в комплексе рубежа VI и V вв. до н. э. в Лесостепном Алтае (Новообинка) [40]. Что же касается подобных наконечников на Среднем Востоке, то И.Н. Медведская поместила их в своей таблице в 500-400 гг. до н. э., т. е. в V в. до н. э.

Итак, приведенные аналогии только подтвердили датировку типа 2 преимущественно VI – IV вв. до н. э. Но, по-видимому, мелкие наконечники с узкой, почти треугольной головкой продолжали существовать вплоть до конца III в. до н. э. Об этом, например, свидетельствует находка такого наконечника вместе с раннепрохоровскими железными черешковыми наконечниками в Центральном Казахстане (могильник Карамурун II, курган 1). К последней находке приближается уже упоминавшийся наконечник из Северного Кыргызстана, который также, скорее всего, относился к верхней хронологической границе бытования рассматриваемых наконечников. Таким образом, в целом тип 2 можно датировать VI – IV вв. до н. э., хотя он, видимо, в более ограниченных масштабах существует и в III в. до н. э. Причем формирование его происходило, скорее всего, в первой половине VI в. до н. э., о чем может свидетельствовать бешатырский комплекс, в составе которого имеются достаточно архаичные типы бронзовых наконечников стрел.

Вообще, на наш взгляд, формирование этого достаточно распространенного типа происходило на востоке скифо-сибирского мира, не территории от Урала до Алтая и Тывы, где они и были широко распространены позднее. Здесь же до их появления известны совершенно аналогичные бронзовые наконечники, но четырехгранные в разрезе, которые и послужили основой для появления наконечников *типа 1* в первой половине VI в. до н. э., когда на этих же территориях происходит распространение с запада проникателей так называемых «скифских» типов – трехлопастных и трехгранных в сечении. В результате этого слияния появляются рассматриваемые нами сводчатые наконечники трехгранного сечения с шипами в основании, которые остаются самыми популярными бронебойными стрелами на указанных территориях в VI – начале III вв. до н. э.

Тип 2. *Наконечники со сводчатой головкой, переходящей в массивные лопасти (трехгранно-трехлопастные) и выступающей втулкой.* Лопасти у наконечников этого типа чаще всего заканчиваются острыми шипами.

К этому типу относятся два новых наконечника, различающиеся между собой оформлением перехода острия в лопасти.

Первый наконечник был случайно найден на древнетюркском могильнике Сутту-Булак в Кочкорской долине. Он достаточно массивный, переход в лопасти от трехгранного острия у него образован узкими «арочными» выемками (рис. 1, 11).

Аналогичные наконечники известны из могильников Тагискен (курган 53) [41], Уйгарак (курган 43) [42] и Бесшатыр (курган 25) [43], а также среди случайных находок из Казахстана.

Подобные наконечники были достаточно широко распространены в евразийских степях в раннем железном веке. Они встречаются Северном Причерноморье, Поволжье и Приуралье, Южной Сибири.

Наконечники из приаральского могильника Уйгарак вполне хорошо датируются VI в. до н. э. [44], хотя бы его второй половиной. Курган 53 Тагискена, в котором были найдены сходные проникатели, хронологически ему близок и укладывается в рамки второй половины VI – началу V вв. до н. э. [45]. Стрелковый набор кургана 25 могильника Бесшатыр хорошо датируется, по крайней мере, в пределах VI в. до н. э. [46], предпочтительнее первой его половиной.

Савроматские аналогии К.Ф. Смирнов отнес к типу Vб и датировал концом VII – VI вв. до н. э. [47]. К этому же времени относятся наконечники подобного рода и в степях Северного Причерноморья [48], хотя есть и в V в. до н. э. Однако эти датировки не совсем приемлемы для регионов восточнее Урала, потому как само распространение стрел «скифского» типа здесь начинается примерно с рубежа VII и VI вв. до н. э.

Второй наконечник данного типа был недавно случайно обнаружен на востоке Чуйской долины (Шамшинский хребет), но лопасти у него были образованы «вильчатыми» выемками (рис. 1, 10).

Наиболее близкая аналогия ему – наконечник из кургана 3 могильника Карамурун II в Центральном Казахстане, который по сочетанию типов бронзовых наконечников, входящих в погребальный инвентарь, датируется V в. до н. э. [49]. Есть также сходные наконечники в могильнике Уйгарак, например, в комплексе к. 16, который относится к V в. до н. э. [50]. Достаточно близкие параллели ему имеются в савроматских древностях Поволжья и Приуралья (тип Vг), которые датируются VI в. до н. э. [51].

Поэтому, исходя из приведенных аналогий, рассмотренные нами наконечники могут быть датированы в пределах VI – V вв. до н. э. Хотя, в целом, наконечники этого типа в нашем регионе существовали с VI и до III в. до н. э. включительно, о чем говорят вполне представительные их серии.

Трехлопастные наконечники стрел.

Тун 1. *Наконечники со сводчатой головкой и выступающей втулкой.* В большинстве случаев они также имеют шипы, в которые переходят концы лопастей. К данному типу можно отнести три наконечника.

Первый случайно был найден в районе Шамшинского хребта (Чуйская долина). Втулка у него доходит только до трети длины лопастей и переходит в хорошо выраженные лопасти (рис. 1, 14).

Схожие наконечники также происходят из «шлакового» кургана 2, могильников Уйгарак и Тагискен в Приаралье [52], Бесшатыр в Жетысу [53], а также случайными находками в Казахстане. Приаральские аналогии в целом укладываются в датировку VI – V вв. до н. э.

Ко второму варианту можно отнести два наконечника из окрестностей г. Узген (Ферганская долина). Они в значительной мере схожи, но один из них имеет длинную втулку (рис. 1, 12, 13).

Два аналогичных наконечника известны из кургана 43 Уйгарака [54] и два – со «шлаковых» курганов 3 и 5 в Приаралье [55]. Датируются эти комплексы убедительно VI – V вв. до н. э.

Известны они также и на западе нашего региона – на Мангышлаке (могильник Дэвкескен, курган 4), причем некоторые из них также имели длинную втулку. Датируется данный комплекс V в. до н. э. [56]. Ряд сходных наконечников известен из могильников второго этапа развития тасмолинской культуры Центрального Казахстана [57], датируемых соответственно V – III вв. до н. э.

У скифов и савроматов трехлопастные наконечники с выступающей втулкой были широко распространены на протяжении практически всей их истории, то есть с VII по III вв. до н. э. [58]. На Алтае и Южной Сибири они характерны для VI – V вв. до н. э. [59]. И если первый наконечник может быть сопоставлен с наконечниками VI – IV вв. до н. э., то второй и третий – с наиболее

архаичными формами этого типа, поэтому последние два экземпляра можно датировать VI – V вв. до н. э.

Таким образом, получается, рассмотренный тип наконечников стрел существовал на территории Кыргызстана в VI – IV вв. до н. э.

Четырехгранные наконечники стрел.

Тип 1. *С ромбической головкой и внутренней втулкой.* С территории нашей страны известно два наконечника этого типа, найденные совместно в составе клада бронзовых предметов из Чон-Кемина, достаточно точно датирующегося VIII – VI вв. до н. э. [60].

База втулки может быть в двух вариантах: ровно срезанной, либо образовывать небольшие шипы/шип. Однако в нашем случае она ровная, но это не является хронологическим показателем, поскольку стрелы обоих вариантов часто находят в одних и тех же комплексах.

В Средней Азии наконечники стрел этого типа были обнаружены в могильниках Тагискен [61], Уйгарак [62] и Сакар-Чага 6 [63] в Приаралье и Айдын-Кул I на Памире [64], также при случайных обстоятельствах – в Казахстане [65].

Датировка наконечников этого типа достаточно хорошо ясна в нашем регионе. Находки из приаральских могильников Тагискен и Уйгарак вполне хорошо датируются по сопутствующим комплексам предметов концом VIII – VI вв. до н. э. [66], в то же время Л.Т. Яблонский относит комплексы Сакар-Чага 6 к концу VIII – VII вв. до н. э. [67]. Памирские наконечники были найдены в несколько более позднем погребении, где они сохранились, скорее всего, в качестве оберега, но сам комплекс наконечников в нем убедительно свидетельствовал, по мнению Б.А. Литвинского, в пользу отнесения его к VII в. до н. э. [68].

Параллели этим наконечникам имеются преимущественно в азиатской части степей Евразии – Центральном и Восточном Казахстане [69] и Алтае [70], которые здесь датируются VIII – VI вв. до н. э.

Примечательно, что у скифов и савроматов Восточной Европы не было этого типа наконечников, но имеются их костяные прототипы, которые исследователи относят к VIII – VII вв. до н. э. [71]. Впрочем, они есть, даже более близкие по форме, и в комплексе Аржан I, датируемом в пределах конца IX – VIII вв. до н. э. [72].

Из приведенной сводки их территориального распространения можно заключить, что они среднеазиатско-казахстанско-сибирского происхождения. Ранее высказывалось мнение об их приаральско-казахстанском происхождении [73], теперь с учетом расширения географии их находок, притом, из достаточно хорошо датированных комплексов, можно все же заключить и о более широкой территории их формирования, в пользу чего говорят и их ранние прототипы с самой восточной точки территории их распространения – Тывы.

Таким образом, наконечники стрел с ромбической головкой можно датировать концом VIII – VI вв. до н. э., и отнести к раннесакскому стрелковому комплексу.

Тип 2. *Со сводчатой головкой, переходящей в нижней части в лопасти (трехгранно-трехлопастные).* Данный тип представлен двумя вариантами:

- 1) с шипами, образованными концами лопастей;
- 2) с ровной базой.

К первому варианту относится один наконечник, найденный в районе Узгена (Ферганская долина). Он имеет две пары шипов – длинных и коротких, расположенных симметрично. Переход острия в лопасти образован так называемым «вилчатый» вырезом (рис. 1, б). Совершенно аналогичный наконечник был недавно обнаружен на средневековом городище Кызыл-Туу в Чуйской долине.

Ко второму варианту также можно отнести пока один наконечник, происходящий, как и первый, из окрестностей г. Узген. Он практически аналогичен первому, но меньших размеров, но несколько аморфен (рис. 1, 5).

Оба варианта морфологически близки друг к другу, поэтому можно предположить, что они и использовались примерно в одно и то же время.

К.Ф. Смирнов считал этот тип характерным для восточных областей Евразии, так как все экземпляры этого типа были обнаружены восточнее Поволжья, и, к тому же, именно здесь имеются более ранние костяные прототипы подобных стрел [74]. И действительно такие наконечники в основном известны в нашем регионе. В частности, наиболее близкие наконечники этого типа

происходят из могильника Бешатыр в Жетысу [75]. Также очень близок к рассматриваемым нами наконечникам один экземпляр из Кайрак-Кумов в Ферганской долине [76], который, правда, имеет на одной из граней простой прямоугольный вырез.

Аналогии наконечникам этого типа, хотя и не полностью идентичные, известны в Персеполе и у савроматов Южного Приуралья (Мечет-Сай, курган 2) [77], но в Поволжье и Северном Причерноморье подобных наконечников нет. Также сходные наконечники отмечены в Тыве, они характерны здесь для второй половины VII – VI вв. до н. э. [78].

В своей хронологической таблице К.Ф. Смирнов поместил их в графу VI – V вв. до н. э., точнее к рубежу этих столетий [79]. Примечательно, что Б.А. Литвинский датировал среднеазиатские наконечники по аналогии как раз с приуральскими. Курган 25 Бешатыра достаточно надёжно датируется VI в. до н. э. [80], а с учетом наших современных знаний ему, в принципе не противоречит дата – первая половина или середина VI столетия.

Итак, скорее всего, сакские образцы из Кыргызстана из-за их близости к савроматским нужно отнести к VI – началу V вв. до н. э., хотя не исключен некоторый заход и в конец VII в. до н. э.

Черешковые наконечники стрел.

Трехгранные наконечники стрел.

Тип 1. *Наконечники со сводчатой головкой, переходящей в массивные лопасти (трехгранно-трехлопастные).*

К этому типу можно отнести один наконечник, найденный в Северном Кыргызстане (возможно, Чуйская долина). Он имеет плоский черешок, лопасти срезаны под прямым углом к черешку, но не имеют шипов из-за значительной степенности. Сами лопасти образованы арочными вырезами, что и придает нижней части наконечника трехлопастное сечение (рис. 1, 19). Аналогичные стрелы с плоским черешком были найдены в Уйгараке [81], Тагискене [82], Сакар-Чага 6 [83] в Приаралье, в могильнике Кунгай в Ферганской долине [84], Бешатыр [85] и Памирской I на Памире [86]. Есть они также и в Центральном Казахстане [87].

Исследователи в целом единодушны в датировке среднеазиатских наконечников этого типа и определяют ее в пределах VII – VI вв. до н. э. [88]. Чему совершенно не противоречит состав комплексов, в том числе и стрелковый набор, в который они часто входят, практически всегда он имеет ярко выраженный раннесакский облик. Причем главным критерием их разграничения с похожими наконечниками стрел более позднего времени служит именно уплощенный черешок, который затем сменяется круглым в сечении.

Параллели рассматриваемому типу известны на широких просторах восточной части Евразии – в Приуралье [89], Алтае [90] и Минусинской котловине [91], а также в Монголии [92], которые датируются в пределах VII – V вв. до н. э.

Итак, наконечники данного типа можно отнести в нашем регионе к VII – VI вв. до н. э., с возможным заходом в V в. до н. э., но хорошо датированных комплексов, относимых именно к этому столетию пока здесь неизвестно.

Трехлопастные наконечники стрел.

Тип 1. *Со сводчатой головкой.* В зависимости от сечения черешка выделяется два подтипа:

К данному типу можно условно отнести один случайный наконечник из Чуйской долины, он имеет сильно сточенную головку, которая первоначально, скорее всего, имела сводчатую головку. Помимо этого, он обладает усиленным острием, трехгранным в сечении, приближаясь, таким образом, к трехгранно-трехлопастным наконечникам стрел (рис. 1, 17).

К нему также относятся большие серии наконечники стрел из приаральских могильников Уйгарак [93], Тагискен [94] и Сакар-Чага 6 [95], но в последнем случае они имеют более короткие черешки. Исследователи относят приаральские серии черешковых трехлопастных к VII – VI или концу VIII – VI вв. до н. э., хотя в нашем регионе они известны и с более раннего времени, по крайней мере, с рубежа эпохи бронзы и раннего железного века [96].

В эпоху же раннего железа они, помимо Средней Азии, известны на Алтае и в Минусинской котловине в VII – VI вв. до н. э. [97]. И, таким образом, первый вариант рассматриваемого типа должен относиться к VIII – VI вв. до н. э., хотя чуйский наконечник, скорее всего, относится VII – VI вв. до н. э., поскольку имеет усиленное острие, что нехарактерно для ранних наконечников этого типа.

Тип 2. *С треугольной головкой.* Представлен двумя подтипами:

- 1) с плоским черешком;
- 2) с круглым черешком.

Подобное членение наконечников стрел в зависимости от разреза черешковой части имеет важное значение с хронологической точки зрения, о чем будет сказано несколько ниже.

К *первому подтипу* – с плоским черешком – относится случайно найденный на востоке Чуйской долины экземпляр (Шамшинский хребет). Черешок у него рельефно доходит почти что до самого острия (рис. 1, 18).

К этому же подтипу относятся несколько наконечников из Уйгарака и Тагискена в Приаралье. Лопасты у них срезаны под прямым углом либо образуют небольшие шипы [98]. Есть они и в соседнем могильнике Сакар-Чага 6 [99].

Два очень сходных наконечника известны из Центрального Казахстана (Карамурун, курган 5ж и Ак-Булак I, курган 1), датируются они VII – VI вв. до н. э. [100].

Как уже упоминалось выше, все приуральские и центрально-казахстанские комплексы, в которых были найдены черешковые наконечники стрел с плоским черешком, надежно датируются концом VIII – VI вв. до н. э.

Аналогии из Южной Сибири датируются в пределах VIII – VI вв. до н. э. [101], хотя, видимо, и в самой Средней Азии и Казахстане черешковые трехлопастные наконечники стрел известны с рубежа бронзового и раннего железного веков [102]. Поэтому есть все основания отнести подтип 1 к VIII – VI вв. до н. э.

Второй подтип – наконечники с круглым в сечении черешком – представлен двумя экземплярами случайного происхождения с Алая (рис. 1, 16) и из Прииссыккуля (район с. Жаркымбаево) (рис. 1, 15).

Наконечники с короткими широкими боевыми головками. Черешки у обоих наконечников доходят только до основания лопастей и различаются по длине. Более длинный черешок – у экземпляра с Алая.

Аналогии рассматриваемому наконечнику стрелы представлены в нашем регионе очень ограниченным кругом находок. В частности, можно отметить наконечник из Южного Таджикистана (Балдай-тепе), который Б.А. Литвинский отнес к V – IV вв. до н. э., отметив его морфологическую близость позднейшим железным наконечникам стрел [103].

Наконечники, типологически сходные с нашим, также отмечены в лесостепном Алтае [104], Минусинской котловине [105] и Тыве [106]. В данных регионах значительная часть подобных наконечников происходит из погребальных комплексов и в целом датируется исследователями V – III вв. до н. э.

Очень близки по форме и размерам сакским наконечникам раннесарматские железные черешковые стрелы IV–II вв. до н. э., имеющие всегда округлую в разрезе черешковую часть [107]. Поэтому в нашем регионе трехлопастные наконечники из бронзы с круглым в сечении черешком, скорее всего, датируются V–III вв. до н. э. Не случайно, что уже в III–II вв. они сменяются совершенно аналогичными по форме железными наконечниками и в Средней Азии.

Итак, на основе южносибирских и отчасти восточноевропейских аналогий есть все основания датировать трехлопастные наконечники стрел с круглым в сечении черешком – подтип 2 – V–III вв. до н. э. и отнести к числу надежных хронологических маркеров позднесакского времени.

Итак, для Центральной Азии в раннем железном веке было характерно длительное существование бронзовых черешковых наконечников стрел, которые, появившись в эпоху бронзы, бытуют до конца III в. до н. э. и только затем сменяются железными черешковыми стрелами.

Зажимные наконечники стрел.

Третья группа бронзовых наконечников стрел представлена пока что немногочисленным количеством экземпляров, но она из года в год продолжает пополняться, что косвенно свидетельствует о том, что подобные наконечники были гораздо шире представлены в колчанных наборах ранних кочевников Кыргызстана, чем это представлялось ранее.

В зависимости от количества выступов-зажимов третья группа четко подразделяется на две подгруппы:

- 1) с тремя выступами-зажимами;
- 2) с двумя выступами-зажимами.

К первой подгруппе относится наконечник, найденный в могильнике Карабулун в Чуйской долине (рис. 1, 22). Два очень сходных наконечника происходят из могильников на Алае – Шарт II и Кара-Кунгей.

В типологическом отношении данные наконечники распределяются следующим образом: все они принадлежат к *отделу трехлопастных*, но алайские наконечники имеют треугольную головку, а чуйский – сводчатую. Но, несмотря на некоторые различия, в целом они очень близки друг другу.

А.Н. Бернштам, опубликовавший наконечник из Шарта II, отнес его по сопутствующему инвентарю погребения к VI–V вв. до н. э. [108]. К.И. Ташбаева склонялась к отнесению его, как и экземпляра из Кара-Кунгей, ко второй половине VI–первой половине V вв. до н. э. [109].

Наконечник из могильника Карабулун был отнесен В.П. Мокрыниным к IV–началу III вв. до н. э. по погребальному обряду и сопутствующему инвентарю [110]. Причем, в этом же кургане были обнаружены остатки нескольких деревянных древков со следами крепления аналогичных наконечников, что говорит о первоначально большем их количестве в данном погребении. А это в свою очередь может свидетельствовать о том, что подобные наконечники – не такая уж редкая вещь в Северном Кыргызстане. В пользу сравнительно поздней датировки косвенно говорит и находка в этом же могильнике сосуда с треугольными фестонами, заполненными точками. Обычно подобные сосуды относятся к усуньскому периоду [111]. Хотя, на мой взгляд, не исключена и более ранняя дата для данного наконечника. Поскольку они близки группе сосудов с аналогичным орнаментом, как из самого Жетысу, но также из лесостепного Алтая [112], а также имеют ощутимое сходство с сосудами раннесарматского времени, которые часто также украшены подобным орнаментом.

В настоящее время ареал наконечников стрел с тремя зажимами ограничивается в основном Памиром [113], Алаем, Ферганской долиной [114], юго-западным Таджикистаном и северо-восточным Афганистаном (Бактрия) [115], Жетысу, Хорезмом [116] и Южным Приуральем [117]. Но в последних двух районах они составляют единичные находки.

Причем, практически из всех районов данные наконечники однотипны – с треугольной трехлопастной головкой. Поэтому чуйский экземпляр несколько выпадает из общей массы, но это можно объяснить локальной спецификой. По аналогиям наконечники с тремя зажимами могут быть датированы VI–III вв. до н. э. Причем время их исчезновения в отдельных районах может варьировать. В Фергане они исчезают вместе с памятниками эйлатано-актамского типа, на рубеже IV и III вв. до н. э. На Памире и, возможно, на Алае зажимные наконечники бытуют вплоть до III в. до н. э., а затем дают начало немногочисленной специфической группе железных стрел, известной только на Восточном Памире. Б.А. Литвинский отнес их к IV–III вв. до н. э.; впрочем, на мой взгляд, эту группу железных наконечников можно отнести к III в. до н. э., чему не противоречит погребальный инвентарь захоронения, в котором они были найдены [118]. В соседней земледельческой Бактрии они доживают, возможно, до рубежа III и II вв. до н. э., причем, здесь само появление зажимных наконечников стрел вполне справедливо связывается с воздействием соседней кочевой среды [119].

И, таким образом зажимные наконечники с тремя зажимами укладываются в хронологические рамки VI–III вв. до н. э.

Наконечники второй подгруппы – с двумя выступами-зажимами представлены в настоящее время также тремя экземплярами. Первый из них происходит с городища Сары-Булун из Восточного Прииссыккуля (раскопки В.П. Мокрынина) (рис. 1, 20). Вторым, скорее всего, был найден при случайных обстоятельствах где-то на Внутреннем Тянь-Шане, предположительно, в районе перевала Торугарт (рис. 1, 21), а о третьем наконечнике только известно, что он происходит откуда-то из Северного Кыргызстана, возможно, с Иссык-Куля.

Типологически они подразделяются следующим образом: иссык-кульский наконечник принадлежит к *отделу трехгранных (трехгранно-трехлопастных)*, а остальные два – к *отделу трехлопастных*.

Иссык-кульский наконечник имеет массивную сводчатую головку, переходящую в нижней части в короткие грани-ребра. Остальные два наконечника практически одинаковы: они имеют широкие треугольные головки и различаются только тем, что у экземпляра с Тянь-Шаня более длинные зажимы, чем у второго наконечника.

Датировать все наконечники второй подгруппы достаточно сложно, так как они представляют собой случайные находки; даже, несмотря на то, что один из них был найден на городище сакского времени, это обстоятельство не проливает свет на его «узкую» хронологию, поэтому предлагаю обратиться к аналогиям.

В настоящее время ареал наконечников с двумя зажимами очерчивается достаточно хорошо и охватывает территорию в пределах Южного Приуралья [120], Приаралья [121], Центрального Казахстана [122], Тянь-Шаня и Южного Жетысу (в пределах Чуйской долины), Памира [123], Синьцзяна [124], Алтая [125] и Тывы [126].

Наконечник с городища Сары-Булун находит единственную аналогию среди всех известных стрел подобного типа – в китайской части Алтая в Синьцзяне. Оба наконечника очень близки по облику друг к другу, исык-кульский отличается только тем, что имеет у основания граней выемки, которые образуют небольшие ребра. Датировать их очень сложно, так как они – случайные находки.

Остальные два наконечника принадлежат к самому распространенному типу среди наконечников с двумя зажимами, но наиболее близкие параллели обнаруживают в Центральном Казахстане, Тыве, Алтае и Приаралье.

Хронологически вторая подгруппа существовала дольше, чем первая – с тремя выступами-зажимами. Наиболее ранние образцы с двумя зажимами встречены в Синьцзяне и Тыве. Причем, в первом регионе они представлены архаичными двулопастными наконечниками с треугольной головкой и могут быть датированы, по крайней мере, VII–VI вв. до н. э. [127]. К примеру, похожие наконечники, но с обычной втулкой, есть в Памирской I, относящиеся к VII в. до н. э. [128]. В Тыве железные зажимные наконечники стрел отмечены в кургане Аржан-2, датированном на основе радиоуглеродного анализа второй половиной VII в. до н. э. Возможно, VII вв. до н. э. также могут датироваться и другие комплексы – к примеру, Сарыг-Булун, курган 1, могила 2 [129]. Однако основная масса бронзовых наконечников стрел с двумя зажимами принадлежит к VI – IV вв. до н. э. Причем, время существования наконечников с двумя зажимами, видимо, было различным для отдельных регионов, особенно с учетом того, что в большей части из них они были малочисленными, если даже не сказать единичными находками. К примеру, в Центральном Казахстане, Приуралье они существуют на протяжении VI–V вв. до н. э., а затем как будто исчезают. В Тыве наконечники с двумя зажимами использовались в пределах VII – V вв. до н. э. и к концу этого периода также выходят из употребления. В западной части Синьцзяна они существовали примерно с VII по IV вв. до н. э. На Памире они использовались наряду с наконечниками первого типа, возможно, до начала III в. до н. э. Поэтому, скорее всего и наконечники из Кыргызстана в целом можно отнести к VI–IV вв. до н. э.

Итак, оба типа зажимных наконечника стрел достаточно близки, единственное их отличие состоит только в количестве зажимов. Впрочем, каждый тип имеет достаточно самостоятельные ареалы, которые накладываются друг на друга только в трех точках – в Южном Приуралье, Северном Кыргызстане и на Памире. Что может только лишний раз свидетельствовать об их синхронном существовании в степях Евразии. Хотя по хорошо датированным зажимным наконечникам складывается впечатление, что стрелы с двумя зажимами исчезают раньше – в IV в. до н. э., в то время как наконечники с тремя зажимами продолжают использоваться до конца III в. до н. э.

Выводы. Таким образом, совокупная коллекция бронзовых наконечников стрел с территории Кыргызстана в значительной мере пополнилась в последние годы, что особенно ценно с учетом того, что прежде в целом было их известно немногим более двух десятков. Изучение их новых находок позволило не только ввести этот свежий материал в научный оборот, но и также показать разнообразие типов и форм проникателей, использовавшихся ранними кочевниками Кыргызстана в древности, что, на наш взгляд, может свидетельствовать об очень сложных культурных связях и взаимовлияниях в кочевом мире Евразии в I тыс. до н. э. Отмеченные аналогии рассмотренным наконечникам показывают, что ранние кочевники Кыргызстана имели тесные культурные связи с другими скифо-сакскими культурами Евразии и быстро воспринимали и развивали новации в развитии стрелкового набора, а также принимали участие в их дальнейшей ретрансляции в соседние регионы.

Примечания:

1 – В связи с этим автору хотелось бы выразить глубокую признательность частным коллекционерам В.Г. Кошевару и А.М. Камышеву за помощь в сборе и ознакомлении с публикуемым материалом.

2 – Впервые в отдельную группу их выделил Ю.С. Худяков, анализировавший вооружение населения Синьцзяна в эпоху поздней бронзы и раннего железа [130]. Несколькими годами позже К.В. Чугунов, классифицируя бронзовые наконечники Тывы скифского времени, предложил для рассматриваемой группы термин «зажимные» наконечники стрел, что, на мой взгляд, наиболее точно отражает их функциональные особенности, нежели термины, предложенные ранее другими исследователями [131]. Действительно, деревянное древко зажималось двумя или тремя выступами и наконечник стрелы, таким образом, надежно фиксировался. И фактически «зажимные» наконечники по способу и форме насада на древко стрелы занимают промежуточное положение между черешковыми и втульчатыми наконечниками, потому как они сочетают элементы обеих традиционных групп. Это и послужило критерием для их выделения в особый отдел.

3 – В начале 90-х гг. прошлого века М.Г. Очир-Горяева, на наш взгляд, вполне обоснованно предложила выделить дополнительные отделы, занимающие типологически промежуточное положение между традиционными – к примеру, трехгранно-трехлопастные наконечники стрел и т. п. Однако, принимая во внимание это ценное дополнение, мы сочли остаться в пределах устоявшейся традиционной терминологии и классификации, чтобы не возникло путаницы при сравнении бронзовых наконечников стрел Кыргызстана с аналогичными проникающими с других территорий, но в скобках рядом с типом традиционной классификации будет указано типологическое положение некоторых типов наконечников с учетом предложений М.Г. Очир-Горяевой [132].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. МИА. 1961. №101; Мелюкова А.И. Вооружение скифов. - М.: Наука, 1964.
- [2] Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. - МИА. - 1950. - № 14, табл. XXXIX.
- [3] Кибиров А.К. Археологические работы в Тянь-Шане, Труды Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции. - Фрунзе, 1959. - Т. 2. - С. 109. - Рис. 17.
- [4] Вишневецкая О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи VII–V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. - М.: Наука, 1973. - Табл. 25, 14-15; Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). - М.: РОССПЭН, 1997. - Рис. 706, 20.
- [5] Черников С.С. Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». - М., 1965. - С. 184.
- [6] Литвинский Б.А. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время, Материальная культура Таджикистана. - Душанбе, 1968. - Вып. 1. - С. 90-91. - Табл. 7, 2, 4-5.
- [7] Мелюкова А.И. Вооружение скифов. - М.: Наука, 1964. - С. 17-19. - Табл. 1, в/2-3; табл. 6, а/3, з/6-8, к/5, п/3.
- [8] Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. - МИА. - 1961. - № 101. С. 37-39. - Рис. 11, в/1, рис. 12, з/1.
- [9] Черников С.С. Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». - М., 1965. - С. 46-49. - Рис. 6, 3-9, табл. 10.
- [10] Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. - М.: Наука, 1967. - Табл. 12, 20.
- [11] Волков В.В. Бронзовые наконечники стрел из музеев МНР, Монгольский археологический сборник: сб. ст. - М., 1962. - Рис. 3, 5, 7; Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век северной Монголии. - Улан-Батор, 1967, -С. 56, рис. 19, 2-6.
- [12] Литвинский Б.А. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время, Материальная культура Таджикистана. - Душанбе, 1968. - Вып. 1. - С. 85; Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. - МИА. - 1961. - № 101. - С. 39.
- [13] Медведская И.Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии. - Советская археология. - 1972. - № 3. - С. 84, 89; Медведская И.Н. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II – первой половины I тыс. до н. э. - Советская археология. - 1980. - № 4. - С. 28.
- [14] Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. - МИА. - 1961. - № 101. - С. 40.
- [15] Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век северной Монголии. - Улан-Батор, 1967. - С. 56. - Рис. 19, 13-14.
- [16] Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. - М.: Наука, 1992. - Табл. 37, 43.
- [17] Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. - МИА. - 1961. - № 101. - С. 40-41. - Табл. I, А 14-15.
- [18] Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. - М.: Наука, 1967. - Табл. 12, 21-22.
- [19] Иванов Г.Е. Вооружение племен Лесостепного Алтая раннем железном веке, Военное дело древнего населения Северной Азии: сб. ст. - Новосибирск, 1987. - Рис. 2, 16.
- [20] Литвинский Б.А. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время, Материальная культура Таджикистана. - Душанбе, 1968. - Вып. 1. - Табл. 4, 4-7.
- [21] Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. - МИА. - 1950. - № 14. - Табл. XLI.
- [22] Яблонский Л.Т. Проблема формирования культуры саков Южного Приаралья. - Советская археология. - 1991. - № 1. - С. 87-88, рис. 10, 3.
- [23] Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. - М.: Наука, 1967. - Табл. 12, 11.
- [24] Ташбаева К.И. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая. - Бишкек: Илим, 2011. - Рис. 74, 4.

- [25] Москалев М.И., Солтобаев О.А., Омурбеков Т.Н. Кошой-Коргон – древний город Ат-Баш. - Бишкек: ОФ “Кошой-Коргон”, 2007. - Рис. 36, 5.
- [26] Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. - М.: Наука, 1992. - Табл. 9, 34.
- [27] Акишев К.А., Кушаев Г.А. Культура саков и усуней долины реки Или. - Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. - С. 25, 119-120. - Рис. 65.
- [28] Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры, Маргулан А.Х., Акишев А.К., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1966. - С. 349-352. - Рис. 43, 4-8.
- [29] Ягодин В.Н., Археологическое изучение курганных могильников Каскажол и Бернияз на Устюрте. - Археология Приаралья. - Вып. 1. – 1982. - С. 52. - Рис. 7, 13.
- [30] Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. - МИА. - 1961. - № 101. - С. 56-57. - Рис. 15, 20-21. - Табл. V, тип XIV.
- [31] Мелюкова А.И. Вооружение скифов. - М.: Наука, 1964. - С. 22-25. - Табл. 8, 3/4, табл. 9, к/6, л/1, м/2 и др.
- [32] Иванов Г.Е. Вооружение племен Лесостепного Алтая раннем железном веке, Военное дело древнего населения Северной Азии: сб. ст. - Новосибирск, 1987. - Рис. 2, 33-34; Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н. э. - М.: ИА РАН, 1997. - С. 55. Рис. 35, 15-20.
- [33] Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. - М.: Наука, 1967. - Табл. 12, 35.
- [34] Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы, Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура: сб. ст. - СПб., 2000. - С. 229, 234. - Рис. 4, I, 7; Чугунов К.В. Могильник Догээ-Баары 2 как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы (по материалам раскопок 1990–1998 гг.), А.В.: Сб. науч. тр. в честь 60-летия А.В. Виноградова. - СПб., 2007. - С. 128, 142. - Рис. 8, 7.
- [35] Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. МИА. 1961. №101, С. 56; Медведская И.Н. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II – первой половины I тыс. до н. э. - Советская археология. 1980. - № 4. С. 34-36. Рис. 2, 8, нижний ряд.
- [36] Мелюкова А.И. Вооружение скифов. - М.: Наука, 1964. - С. 23, 25. - Рис. 1, нижний ряд.
- [37] Медведская И.Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии. - Советская археология. - 1972. - № 3. - С. 81.
- [38] Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. - МИА. - 1961. - № 101. - С. 56.
- [39] Полторацкая В.Н. Памятники эпохи ранних кочевников в Туве (по раскопкам С.А. Теплоухова) // Археологический сборник ГЭ. - 1966. - Вып. 8, - С. 86-92, 98-99. - Рис. 6, 9.
- [40] Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н. э. - М.: ИА РАН, 1997. - С. 55. - Рис. 35, 15-20.
- [41] Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). - М.: РОССПЭН, 1997. - Рис. 43, 23-24.
- [42] Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи VII – V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. - М.: Наука, 1973. - Табл. XIII, 42.
- [43] Акишев К.А., Кушаев Г.А. Культура саков и усуней долины реки Или. - Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. - Рис. 65.
- [44] Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи VII – V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. - М.: Наука, 1973. - С. 95-96.
- [45] Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). - М.: РОССПЭН, 1997. - С. 53.
- [46] Медведская И.Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии. - Советская археология. - 1972. - № 3. - С. 83.
- [47] Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. - МИА. - 1961. - № 101. - С. 56-57. - Табл. V, 3, 15.
- [48] Мелюкова А.И. Вооружение скифов. - М.: Наука, 1964. - С. 22-24.
- [49] Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры, Маргулан А.Х., Акишев А.К., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1966. - С. 365. - Рис. 46, 19.
- [50] Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи VII–V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. - М.: Наука, 1973. - С. 96. - Табл. V, 3.
- [51] Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. - МИА. - 1961. - № 101. - Табл. IV, 28, 29.
- [52] Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи VII–V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. - М.: Наука, 1973. - С. 89-90. - Табл. XXV, 4; Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). - М.: РОССПЭН, 1997. - Рис. 43, 15-16, 706, 25.
- [53] Акишев К.А., Кушаев Г.А. Культура саков и усуней долины реки Или. - Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. - Рис. 65.
- [54] Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи VII – V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. - М.: Наука, 1973. - Табл. XIII, 43-44.
- [55] Левина Л.М. Поселения VII-V вв. до н.э. и «шлаковые» курганы южных районов сырдарьинской дельты, Кочевники на границах Хорезма: сб. ст. - М., 1979. - Рис. 5, 4.
- [56] Ягодин В.Н. Курганный могильник Дэвкескен 4. - Археология Приаралья. - Вып. 4. – 1990. - С. 40-41. - Рис. 5, 15-19.
- [57] Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры; Маргулан А.Х., Акишев А.К., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1966. - Рис. 46, 15, 18, 20.
- [58] Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. - МИА. - 1961. - № 101. - С. 46-48.
- [59] Иванов Г.Е. Вооружение племен Лесостепного Алтая раннем железном веке, Военное дело древнего населения Северной Азии: сб. ст. - Новосибирск, 1987. - С. 10. - Рис. 2, 27.

- [60] Табалдиев К.Ш. Кинжалы и клад бронзовых изделий из Кыргызстана, Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии: сб. ст. - Новосибирск, 2007. - С. 55. - Рис. 3, 3.
- [61] Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). - М.: РОССПЭН, 1997. - Табл. 70а, 15.
- [62] Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи VII–V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. - М.: Наука, 1973. - Табл. XIII, 11-16, XXV, 18.
- [63] Яблонский Л.Т. Проблема формирования культуры саков Южного Приаралья. - Советская археология СА. - 1991. - № 1. Рис. 7.
- [64] Литвинский Б.А. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время, Материальная культура Таджикистана. - Душанбе, 1968. - Вып. 1. - С. 93. - Табл. 7, 7.
- [65] Максимова А.Г. Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном музее Казахстана, Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. - Алма-Ата, 1956. - Т. 1. Археология. - Табл. 3, 22.
- [66] Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи VII–V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. - М.: Наука, 1973. - С. 91, 96; Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). - М.: РОССПЭН, 1997. - С. 51-52.
- [67] Яблонский Л.Т. Проблема формирования культуры саков Южного Приаралья. - Советская археология СА. - 1991. - № 1. - С. 85-87.
- [68] Литвинский Б.А. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время, Материальная культура Таджикистана. - Душанбе, 1968. - Вып. 1. - С. 93.
- [69] Черников С.С. Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». - М., 1965. - Рис. 6, 5.
- [70] Черников С.С. Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». - М., 1965. - Рис. 6, 11-12; Иванов Г.Е. Новые находки оружия раннего железного века в лесостепном Алтае, Культура древних народов Южной Сибири: сб. ст. Барнаул. – 1993. - С. 57. - Рис. 1, 4. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н. э. - М.: ИА РАН, 1997. - С. 54. - Рис. 44, 27-28.
- [71] Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. - МИА. - 1961. - № 101. - Рис. 39.
- [72] Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы, Мировоззрение. - Археология. Ритуал. Культура: сб. ст. СПб., 2000. - С. 225-226. - Рис. 3, 9, 14.
- [73] Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). - М.: РОССПЭН, 1997. - С. 51.
- [74] Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. - МИА. - 1961. - № 101. - С. 59.
- [75] Акишев К.А., Кушаев Г.А. Культура саков и усуней долины реки Или. - Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. - Рис. 65, нижний ряд; вторая справа.
- [76] Литвинский Б.А. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время. Материальная культура Таджикистана. - Душанбе, 1968. - Вып. 1. - С. 98. Табл. 4, 21.
- [77] Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. - МИА. - 1961. - № 101. - С. 59. - Рис. 23, А, 33-34.
- [78] Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы. Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура: сб. ст. - СПб., 2000. - С. 226. Рис. 1, I, 4.
- [79] Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. - МИА. - 1961. - № 101. - С. 59. - Рис. 39, 5.
- [80] Медведская И.Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии. - Советская археология. - 1972. - № 3. - С. 83.
- [81] Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи VII – V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. - М.: Наука, 1973. - С. 94. - Табл. III, 14; V, 30-31; XIII, 33-34; XXV, 46.
- [82] Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). - М.: РОССПЭН, 1997. - С. 50, рис. 70а, 8.
- [83] Яблонский Л.Т. Проблема формирования культуры саков Южного Приаралья. - Советская археология. - 1991. - № 1. - С. 85-86, рис. 6, 25-26.
- [84] Литвинский Б.А. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время, Материальная культура Таджикистана. - Душанбе, 1968. - Вып. 1, табл. 4, 23.
- [85] Акишев К.А., Кушаев Г.А. Культура саков и усуней долины реки Или. - Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963, рис. 65.
- [86] Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. - МИА. - 1952. - № 26, рис. 135, 6-10.
- [87] Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры, Маргулан А.Х., Акишев А.К., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1966. - С. 376-378, рис. 58, нижний ряд; 66.
- [88] Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи VII–V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. - М.: Наука, 1973. - С. 94-95; Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). - М.: РОССПЭН, 1997. - С. 50; Яблонский Л.Т. Проблема формирования культуры саков Южного Приаралья. - Советская археология. - 1991. - № 1. - С. 85-86.
- [89] Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. - МИА. - 1961. - № 101. - С. 63, рис. 40, 12.
- [90] Иванов Г.Е. Вооружение племен Лесостепного Алтая раннем железном веке, Военное дело древнего населения Северной Азии: сб. ст. - Новосибирск, 1987. - С. 11-12, рис. 8, 5; Иванов Г.Е. Новые находки оружия раннего железного века в лесостепном Алтае, Культура древних народов Южной Сибири: сб. ст. - Барнаул, 1993. - С. 57, рис. 1, 19-20.
- [91] Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. - М.: Наука, 1967. - С. 42, табл. 12, 26.
- [92] Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век северной Монголии. - Улан-Батор, 1967. - С. 60-61, рис. 19, 46.

- [93] Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи VII – V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. - М.: Наука, 1973. - С. 92-93, табл. V, 35; XVIII, 31.
- [94] Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). - М.: РОССПЭН, 1997. - С. 49-50, рис. 32, 3, 5.
- [95] Яблонский Л.Т. Проблема формирования культуры саков Южного Приаралья. - Советская археология. - 1991. - № 1, рис. 6; 7.
- [96] Акишев К.А., Кушаев Г.А. Культура саков и усуней долины реки Или. - Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. - С. 118, хронол. табл., XIII – X вв. до н. э.: 7-8.
- [97] Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. - М.: Наука, 1967. - С. 41-42, табл. 12, 11, 13.
- [98] Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи VII – V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. - М.: Наука, 1973, табл. 25, 38-39; Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). - М.: РОССПЭН, 1997. - С. 49-50, рис. 70а, 11.
- [99] Яблонский Л.Т. Проблема формирования культуры саков Южного Приаралья. - Советская археология. - 1991. - № 1, рис. 5, 1; 6, 28.
- [100] Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры, Маргулан А.Х., Акишев А.К., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1966. - С. 376-378, рис. 46, 3; 58, второй ряд снизу, третий слева.
- [101] Иванов Г.Е. Вооружение племен Лесостепного Алтая раннем железном веке, Военное дело древнего населения Северной Азии: сб. ст. - Новосибирск, 1987, С. 11-12, рис. 3, 7; Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. - М.: Наука, 1967. - С. 41-42, табл. 12, 5, 28.
- [102] Акишев К.А., Кушаев Г.А. Культура саков и усуней долины реки Или. - Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963, с. 118, хронол. табл., XIII – X вв. до н. э.: 9.
- [103] Литвинский Б.А. Среднеазиатские железные наконечники стрел. - Советская археология. - № 2. – 1965. - С. 80, рис. 5; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. - М.: Восточная литература, 2001. - Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. - С. 90-91.
- [104] Иванов Г.Е. Вооружение племен Лесостепного Алтая раннем железном веке, Военное дело древнего населения Северной Азии: сб. ст. - Новосибирск, 1987. - С. 11, рис. 3, 5-6; Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. - М.: ИА РАН, 1997. - С. 55-56, рис. 45, 1-6, 9-10, 14.
- [105] Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. - М.: Наука, 1967, табл. 12, 29; Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. - М.: Наука, 1992, табл. 84, 9.
- [106] Грач А.Д. Древние кочевники в Центре Азии. - М.: Наука, 1980. - С. 33-34, 36-38, рис. 32, 7, 11-12; Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. - М.: Наука, 1992, табл. 75, 6-7, 9, 11; Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы. Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура: сб. ст. - СПб., 2000. - С. 223-227, рис. 4, 1, 5; II, 2-3.
- [107] Хазанов М.И. Очерки военного дела сарматов. - М.: Наука, 1971, табл. XIX, 8-9, 14, 16.
- [108] Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. - МИА. - 1952. - № 26. - С. 198-199, 205; Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. - МИА. - 1962. - № 118. - С. 155-156.
- [109] Ташбаева К.И. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая. - Бишкек: Илим, 2011. - С. 136.
- [110] Мокрынин В.П. Курганы сакского времени в урочище Карабулун, Археологические открытия 1981 г. – М., 1983. - С. 501.
- [111] Акишев К.А., Кушаев Г.А. Культура саков и усуней долины реки Или. - Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963, табл. XI, 90.
- [112] Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н. э. - М.: ИА РАН, 1997. - С. 32, рис. 30, 5, 8.
- [113] Литвинский Б.А. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время, Материальная культура Таджикистана. - Душанбе, 1968. - Вып. 1. - С. 95-98, табл. 7, 10-12; Литвинский Б.А. Древние кочевники “Крыши мира”. - М.: Наука, 1972. - С. 97, табл. 34, 10-12; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. - М.: Восточная литература, 2001. - Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. - С. 72-77, табл. 20, 22-24.
- [114] Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г. Актамский могильник, // Кратк. сообщ. Института истории материальной культуры. - 1957. - Вып. 69. - С. 86-88, рис. 29, 10; Горбунова Н.Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа // Археологический сборник ГЭ. - 1962. - Вып. 5. - С. 104-105, рис. 3, 44, 46; Салтовская Е.Д. Некоторые новые материалы о “ферганских кочевниках”, Успехи среднеазиатской археологии. - М., 1975. - Вып. 3. - С. 38, рис. 12, 3, 4, 6.
- [115] Ягодин В.Н. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии, Древняя Бактрия. - М., 1984. - Вып. 3. - С. 48, рис. 5, 9-10; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. - М.: Восточная литература, 2001. - Т. 2; Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. - С. 88, 101.
- [116] Кой-Крылган-Кала – памятник культуры Древнего Хорезма. IV в. до н. э. – IV в. н. э. - М.: Наука, 1967. - С. 134, рис. 53, 3.
- [117] Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек, Прошлое Казахстана по археологическим источникам. - Алма-Ата, 1976. - С. 155, рис. 13.
- [118] Литвинский Б.А. Древние кочевники “Крыши мира”. - М.: Наука, 1972, - С. 103; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. - М.: Восточная литература, 2001. - Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. - С. 88, табл. 26, 5-14.
- [119] Ягодин В.Н. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии, Древняя Бактрия. - М., 1984. - Вып. 3. - С. 48.

- [120] Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек, Прошлое Казахстана по археологическим источникам: сб. ст. - Алма-Ата, 1976. - С. 155, рис. 13.
- [121] Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи VII–V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. - М.: Наука, 1973 - С. 91, табл. III, 9.
- [122] Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры, Маргулан А.Х., Акишев А.К., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата: Наука, 1966. - С. 349-353, 362-365, рис. 43, 4; 46, 8.
- [123] Литвинский Б.А. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время, Материальная культура Таджикистана. - Душанбе, 1968. - Вып. 1. - С. 95, табл. 7, 13; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. - М.: Восточная литература, 2001. - Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. - С. 76, табл. 20, 26.
- [124] Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М. Бобровский грунтовый могильник, Погребальный обряд древних племен Алтая: сб. ст. - Барнаул, 1996, рис. 10, 1.
- [125] Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Восточного Туркестана в бронзовом и раннем железном веках, Военное дело и средневековая археология Центральной Азии: сб. ст. - Кемерово, 1995. - С. 13-15, рис. V, 7-8, 23.
- [126] Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы, Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура: сб. ст. - СПб., 2000. - С. 214, рис. 1, I, IV; 2, I.
- [127] Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Восточного Туркестана в бронзовом и раннем железном веках. Военное дело и средневековая археология Центральной Азии: сб. ст.- Кемерово, 1995. - С. 13-15, рис. V, 7-8.
- [128] Медведская И.Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии. - Советская археология. - 1972. - № 3. - С. 89.
- [129] Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы. Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура: сб. ст. - СПб., 2000, -С. 214, рис. 1, I, IV; 2, I.
- [130] Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Восточного Туркестана в бронзовом и раннем железном веках, Военное дело и средневековая археология Центральной Азии: сб. ст. - Кемерово, 1995. - С. 12-13.
- [131] Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы. Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура: сб. ст. - СПб., 2000. - С. 217, 220-221.
- [132] Очир-Горяева М.Г. Наконечники стрел кочевников Нижнего Поволжья. - Российская археология. - 1996. - №1. - С. 41-45.

REFERENCES

- [1] Smirnov K.F. Arms of savromat. MIA. 1961. No. 101; Melyukova A.I. Arms of Scythians. M.: Science, 1964.
- [2] Bernshtam A.N. Works of Semirechensky archaeological expedition. Chuy Valley. MIA. 1950. No. 14, tab. XXXIX.
- [3] Kibirov A.K. Archaeological works in Tien Shan, Works of the Kyrgyz complex archeologo-ethnographic expedition. Frunze, 1959. T. 2. p. 109. Fig. 17.
- [4] Vishnevskaya O. A. Culture the saksikh of tribes of lower reaches of the Syr Darya of the 7-5th centuries BC on Uygarak's materials. M.: Science, 1973. Tab. 25, 14-15; Itina M. A., Yablonsky of L.T. Saca of the Lower Syr Darya (on burial ground materials Youzhny Tagisken). M.: ROSSPEN, 1997. Fig. 70b, 20.
- [5] Chernikov S. S. Riddle of a gold barrow. Where and when Scythian art has arisen ". M, 1965. p.184.
- [6] Litvinsky B. A. The weapon of the population of Pamir and Fergana in saksy time, Material culture of Tajikistan. Dushanbe, 1968. Issue 1. Page 90-91. Tab. 7, 2, 4-5.
- [7] Melyukova A.I. Arms of Scythians. M.: Science, 1964. Page 17-19. Tab. 1, in / 2-3; tab. 6, and / 3, z/6-8, to / 5, p/3.
- [8] Smirnov K.F. Arms of savromat. MIA. 1961. No. 101. Page 37-39. Fig. 11, in / 1, fig. 12, z/1.
- [9] Chernikov S. S. Riddle of a gold barrow. Where and when Scythian art has arisen". M, 1965. p.46-49. Fig. 6, 3-9, tab. 10.
- [10] Chlenova N. L. Origin and early history of tribes of tagarsky culture. M.: Science, 1967. Tab. 12, 20.
- [11] V. V wolves. Bronze tips of arrows from the museums MNR, the Mongolian archaeological collection: сб. the Art. M., 1962. - Fig. 3, 5,7; V. V Wolves. Bronze and early Iron Age of northern Mongolia. Ulan Bator, 1967, p.56, fig. 19, 2-6.
- [12] Litvinsky B. A. The weapon of the population of Pamir and Fergana in saksy time, Material culture of Tajikistan.- Dushanbe, 1968. - Issue 1. - Page 85; Smirnov K.F. Arms of savromat. MIA. 1961. No. 101. p.39.
- [13] Medvedskaya I.N. Some questions of chronology of bronze tips of arrows of Central Asia. - Soviet archeology. 1972. - No. 3. - Page 84, 89; Medvedskaya I.N. Metal tips of arrows of the Forward East and the Euroasian steppes of II – the first half of the I millennium BC - the Soviet archeology. 1980. No. 4. p.28.
- [14] Smirnov K.F. Arms of savromat. MIA. - 1961. No. 101. p.40.
- [15] V. V wolves. Bronze and early Iron Age of northern Mongolia. Ulan Bator, 1967. p.56. Fig. 19, 13-14.
- [16] A steppe strip of Asian part of the USSR in skifo-Sarmatian time. M.: Science, 1992. Tab. 37, 43.
- [17] Smirnov K.F. Arms of savromat. MIA. 1961. No. 101. p.40-41. Tab. of I, A 14-15.
- [18] Chlenova N. L. Origin and early history of tribes of tagarsky culture. M.: Science, 1967. Tab. 12, 21-22.
- [19] Ivanov G. E. Arms of tribes of Forest-steppe Altai early Iron Age, Military science of the ancient population of Northern Asia: сб. the Art. Novosibirsk, 1987. Fig. 2, 16.
- [20] Litvinsky B. A. The weapon of the population of Pamir and Fergana in saksy time, Material culture of Tajikistan. Dushanbe, 1968. Issue 1. Tab. 4, 4-7.
- [21] Bernshtam A.N. Works of Semirechensky archaeological expedition. Chuy Valley. MIA. 1950. No. 14. Tab. XLI.
- [22] Yablonsky L.T. Problem of formation of culture of juice of Youzhny of Priaralya. Soviet archeology. 1991. No. 1. p.87-88, fig. 10, 3.
- [23] Chlenova N. L. Origin and early history of tribes of tagarsky culture. M.: Science, 1967. Tab. 12, 11.
- [24] Tashbayeva K.I. Culture of early nomads of Tien Shan and Scarlet. Bishkek: Ilim, 2011. Fig. 74, 4.

- [25] Moskalyov M. I., Soltobayev O. A., Omurbekov T.N. Koshoy-Korgon – the ancient city of At-Bash. Bishkek: OF "Koshoy-Korgon", **2007**. Fig. 36, 5.
- [26] A steppe strip of Asian part of the USSR in skifo-Sarmatian time. M.: Science, **1992**. Tab. 9, 34.
- [27] Akishev K.A., Kushayev of G. A. Kultur of juice and usuny valley of the river Or. Alma-Ata: AN publishing house KAZSSR, **1963**. p.25, 119-120. Fig. 65.
- [28] Kadyrbayev M. K. Monuments of tasmolinsky culture, Margulan A.Kh., Akishev A.K., Kadyrbayev M. K., Orazbayev A.M. Ancient culture of the Central Kazakhstan. Alma-Ata: Science, **1966**. p.349-352. Fig. 43, 4-8.
- [29] Yagodin V. N., Archeological studying the kurgannykh of burial grounds Kaskazhol and Berniyaz on Ustyurt. - Archeology of Priaralya. - Issue 1. **1982**. p.52. Fig. 7, 13.
- [30] Smirnov K.F. Arms of savromat. MIA. **1961**. No. 101. p.56-57. Fig. 15, 20-21. Tab. V, type XIV.
- [31] Melyukova A.I. Arms of Scythians. M.: Science, **1964**. p.22-25. Tab. 8, z/4, tab. 9, to / 6, 1 / 1, m / 2, etc.
- [32] Ivanov G. E. Arms of tribes of Forest-steppe Altai early Iron Age, Military science of the ancient population of Northern Asia: сб. the Art. Novosibirsk, **1987**. Fig. 2, 33-34; V.A. Naseleniye's Burial grounds of Top Priobyia in the middle – the second half of the I millennium BC - M.: Russian Academy of Sciences news agency, **1997**. p.55. Fig. 35, 15-20.
- [33] Chlenova N. L. Origin and early history of tribes of tagarsky culture. M.: Science, **1967**. Tab. 12, 35.
- [34] Chugunov K.V. Bronze tips of arrows of Scythian time of Tuva, Outlook. Archeology. Ritual. Culture: сб. the Art. - SPb., **2000**. Page 229, 234. Fig. 4, I, 7; Chugunov K.V. Mogilnik Dogee-Baary 2 as a monument of the beginning of uyuksko-saglynsky culture of Tuva (on materials of excavation of 1990-1998), A.V.: Сб. науч. тр. in honor of A.V. Vinogradov's 60 anniversary. SPb., **2007**. p.128, 142. Fig. 8, 7.
- [35] Smirnov K.F. Arms of savromat. MIA. **1961**. No. 101, S. 56; Medvedskaya I.N. Metal tips of arrows of the Forward East and the Euroasian steppes of II – the first half of the I millennium BC - the Soviet archeology. **1980**. - No. 4. p.34-36. Fig. 2, 8, lower row.
- [36] Melyukova A.I. Arms of Scythians. M.: Science, **1964**. p.23, 25. Fig. 1, lower row.
- [37] Medvedskaya I.N. Some questions of chronology of bronze tips of arrows of Central Asia. Soviet archeology. **1972**. - No. 3. - p.81.
- [38] Smirnov K.F. Arms of savromat. MIA. **1961**. No. 101. p.56.
- [39] Poltoratskaya V. N. Monuments of an era of early nomads in Tuva (on S. A. Teploukhov's excavation)//the Archaeological collection of GE. **1966**. The issue 8, p.86-92, 98-99. Fig. 6, 9.
- [40] V.A. Naseleniye's burial grounds of Top Priobyia in the middle – the second half of the I millennium BC M.: Russian Academy of Sciences news agency, **1997**. p.55. Fig. 35, 15-20.
- [41] Itina M. A., Yablonsky of L.T. Saca of the Lower Syr Darya (on burial ground materials Youzhny Tagisken). M.: ROSSPEN, **1997**. Fig. 43, 23-24.
- [42] Vishnevskaya O. A. Culture the saksikh of tribes of lower reaches of the Syr Darya of the VII-V centuries BC on Uygarak's materials. M.: Science, **1973**. Tab. XIII, 42.
- [43] Akishev K.A., Kushayev of G. A. Kultur of juice and usuny valley of the river Or. - Alma-Ata: AN publishing house KAZSSR, **1963**. Fig. 65.
- [44] Vishnevskaya O. A. Culture the saksikh of tribes of lower reaches of the Syr Darya of the VII-V centuries BC on Uygarak's materials. M.: Science, **1973**. p.95-96.
- [45] Itina M. A., Yablonsky of L.T. Saca of the Lower Syr Darya (on burial ground materials Youzhny Tagisken). - M.: ROSSPEN, **1997**. p.53.
- [46] Medvedskaya I.N. Some questions of chronology of bronze tips of arrows of Central Asia. - Soviet archeology. - **1972**. - No. 3. - p.83.
- [47] Smirnov K.F. Arms of savromat. MIA. **1961**. No. 101. p.56-57. Tab. V, 3, 15.
- [48] Melyukova A.I. Arms of Scythians.- M.: Science, **1964**. p.22-24.
- [49] Kadyrbayev M. K. Monuments of tasmolinsky culture, Margulan A.Kh., Akishev A.K., Kadyrbayev M. K., Orazbayev A.M. Ancient culture of the Central Kazakhstan. - Alma-Ata: Science, **1966**. p.365. Fig. 46, 19.
- [50] Vishnevskaya O. A. Culture the saksikh of tribes of lower reaches of the Syr Darya of the 7-5th centuries BC on Uygarak's materials. M.: Science, **1973**. p.96. Tab. V, 3.
- [51] Smirnov K.F. Arms of savromat. MIA. **1961**. No. 101. Tab. IV, 28, 29.
- [52] Vishnevskaya O. A. Culture the saksikh of tribes of lower reaches of the Syr Darya of the 7-5th centuries BC on Uygarak's materials. M.: Science, **1973**. Page 89-90. Tab. XXV, 4; Itina M. A., Yablonsky of L.T. Saca of the Lower Syr Darya (on burial ground materials Youzhny Tagisken). - M.: ROSSPEN, **1997**. Fig. 43, 15-16, 70b, 25.
- [53] Akishev K.A., Kushayev of G. A. Kultur of juice and usuny valley of the river Or. - Alma-Ata: AN publishing house KAZSSR, **1963**. - Fig. 65.
- [54] Vishnevskaya O. A. Culture the saksikh of tribes of lower reaches of the Syr Darya of the VII-V centuries BC on Uygarak's materials. M.: Science, **1973**. Tab. XIII, 43-44.
- [55] Levina L.M. Settlements of the 7-5th centuries BC and "slag" barrows of the southern areas of the Syr Darya delta, Nomads on borders of Khwarezm: сб. the Art. M., **1979**. Fig. 5, 4.
- [56] Yagodin V. N. Kurganny burial ground Devkesken 4. Archeology of Priaralya. Issue 4. **1990**. p.40-41. Fig. 5, 15-19.
- [57] Kadyrbayev M. K. Monuments of tasmolinsky culture, Margulan A.Kh., Akishev A.K., Kadyrbayev M. K., Orazbayev A.M. Ancient culture of the Central Kazakhstan. Alma-Ata: Science, **1966**. Fig. 46, 15, 18, 20.
- [58] Smirnov K.F. Arms of savromat. MIA. **1961**. No. 101. p.46-48.
- [59] Ivanov G. E. Arms of tribes of Forest-steppe Altai early Iron Age, Military science of the ancient population of Northern Asia: сб. the Art. Novosibirsk, **1987**. p.10. Fig. 2, 27.
- [60] Tabaldiyev K.Sh. Daggers and a treasure of bronze products from Kyrgyzstan, Arms and military science of nomads of Siberia and Central Asia: сб. the Art. Novosibirsk, **2007**. p.55. Fig. 3, 3.

- [61] Itina M. A., Yablonsky of L.T. Saca of the Lower Syr Darya (on burial ground materials Youzhny Tagisken). M.: ROSSPEN, **1997**. Tab. 70a, 15.
- [62] Vishnevskaya O. A. Culture the saksikh of tribes of lower reaches of the Syr Darya of the 7-5th centuries BC on Uygarak's materials. M.: Science, **1973**. Tab. XIII, 11-16, XXV, 18.
- [63] Yablonsky L.T. Problem of formation of culture of juice of Youzhny of Priaralya. Soviet archeology of SA. **1991**. No. 1. Fig. 7.
- [64] Litvinsky B. A. The weapon of the population of Pamir and Fergana in saksy time, Material culture of Tajikistan. Dushanbe, **1968**. Issue 1. p.93. Tab. 7, 7.
- [65] Maximova A.G. Objects of an era of early nomads in the Central museum of Kazakhstan, Works of Institute of history, archeology and ethnography of AN KAZSSR. Alma-Ata, **1956**. T. 1. Archeology. Tab. 3, 22.
- [66] Vishnevskaya O. A. Culture the saksikh of tribes of lower reaches of the Syr Darya of the 7-5th centuries BC on Uygarak's materials. - M.: Science, **1973**. - Page 91, 96; Itina M. A., Yablonsky of L.T. Saca of the Lower Syr Darya (on burial ground materials Youzhny Tagisken). - M.: ROSSPEN, **1997**. p.51-52.
- [67] Yablonsky L.T. Problem of formation of culture of juice of Youzhny of Priaralya. Soviet archeology of SA. **1991**. No. 1. p.85-87.
- [68] Litvinsky B. A. The weapon of the population of Pamir and Fergana in saksy time, Material culture of Tajikistan. Dushanbe, **1968**. Issue 1. p.93.
- [69] Chernikov S. S. Riddle of a gold barrow. Where and when Scythian art has arisen ". M, **1965**. Fig. 6, 5.
- [70] Chernikov S. S. Riddle of a gold barrow. Where and when Scythian art has arisen ". M, **1965**. Fig. 6, 11-12; Ivanov G. E. New finds of the weapon of the early Iron Age in forest-steppe Altai, Culture of the ancient people of Southern Siberia: сб. station Barnaul. **1993**. Page 57. Fig. 1, 4. V.A. Naseleniye's burial grounds of Top Priobyia in the middle – the second half of the I millennium BC - M.: Russian Academy of Sciences news agency, **1997**. p.54. Fig. 44, 27-28.
- [71] Smirnov K.F. Arms of savromat. MIA. **1961**. No. 101. Fig. 39.
- [72] Chugunov K.V. Bronze tips of arrows of Scythian time of Tuva, Outlook. - Archeology. Ritual. Culture: сб. Art. of SPb., **2000**. p.225-226. Fig. 3, 9, 14.
- [73] Itina M. A., Yablonsky of L.T. Saca of the Lower Syr Darya (on burial ground materials Youzhny Tagisken). M.: ROSSPEN, **1997**. p.51.
- [74] Smirnov K.F. Arms of savromat. MIA. **1961**. No. 101. p.59.
- [75] Akishev K.A., Kushayev of G. A. Kultur of juice and usuny valley of the river Or. - Alma-Ata: AN publishing house KAZSSR, **1963**. Fig. 65, lower row: the second on the right.
- [76] Litvinsky B. A. The weapon of the population of Pamir and Fergana in saksy time. Material culture of Tajikistan. - Dushanbe, **1968**. Issue 1. p.98. Tab. 4, 21.
- [77] Smirnov K.F. Arms of savromat. - MIA. - **1961**. - No. 101. - p.59. - Fig. 23, A, 33-34.
- [78] Chugunov K.V. Bronze tips of arrows of Scythian time of Tuva. Outlook. Archeology. Ritual. Culture: сб. the Art. SPb., **2000**.
- [79] Smirnov K.F. Arms of savromat. MIA. **1961**. No. 101. p.59. Fig. 39, 5.
- [80] Medvedskaya I.N. Some questions of chronology of bronze tips of arrows of Central Asia. Soviet archeology. **1972**. No. 3. - p.83.
- [81] Vishnevskaya of O. A. Kultur the saksikh of tribes of lower reaches of the Syr Darya of the VII-V centuries BC on Uygarak's materials. M.: Science, **1973**. p.94. Tab. III, 14; V, 30-31; XIII, 33-34; XXV, 46.
- [82] Itina M. A., Yablonsky of L.T. Saca of the Lower Syr Darya (on burial ground materials Youzhny Tagisken). M.: ROSSPEN, **1997**. p.50, fig. 70a, 8.
- [83] Yablonsky L.T. Problem of formation of culture of juice of Youzhny of Priaralya. Soviet archeology. **1991**. No. 1. p.85-86, fig. 6, 25-26.
- [84] Litvinsky B. A. The weapon of the population of Pamir and Fergana in saksy time, Material culture of Tajikistan. Dushanbe, **1968**. Issue 1, tab. 4, 23.
- [85] Akishev K.A., Kushayev of G. A. Kultur of juice and usuny valley of the river Or. Alma-Ata: AN publishing house KAZSSR, **1963**, fig. 65.
- [86] Bernshtam A.N. Historical and archaeological sketches of the Central Tien Shan and Pamiro-Alaya. MIA. **1952**. No. 26, fig. 135, 6-10.
- [87] Kadyrbayev M. K. Monuments of tasmolinsky culture, Margulan A.Kh., Akishev A.K., Kadyrbayev M. K., Orazbayev A.M. Ancient culture of the Central Kazakhstan. - Alma-Ata: Science, **1966**. - p.376-378, fig. 58, lower row; 66.
- [88] Vishnevskaya O. A. Culture the saksikh of tribes of lower reaches of the Syr Darya of the 7-5th centuries BC on Uygarak's materials. M.: Science, **1973**. Page 94-95; Itina M. A., Yablonsky of L.T. Saca of the Lower Syr Darya (on burial ground materials Youzhny Tagisken). M.: ROSSPEN, **1997**. Page 50; Yablonsky L.T. Problem of formation of culture of juice of Youzhny of Priaralya.- Soviet archeology. **1991**. No. 1. p.85-86.
- [89] Smirnov K.F. Arms of savromat. MIA. **1961**. No. 101. p.63, fig. 40, 12.
- [90] Ivanov G. E. Arms of tribes of Forest-steppe Altai early Iron Age, Military science of the ancient population of Northern Asia: сб. the Art. Novosibirsk, **1987**. Page 11-12, fig. 8, 5; Ivanov G. E. New finds of the weapon of the early Iron Age in forest-steppe Altai, Culture of the ancient people of Southern Siberia: сб. the Art. Barnaul, **1993**.- p.57, fig. 1, 19-20.
- [91] Chlenova N. L. Origin and early history of tribes of tagarsky culture. M.: Science, 1967. p.42, tab. 12, 26.
- [92] V. V wolves. Bronze and early Iron Age of northern Mongolia. - Ulan Bator, **1967**. p.60-61, fig. 19, 46.
- [93] Vishnevskaya O. A. Culture the saksikh of tribes of lower reaches of the Syr Darya of the VII-V centuries BC on Uygarak's materials. - M.: Science, **1973**. p.92-93, tab. V, 35; XVIII, 31.
- [94] Itina M. A., Yablonsky of L.T. Saca of the Lower Syr Darya (on burial ground materials Youzhny Tagisken). M.: ROSSPEN, **1997**.- p.49-50, fig. 32, 3, 5.

- [95] Yablonsky L.T. Problem of formation of culture of juice of Youzhny of Priaralya. *Soviet archeology*. **1991**. No. 1, fig. 6; 7.
- [96] Akishev K.A., Kushayev G. A. Kultur of juice and usuny valley of the river Or. Alma-Ata: AN publishing house KAZSSR, **1963**. - p.118, хронол. таб., the XIII-X centuries BC: 7-8.
- [97] Chlenova N. L. Origin and early history of tribes of tagarsky culture. - M.: Science, **1967**. p.41-42, tab. 12, 11, 13.
- [98] Vishnevskaya O. A. Culture the saksikh of tribes of lower reaches of the Syr Darya of the VII-V centuries BC on Uygarak's materials. M.: Science, **1973**, tab. 25, 38-39; Itina M. A., Yablonsky of L.T. Saca of the Lower Syr Darya (on burial ground materials Youzhny Tagisken). - M.: ROSSPEN, **1997**. - p.49-50, fig. 70a, 11.
- [99] Yablonsky L.T. Problem of formation of culture of juice of Youzhny of Priaralya. - *Soviet archeology*. **1991**. No. 1, fig. 5, 1; 6, 28.
- [100] Kadyrbayev M. K. Monuments of tasmolinsky culture, Margulan A.Kh., Akishev A.K., Kadyrbayev M. K., Orazbayev A.M. Ancient culture of the Central Kazakhstan. - Alma-Ata: Science, 1966. - p.376-378, fig. 46, 3; 58, second row from below, the third at the left.
- [101] Ivanov G. E. Arms of tribes of Forest-steppe Altai early Iron Age, Military science of the ancient population of Northern Asia: сб. the Art. Novosibirsk, **1987**, S. 11-12, fig. 3, 7; Chlenova N. L. Origin and early history of tribes of tagarsky culture. - M.: Science, 1967. p.41-42, tab. 12, 5, 28.
- [102] Akishev K.A., Kushayev G. A. Culture of juice and usuny valley of the river Or. Alma-Ata: AN publishing house KAZSSR, **1963**, p.118, хронол. таб., the XIII-X centuries BC: 9.
- [103] Litvinsky B. A. Central Asian iron tips of arrows. - *Soviet archeology*. No. 2. **1965**. - Page 80, fig. 5; Litvinsky B. A. Hram Oksa in Bactria. - M.: East literature, 2001. T. 2. Baktriysky arms in a drevnevostochny and Greek context. - p.90-91.
- [104] Ivanov G. E. Arms of tribes of Forest-steppe Altai early Iron Age, Military science of the ancient population of Northern Asia: сб. the Art. - Novosibirsk, **1987**. Page 11, fig. 3, 5-6; V.A. Naseleniye's Burial grounds of Top Priobyia in the middle – the second half of I thousand BC - M.: Russian Academy of Sciences news agency, **1997**. p.55-56, fig. 45, 1-6, 9-10, 14.
- [105] Chlenova N. L. Origin and early history of tribes of tagarsky culture. - M.: Science, **1967**, tab. 12, 29; The Steppe strip of Asian part of the USSR in skifo-Sarmatian time. - M.: Science, **1992**, tab. 84, 9.
- [106] A.D's rook. Ancient nomads in the Center of Asia. - M.: Science, **1980**. - Page 33-34, 36-38, fig. 32, 7, 11-12; The Steppe strip of Asian part of the USSR in skifo-Sarmatian time. - M.: Science, **1992**, tab. 75, 6-7,9,11; Chugunov K.V. Bronze tips of arrows of Scythian time of Tuva. Outlook. Archeology. Ritual. Culture: сб. the Art. - SPb., **2000**. - p.223-227, fig. 4, I, 5; II, 2-3.
- [107] Hazanov M. I. Sketches of military science of Sarmatians. - M.: Science, **1971**, tab. XIX, 8-9, 14, 16.
- [108] Bernshtam A.N. Historical and archaeological sketches of the Central Tien Shan and Pamiro-Alaya. MIA. **1952**. No. 26. - Page 198-199, 205; Zadneprovsky Yu.A. Drevnezemledelcheskaya culture of Fergana. MIA. **1962**. No. 118. p.155-156.
- [109] Tashbayeva K.I. Culture of early nomads of Tien Shan and Scarlet. - Bishkek: Ilim, **2011**. p.136.
- [110] Mokrynin V.P. Barrows of saksy time in the natural boundary Karabulun, Archaeological opening of 1981 – M., **1983**. - p.501.
- [111] Akishev K.A., Kushayev G. A. Kultur of juice and usuny valley of the river Or. - Alma-Ata: AN publishing house KAZSSR, **1963**, tab. XI, 90.
- [112] V.A. Naseleniye's burial grounds of Upper Priobyia in the middle – the second half of the I millennium BC - M.: Russian Academy of Sciences news agency, **1997**. p.32, fig. 30, 5, 8.
- [113] Litvinsky B. A. The weapon of the population of Pamir and Fergana in saksy time, Material culture of Tajikistan.- Dushanbe, **1968**. Issue 1. Page 95-98, tab. 7, 10-12; Litvinsky B. A. Ancient nomads of "World roof". M.: Science, **1972**.- Page 97, tab. 34, 10-12; Litvinsky B. A. Hram Oksa in Bactria. M.: East literature, **2001**. T. 2. Baktriysky arms in a drevnevostochny and Greek context. - p.72-77, tab. 20, 22-24.
- [114] Hamburg B. Z., Gorbunova N. G. Aktamsky mogalnik//Kratk. сообщ. Institute of history of material culture. **1957**. Issue 69. Page 86-88, fig. 29, 10; Gorbunova N. G. Culture of Fergana during an era of early iron//the Archaeological collection of GE. **1962**. Issue 5. Page 104-105, fig. 3, 44,46; Saltovskaya E.D. Some new materials about "the Fergana nomads", Achievements of the Central Asian archeology. M, **1975**. Issue 3. p.38, fig. 12, 3, 4, 6.
- [115] Yagodin V. N. Bronze tips of arrows from the Southern Bactria, Ancient Bactria. M, **1984**. Issue 3. Page 48, fig. 5, 9-10; Litvinsky B. A. Hram Oksa in Bactria. M.: East literature, **2001**. T. 2; Baktriysky arms in a drevnevostochny and Greek context. p.88, 101.
- [116] Koy-Krylgan-Kala – a monument of culture of Ancient Khwarezm. The 4th one or IV century BC of century AD - M.: Science, **1967**. p.134, fig. 53, 3.
- [117] Kadyrbayev M. K., Kurmankulov Zh.K. Burials of soldiers of savromatsky time for a left bank of the river. Fishers, the Past of Kazakhstan on archaeological sources. Alma-Ata, **1976**. - p.155, fig. 13.
- [118] Litvinsky B. A. Ancient nomads of "World roof". M.: Science, **1972**, Page 103; Litvinsky B. A. Hram Oksa in Bactria. - M.: East literature, **2001**.-T. 2. Baktriysky arms in a drevnevostochny and Greek context. p.88, tab. 26, 5-14.
- [119] Yagodin V. N. Bronze tips of arrows from the Southern Bactria, Ancient Bactria. - M, **1984**. Issue 3. p.48.
- [120] Kadyrbayev M. K., Kurmankulov Zh.K. Burials of soldiers of savromatsky time for a left bank of the river. Fishers, the Past of Kazakhstan on archaeological sources: сб. the Art. Alma-Ata, **1976**. p.155, fig. 13.
- [121] Vishnevskaya O. A. Culture the saksikh of tribes of lower reaches of the Syr Darya of the 7-5th centuries BC on Uygarak's materials.- M.: Science, **1973**. p.91, the tab. III, 9.
- [122] Kadyrbayev M. K. Monuments of tasmolinsky culture, Margulan A.Kh., Akishev A.K., Kadyrbayev M. K., Orazbayev A.M. Ancient culture of the Central Kazakhstan. Alma-Ata: Science, **1966**. - p.349-353, 362-365, fig. 43, 4; 46, 8.
- [123] Litvinsky B. A. The weapon of the population of Pamir and Fergana in saksy time, Material culture of Tajikistan. Dushanbe, **1968**. Issue 1. Page 95, tab. 7, 13; Litvinsky B. A. Hram Oksa in Bactria. M.: East literature, **2001**. T. 2. Baktriysky arms in a drevnevostochny and Greek context. p.76, tab. 20, 26.

- [124] Shamshin A.B., Frolov Ya.V., Mednikova E.M. Bobrovsky soil burial ground, Funeral ceremony of the ancient tribes of Altai: сб. the Art. Barnaul, **1996**, fig. 10, 1.
- [125] Khudyakov Yu.S. Arms of nomads of East Turkistan in bronze and early iron centuries, Military science and medieval archeology of Central Asia: сб. the Art. Kemerovo, **1995**. p.13-15, fig. V, 7-8, 23.
- [126] Chugunov K.V. Bronze tips of arrows of Scythian time of Tuva, Outlook. Archeology. Ritual. Culture: сб. the Art. SPb., **2000**. p.214, fig. 1, I, IV; 2, I.
- [127] Khudyakov Yu.S. Arms of nomads of East Turkistan in bronze and early iron centuries, Military science and medieval archeology of Central Asia: сб. the Art. Kemerovo, **1995**. p.13-15, fig. V, 7-8.
- [128] Medvedskaya I.N. Some questions of chronology of bronze tips of arrows of Central Asia. - Soviet archeology. **1972**. No. 3. p.89.
- [129] Chugunov K.V. Bronze tips of arrows of Scythian time of Tuva. Outlook. Archeology. Ritual. Culture: сб. the Art. SPb., **2000**, p.214, fig. 1, I, IV; 2, I.
- [130] Khudyakov Yu.S. Arms of nomads of East Turkistan in bronze and early iron centuries, Military science and medieval archeology of Central Asia: сб. the Art. Kemerovo, **1995**. p.12-13.
- [131] Chugunov K.V. Bronze tips of arrows of Scythian time of Tuva. Outlook. Archeology. Ritual. Culture: сб. the Art. SPb., **2000**. p.217, 220-221.
- [132] Ochir-Goryaeva M. G. Tips of arrows of nomads of Lower Volga area. - Russian archeology. **1996**. N. 1. p. 41-45.

С.С. Иванов

Ж. Баласағын атындағы Қырғыз ұлттық университеті, Бишкек, Қырғызстан

ҚЫРҒЫЗСТАН АУМАҒЫНДАҒЫ ЕРТЕ КӨШПЕЛІЛЕРІНІҢ ҚОЛА САДАҚ ЖЕБЕЛЕРІНІҢ ЖАҢА ТАБЫЛЫМДАРЫ

Аннотация. Мақала ерте көшпелілер дәуірінің Қырғызстан аумағында соңғы 15 жылда табылған садақ жебелеріне арналған. Бұл жиынтық Жетісу мен Тянь-Шань сақтарының б.д.д. VIII–III ғғ. аралығындағы жебелері жайлы біздің түсінігімізді біршама кеңейтеді. Қолданымдағы типологияға сәйкес барлық жебе топтарға, типтерге және нұсқаларға бөлінді. Бұлардың хронологиясы жақсы мерзімделген жерлеу және қоныстық нысандардан алынған салыстырмалы анализ негізінде айқындалды. Айрықша көңіл соңғы уақыттарда орасан үлкен аумақтан табылып отырған танымал емес қыспалы жебелерге аударылады. Бұл жебелердің екі негізгі нұсқасы бар: ұңғыда үш және екі қыспа болады. Қырғызстаннан алынып отырған жиынтық жергілікті көшпелілердің осы жебелерді пайдалануы туралы білімімізді кеңейте түседі.

Кілт сөздер: Қырғызстан, ерте көшпелілер, сақ дәуірі, садақ жебелер.

E.P. Kitov, A.O. Kitova

Institute of Archaeology n.a. A.Kh. Margulan, Almaty, Kazakhstan

E-mail: kadet_eg@mail.ru, aafanasieva@yandex.ru

ODONTOLOGICAL AND PALAEOPATHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE POPULATION OF THE ARYS RIVER BASIN

Abstract. Odontological and paleopathological characteristics of the population are examined in this article, represented in the burial ground Borizhary in the South Kazakhstan region. The population of the Middle Syr Darya and Talas in our example can be characterized as carriers of the southern gracile odontological complex, widespread in the Central Asia. Dentition condition of skeletal remains from burial ground Borizhary allows make a conclusion about the general safe condition of the group. The diet group can be described as varied one, which includes, inter alia, agriculture production that is similar to the assumption of a settled agricultural and cattle economy of the ancient state Kanguyi.

Keywords: anthropology, nutrition, paleopathology population, archeology, nomads.

Е.П. Китов, А.О. Китова

Институт археологии им. А.Х. Маргулана Алматы, Казахстан

ОДОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ БАСЕЙНА РЕКИ АРЫСЬ

Аннотация. В статье рассматриваются одонтологические и палеопатологические особенности населения, представленного в могильнике Борижары в Южно-Казахстанской области. Население Средней Сырдарьи и Таласа на нашем примере можно охарактеризовать как носителей южного грацильного одонтологического комплекса, широкого распространенного на территории Средней Азии. Состояние зубочелюстной системы скелетных останков из могильника Борижары, позволяет сделать вывод об общем благополучном состоянии группы. Рацион питания группы можно охарактеризовать как разнообразный, включающий в себя, в том числе, и продукты земледелия, что находит аналогии в предположении об оседлой земледельческо-скотоводческой экономике древнего государства Кангуй.

Ключевые слова: антропология, питание, палеопатология, население, археология, кочевники.

Могильник Борижары находится на верхней левой террасе р. Арысь в Южно-Казахстанской области. На сегодняшний день данный могильник является одним из самых больших и изученных археологических памятников в регионе. Весь рассматриваемый антропологический материал происходит из катакомбной части могильника.

Основу сообщения составляют материалы, соотносимые по времени с позднесарматской культурой. Численность изученной серии составила (по одонтологии) 17 черепов. Были объединены данные по мужской, женской и детской частям серии. В программу исследований был включен широкий комплекс основных расово-диагностических признаков зубной системы. Определения были выполнены в соответствии с методическими рекомендациями А.А. Зубова [1; 2; 3].

Данные по средним частотам были представлены в таблице 1. В рассматриваемой серии отсутствует краудинг и диастема. Редукция верхних латеральных резцов представлена баллом 1 в двух случаях из пяти, понижена частота трехбугорковых форм второго верхнего моляра и частота бугорка Карабелли. В то же время фиксируется среднее значение частоты четырехбугорковых

первых нижних моляров и высокая частота четырехбугорковых вторых нижних моляров. Имеющиеся данные позволяют сделать вывод о наличии южного грациального компонента.

Таблица 1 - Основные одонтологические параметры серии из могильника Борижары (в %, в скобках дано количество наблюдений)

ГРУППА	Shov I ¹ (2+3)	Shov I ² (2+3)	сгI ²	г(0) I ²	г(1) I ²	Эпикристид M1
Борижары	0 (1)	100 (3)	0 (13)	40 (5)	60 (5)	0 (3)
	dtc	dw	Cara M ¹ (2-5)	2med M1 (II)	2med M1 (III)	tami
	25 (4)	0 (3)	12,5 (8)	0 (3)	100 (3)	0 (10)
	M ₁ 6	M ₁ 5	M ₁ 4	M ₂ 6	M ₂ 5	M ₂ 4
	10 (10)	60 (10)	30 (10)	0 (10)	20 (10)	80 (10)
	M ² 4	M ² 4-	M ² 3+	M ² ∑3,3+	eext (5+6) M ²	eext (5+6) M2
40 (10)	50 (10)	10 (10)	10 (10)	37,5 (8)	55,6 (9)	

Условные обозначения: shov I¹ (2+3) – лопатообразность I¹ (баллы 2+3), dtc – дистальный гребень тригонида M₁, dw – коленчатая складка метаконида M₁, M₁ 6 – шестибугорковые M₁, Cara M¹ (2-5) – бугорок Карабелли на M¹ (баллы 2-5), M₁ 4 и M₂ 4 – четырехбугорковые M₁ и M₂, 2 med (II) – место впадения 2-й борозды метаконида на M₁, tami – внутренний средний дополнительный бугорок на M₁, M² ∑3, 3+ – сильно редуцированные формы коронки M² (тип по Дальбергу), сгI² – краудинг верхнего латерального резца, г(1) I² – редукция верхнего латерального резца, eext (5+6) – Межкорневые затеки эмали

Рассматривая данные расового комплекса (лопатообразность медиальных резцов, коленчатая складка метаконида, дистальный гребень тригонида, затеки эмали на вторых верхних и нижних молярах (балл 5 и 6)), можно отметить с оговоркой на малую численность серии отсутствие лопатообразности медиального резца и коленчатой складки метаконида. В одном случае зафиксирован дистальный гребень тригонида и повышенное значение затеков эмали на вторых нижних и верхних молярах. Все вышеперечисленные факты, позволяют отнести данную серию к европеоидным комплексам. Наличие повышенных частот встречаемости затеков эмали и дистального гребня тригонида при отсутствии других признаков восточного расового комплекса встречается в сериях южного грациального комплекса.

Имеющиеся данные позволяют предположить участие в расогенезе населения средней Сырдарьи и Таласа индивидов носителей южного грациального комплекса, широко распространенного на территории Средней Азии. Статистическое сравнение, полученных данных с ранее опубликованными (из могильников близких археологических культур и памятников синхронного времени), на данном этапе, в связи с численностью считаем нецелесообразным. Выявление достоверных статистических различий между мужскими и женскими черепами в серии, по той же причине не представляется возможным. Для более полного результата и для решения вопросов расо- и этногенеза необходимо дальнейшее накопление одонтологического материала.

Палеопатология

Была исследована зубочелюстная система 18 взрослых индивидов (12 мужчин и 6 женщин). Программа обследования включала в себя несколько нозологических форм зубочелюстных патологий, сгруппированных по своей способности охарактеризовать различные аспекты жизнедеятельности рассматриваемой популяции, такие, как подверженность её эпизодическому стрессовому воздействию, адаптация к стрессу отдельных индивидов и группы в целом, особенности диеты группы.

В качестве маркера эпизодического стресса рассматривается эмалевая гипоплазия, проявляющаяся неравномерным развитием толщины эмалевого покрова. Признак отражает последствия резких стрессовых воздействий, таких, как непродолжительное голодание, инфекционные заболевания, лихорадочные состояния и т.п., на организм ребенка в период формирования эмали зубов [4]. Степень проявления эмалевого гипоплазии может отражать степень стрессового воздействия.

В исследуемой группе у 10 индивидов, что составляет 71,4 % изученного материала, отмечается эмалевая гипоплазия в виде множественных линейных углублений слабой степени выражен-

ности, параллельных жевательной поверхности зубов. Реконструкция возраста, в котором происходила задержка развития эмали зубов, дает интервал 1-3 года. Множественность линий гипоплазии указывает на неоднократность воздействия неблагоприятных факторов на каждый организм в период формирования зубов. Слабая степень выраженности линий, может быть связана, как со слабым или непродолжительным воздействием неблагоприятного фактора, так и с хорошим функциональным состоянием организма ребенка, что обеспечивает высокую сопротивляемость патогенному воздействию.

Группа воспалительных заболеваний, характеризующих состояние здоровья отдельных индивидов - пародонтит, апикальный абсцесс и прижизненная утрата зубов. Частота встречаемости этих патологий в популяции связана с распространенностью в ней хронических заболеваний, нарушений обменных процессов и дисбаланса витаминов.

Пародонтит – это воспалительное заболевание тканей пародонта, характеризующееся прогрессирующей деструкцией альвеолярных отростков челюстей. При генерализованном пародонтите, происходит постепенное разрушение всего комплекса тканей пародонта, что, в итоге, заканчивается потерей зубов. Основной местной причиной данной патологии выступают микроорганизмы, локализующиеся в зубном камне.

Апикальный абсцесс – финал острого протекания верхушечного периодонтита – воспаления тканей, окружающих верхушку зуба. Образуется ограниченный очаг гнойного распада в костной ткани лунки зуба [4]. Наиболее часто эта патология является следствием кариеса. Воспалительным заболеваниям зубочелюстного аппарата люди в большей степени подвержены в зрелом возрасте, когда ухудшается кровоснабжение структур пародонта и происходит постепенное разрежение костной ткани. В молодом возрасте такие заболевания могут возникать из-за плохого функционального состояния организма. Таким образом, чем позже в группе фиксируются воспалительные заболевания зубочелюстного аппарата, тем с большей вероятностью группу можно рассматривать как благополучную.

В исследуемой группе пародонтит встречается у 17 индивидов, что составляет 94,4 % изученного материала. У индивидов моложе 35 лет данная патология выражена слабо. Апикальный абсцесс, встречается у 3 индивидов старших возрастных групп, что составляет 16,7 % изученного материала. У 4 индивидов (22,2 %) воспалительные процессы завершились утратой зубов. В большинстве случаев это утрата моляров. Ни в одном из случаев не наблюдаются признаки переломов в области альвеолярных отростков, что позволяет исключить травму как причину потери зубов. Распространенность воспалительных заболеваний зубочелюстного аппарата преимущественно среди членов группы зрелого возраста и практически полное отсутствие их у молодых индивидов, с большой вероятностью характеризует данную группу как благополучную по своему функциональному состоянию.

Такие патологии зубочелюстного аппарата, как кариес и зубной камень, кроме общей характеристики состояния здоровья популяции, дают представление об особенностях диеты древнего населения. Кариес - это прогрессирующая деминерализация и разрушение твердых тканей зуба, заканчивающаяся образованием полости. Возникает и развивается в результате выделения кислот микроорганизмами в процессе локальной ферментации углеводов в зубном налете [1]. Развитие кариозной полости зависит от нескольких факторов, прежде всего от доли в рационе легкоусвояемых углеводов, способствующих образованию мягкого зубного налета, и общего состояния организма. Процент распространенности кариеса в популяции, как показатель углеводного компонента рациона, может указывать на её хозяйственно-экономический уклад - степень развития земледелия [5]. Зубной камень – минерализованные отложения на поверхности зубов. Одной из причин появления зубного камня является употребление мягкой пищи, не обеспечивающей необходимого самоочищения при жевании.

В исследуемой группе кариес встречается у 2 индивидов старших возрастных групп, что составляет 11,8 % изученного материала. В патологический процесс вовлечены сразу несколько зубов, зубные коронки разрушены почти полностью. Небольшая частота встречаемости кариеса в группе, но, при этом, сильная степень его выраженности у отдельных индивидов, не позволяет сделать вывод о доле углеводного компонента в рационе группы.

Зубной камень встречается у 16 индивидов, что составляет 94,1 % изученного материала, однако степень развития его невысокая. Широкая распространенность и слабая степень развития этой патологии позволяют сделать вывод о разнообразии рациона питания группы. В нем присутствовала как мягкая, так и жесткая, способствующая очищению зубов, пища.

Проведенный анализ состояния зубочелюстной системы представителей серии из могильника Борижары, позволяет сделать вывод об общем благополучном состоянии группы. Рацион питания группы можно охарактеризовать как разнообразный, включающий в себя, в том числе, и продукты земледелия.

В качестве особенностей, встреченных на зубах индивидов из могильника Борижары, можно отметить в двух случаях (к. 18 ск.2, ск.3) наличие желобка между соседними зубами на премолярах и молярах. Пример подобного случая представлен на рисунке 1. Поверхность желобка заложена. Локализация их на премолярах и молярах и также, часто, их конусовидная форма с сужением в лингвальную сторону, позволяет предположить использование предметов, подобных современным зубочисткам. Возможно, их использовали в гигиенических целях. Подобные дефекты встречаются в степной полосе с эпохи бронзы. Часто они встречаются у кочевников раннего железного века [6].

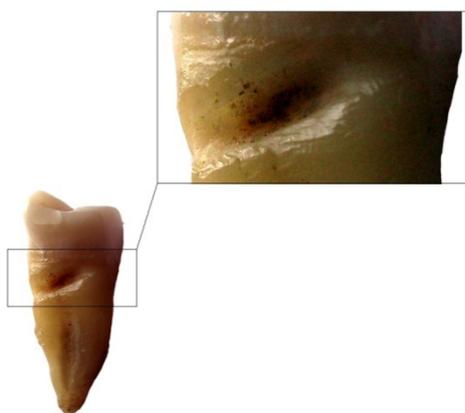


Рисунок 1 - Фотография бокового желобка на боковой поверхности зуба



Рисунок 2 - Вариант специфической стертости зубов на антропологических материалах из могильника Борижары

В связи с плохой сохранностью костей посткраниального скелета, не представлялось возможным сделать остеометрический анализ и подробно изучить палеопатологические особенности за исключением костей двух индивидов. Так у индивида №1 из кургана 27 зафиксирован перелом нижней трети правой бедренной кости. Дистальный фрагмент под действием двух головок икроножной мышцы сместился назад. В таком положении кость срослась (рис. 3).

У индивида №2 из кургана 27 отмечен перелом верхней трети правой бедренной кости, а точнее – подвертельный перелом, затрагивающий вертельную область. Сращение кости произошло в положении, при котором проксимальный конец кости согнут и ротирован под действием подвздошно-поясничной мышцы (рис. 4).



Рисунок 3 - Поперечный перелом нижней трети правой бедренной кости



Рисунок 4 - Подвертельный перелом верхней трети правой бедренной кости

Травмы, фиксируемые на костях посткраниального скелета и черепа, могут показать уровень травматизма и уровень агрессивности общества. На палеоантропологических материалах в степной полосе Евразии позднесарматское время отмечено наличие повышенного количества травм, в том числе и нанесенных боевым оружием. Данный факт позволяет говорить о более агрессивном обществе в позднесарматский период, чем в раннесарматское и среднесарматское время [7, с. 180-181]. Повышенное количество травм встречено и на материалах других синхронных памятников Южного Казахстана (неопубликованный материал авторов), что позволяет провести аналогии с ситуацией в степной полосе Евразии.

Практически во всех имеющихся случаях, фиксируется неравномерная сточенность зубов на верхней и нижней челюсти. Наиболее стертой является верхний передний отдел зубочелюстного аппарата верхней челюсти (верхние резцы). В нескольких случаях имелась специфическая стертость, когда более стертыми являлись только верхние резцы (рис.2). Повышенная стертость находит аналогии среди антропологических материалов Джетысарской культуры. Было высказано предположение об использовании зубочелюстного аппарата в специфической деятельности, свя-

занной с выделыванием различных типов тканей (выделывание волокон растительного и животного происхождения). Возможно, мы наблюдаем следы подобной деятельности на палеоантропологическом материале из могильника Борижары.

Таким образом, население Средней Сырдарьи и Таласа на нашем примере можно охарактеризовать как носителей южного грацильного одонтологического комплекса, широко распространенного на территории Средней Азии. Состояние зубочелюстной системы скелетных останков из могильника Борижары, позволяет сделать вывод об общем благополучном состоянии группы. Рацион питания группы можно охарактеризовать как разнообразный, включающий в себя, в том числе, и продукты земледелия, что находит аналогии в предположении об оседлой земледельческо-скотоводческой экономике древнего государства Кангюй.

Работа выполнена по гранту РФФИ 14-06-00111 А «Взаимодействие кочевых и земледельческих культур в Средней Азии во II - IV в. н.э. (по данным антропологии)».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1968. – 200 с.
 [2] Зубов А.А. Этническая одонтология. – М.: – Наука, 1973. – 202 с.
 [3] Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в антропологии. – М.: Наука, 1993. – 224 с.
 [4] Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека: Методика биологических исследований. – М.: Старый Сад, 1998. – С. 87–146.
 [5] Струков А.И., Каменецкая Л.Е. Болезни зубочелюстной системы и органов полости рта // Патологическая анатомия. – М.: Медицина, 1993. – С. 635–662.
 [6] Суворова Н.А. Одонтологическая характеристика ранних кочевников Южного Приуралья по материалам могильника Покровка-10 // Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка-10. М.: Восточная литература, 2008. С. 87–95.
 [7] Балабанова М.А., Перерва Е.В. Идентификация типов оружия по боевым травмам у сарматов // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». - Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. – 2007. – С. 173–181.

REFERENCES

- [1] Zubov A.A.. Technique of anthropological researches. M.: Science, 1968. 200 pages.
 [2] Zubov A.A. Ethnic odontology.- M.: Science, 1973. 202 pages.
 [3] Zubov A.A., Haldeeva N.I. Odontologiya in antropofenetika. M.: Science, 1993. 224 pages.
 [4] Buzhilova A.P. Paleopatologiya in bioarchaeological reconstruction//Historical ecology of the person: Technique of biological researches. M.: Old Garden, 1998. Page 87–146.
 [5] Strukov A. I., Kamenetskaya L. E. Diseases of zubochelyustny system and bodies of an oral cavity//Pathological anatomy. M.: Medicine, 1993. Page 635-662.
 [6] Suvorova N. A. Odontologicheskaya the characteristic of early nomads of the Southern Cisural area on burial ground materials Pokrovka-10//Malashev V. Yu., Yablonsky L. T. The steppe population of the Southern Cisural area in late Sarmatian time: on burial ground materials Pokrovka-10. M.: East literature, 2008. Page 87–95.
 [7] Balabanova M. A., Pererva E. V. Identification of types of weapon on fighting injuries at Sarmatians // Arms of Sarmatians: regional typology and chronology. Reports to the VI international conference "Problems of Sarmatian Archeology and History". – Chelyabinsk: P

Е.П. Китов, А.О. Китова

Ә.Х.Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан

АРЫС ӨЗЕНІ БОЙЫНДАҒЫ ТҮРҒЫНДАРДЫҢ ОДОНТОЛОГИЯЛЫҚ ЖӘНЕ ПАЛЕОПАТОЛОГИЯЛЫҚ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Аннотация. Мақалада Оңтүстік Қазақстан облысындағы Бөріжар қорымы бойынша тұрғындардың одонтологиялық және палеопатологиялық ерекшеліктері қарастырылады. Сырдарияның орта ағысы мен Талас бойындағы тұрғындарды Орта Азия аумағына кеңінен тараған оңтүстік грацильді одонтологиялық кешенді алып жүруші ретінде сипаттауға болады. Бөріжар қорымындағы қаңқа қалдықтарының тісті-жақ жүйесінің жағдайы жалпы топтың тұрақты күйі туралы қорытынды жасауға мүмкіндік береді. Топтың рационды тамақтануын әр түрлі, оның ішінде егіншілік өнімдері болғандығымен сипаттауға болады, мұны болжам бойынша ежелгі Қаңды мемлекетінің отырықшы егіншілік-көшпелілік экономикасымен байланыстыра аламыз.

Тірек сөздер: антропология, тағам, палеопатология, тұрғындар, археология, көшпелілер.

L.T. Yablonsky

Archaeology Institute, Moscow
yablonsky.leonid@yandex.ru

ARCHAEOLOGICAL SKETCH OF EARLY SAKS FROM LOW SYRDARYA

Abstract. According to ancient written sources, Saks and Massagetae were east neighbors of Scythians. Sometimes the saks are called "Asian Scythians". They did not leave us their own writing. Therefore archaeological monuments located to the East from the Caspian Sea are only associatively connected with them. Among them are burial grounds South Tagisken and Uygarak (East Aral sea region). The whole delta of Syrdarya in the ancient time represented the huge area with many lakes and bogs among which there were courses filled with water coiled. Final stages of the Bronze Age are presented here by the unique necropolis which was located on the height Tagisken, in its northern part, that is the reason why it received the name "Northern Tagisken" – unlike the burial ground South Tagisken which is located on the same height, but to the south. The burial ground Uygarak totaled more than 80 barrows. There one can face different types of a funeral ceremony: on the surface of the ancient horizon (position of the corpse and corpse burning), in big wide angle and narrow sepulchral holes. Since the late Bronze Age to the developed Middle Ages the center of local ethnogenesis continuously remained in the territory of the ancient Syrdarya delta. During its history the traditional character and archaism combination in the general shape of material culture, on the one hand and multidirectional cultural contacts, on the other, was its property. This property caused specifics of local ethnogenesis of the ancient population inhabiting on the territory of the Syrdarya delta, ethnogenesis in which the essential role was played by local ecological conditions. The early sak period which in many respects defined further specifics of ethnogenetic processes in Southeast Aral region became a bright stage of the history.

Key words: East Aral sea region, Saks, South Tagisken, Uygarak, ethnogenetic processes

УДК 902 (574.54)

Л.Т. Яблонский

Институт археологии, Москва, Россия

ОЧЕРК АРХЕОЛОГИИ РАННИХ САКОВ НИЖНЕЙ СЫРДАРЬИ

Аннотация. По данным древних письменных источников, восточными соседями скифов были саки и массагеты. Иногда саков называют еще «азиатскими скифами». Саки не оставили нам собственной письменности. Поэтому только ассоциативно с ними обычно связывают археологические памятники, расположенные к востоку от Каспийского моря. Среди них могильники Южный Тагискен и Уйгарак (Восточное Приаралье). Вся дельта Сырдарьи в древности представляла собой огромный район с бесчисленными озерами и болотами, среди которых извивались наполненные водой русла. Финальные стадии эпохи бронзы представлены здесь уникальным некрополем, который был расположен на возвышенности Тагискен, в северной ее части, отчего он и получил название «Северный Тагискен» – в отличие от курганного могильника Южный Тагискен, располагавшийся на той же возвышенности, но южнее. Могильник Уйгарак насчитывал более 80 курганов. Здесь были встречены разные виды погребального обряда: на поверхности древнего горизонта (труположения и трупосожжения), в больших широкоугольных и узких могильных ямах. С эпохи поздней бронзы и до развитого средневековья на территории древней сырдарьинской дельты непрерывно сохранялся очаг локального этногенеза. На всем историческом протяжении его свойством было сочетание традиционности и архаизма в общем облике материальной культуры, с одной стороны и разнонаправленные культур-

ные контакты, с другой. Именно это свойство обусловило специфику локального этногенеза древнего населения дельты Сырдарьи, этногенеза, в котором существенную роль сыграли местные экологические условия. Ярким этапом стал раннесакский период, который во-многом определил дальнейшую специфику этногенетических процессов в Юго-Восточном Приаралье.

Ключевые слова: Восточное Приаралье, саки, Южный Тагискен, Уйгарак, этногенетические процессы.

Введение. По данным древних письменных источников, восточными соседями скифов были саки и массагеты. Иногда саков называют еще «азиатскими скифами». Саки не оставили нам собственной письменности. Поэтому только ассоциативно с ними обычно связывают археологические памятники, расположенные к востоку от Каспийского моря. Среди них могильники Южный Тагискен и Уйгарак (Восточное Приаралье), Сакар-Чага, (Южное Приаралье), Иссык (в районе Алматы), Шиликтинские курганы (Восточный Казахстан). Судя по данным археологии, образ жизни саков и их материальная культура очень близки скифским. Однако, некоторые элементы материальной культуры тех и других различались. Так, археологически зафиксировано, что типологический набор наконечников стрел у тех и у других резко различается: скифы использовали только втульчатые формы, а в сакских колчанах находят как втульчатые, так и черешковые наконечники. При общем сходстве в стилистике «звериного стиля» детальное рассмотрение сюжетов изображений обнаруживает определенные стилистические различия. Полагают также, что некоторые типы деталей конской упряжи были заимствованы скифами от саков.

Таким образом, выясняется, что культура скифов и саков была в целом сходной, но не тождественной. Особенности материальной и духовной культуры ранних саков (VII-первая половина V вв. до н. э.) ярко проявляются в археологических памятниках древней дельты Сырдарьи, расположенной на территории Казахстана.

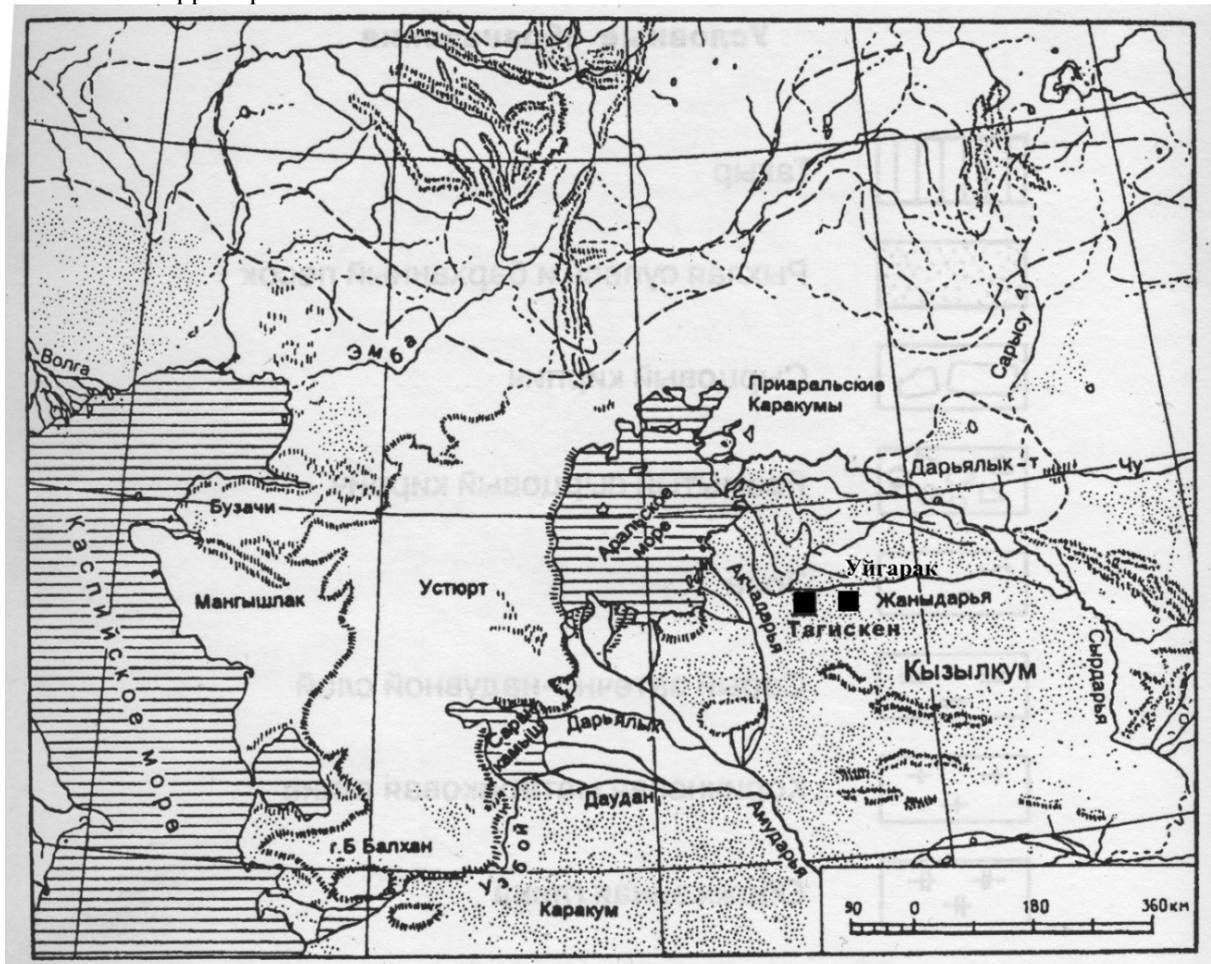


Рисунок 1 - Карта Восточного Прикаспия с обозначением местоположения возвышенностей Уйгарак и Тагискен

В наши дни наблюдается процесс усыхания Аральского моря. Это во многом связано с тем, что великие реки Амударья и Сырдарья уже давно не дотекают до зеркала Аральского моря. Современный ландшафт представлен здесь песками и глинистыми равнинами, над которыми возвышаются холмы, такие, как Уйгарак и Тагискен, расположенные на берегах древнего протока Сырдарьи – Жанадарьи. Но в древности Сырдарья на подходе к Аралу образовывала дельты с многочисленными протоками, которые, особенно, при периодических поднятиях уровня Аральского моря наполнялись водой. Все аллювиальные равнины расчленяются большим количеством сухих ныне русел. Наиболее крупное из них – Жанадарья. На всем своем протяжении она выражена вполне четко. Ширина русла 50–70 м, глубина 5–7 м.

Вся дельта Сырдарьи (рис. 1) в древности представляла собой огромный район с бесчисленными озерами и болотами, среди которых извивались наполненные водой русла. Древнейшим из основных русловых протоков Сырдарьи была, видимо, Инкардарья. В ее нижнем и среднем течении были обнаружены многочисленные стоянки эпохи неолита и бронзы (конец III – начало I тыс. до н. э.), которые на Жанадарье не зафиксированы. Формирование Жанадарьи, скорее всего, может быть отнесено к VII-V вв. до н. э., когда частично произошло спрямление некоторых извилистых русел Инкардарьи. Отдельные отрезки системы Инкардарьи вошли в систему Жанадарьи, другие же превратились в озера, которые питали водой поселения античного времени. Незатопленными оставались лишь наиболее высокие песчаные гряды и холмы. Именно на таких возвышенностях древние кочевники и строили свои могильники.

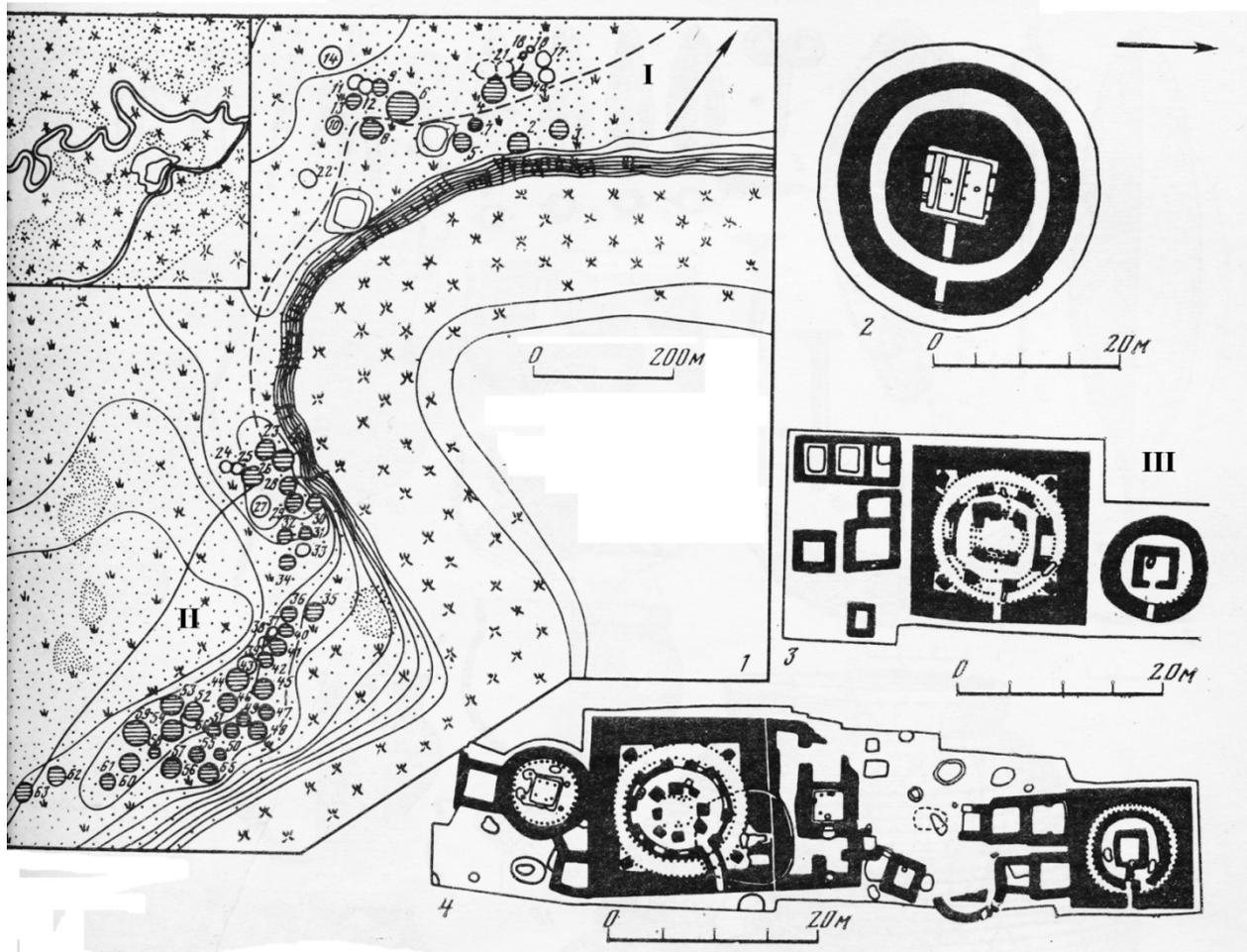


Рисунок 2 - Могильники на возвышенности Тагискен:
I – Северный Тагискен; II – Южный Тагискен; III – планы мавзолеев Северного Тагискена (по: [6])

Хозяйство кочевников базировалось на специализированном скотоводстве. Но культурные связи с южными земледельческими цивилизациями, а также принципиальная возможность существования пойменного земледелия на небольших участках дельты, позволяют рассматривать хозяйство населения эпохи поздней бронзы низовий Сырдарьи как комплексное полуоседлое, скотоводческо-земледельческое. Финальные стадии эпохи бронзы представлены здесь уникальным некрополем, который был расположен на возвышенности Тагискен, в северной ее части (рис. 2), отчего он и получил название «Северный Тагискен» – в отличие от курганного могильника Южный Тагискен, располагавшийся на той же возвышенности, но южнее (рис. 2). Иногда эти памятники объединяют в один комплекс – «Тагискен», но это неправильно, так типологически они относятся к разным эпохам (соответственно – поздней бронзы и раннего железа). Могильник Северный Тагискен представлен кирпичными мавзолеями – сложными монументальными архитектурными сооружениями, в которых производили трупосожжения [1]. В планировках мавзолеев сочетаются круг и квадрат – традиция, характерная для архитектуры ираноязычных народов. Направление культурных связей сырдарьинского населения в этот период (IX–VIII вв. до н. э.) подчеркивается не только характерными приемами строительства зданий, но и керамическим комплексом, который включает сосуды, имеющие типологические и технологические аналоги на земледельческом юге Средней Азии.

В конце VIII или начале VII в. до н. э. на территории Восточного Приаралья расселяются племена, принадлежащие, вероятно, к сако-массагетскому союзу. Мы не знаем крупных оседлых поселений этого времени, да их, видимо, и не было. Это были подвижные скотоводческие коллективы, материальная культура которых, вводит их в круг культур сакского типа, распространенных в это время на территории степной и полупустынной Евразии. Эти коллективы оставили на берегах Жанадарьи два крупных очень выразительных погребальных комплекса – курганные могильники Уйгарак и Южный Тагискен (рис. 1), которые были расположены поблизости.

Результаты исследования. Могильник Уйгарак (рис. 3) имел протяженность около 2 км и насчитывал более 80 курганов [2]. Здесь были встречены разные виды погребального обряда: на поверхности древнего горизонта (труположения и трупосожжения), в больших широкоугольных и узких могильных ямах. В некоторых больших ямах по углам фиксировались столбовые ямы. В некоторых из них были найдены вещи, что говорит о ритуальном характере столбовых ям (они на самом деле не использовались для сооружения перекрытий могил). Такой же ритуальный смысл имели и канавки, вырытые по периметру могил – следы дерева в них отсутствовали, но погребенный оказывался уложенным как-бы на «столике», ограниченном этими канавками. Погребения на поверхности горизонта совершали в легких каркасных конструкциях прямоугольной или округлой в плане формы, с выделенными входами – имитация легких жилых построек типа юрты. В ряде случаев сооружения имели двойные стены: внешняя, округлая в плане и внутренняя – подквадратная. Это напоминает планировки тагискенских мавзолеев. Иногда умерших укладывали на решетчатые носилки, покрытые камышом. Такие сооружения иногда сжигали (опять параллель тагискенскому обряду погребения). В одном случае погребенный находился в деревянном гробу. Некоторые могилы имели перекрытия из жердей и хвороста, которые укладывали на края ямы. В могилы клали предметы, которые в соответствии с языческими традициями должны были сопровождать умершего в «мир иной».

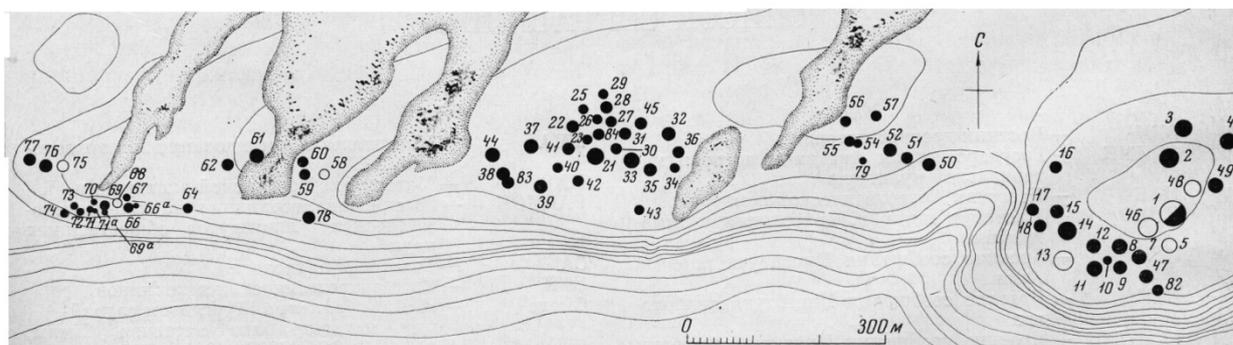


Рисунок 3 - Могильник Уйгарак. Общий план (по: [2])

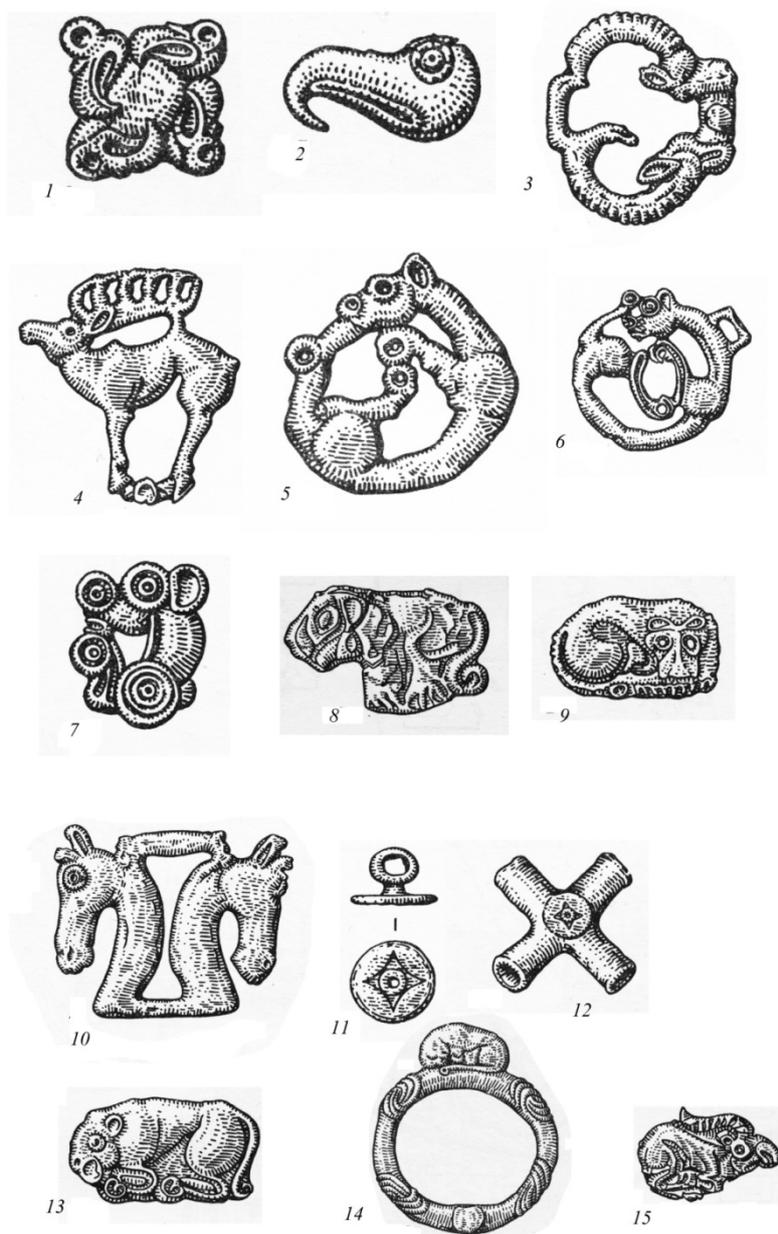


Рисунок 4 - Находки из могильников Уйгарак и Южный Тагискен:
1–7 – из Уйгарака; 8–15 – из Южного Тагискена

Конская упряжь в могилах заменяла по смыслу самого коня (*pars pro toto*). Ее находили и в мужских, и в женских захоронениях. Но по наблюдениям О.А. Вишневецкой [2], упряжь встречали в могилах лишь тех женщин, которые занимали привилегированное положение в обществе.

В могильнике, прежде всего, по составу инвентаря выделяются три группы погребений. Считается, что они отражают социальную структуру населения или три разных по происхождению культурных компонента, которые участвовали в заселении дельты.

Среди находок следует, в первую очередь, отметить комплексы, которые получили название «скифская триада», то есть сочетание в одном захоронении предметов вооружения, конской упряжи и вещей, декорированных в, так называемом, скифо-сибирском зверином стиле. Среди предметов вооружения чаще всего встречаются наконечники стрел. Почти все они бронзовые (за исключением двух костяных) и по способу насада делятся на две группы – черешковые и втульчатые. Среди втульчатых встречаются двухлопастные формы, известные в азиатской части степей еще в эпоху бронзы (в частности, подобные наконечники были найдены в могильнике Северный Тагискен).

Детали конской упряжи представлены разнообразными предметами. Это удила и псалии – бронзовые и роговые, различных типов, подпружные пряжки, бронзовые накладки, обоймы для перекрестия ремней оголовья и др.

Предметы вооружения только наступательные – стрелы, железные кинжалы, биметаллический боевой топор (клевец, чекан) с бронзовой втулкой и железной боевой частью.

Искусство населения Нижней Сырдарьи раннесакского времени нашло отражение на предметах вооружения и конской упряжи, культа. Наиболее распространенные сюжеты изображений связаны с образами хищника кошачьей породы (рис. 4, 5, 6, 7), копытными (рис. 4, 3, 4) и хищными птицами (рис. 4, 1, 2). В украшении конской упряжи наибольшее распространение получил мотив лошадиных копыт (рис. 4, 4).

Неотъемлемой частью женских захоронений были бронзовые дисковидные зеркала и каменные алтари-жертвенники. Алтари разнообразны форм – овальные на ножках, прямоугольные и овальные с плоским дном, клювовидные. Обе категории предметов имели отношение к культам. При этом в раннесакском обществе именно женщине отводили роль семейной жрицы, которая и руководила отправлением культов в каждой семье. Особенно пышные захоронения женщин, которые можно было бы связывать с жрицами рода, не фиксируются еще для этого времени в сакской среде. Хотя для второй половины VI в. до н. э. они известны, например, в Южном Приуралье [3]. С алтариками часто находят крупинки красного реальгара, который, мог символизировать огонь или кровь. Реальгар – это минерал класса сульфидов, имеющий кристаллическую структуру. Часто вместе с жертвенниками находили каменные терочники для растирания кристаллов, а на поверхности алтариков – следы красок.

Все данные говорят о том, что могильник Уйгарак был оставлен одним из сакских сообществ. Бесспорная близость вещевого материала из Уйгарака с приалтайскими и центрально-азиатскими комплексами сакского типа, очевидно, отражает стадиальность в развитии культур сакского типа в восточной части Евразии, а, возможно, и этнокультурные контакты между локальными объединениями ранних кочевников региона.

Расселение сакских коллективов в низовьях Сырдарьи было связано с обводненностью этого дельтового региона. Здесь были открыты также, так называемые, «шлаковые курганы» и полуразвеянные краткосрочные поселения [4].

Могильник Южный Тагискен находится в 220 км к юго-западу от Кызылорды, в 30 км западнее Уйгарака. Оба памятника можно считать, практически синхронными с той лишь разницей, что в Тагискене гораздо лучше представлена группа погребений, которая датируется V в. до н. э. Поэтому в публикациях оба памятника рассматриваются обычно в совокупности [5; 6]. Лишь в 1997 г. вышла монография, специально посвященная публикации материалов из Южного Тагискена [7]. Принципиально важно, что сакский могильник Южный Тагискен расположен на той же возвышенности, что и некрополь эпохи поздней бронзы Северный Тагискен (рис. 2) и в непосредственной близости от него. Нет сомнений в том, что, когда саки решили устроить здесь свой погребальный комплекс, монументальные кирпичные мавзолеи Северного Тагискена или их развалины еще стояли на поверхности возвышенности и были хорошо различимы.

Бугор Тагискен представляет собой останцовую возвышенность на высоком берегу одного из протоков Инкардарьи. Песчаные насыпи курганов Южного Тагискена были развеяны и зафиксированы только благодаря аэрофотосъемке. 38 курганов находились в могильнике Южный Тагискен, еще 4 располагались в площади некрополя Северного Тагискена. Топографически курганы Южного Тагискена были представлены двумя группами, которые разделены ложбиной шириной в 50-60 м (рис. 2). Абсолютное большинство захоронений (85%) было совершено по принципу ингумации. Подавляющее большинство могильных ям имели деревянные перекрытия. Иногда эти перекрытия в ходе погребального ритуала поджигали. В столбовых ямах, зафиксированных в углах погребальных камер, остатки дерева, как правило, не обнаруживались. Как и в Уйгараке, они имели только ритуальный смысл. Чаще всего могильные ямы в плане имели форму прямоугольника или квадрата, но в шести случаях при ямах находился дромос (наклонный канавообразный вход), который вел в погребальную камеру. Как и в Уйгараке, встречались захоронения с канавками по периметру стен ямы, которые образовывали «столики», на которые и укладывали умерших. Четыре сооружения содержали кремации. Все они представляли собой каркасные сооружения, устроенные на поверхности древнего горизонта (похожие на те, что были исследованы в Уйгараке); они имитировали жилую застройку (дом мертвых), иногда, с обозначенным входом в него. Но наиболее типичной для Южного Тагискена была широко-прямоугольная погребальная яма без дромоса с четырьмя «столбовыми» ритуальными ямками по углам, ориентированными по

сторонам света, с несожженным плоским деревянным перекрытием, уложенным на поверхность горизонта.

Как и в Уйгараке, в Тагискене принадлежностью женских захоронений являются каменные терочки и алтарики-жертвенники с пестиками, часто имеющими на рабочих поверхностях следы реальгара. Материалы из сакских могильников Приаралья со всей очевидностью свидетельствуют о прочной семантической связи в погребальном ритуале зернотерок и реальгара, причем именно в женских погребениях. Жертвенники типологически сходны с уйгаракскими, и среди них встречаются клювовидные формы, характерные только для могильников Приаралья.

Бронзовые дисковидные зеркала тоже аналогичны уйгаракским. Они являлись неотъемлемым атрибутом женщин-жриц домашнего очага. Украшения представлены, в основном, разнотипными бусами, среди которых попадаются халцедоновые, вероятно, индийского происхождения, бирюзовые (месторождения известны в Центральных Кызылкумах), стеклянные и сердоликовые.

Предметы вооружения, которые чаще находили в мужских захоронениях, представлены железными кинжалами, мечами, стрелами. Среди мечей встречаются длинные, всаднические. Они известны также по раскопкам в Южном Приуралье могильников второй половины VI в. до н. э. Любопытно, что, начиная с этого времени, наблюдается сходство и в типологическом наборе наконечников стрел в обоих регионах. Возможно, это связано с тем, что ранние кочевники Приуралья и Нижней Сырдарьи пользовались общими металлургическими центрами.

Деревянные ножны меча из кургана 53 были украшены продольной накладкой из золотой фольги с профильным стилизованным изображением двух лежащих хищников (волков?) с петлевидно загнутыми кончиками хвостов, что характерно для изображений VI–V вв. до н. э.

В том же погребении был найден кожаный колчан, в котором находилось около 50 стрел. Поверхность колчана украшали тринадцать золотых нашивок в виде штампованных изображений идущих и стоящих львов (рис. 4, 8). Одна накладка изображает лежащего льва с мордой, повернутой en face (рис. 4, 9).

Бронзовые наконечники стрел делят курганы Южного Тагискена на две хронологические группы – конца VIII – первой половины VI в. до н. э. и второй половины VI – первой половины V в. до н. э.

Все удила – бронзовые и подразделяются на разъемные и цельнолитые. Псалии – бронзовые и роговые. Как и в Уйгараке, встречено большое количество деталей конских уздечек, которые представлены разнотипными обоймами для перекрестия ремней (рис. 4, 12), разнообразными бронзовыми бляшками (рис. 4, 7, 11) и подпружными пряжками (рис. 4, 10, 14).

Предметы декоративно-прикладного искусства можно разделить на две основные группы. Первую представляют вещи, украшенные геометрическим орнаментом или солярными знаками (рис. 4, 11, 12) – символами солнца, а также сильно стилизованным растительным орнаментом. Вторая группа более многочисленна и разнообразна по составу. Это вещи, которые выполнены в традициях «скифо-сибирского звериного стиля». В их числе парные подпружные пряжки с геральдическим изображением лошадиных голов (рис. 4, 10). Ученые по-разному трактуют семантику подобных образов. Одни думают, что таким образом древние мастера пытались передать объемность изображения, как-бы разложенного на две плоскости. Другие связывают подобные сюжеты с культом близнецов, существующим у индоиранцев. Одна из пряжек имеет кнопку для пристегивания подпружного ремня в виде лошадиного копытца (прием, знакомый нам по материалам Уйгарака).

Еще одна параллель с Уйгараком состоит в том, что и в Тагискене изображения животных делятся все на те же три группы: хищники кошачьей породы (рис. 4, 8, 9, 13), копытные (рис. 4, 10, 15) и хищные птицы [7, табл. 77].

Система развешенных поселений сакского времени, зафиксированных в дельте Сырдарьи, [4] может говорить о полуоседлом образе жизни местных скотоводов. Вместе с тем, отсутствие здесь синхронных систем ирригации говорит о том, что, если саки и занимались земледелием, оно носило у них лишь вспомогательный характер и было богарным или каирным. Основу же ведения хозяйства составляло именно скотоводство.

К рубежу II–I тыс. до н. э. климатические изменения в степной зоне почти повсеместно, в том числе, в центрально-азиатском регионе, из-за усиления аридности климата нанесли ущерб традиционной системе хозяйствования пастушеско-земледельческих сообществ эпохи бронзы [8, с. 186-187; 9, с. 48].

Не вызывает сомнения тот факт, что некрополь Северный Тагискен и типологически, и хронологически представляет эпоху, переходную от поздней бронзы к раннему железу, то есть время,

когда на территории Восточного и Южного Приаралья начинается процесс формирования культур сакского типа.

Рассмотрение материалов на региональном уровне не дает оснований говорить о постепенности культурно-трансформационных процессов при формировании культур сакского типа. Скорее, речь может идти не о плавной трансформации, а о кризисе степных культур эпохи поздней бронзы, о скачкообразности перехода степняков к новому типу хозяйствования, основанному на специализированном скотоводстве, о появлении на территории Средней Азии и Казахстана гетерогенных объединений всадников-мигрантов, не имеющих здесь собственных этногенетических корней и привнесших сюда элементы собственной этнической культуры и новый геном, фенотипически включающий комплекс монголоидных краниологических признаков.

В Северном Тагискене археологически уже фиксируются признаки погребального обряда, которые станут впоследствии традиционными для приаральских культур сакского типа:

- обжигание поверхности площадки перед сооружением погребальной конструкции;
 - сожжение погребальной конструкции;
 - сожжение деревянного перекрытия погребальной камеры;
 - планировка погребального сооружения в виде квадрата, вписанного в круг или в концентрические окружности;
 - круг или концентрические окружности из столбовых ям вокруг погребальной камеры;
 - разрывы в кольцевой линии столбовых ям или выносные столбовые ямы, обозначающие проходы к погребальным камерам;
 - устилание поверхности вокруг погребальной камеры и над ней, а также дна могильных ям камышом, корой, лубом;
 - погребальные "столики", окруженные прямоугольными в плане канавками;
 - столбовые ямы по углам погребальной камеры;
 - имитация столбовых конструкций в виде ям, без установки в них столбов;
 - ориентировка стенок погребальных камер строго по сторонам света или с небольшим отклонением;
 - кольцо огня вокруг погребальной площадки;
 - биритуализм (сочетание в одном погребальном комплексе кремации и ингумации);
 - объединяющим элементом погребального обряда является также наличие в погребениях жертвенной пищи и, в частности, частей животных (но никогда – целых туш).
- Все эти факты еще раз свидетельствуют в пользу предположения о небольшом хронологическом разрыве между временем функционирования Северного Тагискена и раннесакских могильников Нижней Сырдарьи. По-видимому, строители могильника Южный Тагискен еще могли видеть на поверхности северной части возвышенности монументальные кирпичные мавзолеи или их развалины, а, возможно, даже воспринимать их, как могилы своих предков.

Обсуждение результатов. Для этногенеза скотоводческого населения Приаралья эпохи начала формирования культур сакского типа, наряду с явлениями внутренней трансформации степных культур эпохи поздней бронзы, главное значение имели следующие внешние обстоятельства:

1. Экологический кризис в азиатской части степи в эпоху поздней бронзы;
2. Изменения экологической обстановки на территории Присарыкамьшской дельты Амударьи, в результате которых, эта территория стала вновь пригодной для обживания после длительного запустения в эпоху бронзы [10];
3. Восточный импульс в этногенезе ранних саксов Приаралья, который фиксируется как на археологических, так и на палеоантропологических материалах [11]. Этот импульс антропологически легче всего связывать с населением эпохи поздней бронзы Южной и Западной Сибири, культурно-генетически связанным с притаежными, лесостепными вариантами культур позднеандроновского или карасукского типа. Именно здесь для эпохи поздней бронзы установлены популяции, носители ярко выраженного комплекса монголоидных признаков, который выступает здесь в виде более или менее ощутимой примеси [12].

Данный импульс проявился именно на ранних этапах формирования культур сакского типа, как на Сырдарье, так и на Амударье. По-видимому, зауральские пришельцы в обоих приаральских регионах были ассимилированы, и в последующие эпохи монголоидность в физическом типе населения здесь уже не проявляется достаточно очевидно [13], хотя еще заметна на черепках носителей чирик-рабатской культуры Нижней Сырдарьи IV–II вв. до н. э. [14].

4. Традиционные и многоплановые взаимосвязи с населением южных, земледельческих районов Средней Азии, которые, по данным археологии, не прекращались на протяжении второй поло-

вины II тыс. до н. э. и продолжились, но на новом витке культурного развития в начале I тыс. до н. э.

Совокупность воздействия всех этих факторов и привела к скачкообразному и хронологически параллельному развитию культур сакского типа в низовьях великих среднеазиатских рек – Амударьи и Сырдарьи. Наиболее вероятная абсолютная дата этого скачка – конец VIII в. или рубеж VIII – VII вв. до н. э. [15].

Однако, уже к концу VII столетия в Приаралье формируются археологические комплексы признаков, характеризующие локальные культуры. Одновременно наблюдается оформление специфических в антропологическом отношении популяций. Именно с этого времени этногенетические процессы на территории левобережного и правобережного Хорезма, с одной стороны, и в низовьях Сырдарьи – с другой приобретают еще более выраженную специфику [16, с. 11]. Это отчетливо проявляется и на археологических материалах последующих эпох [17].

Этнокультурная дифференциация между обоими регионами становится еще более заметной в VI в. до н. э., когда в левобережье Амударьи в окончательном формируется древнехорезмийское государство [18], а в низовьях Сырдарьи сохраняется еще старая этносоциальная система, базирующаяся на традициях, восходящих к эпохе бронзы [19, с. 47–48].

Представляется очевидным, что именно VI в. до н. э. стал переломным в культурно-историческом развитии скотоводческого населения Приаралья. Именно в этом столетии саки Присарыкамья оказались втянутыми в процессы формирования хорезмийской государственности [20, с. 71], что привело к резкой трансформации их материальной и духовной культуры.

По данным Б.И. Вайнберг [21] и Л.Т. Яблонского [22], «верхняя» дата раннесакских могильников Присарыкамья не выходит за пределы первой половины VI в. до н. э. В Уйгарске же, по мнению О.А. Вишневской [2], основная масса захоронений датируется VII–VI вв. до н. э. В Южном Тагискене значительное число погребений (около половины из раскопанных) датируется в пределах второй половины VI – середины V вв. до н. э. [7].

На Нижней Сырдарье, как уже отмечалось, традиционные признаки культуры раннесакского типа сохраняются вплоть до середины V в. до н. э. Однако, судя по материалам Южного Тагискена, во второй половине VI в. происходит культурная переориентация местного населения, которая археологически проявилась, прежде всего, в появлении новых видов вооружения – длинных железных мечей и бронзовых трехлопастных втульчатых наконечников стрел «савроматского» типа [23], а также некоторых деталей конской упряжи. В это же время меняется стилистика звериного стиля.

О кризисе традиционной для ранних саков Сырдарьи культуры свидетельствуют и инновации в погребальном обряде отдельных популяций. Не случайно, по-видимому, что в VI в. до н. э. здесь появляются, так называемые, «шлаковые» курганы и поселения со своеобразной материальной культурой [4].

Очевидно, именно в этом столетии возникают предпосылки для формирования новой этнической структуры населения Восточного Приаралья. Не исключено, что обычай искусственно деформировать голову, зафиксированный на черепах из относительно поздней группы погребений Южного Тагискена [24; 7, с. 73–74], тоже может служить признаком нового этнического самосознания.

На протяжении второй половины I тыс. до н. э. происходит дальнейшее культурное и, по-видимому, этническое размежевание населения собственно Хорезма, с одной стороны, и населения Сырдарьинской дельты, с другой. В Хорезме развиваются традиции государственности, сопряженные здесь со становлением специфической для степной зоны идеологической подосновы. Речь идет о системе культов, которые связывают с особым вариантом среднеазиатского зороастризма [25, с. 75]. Судя по новейшим археологическим данным, обычай захоронения предварительно очищенных человеческих костей в сосудах-оссуариях проявляется на территории Хорезма на несколько веков ранее, чем в других областях Средней Азии и Казахстана, а уже к рубежу эр, он превращается здесь в наиболее массовый погребальный обряд, в равной степени характерный как для земледельческого, так и для местного скотоводческого населения [13]. Этот культ возникает, безусловно, на базе общеиранских идеологических представлений, которые в степи имеют глубокую древность.

На Нижней Сырдарье в это же время, но в иных геополитических условиях, развиваются традиции комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства с применением примитивных форм ирригации. В середине I тыс. до н. э. здесь, практически синхронно формируются две культурно-дифференцированные общности, которые археологически представлены памятниками чирикрабатской и джетыасарской культур. В общем облике чирикрабатской культуры самым заметным образом проявляются культурные традиции, корни которых уходят в эпоху поздней

бронзы и, которые берут начало в местных памятниках раннесакского типа. Развитие этого культурного образования эпохи поздней бронзы проходило на фоне сильного культурного влияния со стороны населения земледельческих оазисов юга Средней Азии, что сказалось в особенностях архитектурных сооружений, в том числе и погребальных, в технологии изготовления и формах станковой керамики. Неоднократно отмечалась прямая генетическая связь наземных погребальных сооружений сакского периода, где совершались кремации, с мавзолеями Северного Тагискена [18, с. 201–203; 19, с. 96–97]. Палеоантропологические материалы, полученные при раскопках памятников чирикрабатской культуры, свидетельствуют о наличии в краниологическом типе ее носителей монголоидной примеси [14], что, может говорить не только о культурной, но и генетической преемственности местного населения начала и второй половины I тыс. до н. э.

Чирикрабатская культура, которая сложилась на Нижней Сырдарье на рубеже V – IV вв. до н. э., то есть в финале раннесакской культуры, просуществовала здесь вплоть до II в. до н. э. [26, с. 179].

К северо-востоку от нее развивалась джетыясарская культура; некоторые ее памятники синхронизируются с чирикрабатскими. Но в плане этногенетическом она представляет собой культурное образование, не связанное с северо-тагискенским и раннесакским пластом населения древней дельты Сырдарьи. По-видимому, носители джетыясарской культуры пришли в дельту Сырдарьи не позднее IV – III вв. до н. э. из района, близкого к югу Западной Сибири и Центрального Казахстана [26, с. 191].

Наличие около крепостей чирикрабатской культуры мавзолеев – погребений, которые, вероятно, принадлежали вождям, обеспечивало культурное единство сообщества. Из культурных связей, помимо южных, надо отметить особо тесные связи с Южным Приуральем. Это было результатом традиционных перекочек с зимовок в дельте Сырдарьи на летовки к рекам Урал и Илек [9, с. 54].

Выводы. Таким образом, с эпохи поздней бронзы и до развитого средневековья на территории древней сырдарьинской дельты непрерывно сохранялся очаг локального этногенеза. На всем историческом протяжении его свойством было сочетание традиционности и архаизма в общем облике материальной культуры, с одной стороны и разнонаправленные культурные контакты, с другой. Именно это свойство обусловило специфику локального этногенеза древнего населения дельты Сырдарьи, этногенеза, в котором существенную роль сыграли местные экологические условия [17, с. 9]. Ярким этапом стал раннесакский период, который во многом обусловил дальнейшую специфику этногенетических процессов в Юго-Восточном Приаралье.

Предполагают, что с конца эпохи бронзы оазисы и степи Средней Азии и Казахстана заселяли по преимуществу индоиранцы [27; 28]. Однако, местный иранский этнокультурный субстрат постоянно взаимодействовал как с прочими этносами индоевропейского происхождения (греки, западные иранцы, индусы и др.), так и с семитическими, монгольскими и некоторыми другими (на севере – финно-угорскими). Поэтому культурные и языковые заимствования и влияния нельзя объяснять только с точки зрения преимущественного направления линейных миграций. В результате длительного контакта маргинальных частей двух или нескольких этносов, или дисперсных контактов череполосно расположенных этносов формируется многолинейное, сетчатое субстратно-суперстратное течение этнических процессов, суть которых, отнюдь не сводится к прямолинейным моделям миграции или даже расселения, хотя эти события могли иметь место и периодически происходили в исторической реальности.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. - М., 2001. - 295 с.

[2] Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. (по материалам Уйгарака). - ТХАЭЭ. - М., 1973. - Т. VIII. - 160 с.

[3] Davis-Kimball J. and Yablonsky L. Excavations of Kurgans in the Southern Orenburg District, Russia. Silk Road Art and Archaeology. - Tokio, 1995/1996. - Vol. 4. - P. 1–16.

[4] Левина Л.М. Поселения VII–V вв. до н. э. и "шлаковые" курганы южных районов Сырдарьинской дельты. Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. - М., 1979. - Т. IX. - С. 178–190.

[5] Толстов С.П., Итина М.А. Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена). - СА. 1966. - №2. - С. 151–175.

[6] Итина М.А. Ранние саки Приаралья. Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. - М., 1992. - С. 31–46.

[7] Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). - М., 1997. - 187 с.

- [8] Демкин В.А. Палеопочвоведение и археология. - Пушино, 1997. - 213 с.
- [9] Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II-I до н.э. Материалы к историческим реконструкциям. - Челябинск, 2003. - 68 с.
- [10] Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения. МХЭ. - М., 1960. - Вып. 5. - 347 с.
- [11] Яблонский Л.Т. Модель раннего этногенеза в скифо-сакской контактной зоне. - РА. 1998. - № 4. - С. 35-49.
- [12] Рыкушина Г.В. Палеоантропология карасукской культуры. - М., 2007. - 197 с.
- [13] Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма. Археология и антропология могильников. - М., 1999. - 326 с.
- [14] Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. - М., 1972. - 371 с.
- [15] Яблонский Л.Т. Звериный стиль ранних скотоводов Приаралья в хронологическом аспекте. Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Тез. докл. Междунар. научн. конф., посв. 100-летию со дня рожд. проф. М.И. Артамонова. - СПб., 1998. - С. 73-76.
- [16] Яблонский Л.Т. Население раннесакского времени в Приаралье: археолого-палеоантропологический подход к проблеме этногенеза. Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. - М., 1990. - Вып. IV. Антропология. - С. 3-13.
- [17] Неразик Е.Е. Приаралье: некоторые экологические аспекты этнического развития. Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. - М., 1990. - Вып. II. История и археология. - С. 3-14.
- [18] Толстов С.П. По древним руслу Окса и Яксарта. - М., 1962. - 321 с.
- [19] Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Низовья Сырдарьи в древности. - М., 1993. - Вып. 1. Чирикратская культура. - 79 с., ил.
- [20] Вишневская О.А., Рапопорт Ю.А. Городище Кюзели-гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма. - ВДИ. - № 2. - 1997. - С. 150-173.
- [21] Вайнберг Б.И. Древняя история обводнения Присарыкамышской дельты Амударьи в свете археологических работ последних десятилетий. Аральский кризис. - М., 1991. - С. 123-141.
- [22] Яблонский Л.Т. Формирование культуры саков Южного Приаралья. - СА. - 1991. - № 1. - С. 72-89.
- [23] Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. - МИА. - 1961. - № 101. - 165 с.
- [24] Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). - М., 1996. - 184 с.
- [25] Рапопорт Ю.А. Религия древнего Хорезма: некоторые итоги исследования. - ЭО. - 1996. - № 6. - С. 53-77.
- [26] Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. - М., 1999. - 359 с.
- [27] Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. - М., 1977. - 82 с.
- [28] Кузьмина Е.Е. Лингвистический и археологический аспекты проблемы происхождения и расселения индоиранских народов. Лингвистическая реконструкция и древняя история Востока: тез. и докл. конф. - М., 1984. - Ч. 1. - С. 35-37.

REFERENCES

- [1] Itina M.A., Yablonsky L.T. Mausoleums of Northern Tagisken. Late Bronze Age in Lower Syr Darya. - Moscow, **2001**. 295 p.
- [2] Vishnevskaya O. A. Culture of the Saka tribes in the lower reaches of the Syr Darya river in VII-V centuries. BC. (based on Uigarak materials). Proceedings of the Khorezm archeological and ethnographic expedition. - Moscow, **1973**. V. VIII. 160.
- [3] Davis-Kimball J. and Yablonsky L. Excavations of kurgans in the Southern Orenburg District, Russia. Silk Road Art and Archaeology. - Tokio, **1995/1996**. Vol. 4. 1-16 pp.
- [4] Levina L.M. Settlements of the VII-V cc. BC. and "slag" kurgans of southern districts of Syrdarya delta. Nomads on the borders of Khorezm. Proceedings of the Khorezm archeological and ethnographic expedition. Moscow, **1979**. V. IX. pp. 178-190.
- [5] Tolstov S.P., Itina M.A. Sakas of the Syr Darya lower reaches (based on Tagisken materials). - Soviet archaeology. **1966**. № 2. pp. 151-175.
- [6] Itina M.A. Early Sakas of Aral Sea region. Archaeology of the USSR. Steppe zone of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time. - Moscow, **1992**. pp. 31-46.
- [7] Itina M.A., Yablonsky L.T. Sakas of Lower Syr-Darya (based on the burial South Tagisken). Moscow, **1997**. p.187.
- [8] Dyomkin V.A. Paleopedology and archeology. Pushchino, **1997**. 213 p.
- [9] Tairov A.D. Climate change and forest steppes of Central Eurasia in II-I BC. Materials for the historical reconstruction. - Chelyabinsk, **2003**. 68 p.
- [10] Lower reaches of the Amu Darya, Sarikamis, Uzboi. History of the formation and settling. Materials of Khorezm expedition. - Moscow, **1960**. V. 5. 347 p.
- [11] Yablonsky L.T. Early ethnogeny model in the Scythian-Saka contact zone. -Russian archeology. **1998**. № 4. S. 35-49.
- [12] Rykushina G.V. Paleoanthropology of Karasuk culture. - Moscow, **2007**. 197 p.
- [13] Yablonsky L.T. Necropolis of ancient Khorezm. Archaeology and anthropology repositories. - Moscow, **1999**. 326 p.
- [14] Ginzburg V.V., Trofimova T.A. Paleoanthropology in Central Asia. Moscow, **1972**. 371 p.
- [15] Yablonsky L.T. Animal style of Aral Sea region early cattlemen in chronological aspect. Scythians. Khazars. Slavs. Ancient Russia. Rep. of Intern. Scien. Conf., dedicated to 100th anniversary of prof. M.I. Artamonov. St. Petersburg, **1998**. 73-76 pp.
- [16] Yablonsky L.T. Early Saka population in the Aral Sea: archeological and paleoanthropological approach to the problem of ethnogenesis. Problems of ethnogenesis and ethnic history of the people from Central Asia and Kazakhstan. Moscow, **1990**. Vol. IV. Anthropology. 3-13pp.

- [17] Nerazik E.E. Aral Sea region: some environmental aspects of ethnic development. Problems of ethnogenesis and ethnic history of the people from Central Asia and Kazakhstan. - Moscow, 1990. - Vol. II. History and archeology. 3–14pp.
- [18] Tolstov S.P. On the ancient bed of the Oxus and Jaxartes. Moscow, 1962. 321 p.
- [19] Weinberg B.I., Levin L. Lower reaches of the Syr Darya in antiquity. Moscow, 1993. Vol. 1. Chirikrabad culture. 79 p., fig.
- [20] Vishnevskaya O.A., Rapoport Yu. A. Ancient settlement Kyuzeli-gyr. On the question about the early history of Khorezm. - Bulletin of ancient history. № 2. 1997. 150–173pp.
- [21] Weinberg B.I. Ancient history of flooding Sarykamys delta of Amu Darya in the light of archaeological works of recent decades. Aral Sea crisis. Moscow, 1991. 123–141 pp.
- [22] Yablonsky L.T. Development of Saka culture in Southern Aral Sea. - Soviet archeology. 1991. №1. 72–89pp.
- [23] Smirnov K.F. Savromats armament. - Materials and researches on archeology. 1961. № 101. 165p.
- [24] Yablonsky L.T. Southern Aral Sea Sakas (archeology and anthropology repositories). Moscow, 1996. 184 p.
- [25] Rapoport Yu. Religion of ancient Khorezm: some results of the study. Ethnographic Review. 1996. № 6. 53–77 pp.
- [26] Weinberg B.I. Turan Ethnogeography in antiquity. Moscow, 1999. 359 p.
- [27] Smirnov K.F., Kuzmina E.E. Origins of the Indo-Iranians in the light of the latest archaeological discoveries. Moscow, 1977. 82 p.
- [28] Kuzmina E.E. Linguistic and archaeological aspects of the problem of the origin and dispersal of the Indo-Iranian people. Linguistic reconstruction and the ancient history of the East: Materials of Conference. Moscow, 1984. Part 1. 35–37 pp.

Л.Т. Яблонский

Археология институты, Мәскеу қаласы, РФ

ТӨМЕНГІ СЫР ЕРТЕ САҚТАРЫ АРХЕОЛОГИЯСЫНЫҢ ОЧЕРКІ

Аннотация. Көне жазба деректерінің мәліметтері бойынша, скифтердің шығыс көршілері сақтар мен массагеттер болды. Кейде сақтарды «азиялық скифтер» деп те атайды. Сақтар бізге өз жазуын қалдырмады. Сондықтан, Каспий теңізінен шығысқа қарай жатқан археологиялық ескерткіштерді олармен тек болжамдап байланыстырады. Олардың арасында Оңтүстік Түгіскен мен Үйғарақ қорымдары бар (Шығыс Арал маңы). Сырдың бүкіл сағасы көне дәуірде арасында суға толы арналар бұраландап ағып жатқан сансыз көлдер мен батпақтары бар аудан болды. Қола дәуірінің аяқталар кезеңдері бұл жерде Түгіскен қырында орын тепкен бірегей некропольмен көрінеді: ол қыраттың оңтүстігіне таман жатқан Оңтүстік Түгіскен обалы қорымынан бөлек, солтүстікке қарай орналасқандықтан Солтүстік Түгіскен деп аталған. Үйғарақ қорымында 80 астам оба бар. Мұнда жерлеу ғұрпының әрқилы түрлері кездесті: көне қабат деңгейінде (мүрдені өртемей және өртеп жерлеу), үлкен кеңбұрышты және жіңішке қабірлерде. Соңғы қола дәуірінен бастап дамыған ортағасырларға дейін Сырдың көне сағасы аумағында локалды этногенездің ошағы үздіксіз сақталды. Бүкіл тарихи уақыт барысында оның қасиеті бір жағынан материалдық мәдениеттің жалпы бейнесінде дәстүрлілік пен архаизмнің үйлесіп отыруында, екінші жағынан мәдени байланыстардың әртүрлі бағытылығында болды. Сырдария сағасы көне тұрғындарының жергілікті экологиялық алғышарттар маңызды роль атқарған локалды этногенезінің спецификасы осы қасиетке байланысты болып келді. Ертесақ кезеңі жарқын саты болды, ол Оңтүстік-шығыс Аралдағы этногенетикалық үдерістердің әрқарайғы спецификасына көптеп әсер етті.

Тірек сөздер: Шығыс Арал маңы, сақтар, Оңтүстік Түгіскен, Үйғарақ, этногенетикалық үдерістер.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ И АРХИТЕКТУРА

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

ISSN 2224-5294

Volume 1, Number 311 (2017), 76 – 87

UDC 903.02 (653)(574.52)

Y.Sh. Akymbek

A.H. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

E-mail: eraly_a@mail.ru

BRICK BURNING KILN OF THE MEDIEVAL FORTIFIED SITE OF AKTOBE

Abstract. As the result of the conducted long-term researches on the medieval fortified site of Aktobe it was defined that the burned bricks were used on construction of towers, construction of a bath, for the pavement of a surface of the square, and also in construction, in particular, of premises and craft workshops.

Searches and excavation were undertaken and as the result the burning brick which dated to the XI-XII centuries was revealed on the Shakhristan part of the site.

It was succeeded to reveal its parameters: it is square by its form (5,8x5,8 m size parties). By its corners it is focused on parts of the world. The kiln furnace chamber, that consists of two-piece remained: actually fire chamber and calcination chamber. The kiln chamber or a rectangular fire chamber, extended from the southeast on the northwest 4,5 m long and 2,9 m wide. The combustion chamber was separated from calcination baking plate. Width of the basis of the arches is various – from 40 to 55 cm. Inside of the remained arch from a floor to a fire chamber 2,16 m high. The kiln arches are built from the large-sized adobe bricks of 36x18x8 cm laid on an edge and fastened with clay grout. Between the arches forming under furnaces there are seven pro-arches that width differs: from 14 to 34 cm. It is tracked that in use the brick burning kiln a furnace chamber, and is possible also all furnace, at least were exposed to repair twice. The kiln was built the lower occupation layer.

Keywords: fortified settlement of Aktobe, Middle Ages, excavation, kiln, combustion chamber and calcinatory, brick.

ӘОЖ 903.02 (653)(574.52)

Е.Ш. Ақымбек

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан

ОРТАҒАСЫРЛЫҚ АҚТӨБЕ ҚАЛАСЫНДАҒЫ КІРПІШ КҮЙДІРЕТІН ПЕШ

Аннотация. Ортағасырлық Ақтөбе қаласына жүргізілген көп жылдық зерттеулер нәтижесінде қыш кірпіштен салынған мұнара, монша, табанына қыш кірпіш төселген алаң және қыш кірпіштерді тұрғын үй бөлмелері мен шеберханалардың кейбір бөліктеріне де пайдаланғандығы анықталды.

Осыншама көп кірпішті қайда күйдіріп жасағандығын білу мақсатында да бірқатар зерттеулер жүргізіліп, нәтижесінде Шахристаннан XI-XII ғғ. жататын кірпіш күйдіретін пеш – құмбыз ашылды.

Бұрыштары әлемнің төрт тарабына бағытталған пештің қалың қабырғасының сыртынан есептегенде көлемі 5,8x5,8 м. Екі бөліктен: күйдіру және оттық камерасынан тұратын пештің тек оттық камерасы сақталған. Оның ұзындығы 4,35 м ені 2,9 м сақталған қабырғасының биіктігі 0,8-1,65 м. Күйдіру және оттық

камераларының арасындағы аркалы күмбездің тек іргесінің қалдықтары ғана қалған. Екі қабырғасындағы аркалы күмбездің саны алтау. Аркалы күмбездің іргесінің қалыңдықтары 0,4-0,5 м. Ал, олардың арасын ауа (от жалыны) жүретін жеті қуыс бөліп тұр. Қабырға сызығынан ішке қарай 13-30 см кіріп тұрған, тарамдалған қуыстарының ені 18-26 см аралығында. Пештің жұмыс істеу барысында бірнеше (екі) рет күрделі жөндеу жұмыстарынан өткендігі және соған байланысты қайта жасакталғандығы байқалады. Құрылыс астыңғы мәдени қабаттың үстіне салынған.

Кілт сөздер: Ақтөбе қаласы, орта ғасыр, қазба, пеш, оттық және күйдіру камерасы, кірпіш.

Ортағасырлық қалалар мен қоныстарға жүргізілген қазба жұмыстарында анықталғандай, саз балшықтан қалыптап кепкеннен соң жоғары температурада күйдірілген құрылыс заттарына: кірпіш, бәдізді кірпіш, тақта, оймышты қаптауыш тақталар және т.б. жатады. Соның ішінде қыш кірпіштерді құрылыстың кез-келген түрінде, діни және қоғамдық ғимарат салу, жолға төсеу және тағы басқа да құрылыстарда кеңінен пайдаланған.

Қыш кірпіштер еліміздегі ортағасырлық қалалар мен қоныстардың құрылысында да кеңінен қолданылған. Оның пайда болып, таралуы туралы пікірталастар көп. Дегенмен, қыш кірпіштердің құрылыста көп қолданыла бастауы, одан қоғамдық және діни ғимараттардың салынуы қарахан дәуіріне сәйкес келеді. «Кірпіш» деген сөздің өзі көне түрік тілінде де кездеседі. Ондағы «KERPIÇ» сөзі бүгінгі қолданысымыздағы айтылымынан алшақтамағанын көреміз [1, с. 301].

Жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары барысында саздан жасалған кам кірпіштерді күйдіру арнайы жасалынған құрылымдық құрылыста жүргізілгендігі бүгінде бәріне мәлім. Дегенмен қазіргі таңда ортағасырлық күйдіру құрылысын қазақша атау бойынша бірқатар нұсқалары бар.

Орта ғасырларда саз бұйымды күйдіретін пешті дәл қалай атағаны белгісіз болғанымен, от жағатын ошақтың бірнеше атауы кездеседі. Олар: «ОЌАҚ» – пеш (ошақ), «ОТЌУҚ», «ӨЌЌК» – ошақ (?) [1, с. 362, 373, 376].

Отырардан табылған саз күйдіретін бірнеше пештерді М. Қожа «пеш-құмдан», «құмдан», ал, құрылысында екі қабатты болып келетін құмдандардың төменгі от жағатын камерасын (бөлме) «отхана» деп береді [2, б. 65]. У. Шәлекенов пен Н. Алдабергенов ортағасырлық Ақтөбе қаласының цитаделінен солтүстік-шығыста, шахристаннан табылған бірнеше камералы екі, батысындағы рабадан шыққан бір қыш күйдіретін ошақты – пеш деп атайды [3, б. ХХУ]. А.К. Писарчик ХІХ–ХХ ғ. басында Ферғана өлкесіндегі шеберлер кірпіш күйдіретін пешті «хумдон» деп атағандығын айтып өтеді [4, с. 231].

ХХ ғ. басында Хорезм колөнершілері қыш күйдіретін пешті – хумбуз (құмбыз – А.Е.), ал онымен айналысатын шеберді айтып өткендей хумбузчи (құмбызшы) деп атаған [5, с. 380]. Ал, Хиуа жеріндегі көзешілер ыдыс күйдіретін пешті – хумбуз деп айтқан [6, с. 357]. Тіпті Оңтүстік Хорезм жерінде Хумбузтепе деп аталатын ескерткіш те бар. Қоныстың ұзақ уақыт бойы көзе өндірісінің орталығы ретінде қызмет атқарғандығын, оның аталуы да дәлелдей түседі [7]. Бүгінгі күнде де Қазақстанның кей жерлерінде диалекті ретінде «құмбыз» сөзі кездеседі. Құмбыз – құм кесекті күйдіру, кірпіш жасау үшін салынған үй, кірпіш зауыты [8, б. 332; 9, б. 439]. Демек, қазақ тілінде де «құмбыз» сөзі сол мағынасын толық сақтағандығын көріп отырмыз. Қолданысымыздағы «құмдан» мен «құмбыз» сөздері бір-бірінен тым алшақ емес екен. Екеуінің де түбірі «құм» сөзінен шығып отыр. Бірақ келтірілген мәліметтер бойынша «құмбыз» кірпіштерді, ал «құмдан» ыдыстарды күйдіруге арналған деп тұжырымдауға да болады.

Олай болса, кірпіш күйдіретін ошақты – «пеш» немесе «құмбыз», ал, қыш ыдыстарды күйдіретін ошақты – «құмдан» деп атауға толық негіз бар.

Ежелгі және орта ғасырлар уақытына жататын саз күйдіретін пештердің немесе құмбыздардың бірнешеуі бүгінде Қазақстан ғылымына белгілі болып отыр. Солардың бірі ортағасырлық Ақтөбе қаласындағы кірпіш күйдіретін пеш немесе құмбыз.

Ақтөбе қаласы Шу өзеніне құятын Сарғау, Ақсу, Қарабалта және Тоқташ өзендерінің аралығында орналасқан. Үлкен көлемді алып жатқан қаланың цитаделінен 30 м солтүстікке, шахристанға 1980 жылы қазіргі Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-нің экспедициясы қазба жұмыстарын жүргізіп, кірпіш күйдіретін пештің (құмбыз) қалдықтарын анықтайды [10, с. 20-23]. Географиялық координаттары: N 43°13'46.8", E 074°03'00.9". Құрылыс орнында зерттеу жұмыстары жүргізілгенімен, нысан толығымен ашылмаған күйінде қалған. Осы пеш құрылысы қалдығының құрылымы

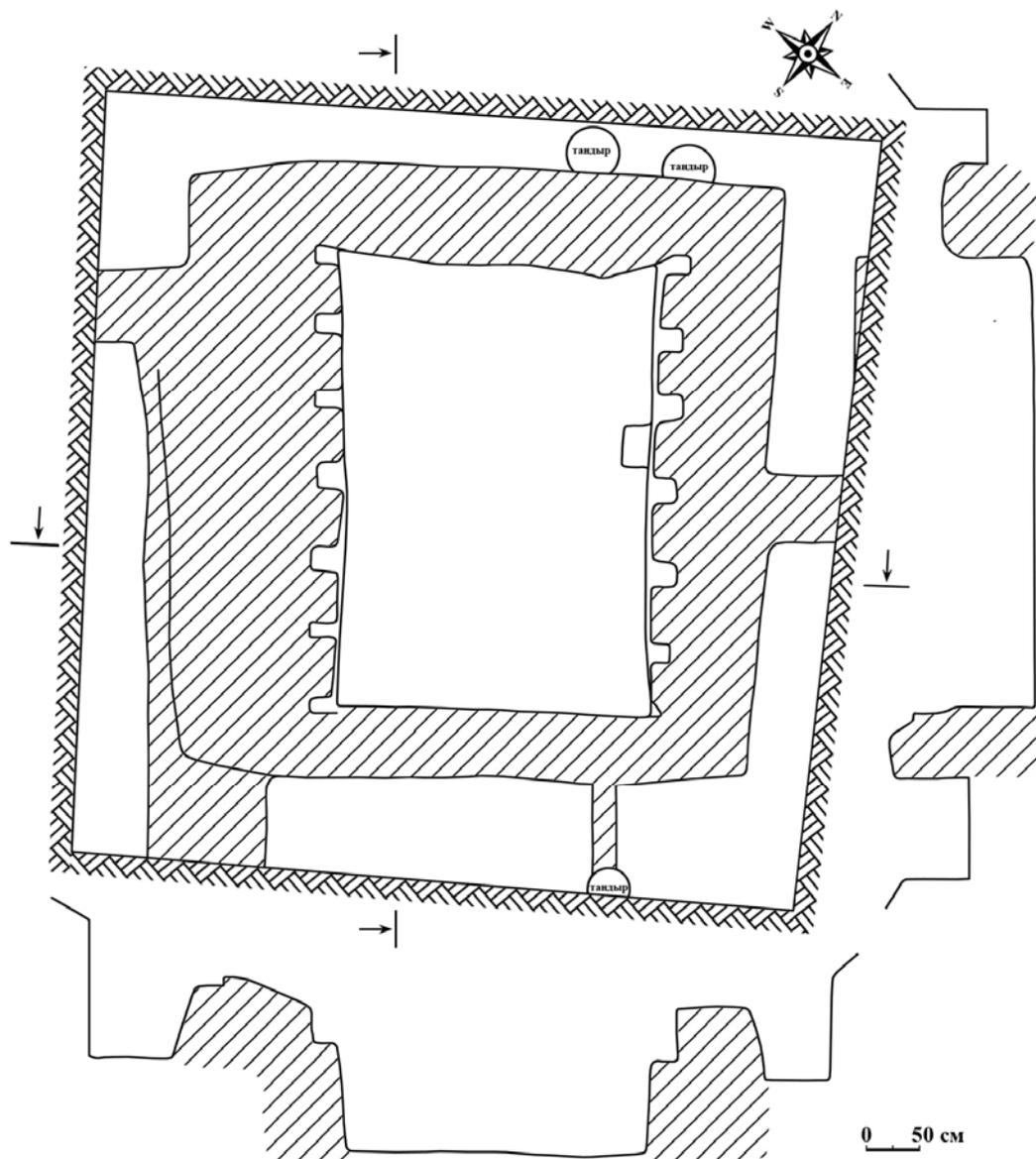
мен толық өлшемдік жоспарын, фотосуретін алу мақсатында, шұңқыр болып жатқан жерге 2015 жылы тазалау жұмыстары жүргізілді [11, б. 33-35]. Шұңқырдың беткі қабатын 0,2 м алғанда құрылыстың қабырға қалдықтары анықтала бастады. Көлемі 7,3x7,2 м қазбаны 1,75 м. тереңдеткенде астыңғы мәдени қабаттарды қазып орнатылған кірпіш күйдіретін пештің қалдығы анықталды (сурет 1-2). Қалың қабырғасының сыртынан есептегенде 5,8x5,8 м болатын, солтүстік-батыстан оңтүстік-шығысқа қарай бағытталған тікбұрышты пештің оттық камерасы толығымен ашылды. Күйдіру камерасы сақталмаған. Пештің жұмыс істеу барысында оттық камерасы бірнеше (екі) рет күрделі жөндеу жұмыстарынан өткендігі және соған байланысты қайта жасақталғандығы байқалады. Қабырғалары да астыңғы құрылыс қабырғасының үстіне салынған. Оның үстіне әрбір жөндеу жұмыстары кезінде қабырғаларын да қалыңдатып, өзгертіп отырған. Негізінен екі жақ (солтүстік-шығыс және оңтүстік-батыс) қабырғалары қалың. Олардың қалыңдығы 1-1,8 м. Ал, алды мен төр жақ қабырғаларының қалыңдығы 0,65-1 м. Қабырғалары өлшемдері: 36-38x18x8-10, 31x15x8-9 см қам кірпіштермен тұрғызылған. Алғашқы құрылысы бойынша күйдіру камерасынан бөлінген оттық камерасының ұзындығы 4,35 м, ені 2,9 м, сақталған қабырғасының биіктігі 0,8-1,65 м.

Оттық камерасының екі жағындағы қабырғасында алты аркалы күмбез іргесінің қалдықтары сақталған. Арка өлшемі 36x18x8 см болатын қам кірпіштерден араларына лай жағылып, қырынан қаланған. Аркалы күмбез негізінің ені 40-тан 55 см-ге дейін. 1980 жылы жүргізілген қазба бойынша оның ішкі жағындағы еденнен оттыққа дейінгі биіктігі 2,16 м. Ал, олардың арасын ауа (от жалыны) жүретін жеті қуыс бөліп тұр. Қабырға сызығынан ішке қарай 13-30 см кіріп тұрған олардың ені 14-тен 34 см-ге дейін. Қуыстар күйдіру камерасына дейін ашық болған. Аркалы күмбездің негіздері қабырға түбінен басталуы мүмкін, бірақ жөндеу жұмыстары кезінде араларындағы қуыстарының 0,8-1 м биіктікке дейін бекітілгендігін байқауға болады. Сондықтан бүгінде аркалы күмбезінің тек жоғарғы жағының кішкентай бөліктері сақталған. Олардың биіктіктері 5-47 см аралығында. Алты аркалы күмбез бен жеті ауа жүретін қуыс құрылысты салу барысында біртұтас тұрғызылғанға ұқсайды. Беті сыланғанымен, сылағы мен қабырғасы жоғарғы температуралық ыстықта қатты еріп балқып, қалыңдығы 4-6 см қою жасыл түсті шлакқа айналған. Оның көп жері шыны секілді жылтырланып кеткен. Осыған қарап пештің алғашқы құрылысындағы оттық камерасы өте ұзақ уақыт жұмыс істегендігін көреміз.

Бірінші жөндеу жұмыстары кезінде оттық камерасының қабырғасы 2-2,5 см қалыңдықта лаймен сыланған. Камераның ауа жүретін қуыстары, аркалы күмбез басталар тұсына дейін жабылған. Сылағы жоғарғы температурада қатты балқып, беті 0,2-0,3 см қара жасыл түсті шлакқа айналған. Еріп, төмен қарай ағып барып қатып қалған шлак қабатын негізінен жөндеу жұмыстарынан кейінгі қызметінен көруге болады.

Екінші жөндеу жұмыстары күрделі дәрежеде өткенге ұқсайды. Соның барысында ішкі көрінісі өзгерген. Камераның солтүстік-шығыс қабырғасында арканың негізіне арналып қаланған шығыңқы жер бар. Оның ені 40 см, қабырғадан 24 см шығып тұр. Бұл алғашқы құрылыстың солтүстік жағынан есептегенде үшінші аркалы күмбез негізінің тура алдына орналастырылған. Басқа бөліктерінен мұндай құрылым байқалмайды. Мұны екі жағдайда қалауы мүмкін. Біріншіден, бұрынғы аркалы күмбез апатты жағдайда болғандықтан, ұстап тұру үшін қаланған. Екіншіден, барлық аркалы күмбез бірінші жөндеу жұмысында жабылғандықтан, алғашқы құрылысы секілді етіп, бірақ тарылтып сондай жоспарда жаңаша құрылым тұрғызған. Жөндеу жұмысы кезінде оттық камерасының ішкі қабырғалары 0,6-0,8 см қалыңдықта лаймен сыланған. Сылақтың өте жұқа екендігін және салыстырмалы түрде болмашы шлактанғандығын айта кеткен жөн. Сылағы тек қызғылт түске ғана айналған.

Оттық камерасы сынған кірпіштерге, шлак қабырғасының сынықтарына, күл мен басқа да құрылыс қоқыстарына толып қалған. Қатты тапталған топырақ еденінің бетін 1-2 см қалыңдықта қара және күлгін түсті күл жапқан. Қызмет ету кезеңінің соңында камераның оңтүстік-шығыс қабырғасы түбінен 0,9-1 м жоғары, ені 0,6 м жағу тесігі жасалған. Алғашқы оттық ауызы солтүстік-батыста болған, кейін қам кірпішпен жапқан.



Сурет 1 – Ортағасырлық Ақтөбе қаласы. Кірпіш күйдіретін пештің жоспары

Құрылыстың оңтүстік-шығыс қабырғасының сыртында қабырғаға көлденеңінен кеткен қалыңдығы 22 см қабырға орналасқан. Қабырға өлшемі 34x22x8-9 см қам кірпіштен қаланған. Оның үстіне орналастырылған диаметрі 40 см болатын тандыр ошақтың қалдықтары жатыр. Бұл қабырғадан 0,75 м алшақ орналасқан. Құрылыс еденінен 1,2 м биік орналасқанына қарағанда пештің өмір сүрген уақытына тура келеді. Осы жағында оңтүстік-батыс қабырғадан тура кеткен қабырғаның қалыңдығы 1,1 м.

Солтүстік-шығыс қабырғасы сыртының орта тұсында да көлденеңінен қабырға кеткен. Қабырғаның қалыңдығы 0,6 м. Сырты лаймен тегіс сыланған.

Солтүстік-батыс қабырғасы астынан солтүстік-шығысқа қарай қалыңдығы 18 см қабырға жатыр. Осы солтүстік-батыс қабырғасының сыртынан, солтүстік бұрышқа таман екі тандыр ошақ анықталды. Диаметрлері 50-55 см, қабырғаларының қалыңдығы 4 см, сақталған биіктіктері 10 см. Ішкі қабырғасының бетінде қатты затпен бастырылып сызылған сызықтары бар. Бұл тандырлар астыңғы мәдени қабатқа жатады.

Жалпы бүгінгі күнге дейін әртүрлі ғасырларға жататын бірнеше ондаған кірпіш күйдіретін пештер анықталып отыр. Олардың жоспарлануы, құрылымы мен салыну технологиясы бір-біріне өте ұқсас. Сонымен қатар өзіндік ерекшеліктері де кездеседі. Солардың жоспарлануы мен құры-

лымдық ерекшеліктері ортағасырлық Ақтөбе қаласының кірпіш күйдіретін пешіне жақын келетін бірқатарына мерзімделуі бойынша тоқталып өтуді жөн көрдік.

Қазақстан аумағынан табылған қыш күйдіретін пештердің үлкендері тіпті ежелгі уақытқа тереңдеп кетеді. Бәбіш молла оазисіндегі көзешілер елді мекенінен ашылған көлемі үлкендеу келген пештердің оттық және күйдіру камераларының аралығында от жалыны өтетін бірнеше тесіктері бар. Бұл пештер б.з.д. IV–II ғғ. жатады [12].

1940 жылдардың екінші жартысында Әзірбайжандағы Кура өзеннің бойындағы Мингечаура жерінен анықталған 37 көзе күйдіру пештерін Г.И. Ионе формасы мен құрылымына қарай үш топқа бөледі. Оның бірінші тобына жататын екі қабатты тікбұрышты, ыстық жүретін каналдары күрделі келген пештер біз қарастырып отырған кірпіш күйдіретін пешке ұқсас болып келгенімен, оттық пен күйдіру камерасының аралығындағы қуыс орнына тесіктер жасалынған. Оттық камерасында қуыс бар, бірақ ол тек қабырға түбінен екі аралықтағы тесікке дейін барады. Қуыстары қабырғаға өте тереңдеп кірген. Қуыстардың үсті күйдіру камерасына тек тесік арқылы өткен. Қазаншұңқырға орнатылған камераларының көлемдері: шамамен 6x3 немесе 4x2 м келетін бұл пештерді б.з.д. III–I ғғ.-дан б.з. I–II ғғ.-на дейінгі аралықпен мерзімдейді. Зерттеуші екі қабатты дөңгелек немесе тікбұрышты шикі саман блоктан салынған пештер орта ғасырларға (XI–XII ғғ.) дейін келген деп қорытындылайды [13, с. 42-54; 14, с. 31-56].

1943 жылы Мунчактепе қаласынан ежелгі керамика күйдіру пеші ашылады. Жобасында трапеция тәрізді келген пештің ұзындығы 5,7 м, ені 0,7-1,2 м. Оттық камерасының аузы мен төр жағы кең болса, орта тұсында бес қос қалқа қабырға сызығынан сыртқа шығып, араларына ыстық өтер каналдар жасалынған. Каналдардың барлығы еденінен басталмайды. Уақыт өте қалқалардың беріктігін арттыру үшін каналдар жабылып сыланған. Төр жағында бір-біріне қарама-қарсы бір қалқа орналасқан. Пешті басқа да ежелгі пештермен салыстыра және табылған керамикалармен талдай отырып, В.Ф. Гайдукевич оны I–II ғғ. жатқызады [15, с. 77-82].

Ежелгі дәуірге жататын пештердің оттық камералары жобасында тікбұрышты, дөңгелек не ұзын келгенімен, негізгі рөлді ортасынан өтетін каналдар атқарған. Сол каналдардан тарамдалған жіңішке каналдардан шыққан от жалыны күйдіру камерасына тесіктер арқылы өткен. Оттық және күйдіру камераларының арасындағы тесіктердің орта ғасырларда кірпіш күйдіретін пештерінде сирек кездескенімен, ыдыс күйдіретін пештерде кеңінен қолданылған.

Оттық және күйдіру камерасының аралығындағы тесіктер орналасқан пештердің көлемі өте үлкен емес, негізінен ыдыс күйдіруге арналғанға ұқсайды. Күмбез секілді келген, ортасында бірнеше тесіктері бар пеш – құмдандар Отырар аймағынан көп табылған. XIII–XV ғғ. жататын Мыңшұңқыр шеберханаларындағы кейбір құмдандардың ортасындағы тесіктерден бөлек, оттық камерасының қабырғасында ішіне қарай кіріп тұрған ойықтары бар [2, б. 36-71]. Олардың кейбірі нишаға қатты ұқсайды. Кейбірінің үстіңгі камераға жалғасқан тесіктерін байқауға болады. Дегенмен ежелгі дәуірдегі үлкен пештердің кейбір элементтерін қайталап отыр. Шамасы, бұл ойықтар оттық қызуын жоғарлатуға қызмет еткен.

Пештің жіңішке каналдарының қабырғаларға тереңдеп орналасуы орта ғасырларға дейін келген.

Кірпіш күйдіретін пештердің негізінен пайда болып, дами бастауы XI ғ. сай келеді. «Кірпіш күйдіретін пеш» деп жалпы қыш күйдіретін пештен бөліп алып қарастырылатын пештер де осы уақытқа жатады. Әрине, кірпіш күйдіруге арналған деп атау беру, оның ішінен табылған көп кірпіш пен сынықтарына байланысты болса керек. Онда тек кірпіш қана емес үлкен ыдыстарды да күйдірген. Алғашқы кірпіш күйдіретін пештер де біршама көп табылған.

Ортағасырлық Херсонестен А.Л. Якобсон анықтаған үш пештің екеуі біршама сақталған. Алмұрт тәрізді келген бірінші пештің ұзындығы 3,44 м. Сақталған оттық камерасының ортасынан өтетін каналдың үсті кірпіштен күмбезделіп жабылған. Екінші пештің ұзындығы – 3,72 м. Ол біршама тікбұрыштылау, бұрыштары дөңгеленіп келген. Ортасындағы жалын жүретін каналы да тікбұрышты формада. Жалын өтер, екі жағына қарай кеткен қуыстары төртеуден. Бірінші пеште үш, екіншісінде төрт қуыс болған оттық камерасынан от жалыны жоғары қарай күйдіру камера-сына қуыс не тесік арқылы өткендігі, құрылыстардың үсті сақталмауына байланысты сұрақ күйінде қалады. Айналасынан табылған жабынқыштарға қарап, соларды күйдіруге арналған пештерді XI–XII ғғ. жатқызады [16, с. 153-166; 17, с. 53-62].

1949 жылы Каменка өзенінің жағасынан плинфа (жұқа тақта секілді кірпіш) күйдіретін пеш ашылады. Жобасында тікбұрышты келген пештің ішін 6 қалқалы қабырға 7 секцияға бөлген. Ортасындағы каналдан секцияға бөлген қуыстардың тұсы ғана жоғары күйдіру камерасына екі жақтамалы ұзынша келген тесіктер арқылы өткен. Осыған ұқсас пеш 1950 жылы Суздаль кремлінің жанынан табылады. Пешке пайдаланылған кірпіштерін және айналасындағы плинфаларды маңайындағы архитектуралық ескерткіштердің құрылыс материалдарымен салыстыра келіп, А.Д. Варганов Суздаль пештерін XI–XII ғғ. мерзімдейді [18, с. 49-54].

1956 жылы И. Ахраров Ескі Кува қаласы (Орталық Ферғана) рабадынан еніс жерге орналасқан бес кірпіш күйдіретін пештің орнын анықтайды. Зерттеу жұмыстары жүргізілген, сақталған тікбұрышты бірінің көлемі 5,5x4,4 м. Екі бөліктен тұратын пештің төменгі оттық камерасында жарты дөңгеленген жеті арка орналасқан. Оттық камерасының ұзындығы 4,5 м ені 2,8 м биіктігі 2,2 м. Қам кірпіштен қаланған аркалардың қалыңдығы 40-45 см, олардың арасы 15-20 см ашық. Кірпіш күйдіретін пешті зерттеуші XI ғ. жатқызады [19, с. 80-86].

1963 жылы Н.Н. Воронин жетекшілігіндегі экспедиция Смоленск–Рачевканың шығыс жағынан бірінің үстіне бірі салынған үш пештің қалдықтарын ашады. Төменгі жағы сақталған дөңгелек келген үшінші пештің диаметрі 4,2 м. пештің ішкі кеңістігі плинфа қаландысымен жетіге бөлініп, араларынан, арасы 15-29 см. болатын алты қызу өтер канал жасалынған. Пештің ортасынан оттық каналы өтеді. Канал тұсындағы кірпіш қаландысы аркаланған. Үшінші пештің астында жатқан екінші пештің диаметрі 3,15 м. Мұнда жеті қуысқа бөліп тұрған аркалы қабырға қам кірпіштен қаланған. Аркалы қабырғаларының қалыңдығы 21-28 см., қуыс каналдарының ені 18-20 см. Нашар сақталған бірінші пеш қам кірпіштен тұрғызылған. Каналдарының ені 11-15 см. Орталық оттық каналы көлемі бойынша екінші пешке жақындайды. Смоленскіден ашылған бұл кірпіш (плинфа) күйдіретін пешті А.А. Юшко XII ғ. аяғымен мерзімдейді [20, с. 307-312].

1959-1960 жылдары Е.Б. Пругер ортағасырлық Мерв жеріндегі Сұлтан қаладан үш, Гяур қаладан бір пеш ашады. Сұлтан қаладан анықталған, қам кірпіштен салынған пештердің барлығы да екі бөліктен: оттық және күйдіру камерасынан тұрады. Бірінші төртбұрышты келген пештің оттық камерасы жарты дөңгеленген, ендері 30 см болатын бес аркамен жабылып, араларынан жалын өтер (ені 25-46 см) каналдар жасалынған. Екінші төртбұрышты пештің оттық камерасы жерге қазылып орнатылған. Оттық камерасының үсті қалыңдығы 32-34 см болатын жарты дөңгеленген бес аркамен жабылып, арасындағы ыстық өтер каналдың жоғарғы жағы төртке бөлінген. Олардың көлемі: ұзындығы 60 см, ені 23 см. Төменгі бөлігі жерге қазылып орнатылған үшінші пештің оттық камерасының көлемі 2,95x3,08 м. Мұнда да оттық камерасы бес аркамен жабылып, араларына жалын өтер каналдар жасалынған. Гяур қаладан анықталған төртбұрышты келген пештің оттық камерасының көлемі 3,92x3,05 м. Жерге қазылып орнатылған оттық камерасының ішіне алты аркалы құрылым жасалынған. Арасындағы каналдарының ұзындығы 1,27-1,76 см, ені 20-34 см. Автор басқа да табылған барлық кірпіш күйдіретін пештерді талдай және салыстыра келе, Сұлтан қаладағы пештердің қызмет еткен уақытын XI–XII ғғ. жатқызып, кірпіш күйдіру ісі XIII ғ. екінші жартысы – XIV ғ. қайта жанданған деп түйіндейді [21, с. 227-241].

Ежелгі дәуірге жататын пештердің алмұрт тәрізді пішіндері (Херсонес, Смоленск) дамыған орта ғасырларда кездескенімен, оттық камерасының ортасындағы негізгі каналдан жарты дөңгеленген аркалар бөліп тұрған, екі шетіне қарай бірнеше жіңішке каналдар тарап, от жалыны осы арқылы күйдіру камераларына өткен. Бұл стиль XI–XII ғғ. жататын тікбұрышты келген пештерде де (Суздаль) сақталған. Кейбір пештердің жарты дөңгеленген аркаларының қабырғадан шыққан негіздері жалпақтығының қысқаруының есебінен каналдары да тереңдемесе (Кува), тіпті кей пештердің (Сұлтан қала, Гяур қала) оттық камерасы үлкен ашық бөлме секілді жасалынған. Аркаларының негізі қысқарып, от жалыны жүретін қуыстары қабырғаға тереңдемей күйдіру камерасына өткен пештер келесі ғасырларда да сақталған.

1953 жылы Мерв қаласынан ашылған екі пеш бір-біріне жапсарласа салынған. Пішіндері тікбұрышты келген пештердің көлемдерінде айырмашылық бар. Көлемі 2,5x1,5 м келген бірінің оттық камерасында төрт аркасы болғанымен, күйдіру камерасы аралығындағы бес қатар орналасқан тесіктерінің жалпы саны – 37. Екінші пештің көлемі 2,7x1,5x1,79 м. Бірінші пеш қызмет етіп тұрғанда, екіншісі күл және т.б. тастайтын орын ретінде болған деп болжамдаған пештерді К. Адыков XII ғ. аяғы – XIII ғ. басына жатқызады [22, с. 30-37].

1955 жылы Оңтүстік Түркіменстан археологиялық кешенді экспедициясы ортағасырлық Мервтен бес пешті толығымен, біреуін жартылай, біреуінің нобайын, тағы біреуінің тек төменгі жағын ашады. 1954 жылы осы жерден екі пеш ашылған. Екі жылда жалпы саны он пеш анықталған. Бірнешеуі (бесеуі) бір сызықтың бойына орналасқан. Қам кірпіштен қаланған, жобасында тікбұрышты келген пештердің көлемдері әр түрлі. Олардың оттық камерасының іші аркаланып қабырғалармен бірнешеге бөлінгенімен, от жалыны күйдіру камерасына тесіктер арқылы өткен. Пештерді С.Б. Лунина XII–XIII ғ. басында өмір сүрген деп пайымдайды [23, с. 349-365].

XII–XIII ғғ. жататын пештердің оттық камераларына аркалар жасалынып, аралары қуыстармен бөлінгенімен от жалыны күйдіру камераларына тесіктер арқылы өткендігін көреміз. Осы ғасырларда кірпіш күйдіру өндірісі ерекше жолға қойылғандығын байқауға болады. Оны бір жерден қатарынан бірнеше пештердің шыққандығы дәлелдей түседі.

Бүгінде елімізден табылған ортағасырлық кірпіш күйдіретін пештердің бірқатары белгілі. Олар: Сарайшық, Отырар, Құйрықтөбе және Жайық қалаларынан ашылды.

1950 жылы Г.И. Пацевич ортағасырлық Сарайшық қаласынан кірпіш күйдіретін пешті анықтаған еді. Бір шетін Жайық өзені шайып кеткен пештің сақталған оттық камерасының ұзындығы 4,5 м ені шамамен 3,5 м. Құрылыстың негізгі қабырғасының бір жағында жеті, екінші жағында алты доға секілді аркасы сақталған. Аркасының қалыңдығы 42-47 см, араларындағы от жалыны жүрер қуыстарының ені 13-тен 20 см-ге дейін. Пешті басқа да табылған ежелгі және орта ғасырлардағы пештермен салыстыра келе, оның өмір сүрген уақытын XIII–XIV ғғ. жатқызады [24, с. 221-224; 25, с. 111-114].

Бірнеше пештің орны анықталған Отырар және Құйрықтөбе қалаларының пештері XIII–XIV ғғ. жатады. Отырардың орталық төбесінен 0,5 км. оңтүстіктен ашылған пештің оттық камерасының көлемі 2,9x4,7 м. Алты ғана аркасының аралығындағы жалын өтер қуыстарының ені 20-21 см. Бірақ аркалар қыш кірпіштен қаланған. Ашылған бұл пешті XIII ғ. екінші жартысы – XIV ғ. ортасына жатқызса, осы қаладан ашылған екі қабаттан (яғни, оттық және күйдіру камерасынан) тұратын, оттық камерасының ұзындығы 2,9 м ені 2,8 м болатын пешті XIII ғ. екінші жартысы – XIV ғ. бірінші жартысымен мерзімделеді. Ал, солтүстік рабадтан ашылған, төменгі, XI–XII ғғ. мәдени қабатына кішкене түсіңкіреп салынған, оттық камерасының көлемі 5x2,7 м пештің он аркасы болған. Аркаларының қалыңдығы 30 см, араларындағы қуыстың ені 15-18 см. Отырардың орталық бөлігінен 2 км. батыстан ашылған екі пештің оттық камераларының көлемі 3,5x1,4 м, олар да жерге қазылып орнатылған. Қабырғалары қыш кірпіштен қаланған. Аркаларының қалыңдығы 25-26 см, қуыстарының ені 20 см. Пештер XIII ғ. аяғы – XIV ғ. бірінші жартысына жатады. Құйрықтөбе қаласының рабадынан анықталған пештің сақталған оттық камерасының ұзындығы 2,9 м ені 2,8 м. Жеті аркасы бар, олардың қалыңдықтары 30 см, араларындағы қуыстарының ені 16 см тең. Өмір сүрген уақыты XIII ғ. екінші жартысы – XIV ғ. бірінші жартысы [26, с. 178-184].

Ортағасырлық Жайық қаласынан екі кірпіш күйдіретін пеш анықталған болатын.

Бірінші пеш 2001 жылы Жайық қаласының шығыс жағына жүргізілген зерттеу жұмыстарында ашылады. Пештің сақталған оттық камерасының ішкі ұзындығы 4,9 м ені 3,25 м. Жерге қазылып орнатылған оттық камерасына сегіз арка орналастырылған. Кірпіш күйдіретін пеш XIII–XIV ғғ. мерзімделеді [27, б. 89-91].

2012 жылы Жайық қаласының шығысына қазба жүргізіліп, нәтижесінде оттық камерасы сақталған екінші пеш ашылады. Жерге қазылып орнатылған оның көлемі: ұзындығы 4,76 м ені 3,6 м. Сақталған от жалыны жүретін қуыстарының аралығы 25-32 см, аркалардың саны сақталған бөлігі бойынша бір қабырғасында жетеу, екіншісінде алтау. Бұл пеш те XIII–XIV ғғ. жатқызылады [28, с. 205-213].

Қазақстан аумағынан анықталған XIII–XIV ғғ. жататын пештердің барлығының да құрылысы мен құрылымы бір-біріне өте ұқсас. Көбінің оттық камералары жерге немесе ескерткіштің астыңғы құрылыс қабаттарына қазылып орнатылған. Осы кезеңде көлемдері тікбұрышты немесе шаршылы келген пештердің құрылысына қам кірпішпен бірге қыш кірпіштер кеңінен қолданыла бастаған. Одан кейінгі ғасырлардың пештерінде де осындай стиль сақталады.

1971 жылы Афрасиаб қаласынан анықталған тікбұрышты келген кірпіш күйдіретін пешті Ш. Шарахимов хумдан деп береді. Шамасы жергілікті халық осылай атаса керек. Оның оттық камерасына қам кірпіштен жарты дөңгеленген жеті арка жасалынған. Арақалардың ені 45-50 см, олардың арасы 30-40 см. Хумданды XIV–XV ғғ. мерзімдейді [29, с. 84 -89].

1952 жылы О.А. Вишневская бастаған зерттеу тобы Талайхан-ата керуен сарай маңындағы төбеге жүргізген қазба жұмыстарының нәтижесінде қыш кірпіштен салынған кірпіш күйдіретін пештің орнын ашады. Оттық камерасы ішін бес аркалы қабырға жапқан. Арка арасындағы қуыс арқылы ауа күйдіру камерасына өткен. Пешті XIV ғ. аяғы – XV ғ. басымен мерзімдейді [30, с. 462-466].

XIV–XV ғғ. кезеңіндегі пештер бұрынғы пештердің жоспарлануын толық қайталағанымен, оттық камера ішіндегі ауа жүретін түтіндіктерімен ерекшеленеді. Мысалы, Талайхан-ата керуен сарайындағы пештің оттық камерасының ортасындағы ауа жүретін канал еденге кірпіштермен қаланып жасалынған. Оттық камерасының астынан құбыр арқылы жел айдап, температураны көтеретін XI–XII ғғ. жататын шағын пешті Г.И. Пацевич ортағасырлық Тараз қаласынан 1940 жылы анықтаған еді [31, с. 76-79].

Кейінгі ғасырларда да пештің құрылысы мен құрылымдары аса өзгеріске ұшырамаған. XVII ғ. жататын Селище елді мекеніндегі пеш те жерге қазылып орнатылған. Оттық және күйдіру камераларының аралығына тесіктер жасалып, от жалының солар арқылы өткен [32, с. 71].

1930 жылдары Хиуа ауданында болған В.В. Екимова Хорезм жеріндегі қыш күйдіру пештерін (хумбуз) екіге бөледі: а) шығыр құмырасы, арық құбыры мен үлкен хумдарды күйдіруге арналған пештер және ә) ыдыс күйдіруге арналған пештер. Сонымен қатар пештердің екі бөліктен: оттық және күйдіру камерасынан тұратын пештердің төменгі жағы жерге қазылып орнатылатынын, олардың арасында тесіктердің барын айтып өтеді [6, с. 357-358].

А.К. Писарчик Ферғана өңірінің XIX–XX ғ. басындағы шеберлердің құрылыс материалдары мен құрылымдық тәсілдері туралы жазған мақаласында кірпіш күйдіретін пештердің (хумдон) екі бөліктен: жер астындағы отхана және жер бетіндегі күйдіру камерасынан тұратынын айтқан. Пештің көлемі 5x3,3 м болатын оттық камерасы аралары 25 см қашықтықта тоғыз жарты дөңгеленген аркамен жабылған. Күйдіру камерасына жалын арка аралығындағы бірнеше тікбұрышты тесіктер арқылы өткен [4, с. 231-234].

Жалпы ежелгі және ортағасырлық қыш немесе кірпіш күйдіретін пештердің өзіндік қызметтері бірдей болғанымен, жоспарлық және құрылымдық жағынан бірқатар ұқсастықтар мен айырмашылықтар бар екенін көріп отырмыз.

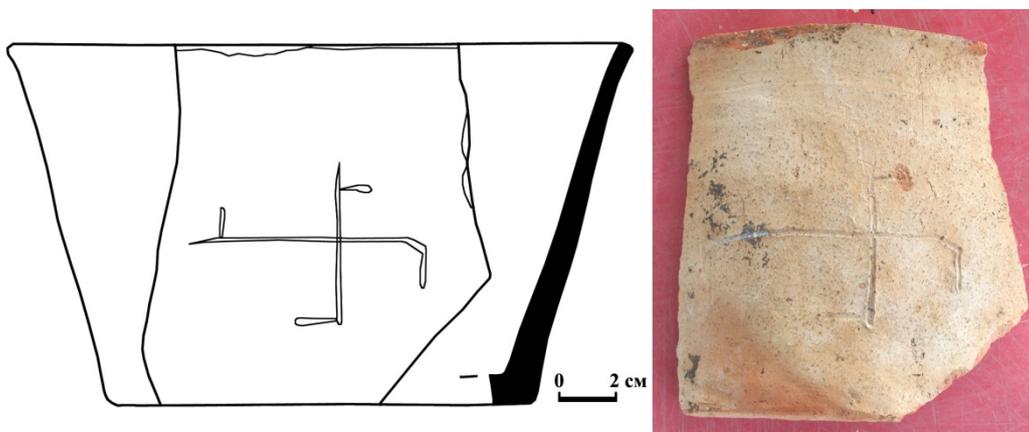
Кірпіш күйдіретін пештердің барлығы екі камерадан: оттық және күйдіру бөлігінен тұратындығы және олардың оттық камерасы негізінен жерге қазылып орнатылғандығы анықталып отыр. Бұл олардың қызу температурасын ұстап тұруға қызмет еткен. Сонымен қатар бірқатар пештердің екі қапталындағы қабырғаларының қалың жасалуы да қызуды ұзақ уақыт жібермей ұстап тұруына байланысты. Бұл жағынан алып қарағанда Ақтөбе пешінің оттық камерасы IX–X ғғ. мәдени қабатына қазылған қазаншұңқырға орнатылып, қабырғалары қалың болып жасалғандығын көреміз.

Ежелгі және ортағасырлық пештердің басым бөлігі су көздеріне не су қоймаларына жақын орналастырылған. Себебі саз шикізаттарын алу мен сазға араластыратын судың жақын болғандығын сол уақыттағы көзешілер есептесе керек. Қарастырылып отырған Ақтөбе пеші де қазіргі таңдағы Ақсу өзенінің арнасынан 100 м. жерге жайғасқан.

Қазба және тазалау жұмыстары барысында пештің іші-сыртынан жиналған заттарды негізінен керамикалар құрайды. Керамикалардың қолданыс аясына қарайтын болсақ, басым бөлігі асүйлік және шаруашылық ыдыстардың сынықтары. Қыш ыдыстардың ішінде біреуі ерекше көзге түседі. Табылған бір тегештің қабырғасына қатты затпен свастика сызылған. Ыдыстың ернеуінің диаметрі 22 см., түбінің диаметрі 15 см., биіктігі 13 см. (сурет 3).



Сурет 2 – Ортағасырлық Ақтөбе қаласы. Кірпіш күйдіретін пештің оңтүстік-шығыстан көрінісі



Сурет 3 – Қыш тегеш

Асханалық және тұрмыстық бұйымдардың сынығы өте аз. Мұны пештің төменгі құрылыс қабатының тұрғын үй орнына салынуымен байланыстыруға болады. Жоғарыда пештің айналасынан төменгі қабаттың бірнеше тандыр ошақтардың қалдықтары шыққандығын айтып өткенбіз. Керамикаларға жүргізілген салыстырмалы талдау жұмыстары, олардың IX–X және XI–XII ғғ. жататындығын көрсетеді.

Жалпы, Ақтөбе пеші құрылысы мен құрылымдық жағынан XI–XII ғғ. уақытына сай келеді. Мұны IX–X ғғ. мәдени қабаттың үстіне салынуы мен табылған керамикалық бұйымдар да дәлелдей түседі. Ақтөбе қаласынан ашылған қыш кірпіштен қаланған мұнара мен монша да осы уақытқа жатады [33, р. 2093-2096; 34, с. 7-11]. Қала құрылысында пайдаланған кірпіштердің өлшемдері пештің іші мен айналасынан табылған кірпіштердің өлшеміне тура келеді. Ортағасырлық мұнара іргесінен алынған ағаштың өртенген шоғына жүргізілген радиокөміртекті талдау нәтижелері 1000 ± 30 жылдарды көрсетіп берді. Олай болса, пеш XI ғ. басында-ақ өмір сүрген деп пайымдауға болады.

Керамиканы кептіру мен күйдіру өте күрделі үдеріс. Бұйымның дұрыс шығуы мен сапасының жақсы болуы тікелей осыған байланысты. Саздың иінің қандырылуы, оның кірпіш күйінде жақсы қалыпталуы, бетіне ұзына саусақтармен сызылуы оның жарылмай бірқалыпты кебуін қамтамасыз етеді. Бұл пешке дейінгі жұмыстарға жатады. Бірақ бұл үдеріс дұрыс атқарылмаса пеште күйдіру кезінде бұйым дұрыс шықпайды. Әрине, бұл үдеріске пештегі температураның қатысы өте жоғары. Сондықтан да пештің жоспарлануы мен құрылымының дұрыс болуы аса маңызды рөл атқарған.

ӘДЕБИЕТ

- [1] Древнетюркский словарь. – Ленинград: Наука, 1969. – 677 с.
- [2] Қожаев М. Отырардағы керамика өндірісі. – Түркістан: Мұра, 1996. – 159 б.
- [3] Шәлекенов У., Алдабергенов Н., Бозер Р. Орта ғасырдағы Ақтөбе. – Анкара, 2006. – 160 б.
- [4] Писарчик А.К. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX – начале XX в. // Среднеазиатский этнографический сборник. – М., 1954. – С. 216-298.
- [5] Джаббаров И.М. Новые материалы к истории гончарного ремесла Хорезма // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. – М., 1959. – Т. 4. – С. 379-396.
- [6] Екимова В.В. Гончарное производство в Хивинском районе // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. – М., 1959. – Т. 4. – С. 344-378.
- [7] Мамбетуллаев М. Хумбузтепе – керамический центр Южного Хорезма // Археология Приаралья. – Ташкент, 1984. – Вып. 2. – С. 21-39.
- [8] Қазақ әдеби тілінің сөздігі. Он бес томдық / құраст.: Қ. Күдерінова, О. Жұбаева, М. Жолшаева және т.б. – Алматы, 2011. – Т. 8. – 744 б.
- [9] Қазақ тілінің аймақтық сөздігі / құраст. Ф. Қалиев, О. Нақысбеков, Ш. Сарыбаев, А. Үдербаев және т.б. – Алматы: Арыс баспасы, 2005. – 824 б.
- [10] Шәлекенов У.Х. Отчет по научно-исследовательской работе «Археолого-этнографическое изучение Чуйской долины» // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. – Алма-Ата, 1981. – Офис 2, дело 1791. – 76 с.
- [11] Савельева Т.В. Шу өңіріндегі ортағасырлық қалалар мен қоныстардың керамикасы (VI–XIII ғ. басы) // ҚР БҒМ ҒК Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының мұрағаты. – Алматы, 2015. – 83 б.
- [12] Утубаев Ж.Р. Бәбіш молла оазисіндегі көзешілер елді мекені // «Қазақстанның тарихи-мәдени мұраларының өзекті мәселелері: өткені, бүгінгі мен болашағы» атты тарих ғылымдарының докторы, профессоры Мадияр Елеуовтың 70 жылдық мерейтойына арналған халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары. – 2016 ж. 6 мамыр. – 1-бөлім. – 123-127 б.
- [13] Ионе Г.И. Гончарные печи древнего Мингечаура // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – М.-Л., 1949. – Вып. 24. – С. 42-54.
- [14] Ионе Г.И. О гончарных обжигательных печах из Мингечаура // Материальная культура Азербайджана. – Баку, 1951. – Вып. 2. – С. 31-78.
- [15] Гайдукевич В.Ф. Керамическая обжигательная печь Мунак-тепе // Краткие сообщения в докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – М.-Л., 1949. – Вып. 28. – С. 77-82.
- [16] Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). Материалы и исследования по археологии СССР. – М.-Л., 1950. – №17. – 338 с.
- [17] Якобсон А.Л. Гончарные печи средневекового Херсонеса // Краткие сообщения в докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – М.-Л., 1941. – Вып. 10. – С. 53-62.
- [18] Варганов А.Д. Обжигательные печи XI–XII веков в Суздалье // Краткие сообщения в докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – М.-Л., 1956. – Вып. 65. – С. 49-54.
- [19] Ахраров И. Кирпичеобжигательная печь XI в. на старом городище Кува // История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент, 1962. – Вып. 3. – С. 80-86.
- [20] Юшко А.А. Кирпичеобжигательная печь конца XII в. в Смоленске // Культура древней руси. – М., 1966. – С. 307-312.
- [21] Пругер Е.Б. Кирпичеобжигательное производство средневекового Мерва // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. – Ашхабад, 1969. – Том 14. – С. 227-241.
- [22] Адыков К. К характеристике гончарного производства в Мерве конца XII – начала XIII вв. // Известия АН Туркменской ССР. – 1955. – №6. – С. 30-37.
- [23] Лунина С.Б. Техническое устройство гончарных печей средневекового Мерва // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. – Ашхабад, 1958. – Том 8. – С. 349-365.
- [24] Пацевич Г.И. Гончарная печь на городище Сарайчик // Труды ИИАЭ. Археология. – Алма-Ата, 1950. – Т. 1. – С. 221-224.
- [25] Пацевич Г.И. Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – М., 1957. – Вып. 69. – С. 111-114.
- [26] Акишев К.А., Байпаков К.М., Ермаков Л.Б. Отрар в XIII–XV веках. – Алма-Ата, 1987. – 256 с.
- [27] Байпаков К.М., Смағұлов Е.А., Ахатов Ф.А. Ортағасырлық Жайық қала жұрты. – Алматы: Gredo, 2005. – 221 б.
- [28] Калменов М.Д. Кирпичеобжигательная печь с городища Жайык // Поволжская археология. – 2013. – №4(6). – С. 205-213.

- [29] Шарахимов Ш. Кирпичеобжигательная печь средневекового Самарканда // Афрасиаб. – Ташкент, 1974. – Выпуск 3. – С. 84-89.
- [30] Вишневецкая О.А. Раскопки караван-сараяв Ак-Яйла и Талайхан-Ата // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. – М., 1958. – Том 2. – С. 431-466.
- [31] Пацевич Г.И. Раскопки на территории древнего города Тараза в 1940 году // Труды Института истории, археологии и этнографии. – Алматы, 1956. – Том 1. – С. 73-86.
- [32] Кузнецова М.Ю. Раскопки печи для обжига кирпича в пос. Селище // Археологические открытия 1975 года. – Москва, 1976. – С. 71.
- [33] Акymbek Y., Baibugunov B. Minaret of medieval city Aktobe // World Academy of Science, Engineering and Technology. Issue 78 June 2013 Paris. – P. 2093-2096
- [34] Елеуов М. Исследования в северо-восточной части цитадели. Раскоп 3. / «Археолого-этнографическое изучение Чуйской долины (1983 г.)». // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК. – Алма-Ата, 1984. – С. 7-11.

REFERENCES

- [1] Drevnetjurkskij slovar'. – Leningrad: Nauka, 1969. – 677 s. (in Russ.).
- [2] Qozhaev M. Otyrardagy keramika ondirisi. – Turkistan: Mura, 1996. – 159 b. (in Kaz.).
- [3] Shalekenov U., Aldabergenov N., Bozer R. Orta gasyrdagy Aqtobe. – Ankara, 2006. – 160 b. (in Kaz.).
- [4] Pisarchik A.K. Stroitel'nye materialy i konstruktivnye priemy narodnyh masterov Ferganskoj doliny v XIX – nachale XX v. // Sredneaziatskij jetnograficheskij sbornik. – M., 1954. – S. 216-298. (in Russ.).
- [5] Dzhabbarov I.M. Novye materialy k istorii goncharnogo remesla Horezma // Trudy Horezmskoj arheologo-jetnograficheskoy jekspedicii. – M., 1959. – T. 4. – S. 379-396. (in Russ.).
- [6] Ekimova V.V. Goncharnoe proizvodstvo v Hivinskom rajone // Trudy Horezmskoj arheologo-jetnograficheskoy jekspedicii. – M., 1959. – T. 4. – S. 344-378. (in Russ.).
- [7] Mambetullaev M. Humbuztepe – keramieskij centr Juzhnogo Horezma // Arheologija Priaral'ja. – Tashkent, 1984. – Vyp. 2. – S. 21-39. (in Russ.).
- [8] Qazaq adebi tilinin sozdigi. On bes tomdyq / qurast.: Q. Kyderinova, O. Zhubaeva, M. Zholshaeva zhane t.b. – Almaty, 2011. – T. 8. – 744 b. (in Kaz.).
- [9] Qazaq tilinin ajmaqtyq sozdigi / qurast. G. Qaliev, O. Naqysbekov, Sh. Sarybaev, A. Yderbaev zhane t.b. – Almaty: Arys baspasy, 2005. – 824 b. (in Kaz.).
- [10] Shalekenov U.H. Otchet po nauchno-issledovatel'skoj rabote «Arheologo-jetnograficheskoe izuchenie Chujskoj doliny» // Arhiv Instituta arheologii im. A.H. Margulana KN MON RK. – Alma-Ata, 1981. – Ofis 2, delo 1791. – 76 s. (in Russ.).
- [11] Savel'eva T.V. Shu onirindegi ortagasyrlyq qalalar men qonystardyn keramikasy (VI–XIII g. basy) // KR BFM FK Ə.H. Margulan atyndagy Arheologija institutynyn muragaty. – Almaty, 2015. – 83 b. (in Kaz.).
- [12] Utubaev Zh.R. Bəbish molla oazisindegi kozeshiler eldi mekeni // «Qazaqstannyn tarihi-mədeni muralarynyn ozekti məseleleri: otkeni, bugini men bolashagy» aty tarih gylmdarynyn doktory, professory Madijar Eleuovtyn 70 zhyldyq merejtojyna arnalgan halyqaralyq gylmi-tazhiribelik konferencija materialdary. – 2016 zh. 6 mamyr. – 1-bolim. – 123-127 b.
- [13] Ione G.I. Goncharnye pechi drevnego Mingechaura // Kratkie soobshhenija Instituta istorii material'noj kul'tury. – M.-L., 1949. – Vyp. 24. – S. 42-54. (in Russ.).
- [14] Ione G.I. O goncharnyh obzhigatel'nyh pechah iz Mingechaura // Material'naja kul'tura Azerbajdzhana. – Baku, 1951. – Vyp. 2. – S. 31-78. (in Russ.).
- [15] Gajdukevich V.F. Keramicheskaja obzhigatel'naja pech' Munak-tepe // Kratkie soobshhenija dokladah i polevyh issledovaniyah Instituta istorii material'noj kul'tury. – M.-L., 1949. – Vyp. 28. – S. 77-82. (in Russ.).
- [16] Jakobson A.L. Srednevekovyj Hersones (XII–XIV vv.). Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. – M.-L., 1950. – №17. – 338 s. (in Russ.).
- [17] Jakobson A.L. Goncharnye pechi srednevekovogo Hersonesa // Kratkie soobshhenija dokladah i polevyh issledovaniyah Instituta istorii material'noj kul'tury. – M.-L., 1941. – Vyp. 10. – S. 53-62. (in Russ.).
- [18] Varganov A.D. Obzhigatel'nye pechi XI–XII vekov v Suzdale // Kratkie soobshhenija dokladah i polevyh issledovaniyah Instituta istorii material'noj kul'tury. – M.-L., 1956. – Vyp. 65. – S. 49-54. (in Russ.).
- [19] Ahrarov I. Kirpicheobzhigatel'naja pech' XI v. na starom gorodishhe Kuva // Istorija material'noj kul'tury Uzbekistana. – Tashkent, 1962. – Vyp. 3. – S. 80-86. (in Russ.).
- [20] Jushko A.A. Kirpicheobzhigatel'naja pech' konca XII v. v Smolenske // Kul'tura drevnej rusi. – M., 1966. – S. 307-312. (in Russ.).
- [21] Pruger E.B. Kirpicheobzhigatel'noe proizvodstvo srednevekovogo Merva // Trudy Juzhno-Turkmenistanskoj arheologicheskoy kompleksnoj jekspedicii. – Ashhabad, 1969. – Tom 14. – S. 227-241. (in Russ.).
- [22] Adykov K. K harakteristike goncharnogo proizvodstva v Merve konca XII – nachala XIII vv. // Izvestija AN Turkmenskoj SSR. – 1955. – №6. – S. 30-37. (in Russ.).
- [23] Lunina S.B. Tehnicheskoe ustrojstvo goncharnyh pechej srednevekovogo Merva // Trudy Juzhno-Turkmenistanskoj arheologicheskoy kompleksnoj jekspedicii. – Ashhabad, 1958. – Tom 8. – S. 349-365. (in Russ.).
- [24] Pacevich G.I. Goncharnaja pech' na gorodishhe Sarajchik // Trudy IIAJe. Arheologija. – Alma-Ata, 1950. – T. 1. – S. 221-224. (in Russ.).
- [25] Pacevich G.I. Pech' dlja obzhiga kirpicha v drevnem gorode Sarajchike // Kratkie soobshhenija Instituta istorii material'noj kul'tury. – M., 1957. – Vyp. 69. – S. 111-114. (in Russ.).
- [26] Akishev K.A., Bajpakov K.M., Erzakovi L.B. Otrar v XIII–XV vekah. – Alma-Ata, 1987. – 256 s. (in Russ.).
- [27] Bajpaqov K.M., Smafulov E.A., Ahatov G.A. Ortagasyrlyq Zhajyq qala zhurty. – Almaty: Gredo, 2005. – 221 b.

- [28] Kalmenov M.D. Kirpicheobzhigatel'naja pech' s gorodishha Zhajyk // Povolzhskaja arheologija. – 2013. – №4(6). – S. 205-213. (in Russ.).
- [29] Sharahimov Sh. Kirpicheobzhigatel'naja pech' srednevekovogo Samarkanda // Afrasiab. – Tashkent, 1974. – Vypusk 3. – S. 84-89. (in Russ.).
- [30] Vishnevskaja O.A. Raskopki karavan-saraev Ak-Jajla i Talajhan-Ata // Trudy Horezmskoj arheologo-jetnograficheskoj jekspedicii. – M., 1958. – Tom 2. – S. 431-466. (in Russ.).
- [31] Pacevich G.I. Raskopki na territorii drevnego goroda Taraza v 1940 godu // Trudy Instituta istorii, areologii i jetnografii. – Almaty, 1956. – Tom 1. – S. 73-86. (in Russ.).
- [32] Kuznecova M.Ju. Raskopki pechi dlja obzhiga kirpicha v pos. Selishhe // Arheologicheskie otkrytija 1975 goda. – Moskva, 1976. – S. 71. (in Russ.).
- [33] Akymbek Y., Baibugunov B. Minaret of medieval city Aktobe // World Academy of Science, Engineering and Technology. Issue 78 June 2013 Paris. – P. 2093-2096 (in Eng).
- [34] Eleuov M. Issledovanija v severo-vostochnoj chasti citadeli. Raskop 3 / «Arheologo-jetnograficheskoe izuchenie Chujskoj doliny (1983 g.)». // Arhiv Institut arheologii im. A.H. Margulana MON RK. – Alma-Ata, 1984. – С. 7-11. (in Russ.).

Е.Ш. Акымбек

Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

КИРПИЧЕОБЖИГАТЕЛЬНАЯ ПЕЧЬ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА АКТОБЕ

Аннотация. В результате проведённых многолетних исследований на средневековом городище Актобе было определено, что обожженные кирпичи использовались для возведения башен, при строительстве бань, для вымостки поверхности площади, а также в строительстве, в частности, жилых помещений и ремесленных мастерских.

Были предприняты поиски и раскопки, в результате которых выявлена на шахристане кирпичеобжигательная печь, которая относится к XI-XII вв.

Удалось установить параметры печи: она квадратной в плане формы размером 5,8x5,8 м. Углами ориентирована по сторонам света. Сохранилась топочная камера, состоящая из двух частей: собственно топки и обжиговой камеры. Топочная камера или топка прямоугольная, вытянутая с юго-востока на северо-запад длиной 4,5 м и шириной 2,9 м. Топочная камера была отделена от обжиговой подом. Ширина основания сводов различная – от 40 до 55 см. Внутренняя сторона сохранившейся арки от пола до топки - высотой 2,16 м. Арки сооружены из крупномерных сырцовых кирпичей 36x18x8 см, уложенных на ребро и скрепленных глинистым раствором. Между арками, образующими под печи, имеются семь продухов различной ширины: от 14 до 34 см. Прослежено, что в процессе эксплуатации кирпичеобжигательной печи топочная камера, а, возможно, и вся печь, как минимум, дважды подвергались ремонту. Печь сооружена поверх нижнего культурного слоя.

Ключевые слова: городище Актобе, средневековье, раскоп, печь, топочная и обжигательная камеры, кирпич.

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

ISSN 2224-5294

Volume 1, Number 311 (2017), 88 – 94

UDC 902:94 (564/575)

B.A. Baitanayev, Yu.A. Yolgin, T.L. Panteleyeva

A.Kh. Margulan Institute of Archeology, Almaty, Kazakhstan;
Research Institute “Archeological Investigations” of M.O. Auezov SKSU, Shymkent, Kazakhstan;
Federal State-Funded Educational Institution of Higher Professional Education “Moscow State University
of Civil Engineering”, Moscow, Russia
E-mail: baytanaev@mail.ru, yolginuriy@gmail.com

PHOTOS OF M.K. PRIOROV AS A SOURCE OF SOUTH KAZAKHSTAN MEDIÉVAL ARCHITECTURE HISTORY

Abstract. M.K. Priorov is known as a founder of the First building courses and Building school in Moscow (Moscow State University of Civil Engineering). Military engineer by education, he began his career in Orenburg military district and Turkestan district in 1866. The pages of his biography are less known. Much less is known about his participation in archeological and ethnographic expeditions to the district of Middle Syr-Darya in 1866-1867 as a photographer. This paper makes efforts to fill this gap and show that already in the initial stage of Kazakhstan’s archeological study of the scientific photo as a new way for documentation of architectural and archeological monuments was used.

Keywords: archeological study, South Kazakhstan, archival investigations, architectural monuments, military engineer, Dzhizak, illustrations, lithography, mausoleum, medrese, minarets, Orenburg, Sauran, Tomsk, Turkestan, Ura-Tyube, photo, attack, expedition.

УДК 902:94 (564/575)

Б.А. Байтанаев Ю.А. Ёлгин, Т.Л. Пантелеева

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан;
НИИ Археологических исследований при ЮКГУ им.М.О. Ауезова, Шымкент, Казахстан;
ФГБОУ ВПО «Московский государственный строительный университет», Москва, Россия
E-mail: baytanaev@mail.ru, yolginuriy@gmail.com

ФОТОГРАФИИ М.К. ПРИОРОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

Аннотация. М.К. Приоров известен как основатель первых строительных курсов и Строительного училища в Москве (Московский государственный строительный университет). Военный инженер по образованию, он начинал свою карьеру в Оренбургском военном округе и Туркестанском крае в 1866 г. Это наименее известная страница его биографии. Ещё меньше известно об его участии в археологической и этнографической экспедициях в район Средней Сырдарьи в 1866-1867 гг. в качестве фотографа. В этой статье предпринимается попытка восполнить данный пробел и показать, что уже на начальном этапе археологического изучения Казахстана была задействована научная фотография как новый вид документирования памятников архитектуры и археологии.

Ключевые слова: археологическое изучение, Южный Казахстан, архивные изыскания, архитектурные памятники, военный инженер, Джизак, иллюстрации, литография, мавзолей, медресе, минареты, Оренбург, Сауран, Томск, Туркестан, Ура-Тюбе, фотография, штурм, экспедиция.

Три явления, имеющие отношение к изучению архитектурного наследия Южного Казахстана, совпали во времени. Это начало движения русских сил в глубь Средней Азии, связанное с ним начало археологического исследования этого обширнейшего региона и быстрое освоение фотографии наукой [1]. Трамплином для этого скачка стал район Средней Сырдарьи, средневековые южно-казахстанские города. Эти же события неожиданным образом отразились в судьбе выпускника Николаевской инженерной академии Михаила Приорова, прибывшего в 1866 г. в распоряжение командующего Оренбургским военным округом и, безусловно, повлияли на его дальнейшую карьеру и творческую деятельность.

Михаил Капитонович Приоров (16.09.1842 – после 1916) известен был прежде всего, как основатель первых строительных курсов и Строительного училища в Москве (1897) [12, с. 135; 13, с. 682]. Был он, без сомнения, человеком выдающихся способностей. Военный инженер, строивший батареи, и боевой офицер, ходивший в атаку в туркестанских походах, архитектор-проектировщик, строивший доходные дома и церкви, талантливый организатор архитектурно-строительного образования в России и автор многочисленных пособий и книг по строительному делу, поэт и прозаик, пишущий под псевдонимом М. Топорский, фотограф и рисовальщик... [3, с. 51]. До начала 2010-х гг. о М.К. Приорове почти ничего не было известно. Сведения архитектурно-биографических словарей были крайне скудны, приблизительны и даже недостоверны, вплоть до того, что неверно было указано отчество архитектора – «Константинович» [2, с. 255; 9, с. 205]. Иногда его называют с оттенком пренебрежения «бывший полковник» [8, с. 123]. До написания Т.Л. Пантелеевой более полной биографии М.К. Приорова, ничего не было известно о его пребывании в Туркестанском крае. Между тем этот начальный этап (1866-1871 гг.) его служебной карьеры и творческой биографии был очень насыщенным и интересным в творческом отношении.

Благодаря архивным изысканиям стали известны эпизоды походной и боевой жизни М.К. Приорова в Средней Азии. В «Формулярном списке» М.К. Приорова говорится, что он был «... прикомандирован к начальнику пехоты отряда, выступившего в поход против бухарцев (6 сентября–15 октября 1866), участвовал в походе против Бухарского эмира и находился при штурме крепостей Ура-Тюбе и Джузака, причём во время обеих осад строил батареи и 18 сентября был на штурме крепости Ура-Тюбе охотником (добровольцем. – Авт.), а 2 октября начальником левой штурмовой колонны на штурме крепости Джузака» [17, л. 6 об.]. За дело при Ура-Тюбе М.К. Приоров был пожалован орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, а за храбрость, проявленную при взятии крепости Джизак – орденом Св. Станислава 3-й степени. С марта 1867 по февраль 1870 г. Приоров состоял адъютантом при генерал-адъютанте Н.А. Крыжановском, Оренбургском генерал-губернаторе и командующем Оренбургским военным округом, в апреле 1870 г. был награждён орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами «за отличие и труды по водворению порядка в степи и введения в ней нового положения» [12, с. 136; 17, л. 6-6 об.]. В это время М.К. Приоров получает очередное воинское звание ротмистра, затем майора (1868г.). По возвращении из Оренбурга в Петербург он был прикомандирован к лейб-гвардии Семёновскому полку, в котором начинал службу прапорщиком, и произведён в подполковники [13, с. 683; 17, л. 6-6 об.].

Быстрое продвижение по службе и ордена – это типично для многих офицеров-участников туркестанских, бухарских, хивинских и памирских походов. Но было и нечто, что заметно выделяло М.К. Приорова из армейской среды. Это настоящая образованность, разносторонность интересов, талантливость. Здесь можно назвать и его увлечение фотографией, делом, многим в то время казавшимся тайным знанием.

Впервые деятельности М.К. Приорова в качестве фотографа коснулась С.М. Горшенина в связи с историей создания знаменитого «Туркестанского альбома» (1871-1872 гг.) [5, с. 33]. Её находки в Центральном госархиве Узбекистана стали одним из ориентиров в нашем очерке истории изучения архитектурного наследия Южного Казахстана, где М.К. Приорову впервые отведено значительное место как фотографу, связанному с археологической и этнографической наукой [3, с. 51-54]. В настоящее время информация о М.К. Приорове свидетелей и участников событий 1866–1867 гг. (А.К. Гейнс, П.И. Лерх) нашла документальное подтверждение, в частности, в Формулярном списке М.К. Приорова, обнаруженном в Центральном госархиве г. Москвы. В перечне поручений М.К. Приорову по службе говорится, что он по распоряжению Н.А. Крыжановского был «...прикомандирован для фотографических работ к комиссии, учреждённой по высочайшему повелению для изучения быта киргиз (казахов. – Авт.) в июле 1866 г.» [17, л. 6 об.].



Фото 1 - Сауран. Минареты медресе Мир-и Араб. XVI в.
("Сауранские башни"). Фото М.К. Приорова. 1866 г.
Из "Туркестанского альбома". 1871 г.



Долженко С.И.

С фотографии М.К. Приорова

Литогр. Сидорова И.С.

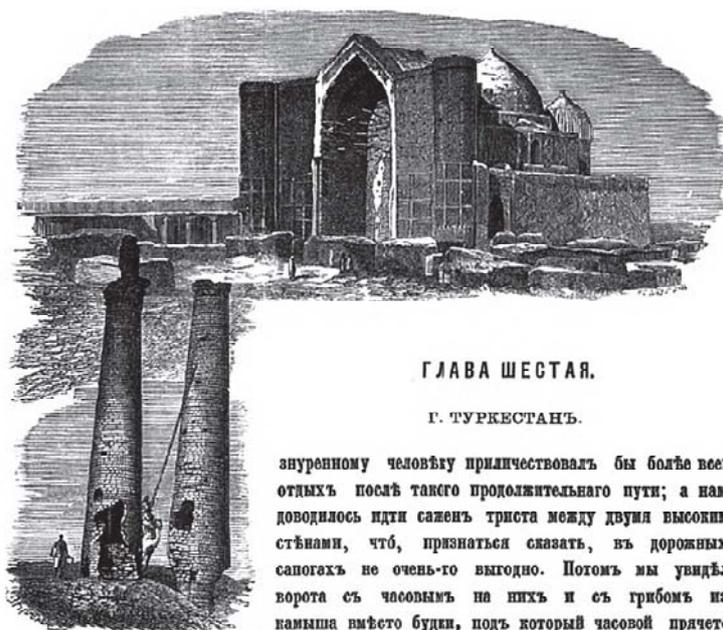
ТУРКЕСТАНЪ
съ восточной стороны

Фото 2 - Туркестан. Вид на мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Литография "с тоном" по фотографии М.К. Приорова. 1866 г.
Из книги П.И. Пашино "Туркестанский край в 1866 году. 1868 г.

В 1866 г. из Оренбурга в Ташкент проследовал полковник А.К. Гейнс в составе комиссии министерств военного и внутренних дел для выработки законодательства по управлению завоёван-

ными областями. Эта поездка во многом носила характер историко-этнографической экспедиции. Он отметил в своём дневнике: «В Уральском укреплении мы нашли Приорова с фотографией. Я очень рад этому, потому что буду иметь альбом хоть с части стет» [4, с. 214].

Фотографии М.К. Приорова являются первыми по времени создания, включёнными в «Туркестанский альбом». До этого они публиковались и в других изданиях. Его можно считать первым фотографом, работавшим в Южном Казахстане. Он, судя по свидетельству А.К. Гейнса, делал первые шаги в фотографии. Объектами его первых опытов стали археологические памятники и архитектурные сооружения. Благодаря снимкам М.К. Приорова мы имеем представление о некоторых памятниках архитектуры Южного Казахстана, уже утраченных или изменившихся от разрушений и перестроек. Что мы знали бы о знаменитых сауранских башнях – минаретах портала медресе Мир-и Араб, если бы архитектор и начинающий фотограф М.К. Приоров в 1866 г. не произвёл фотосъёмку на его руинах, снимки которых вошли позже в «Туркестанский альбом» и другие издания? Год спустя один из минаретов упал, второй ещё в 1872 г. видел Н.А. Маев, а в 1876 г. – Шарль-Эжен Ужфальви де Мезе-Ковёзд и его супруга Мари де Ужфальви-Бурдон, но в 1878 г. рухнул, и он [15, с. 163]



ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Г. ТУРКЕСТАНЪ.

звуренному человѣгу приличествовалъ бы болѣе всего отдохнѣть послѣ такого продолжительнаго пути; а намъ доводилось идти сажень триста между двумя высокими стѣнами, чтобъ, признаться слезать, въ дорожныхъ сапогахъ не очень-то выгодно. Потомъ мы увидѣли ворота съ часовымъ на нихъ и съ грибомъ изъ намыша вмѣсто будки, подъ который часовой прячется отъ солнца. Мы вошли въ ворота, прошли сажень пятьдесятъ, поднимаясь на гору, и увидѣли лачужки, носившія характеръ казенной постройки. Мы попросили находившихся тутъ солдатъ, не зная, что случилось съ нашимъ тарантасомъ, помочь Ивану собрать вещи. Тѣ охотно винулись въ воротамъ, а мы пошли дальше. Передъ нами высилась еще стѣна, содержавшая въ себѣ останки Ахмеда Ясаві. Линія зданій шла налѣво, и въ концѣ ея ходилъ часовой. Мы пошли туда, чтобы спросить солдата, гдѣ живетъ комендантъ. Комендантъ тутъ и жилъ, и часовой, какъ оказалось, ходилъ около его квартиры. Мы вошли къ коменданту и рекомендовались.

— А, про васъ говорилъ мнѣ генералъ, — обратился ко мнѣ комендантъ. — Вы, должно быть, художникъ?

— Нѣтъ, я не художникъ, — отвѣчалъ я.

— А гдѣ же ваши вещи? — спросилъ комендантъ.

— Да вотъ съ нами случилось несчастье: тарантасъ сломался при въѣздѣ въ городъ.

Мы послали туда солдатъ помочь нашему человѣгу управиться.

— И они пошли?!!

Фото 3 - Заставка к главе шестой. "Г. Туркестан" из книги П.И. Пашино "Туркестанский край в 1866 году". 1868 г.

Рис. В. Крюкова, гравёр А. Даугель (по фотографиям М.К. Приорова. 1866 г.)

На Московской этнографической выставке 1867 г. демонстрировались фотографии М.К. Приорова, собранные в альбом. Этот альбом, мало-известный даже в научных кругах, предшествовал

капитальному труду Куна-Кауфмана, каким стал «Туркестанский альбом». Начало ему дали фотографии, сделанные М.К. Приоровым в 1866 г.

О причастности Приорова к началу археологического изучения Южного Казахстана свидетельствует Н.С. Лыкошин. Он пишет, что П.И. Лерха в его известной археологической поездке в Туркестан в 1867 г. сопровождал адъютант Оренбургского генерал-губернатора М.К. Приоров. В конце 1867 г. на общем собрании ИРГО были показаны рисунки древностей Джанкента, сделанные М.К. Приоровым [11, с. 18-29].

Работы Приорова, несомненно, были известны археологам. П.И. Лерх в своей работе, написанной по результатам поездки 1867 г., отмечает приоровские фотографии памятников архитектуры Саурана, сделанные в 1866 г., и рисунки мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в Туркестане в книге П.И. Пашино «Туркестанский край в 1866 году», выполненные по фото М.К. Приорова [10, с. 12, 26].

Об участии М.К. Приорова в археологической экспедиции П.И. Лерха имеется архивное свидетельство: «...по предписанию от 9 июня 1867 г. находился на р. Сырдарье для съёмки местности, составления рисунков и содействия члену Императорской археологической комиссии Лерху, назначенному для производства раскопок в развалинах Джанкента и др[угих] древних городов в долине Сырдарьи. Возвратился обратно в Оренбург 1 августа 1867 г.» [17, л. 7].

Более чем четверть века спустя о приоровских снимках сауранских башен вспомнит В.М. Флоринский в своём труде «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни» в связи с его концепцией генезиса башенных сооружений Евразии. Здесь он вступает в полемику с П.И. Лерхом, считавшим башни минаретами сауранского медресе. В.М. Флоринский полагал, что у П.И. Лерха нет достаточных доказательств для такого утверждения. Сам он предполагал немусульманское происхождение этих сооружений [16, с. 298]. В своих рассуждениях В.М. Флоринский опирался на описание сауранских башен, сделанное П.И. Пашино, и указывает на фотографии М.К. Приорова как на первоисточник графических иллюстраций его книги «Туркестанский край в 1866 году» (год издания книги В.М. Флоринский ошибочно называет 1878-й, хотя книга вышла в 1868 году), о чём сам Пашино в своей книге не упоминал. Позволим себе выдвинуть предположение, что со снимками М.К. Приорова В.М. Флоринский мог ознакомиться непосредственно в оригиналах. Книга В.М. Флоринского «Первобытные славяне» издана в 1894 г. в Томске. Не могли ли там пересечься пути В.М. Флоринского (1834–1899), русского врача и писателя, археолога и этнографа и М.К. Приорова, обвинённого в неоправданных тратах в бытность его корпусным интендантом во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., преданного суду, разжалованного и сосланного в Томск? [12, с. 137; 13, с. 682]. В тот период В.М. Флоринский выступил одним из инициаторов создания Томского университета, был его попечителем и входил в Строительный комитет по сооружению корпусов университета в 1881–1885 гг. Он же стал основателем Томского Археологического музея. [18, с. 60, 70-77]. С фотографиями, сделанными М.К. Приоровым на Сырдарье в 1866 г., В.М. Флоринский, никогда не бывавший в Южном Казахстане, мог ознакомиться ещё в Томске в 1880-х гг. или услышать от него о сауранских башнях, возможно, попавших и таким путём в книгу Флоринского, имеющую подзаголовок «Опыт славянской археологии».

Некоторые западные исследователи (Хитер С. Зоннтаг, США) считают, что часть альбома Приорова вошла в книгу Пашино [5, с. 33] Это утверждение не стоит воспринимать буквально – лишь некоторые фотографии были *использованы* в переработанном виде в её оформлении. Вид мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане с юго-запада (в подписи ошибочно указано – с востока) литографирован с фотографии М.К. Приорова, сделанной также в 1866 г. Туркестанский мавзолей М.К. Приоров сфотографировал и с другой, юго-восточной стороны. По этому снимку А. Даугелем была гравирована заставка к главе шестой книги Пашино «Г. Туркестан». На это прямо указывает П.И. Лерх: «Рисунок с туркестанской мечети, резанный на дереве по фотографии М.К. Приорова, опубликован в вышеприведённом сочинении г. Пашино (Туркестанский край в 1866 г.) на стр. 63» [10, с. 16; 14, с. 63]. В этой композиции художники, оформлявшие книгу П.И. Пашино, объединили два приоровских снимка – сауранских башен и мавзолея Ясави [7, с. 79, 94-95, 101-102].

Вышеописанные фотографии М.К. Приорова вошли в 1871 г. в «Туркестанский альбом».

Вслед за артиллерийским подпоручиком А.С. Муренко, прикомандированным к фотографическому отделению военно-топографического депо, сопровождавшего миссию Н.П. Игнатьева в

Хиву и Бухару в 1858 г., [6, с. 157] М.К. Приоров стал пионером фотографии в Южном Казахстане. Благодаря ему, археологическая наука Казахстана уже на начальном этапе своего развития получила такое действенное и эффективное средство фиксации памятников археологии и архитектуры, как документальная фотография.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Абашин С. Власть и фотография: визуальная репрезентация в имперской рамке // Неприкосновенный запас. – 2012. – № 4 (84). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2012//4/a13-p>
- [2] Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX-начала XX века: Справочник. – СПб.: Пилигрим, 1996. – 400 с.
- [3] Байтанаев Б.А., Ёлгин Ю.А. Культовая архитектура Южного Казахстана: Архитектурно-археологические исследования памятников позднего ислама. – Алматы, 2013. – 302 с.
- [4] Гейнс А.К. Путешествие в Туркестан: Дневник 1866 года // Собр. литер. трудов: в 3-х тт. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1898. – Т. II. – 742 с.
- [5] Горшенина С. Крупнейшие проекты колониальных архивов России: Утопичность тотальной туркестаники генерал-губернатора Константина Петровича фон-Кауфмана // *Ab imperio*. – 2007. – № 3. – С. 1–64.
- [6] Длужневская Г.В. Изучение памятников Средней Азии в период деятельности Императорской Археологической комиссии (1859–1917): (Фотографии Научного архива Института истории материальной культуры РАН) // *Российская археология*. – 2008. – № 3. – С.157–167.
- [7] Ёлгин Ю.А. Археологические и историко-архитектурные исследования мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави: вторая половина XIX в. – середина 1950-х годов: (Очерки и материалы). – Алматы, 2013. – 225 с.
- [8] Залесов В.Г. Архитекторы Томска (XIX–начало XX века). – Томск: Изд-во Томского Гос. архитектур.-строит. ун-та, 2004. – 170 с.
- [9] Зодчие Москвы времени эклектики, модерна и неоклассицизма (1830-1917 годы): Иллюстрированный биографический словарь. – М.: Крабик, 1998. – 318 с.
- [10] Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1870. – X, 39.
- [11] Лыкошин Н. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана / Авт. предисл. и сост. М. Елеуов, М.М. Бахтыбаев. – Туркестан: Туран, 2011. – С. 27-62.
- [12] Пантелеева Т.Л. К биографии М.К. Приорова – организатора и директора Первых строительных курсов и Строительно-технического училища в Москве // *Вестник МГСУ*. – 2011. – № 4. – С. 135–139.
- [13] Пантелеева Т.Л. Основатель Первых Московских строительных курсов М.К. Приоров как инженер и архитектор // Интеграция, партнёрство и инновации в строительной науке и образовании: Сборник материалов Международной научной конференции (12–13 ноября 2014 г., Москва). – М.: МГСУ, 2015. – С. 682–684.
- [14] Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году: Путевые заметки. – СПб.: Типогр. Тиблина и К (Неклюдова), 1868. – 179 с.
- [15] Пугаченкова Г.А. Сауранские башни // *Труды Среднеазиатского Государственного университета*. – 1954. – Вып. LVII. – С. 161–167.
- [16] Флоринский В.М. Первобытныя славяне по памятникам их доисторической жизни: Опыт славянской археологии. – Томск: Типо.-лит. П.И. Макушина, 1894. – I: Общая вступительная часть. – 355+4 с.
- [17] [Формулярный список М.К. Приорова] // Центральный Государственный архив г. Москвы, Ф. 126, Оп. 4, Д. 3173.
- [18] Ястребов Е.В. Василий Маркович Флоринский. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1994. – 174 с.

REFERENCES

- [1] Abashin S. The power and a photo: visual representation in the imperial frameworks // *Reserve stock*. – 2012. – № 4 (84). [Electronic resource]. Access mode: <http://magazines.russ.ru/nz/2012//4/a13-p>
- [2] Architects-builders of Saint Petersburg of the middle of XIX – beginning of XX century: Reference book. – SPb.: Pilgrim, 1996. – 400 p.
- [3] Baitanayev B.A., Yolgin Yu.A. Church architecture of South Kazakhstan: Architectural-archeological investigations of the Late Islam monuments. – Almaty, 2013. – 302 p.
- [4] Heinz A.K. Journey to Turkestan: Diary of 1866 year // *Collection of literary works: In 3 volumes*. SPb.: Printing office of M.M. Stasyulevich. 1898. – V. II. – 742 p.
- [5] Gorshenina S. The largest projects of colonial archives of Russia: Utopianism of total turkestanika of Governor-General Konstantin Petrovich von Kaufmann // *Ab imperio*. – 2007. – № 3. – P. 1-64.
- [6] Dluzhnevskaya G.V. Investigation of Central Asian monuments in the period of activity of Imperial Archeological commission (1859-1917): (Photos of Scientific archive of Institute of history and material culture of RAS) // *Russian archeology*. – 2008. – № 3. – P. 157-167.
- [7] Yolgin Yu.A. Archeological and historical-architectural investigations of Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi: The second half of XIX century – middle of 1950s: (Essays and materials). – Almaty, 2013. – 225 p.

[8] Zalesov V.G. Architects of Tomsk (XIX – beginning of XX century). – Tomsk: Publishing office of Tomsk State University of Architecture and Construction, **2004**. – 170 p.

[9] Architects of Moscow of eclecticism, modern and neoclassicism times (1830-1917 years): Illustrated biographic dictionary. – М.: Krabik, **1998**. – 318 p.

[10] Lerch P.I. Archeological journey to Turkestan district in 1867. – SPb.: Publishing office of Imperial Academy of sciences, **1870**. – X, 39.

[11] Lykoshin N. Essay about archeological investigations in Turkestan district to the establishment of Turkestan circle of amateurs of archeology // Minutes of meetings and messages of members of Turkestan circle of amateurs of archeology. Historical-cultural monuments of Kazakhstan / Author of preface and composer M. Yeleuov, M.M. Bakhtybayev. – Turkestan: Turan, **2011**. – P. 27-62.

[12] Panteleyeva T.L. To the biography of M.K. Priorov – organizer and director of the First building courses and Building school in Moscow // Bulletin of Moscow State University of Civil Engineering. – **2011**. – № 4. – P. 135-139.

[13] Panteleyeva T.L. Founder of the First building courses M.K. Priorov as an engineer and architect // Integration, partnership and innovations in the building science and education: Collection of proceedings of International scientific conference (12 – 13 November 2014, Moscow). – М.: Moscow State University of Civil Engineering, **2015**. – P. 682-684.

[14] Pashino P.I. Turkestan district in 1866 year: Itinerary. – SPb.: Publishing office of Tiblen and Co. (Neklyudov), **1868**. – 179 p.

[15] Pugachenkova G.A. Sauran towers // Proceedings of Central Asian State University. – **1954**. – Issue LVII. – P. 161-167.

[16] Florinsky V.M. Primitive slavic people by the monuments of their prehistoric life: Experience of Slavic archeology. – Tomsk: Printed literature of P.I. Makushin, **1894**. – I: General front matter. – 355+4 p.

[17] [Formulary list of M.K. Priorov] // Central State archive of Moscow city, F. 126, Op. 4, D. 3173.

[18] Yastrebov Ye.V. Vasily Markovich Florinsky. – Tomsk: Publishing office of Tomsk university, **1994**. – 174 p.

Б.Ә. Байтанаев, Ю.А. Ёлгин, Т.Л. Пантелеева

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан;

М.О. Әуезов атындағы ОҚМУ жанындағы Археологиялық зерттеулер ҒЗИ Шымкент, Қазақстан;

ФГБОУ ВПО «Мәскеу мемлекеттік құрылыс университеті» Мәскеу, Ресей

М.К. ПРИОРОВТЫҢ ФОТОСУРЕТТЕРІ ОҢТҮСТІК ҚАЗАҚСТАННЫҢ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ АРХИТЕКТУРА ТАРИХЫНЫҢ ДЕРЕК КӨЗДЕРІ

Аннотация. М.К. Приоров Мәскеудегі Бірінші құрылыс курсы мен Құрылыс училищесінің (Мәскеу мемлекеттік құрылыс университеті) негізін қалаушы ретінде белгілі. Мамандығы бойынша әскери инженер, өзінің еңбек жолын 1866 жылы Орынбор әскери округінде және Түркістан өлкесінде бастады. Бұл кезең оның өмірбаянының белгісіз кездері. 1866-1867 жылдары оның Орта Азия аймағына жасалған археологиялық және этнографиялық экспедицияларға фотограф ретінде қатысқаны туралы ақпарат тіптен аз. Бұл мақалада сол жетпейтін олқылықтардың орнын толтыруға талпыныс жасалып, Қазақстандағы археологиялық зерттеулердің бастапқы кезеңінде ғылыми суретке түсіру архитектуралық және археологиялық ескерткіштерді құжаттаудың жаңа әдісінің іске кірістірілгенін көрсету.

Кілт сөздер: археологиялық зерттеу, Оңтүстік Қазақстан, архивтік іздестірулер, архитектуралық ескерткіштер, әскери инженер, Жизак, суреттеме, литография, кесене, медресе, мұнаралар, Орынбор, Сауран, Томск, Түркістан, Ұратөбе, сурет, шабуыл, экспедиция.

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

ISSN 2224-5294

Volume 1, Number 311 (2017), 95 – 101

B. A. Baytanaev, A. A. Yergeshbayev, A. Kh. ShayakhmetovA.Kh. Margulan Institute of Archeology, Almaty, Kazakhstan
E-mail: baytanaev@mail.ru, aza.kz.85@mail.ru, toliktommy@gmail.com**MEDIEVAL SAYRAM CHIRAG LAMPS**

Abstract. The article considers the characteristic of ceramic chirag lamps of the ancient settlement of Sayram during the medieval period. In the Middle Ages lighting of rooms in Central Asia was made by means of chirag lamps. Chirags had various designs and forms. The provided information acquaints with different forms of the lamps. Also there is given the analysis of ways of development of medieval chirag lamps and their changes.

Keywords: archaeology, Middle Ages, ceramics, lamp, chirag.

Б.А. Байтанаев, А.А. Ергешбаев, А.Х. Шаяхметов

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СВЕТИЛЬНИКИ-ЧИРАГИ САЙРАМА

Аннотация. В статье рассматривается характеристика керамических светильников-чирогов городища Сайрам средневекового периода. В Средней Азии в средние века освещение помещений производилось с помощью светильников-чирогов. Чираги имели разнообразные конструкции и внешний вид. Представленная информация знакомит с отдельными формами светильников. Также проведен анализ путей развития средневековых светильников-чирогов и их видоизменение.

Ключевые слова: археология, средневековье, керамика, светильник, чираг.

Появление глазурованных чирогов в Средней Азии и, в частности, на территории Юга Казахстана и Жетысу связано с наличием высокого уровня керамического мастерства и изменением керамических форм. В нашем случае речь пойдет именно о керамических чирагах средневекового городища Сайрам. Чираги относят к керамике специального назначения. Светильники-чираги очень часто украшались поливой разного оттенка, придающей им своеобразный стиль, который вписывался в интерьер помещений. Согласно данным Э. В. Сайко, в Средней Азии периода IX–XII вв. имеются своеобразные устоявшиеся тенденции использования свинцовых и оловянно-свинцовых глазурей. В XII веке в Средней Азии в оборот входит щелочная глазурь, которая затем распространилась и господствовала в XIII–XIV веках [1, с. 161, 164].

При проведении археологических исследований на городище Сайрам, расположенного в восточной части города Шымкент (совсем недавно поселок городского типа Сайрам), за период 2010–2015 гг. было получено множество фрагментов керамических чирогов. Среди керамических материалов средневекового периода эти изделия составляют отдельную группу.

Чираги городища Сайрам представлены глазурованными фрагментами разных форм, размеров и цветов. Неполивные чираги в керамическом комплексе встречены не были. Присутствует единственный фрагмент плоской без глазури. Общая хронология имеющихся чирогов колеблется от IX до XIV веков. В основном преобладают аккуратные, небольшого размера чираги с коричневым покрытием и более грубые и массивные – с зеленой поливой разного оттенка. Несколько фрагментов имеют форму, близкую к плоским, а также светлую расцветку. Почти у всех чирогов имеются следы копоти и нагара в области носиков. По мнению П. Н. Кожемяко, в IX–X веках светильники типа чирогов – это новые типы сосудов. Исследователь подчеркивает, что форма

чирагов того времени круглая, дно плоское, также имеется сильно вытянутый носик. Частое явление – корпус, сформованный в виде многогранника, с чуть загнутым краем. Также у светильников имеются петлеобразные ручки с креплением от венчика к дну [2, с. 52, табл. 17, рис. 9-10].

Ранние формы светильников-чирагов были обнаружены и на городищах раннесредневекового периода бассейна р. Арысь. По данным, приведенным К. М. Байпаковым и А. Н. Подушкиным, чираги этого периода имели округлый резервуар, образованный высокими стенками или кольцевым врезом в усечено-коническое основание [3, с. 134, 136, табл. 5, рис. 219, 220]. Авторами других аналогий найдено не было.

Раннеглазурованные чираги-плошки в керамическом комплексе городища Сайрам представлены двумя фрагментами (рис. 1). Сосуды подобного типа имеют редкую для чирагов форму. Чираги-плошки имеют округлое тулово, чуть отогнутый венчик чаши. Носики у данных чирагов небольшие, формованы вручную, от того кажутся немного смятыми. Ручки у чирагов отсутствуют, но у одного фрагмента видно обломанное основание ручки. Тесто в изломе имеет желтоватый оттенок. По фрагментам чирагов нанесена полива непрозрачной консистенции в виде потеков. Колористическая гамма данных чирагов двухцветная – изумрудный и бирюзовый цвета по белому фону. Под глазурью ангоб отсутствует. По мнению Л. Г. Брусенко, самые ранние глазурованные чираги, а также другие сосуды покрывались именно глазурью изумрудно-зеленого с белым и бирюзового с белым цветом по поверхности. Сами чираги формовались вручную, тесто в изломе желтоватое. На городище Бинкет (Чач) подобные сосуды датируются IX веком [4, с. 37-38].



Рисунок 1 - Светильники-чираги с изумрудно-зеленой и бирюзовой поливой

Также ранними глазурованными светильниками Сайрама считаются переходные от плошек к чирагам формы. На городище было обнаружено два чирага переходной формы (рис. 2, 1, 2). Первый чираг-плошка выполнен с использованием белой глазури с разводами зеленого цвета вторым слоем по поверхности. Подобный прием нанесения глазури на сосуды наблюдается в середине IX – начала X века на Афрасиабе. Г. В. Шишкина считает, что прием нанесения непрозрачной белой глазури, а затем орнаментация зеленой и голубовато-зеленой поливой встречается в самое раннее время распространения подобной керамики [5, с. 46]. На боковых стенках светильника имеется орнаментация в виде подчеркнутой псевдонадписи коричневого цвета, а также в этом же месте были обнаружены темные пятна глазури. Ручка, венчик и носик не сохранились, за исключением малых фрагментов. Донная часть плоская, выделяется на фоне стенок. Тесто сосуда хорошо отмученное, плотное, бледно-розового цвета. Один из похожих чирагов был встречен на городище Актобе 1 в зоне затопления Чардаринского водохранилища (Ташкентский оазис и Южный Казахстан) в третьем строительном горизонте. Данный светильник имеет ту же форму, что и чираг, описанный выше. М. С. Мерциев подчеркивает, что чираг относится к одной из ранних форм и связывает это с конструкцией переходного типа – наличие

укороченного носика. Общая датировка комплекса чирагов городища Актобе 1 – IX–XI веков [6, с. 163, рис. 43]. Второй чираг-плошка имеет зеленую глазурь, более темного оттенка в области венчика и носика. Носик имеет миниатюрный слив и выполнен путем отгиба теста во время формовки. Ручка у чирага не сохранилась. Венчик чуть загнут внутрь, и имеет небольшую кайму. Донная часть выделена хорошо и имеет небольшие размеры. Тесто сосуда хорошего качества, без посторонних примесей, имеет бледно-розовый оттенок. Подобный чираг-плошка был обнаружен на городищах Согда IX века [5, с. 19, табл. 17, рис. 13].

В единственном экземпляре встречен целый светильник с петлевидной пластинчатой ручкой (рис. 2, 3). Орнамент в виде толстых круглых точек выполнен белой глазурью по сплошному черному фону. Подобные формы светильников, т.е. с полусферическим резервуаром, круглой ручкой и длинным носиком встречаются на многих городищах Чача и Средней Азии, там они отнесены к концу IX века и отмечается, что эти формы широко распространены в X веке [4, с. 46, табл. 31, рис. 9, 14].



Рисунок 2 - Светильники-чираги с белой, зеленой и черной поливой



Рисунок 3 - Светильники-чираги с коричневой поливой

Чираги-светильники с коричневой поливой имеют две основные формы – резервуар с гранеными и округлыми стенками. У большинства из них выделенные венчики, иногда венчик сливается с туловом. Петлевидные ручки над венчиками не выступают, но пяточки-налепы в основном приподняты. Ручки у чирагов также имеют несколько граней. Пяточки-налепы в основном представлены растительным орнаментом в виде стеблей и лепестков и геометрическим орнамен-

том в виде решетки. Донная часть светильников плоская, неровная и отделена от стенок гранями. Внутренняя часть обработанная, с округлыми стенками. Покрытие чирагов – коричневая полива. Ее можно разделить на несколько видов: светло-коричневая и темно-коричневая (рис. 3). Покрытие неравномерное, но в складках и неровностях поливы скапливалось больше, чем на ровной поверхности. Под поливой присутствует светло-серая грунтовка. Само тесто керамики хорошо отмучено, без лишних примесей. Тесто в основном светло-розового цвета, но также встречены фрагменты со светло-серым цветом теста. На этот счет Л. Г. Брусенко отмечает, что формы чирагов с граненым корпусом и листовидным навершием были распространены в Чаче в XI веке [4, с. 63].

Часто чираги покрывались зеленой поливой, при этом имели различную колористическую гамму зеленого: светло-зеленый, темно-зеленый и зеленый, с желтоватым оттенком. По форме они схожи с чирагами с коричневой поливой (рис. 4; 6, 1–2). Венчики у них находятся практически на одном уровне с носиками, а пяточки-налепы немного приподняты над ними. Ручки имеют петлевидную форму, с гранеными краями, но при соединении со стенками – немного округляются. Пяточки-налепы имеют растительную орнаментацию в виде стеблей разнообразной формы (рис. 5, 3–4). В основном данный орнамент симметричен и стилистически похож на орнамент «бараньи рога», за исключением ответвлений веточек от основы и усложнения композиции. Один из сосудов имеет пяточку-налеп в виде перевернутого «сердечка» и растительным орнаментом под зеленой глазурью в композиции. По мнению М. И. Филанович, подобные светильники с пятой «сердечком» были распространены по всей Средней Азии в XII – начале XIII веков [7, с. 134]. Довольно-таки ровными и плоскими представлены донные части сосудов. Внутри сосудов стенки хорошо обработаны и покрыты поливой. Тесто керамики среднего качества, с большой примесью песка и при незначительном давлении обсыпается. В изломе тесто светло-розового цвета. Под глазурью на всех сосудах имеется грунтовка светло-серого и белого цвета. Поверх грунтовки наносилась полива и на некоторых из фрагментов имеется несколько слоев покрытия.



Рисунок 4 - Светильники-чираги с зеленой поливой

С. Р. Ильясова, анализируя ахсикетские светильники с зеленой поливой, относит их к первой половине XII – началу XIII веков, при этом отмечает, что подобные светильники в Мерве отмечены и в слоях X–XI веков [8, с. 172-178]. Схожие светильники мы находим в материалах Шаша XII–XIII веков, где имеются светильники с однотонной темно-зеленой поливой по светлому ангобу [4, с. 63].

В процессе раскопок в центральной части шахристана городища Сайрам на уровне XII яруса выявлены чираги-светильники с белой и зеленой поливой и с орнаментом темно-коричневого оттенка (рис. 4). Следует отметить, что в некоторых светильниках глазурью ярко-зеленого оттенка покрыта не вся поверхность сосуда, она нанесена потеками сверху вниз по белой грунтовке. Также отметим, что тесто у подобных светильников аналогично с тестом вышеописанных чаш, покрытых зеленой глазурью лишь по краю венчика.



Рисунок 5 - Орнаментированные светильники-чираги

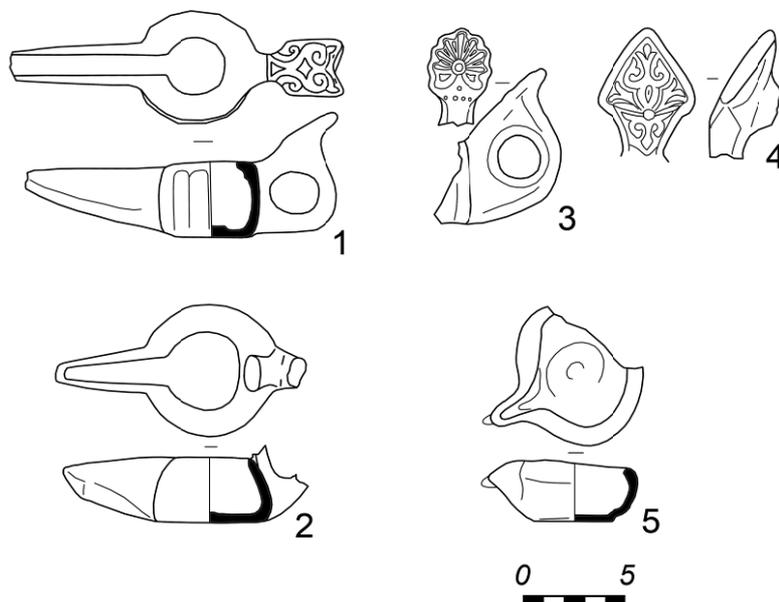


Рисунок 6 - Некоторые формы светильников-чирагов

Комплекс чирагов дополняет белофонный чираг, выполненный с использованием глазури и орнамента в виде черно-коричневых отметин-точек большого размера. На носике и венчике имеются коричневые разводы глазури. На самом носике имеются следы черного нагара. Венчик чирага загнут вовнутрь, и не выделяется на фоне носика. Ручка же у сосуда отсутствует и осталось только ее основание. Носик в средней части имеет горизонтальную грань. Донце у чирага плоское,

неправильной формы. Тесто имеет бледно-розовое качественное тесто. По данным Л. Г. Брусенко, для XI–XII веков особенность росписи глазурью – применение горошин по белому фону [6, с. 49].

Среди керамического материала имеются фрагменты чирагов-светильников со светло-голубой поливой с плотным и более рыхлым тестом с примесью песка, глины, извести (рис. 7). Есть археологически целые формы, снабженные пластинчатой вертикальной ручкой, прикрепленной нижним концом к плечикам, верхним – к выделенному устью, иногда устье, не выделяясь, плавно переходит в носик с гранеными углами и прямоугольным кончиком, на котором имеются следы копыт. Часто верхний край ручки светильника имел налп в виде лепестка, поверхность которого богато украшена прочерченным подглазурным орнаментом. Аналогии данным чирагам мы находим на средневековом городище Тараз. По мнению Т. Н. Сениговой, подобные формы чирагов появляются после XIII века и связаны с постепенной потерей качества керамического мастерства, а также с общим упадком культуры в районе Таласской долины. Формы чирагов XIII–XIV вв. более массивные, с высоко поднятой пятой и перемычкой между носиком и резервуаром. Автор подчеркивает использование колористической гаммы зеленоватого и бирюзового цвета [9, с. 194, табл. 13, рис. 30, 42, 43]. Вышеупомянутые чираги в Сайраме были обнаружены в более поздних слоях XIV–XV вв.



Рисунок 7 - Светильники-чираги со светло-голубой (бирюзовой) поливой

Небольшой анализ форм и гаммы цветов светильников позволил провести некоторую типологию. Анализ основывался на данных, приведенных выше. Подобные типы керамики, но с небольшими отличиями, также выделены Л. Г. Брусенко [6, с. 46].

1 тип. Переходный от плошек к чирагам светильник. Данные изделия по форме миниатюрны, имеют неглубокий резервуар для масла и отличаются небольшим носиком и плавными формами. Колористическая гамма изменяется от белого к зеленоватому оттенку. Эти формы сосудов в основном относятся к IX–X вв.

2 тип. Чираги с граненым туловом, вытянутым граненым носиком. Все сосуды такого типа имеют пяточку и петлеобразную ручку. Пяточка сосуда часто имеет растительный орнамент. Гамма цветов подобных сосудов коричневая и зеленая.

3 тип. Чираги с округлым туловом-резервуаром, с длинным носиком. Сосуды с округлыми резервуарами имели только петлевидную ручку. Пяточка-навершие обычно не наблюдалось. В основном сосуды исполнены в зеленом, белом и даже черном цвете. Иногда по поверхности наносилась орнаментация в виде коричневых потеков или полос, а также псевдонадписи.

Последние два типа чирагов встречены на городище Каратобе (Сауран) по уровню верхнего строительного горизонта и датируются X–XII вв. По утверждению Е. А. Смагулова, чираги этих двух типов основные и самые распространенные. Отличие этих типов помимо формы и цвета – сосуды с округлыми резервуарами возникают немного раньше сосудов с граненым туловом [10, с. 354-355, рис. 47-49]. В комплексе чирагов встречаются сосуды закрытой формы разных цветов. Также имеются грубые, плохо обработанные сосуды XIV–XV вв. с цветовой гаммой светло-зеленого и бирюзового оттенка. Подобные керамические светильники-чираги были обнаружены в слоях тимуридского периода.

Проанализировав и рассмотрев формы чирагов Сайрама, мы приходим к выводу, что керамические светильники – это неотъемлемый атрибут внутригородской средневековой жизни. Чираги являлись постоянным спутником жилищ и широко использовались в быту для освещения комнат в древности. Подобные светильники – это довольно-таки простые по своей конструкции и функциональности изделия.

В целом, формы чирагов делятся на открытые и закрытые формы. Выполнены светильники-чираги из хорошо отмученной глины и качественно обожжены. Формы сосудов в основном миниатюрные и рациональные. Стоит отметить, что присутствует консерватизм в формовке на протяжении нескольких веков. Также консерватизм заключается в использовании зеленого цвета глазури на протяжении IX–XV вв. Основываясь на вышеизложенной информации, чираги в Сайраме в частности имеют большое разнообразие форм и типов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Сайко Э.В. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII–XII вв. - Душанбе, 1966. – 261 с.
- [2] Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. - Фрунзе, 1959. – 187 с.
- [3] Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана (I тысячелетие н.э.). - Алма-Ата: Наука, 1989. – 157 с.
- [4] Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX–XII веков. - Ташкент, 1986.
- [5] Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII – начало XIII веков). - Ташкент, 1979. – 165 с.
- [6] Мершиев М.С. Древности Чардары (археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища) (в соавт. с Максимовой А.Г., Вайнберг Б.И., Левиной Л.М.). - Алма-Ата, 1968.
- [7] Филанович М.И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. - Ташкент, 1983. – 233 с.
- [8] Ильясова С.Р. Ахсикетские чираги // История материальной культуры Узбекистана. - Вып. 24. - Ташкент, 1990.
- [9] Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. - Алма-Ата, 1972. – 219 с.
- [10] Смагулов Е.А. Древний Сауран. - Алматы, 2010. – 358 с.

Б. Э. Байтанаев, А. А. Ергешбаев, А. Х. Шаяхметов

Э.Х.Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан

ОРТАҒАСЫРЛЫҚ САЙРАМ МАЙШАМ-ШЫРАҒДАНДАРЫ

Аннотация. Мақалада Сайрам қалашығының ортағасырлық керамикалық майшам-шырағандарының сипаттамасы қарастырылған. Орта Азияда орта ғасырларда бөлмелерді жарықпен қамтамасыз ету майшам-шырағандар арқылы жүзеге асырылған. Шырағандар әр түрлі пішімде болған. Көрсетілген мәлімет майшамдардың біршама пішімдерімен таныстырады. Сонымен қатар ортағасырлық майшам-шырағандардың даму жолы мен олардың түр өзгерісінің сараптамасы жүргізілген.

Тірек сөздер: археология, ортағасыр, керамика, майшам, шырағдан.

Yu.A. Yolgin

“Archeological Investigations” Research Institute of M. Auezov SKSU, Shymkent, Kazakhstan
E-mail: yolginuriy@gmail.com

NICHE OF ILYAS-KHAN: PORTAL OR MIHRAB?

Abstract. Niche of Ilyas-khan is considered as an independent architectural element in the complex of Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi for the first time. This paper raises a question about its origin, function and place in the composition and sacral program of the Sufi complex of Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi. The paper also analyses variants of its interpretation as the portal and as the role of mihrab niche. The authors hypothesize on the analysis of literature sources about Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi and find confirmation of the hypothesis in archeological and architectural-engineering investigations in the second half of XX century.

Keywords: Islam, Sufism, mosque, mihrab, pishtak, portal, architecture, archeology, excavations, exploratory shaft, memorial, deposition, niche, arch, mausoleum, church, necropolis.

УДК 902:94 (564/575)

Ю.А. Ёлгин

НИИ Археологических исследований при ЮКГУ им. М.О. Ауезова, Шымкент, Казахстан

НИША ИЛЬЯС-ХАНА: ПОРТАЛ ИЛИ МИХРАБ?

Аннотация. Ниша Ильяс-хана впервые рассматривается как самостоятельный архитектурный элемент в комплексе мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави. Поднимается вопрос о её происхождении, назначении и месте в композиции и сакральной программе суфийского храмового комплекса мавзолея Ахмеда Ясави. Анализируются варианты её интерпретации в качестве портала и в роли михрабной ниши. Свою гипотезу авторы строят на анализе литературных источников по мавзолею Ясави и находят подтверждение ей в археологических и архитектурно-инженерных исследованиях второй половины XX века.

Ключевые слова: ислам, суфизм, мечеть, михраб, пештак, портал, архитектура, археология, раскопки, шурф, мемориальный, захоронение, ниша, арка, мавзолей, храм, некрополь.

Ведущие археологи Казахстана суть многофункционального комплекса Ясави определяют как *храм суфийской общины* [1, с. 66]. Наряду с божественным геометрическим строем и другими признаками отнести мавзолей Ясави к храмовым зданиям позволяет, на наш взгляд, архитектурный элемент, также выступающий одним из проявлений соломонова начала в архитектуре тимуровского комплекса. Речь идёт о так называемой нише Ильяс-хана.

Ниша устроена в восточном фасаде, вплотную к юго-восточному минарету главного портала и конструктивно с ним связана. Включённость ниши в композицию восточного фасада подчёркивает эпиграфический фриз, завершающийся над нею, и панель из известняковых плит с майоликовыми вставками, понизу опоясывающая три фасада здания. Этот архитектурный элемент не случаен в композиции внешнего объёма мавзолея, он есть своего рода *post scriptum* в некой сакральной программе памятника.

В научной и научно-популярной литературе эта ниша называется по-разному. Л.Ю. Маньковская в своих текстах называет её «восточной нишей» [17, с. 62]. Название «ниша Ильяс-хана» встречается исключительно в подписях к иллюстрациям во всех изданиях памятника. На схема-

тических планах в альбомах мавзолея Ясави ниша Ильяс-хана названа «восточным порталом» [14, рис. на с. 49; 23, рис. на с. 20]. Другие авторы называют её чаще всего «восточной нишей» (Б.Т. Туякбаева) и «нишей восточной стены» (К.А. Шахурин). Н.Б. Бакланов, догадываясь о сакральном значении ниши Ильяс-хана, именует её «особой нишей восточной стены» [2, с. 63].

Устойчивое словосочетание «ниша Ильяс-хана» не связывается с каким-либо историческим лицом. Оно сложилось на основе предания, зафиксированного М.Е. Массоном в 1928 году. Оно гласило, что в этой нише находились могилы некоего Кукрас-хана и Аулье-хана, которые были погребены на этом месте ещё до возведения мавзолея и оставлены непотревоженными по особому распоряжению Тимура из уважения к личностям покойных [20, с. 14]. Здесь в описании М.Е. Массона вкралась досадная описка – восточная стена ошибочно названа северной [21, с. 43]. В остальном они, как всегда, скрупулёзны. Любопытно, что он отмечает наличие чираг-ханы для возжигания свечей [20, с. 14].

Однако полагаем, что и чираг-хана, и захоронение, и сама легенда о восточной нише имеют очень позднее происхождение, и достоверность этих сведений сомнительна. На первом документальном изображении мавзолея Ясави, помещённом М.С. Бекчуриным в «Военном сборнике» в 1866 г., на рисунке, схематичном, но подробном, чираг-хана и надгробие в восточной нише отсутствуют [3, с. 209-217]. Не показаны они также на плане 1884 г., равно как и на плане в тексте М.Е. Массона. В личном архивном фонде Б.Н. Засыпкина хранится план первого этажа мавзолея Ясави, сделанный по обмерным чертежам студентов Московского архитектурного института под руководством Н.Б. Бакланова в 1938 г. [6, с. 32]. На нём в числе надгробий внутри мавзолея и в нише главного портала показаны упоминаемые М.Е. Массоном детали.

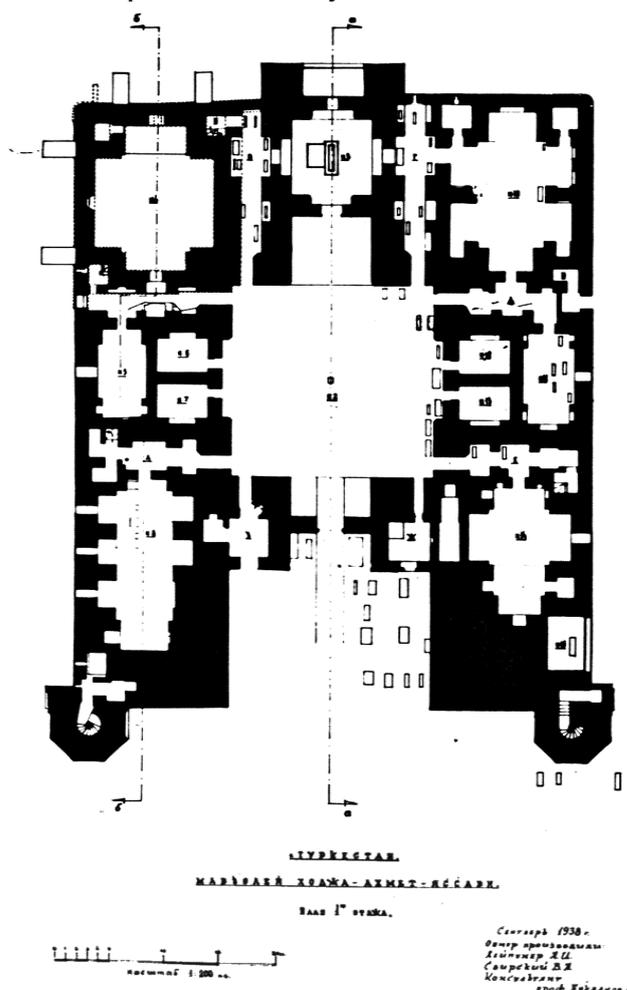


Рисунок 1 - Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. План. 1938 г. (из личного архивного фонда Б.Н. Засыпкина)
Создаётся впечатление, что «чираг-хана» и надгробие появились едва ли не после русского

завоевания. К.А Шахурин пишет, что ниша была заполнена рыхлой землёй с кусками жжёного кирпича, ганча и облицовочных кирпичиков во время сооружения «ограждающей стенки», отделяющей нишу по линии фасадной стены [38, с. 11]. Этот бордюр подчёркивал определённое значение восточной ниши. И оно, вероятно, не связано с почитаемым захоронением, как гласит легенда. Но в целом местное предание отражает реальную картину: стены нового комплекса проложены по местам мусульманских погребений, которые были перезахоронены в специальной сагане [30, с. 73].

За период активного функционирования комплекса в XVI-XVIII вв. вокруг него отложились мощные культурные слои до 2,5–3 м от дневного уровня к XIV в. [18, с. 10]. В 1952 г. археолог Специализированной научно-реставрационной производственной мастерской (СНРПМ, Ташкент) К.А. Шахурин заложил целую серию шурфов по периметру мавзолея снаружи и внутри здания. Часть погребений, отмеченных К.А. Шахуриным, вероятно, относятся к этому периоду. Но некоторые из них могли быть совершены до закладки тимуровского здания. В первом же шурфе у западного пилона северного портала (шурф № 1) К.А. Шахурин обнаружил четыре костяка и куски сырцового кирпича от обкладки могилы – следы мусульманского погребения [38, с. 7]. Остатки захоронений в виде разрозненных человеческих скелетов и кирпичей от обкладки могил чередовались с относительно сохранными погребениями. Залегали они на разной, иногда значительной глубине (отметки колебались в пределах 170–300). Захоронения не датированы, но совершены, как видно, по мусульманскому обряду. Наиболее глубокие и сохранные погребения находились ближе к гурхане и внутри мавзолея (Большой и Малый Ак-Сарай, китап-хана), из чего можно заключить, что какая-то часть обнаруженных захоронений, возможно, произведены до возведения тимуровского комплекса [38, с. 10, 15-18, 20-21].

Что касается восточной ниши, следы захоронения обнаружены около её северного угла (шурф № 14) и между этой нишей и юго-восточным минаретом главного портала (шурф № 17) [38, с. 11, 14].

Шурф в углу у юго-восточного минарета главного портала (шурф № 16) следов захоронений не выявил. Но была откопана закладка двери и лестница, ведущая на минарет [38, с. 13]. К.А. Шахурин подробнейшим образом описал в отчёте шурф внутри восточной ниши. В его описании нет ни слова об остатках каких-либо захоронений, аналогичных предыдущим. Открытием для него, как и для Т.Ш. Карумидзе, явилась заложенная дверь в щипцовой стене ниши, ведущая в помещение неизвестного назначения, также сплошь заложенное. Закладка двери сделана в перевязку с кирпичной кладкой внутри этого небольшого помещения [38, с. 12–13].

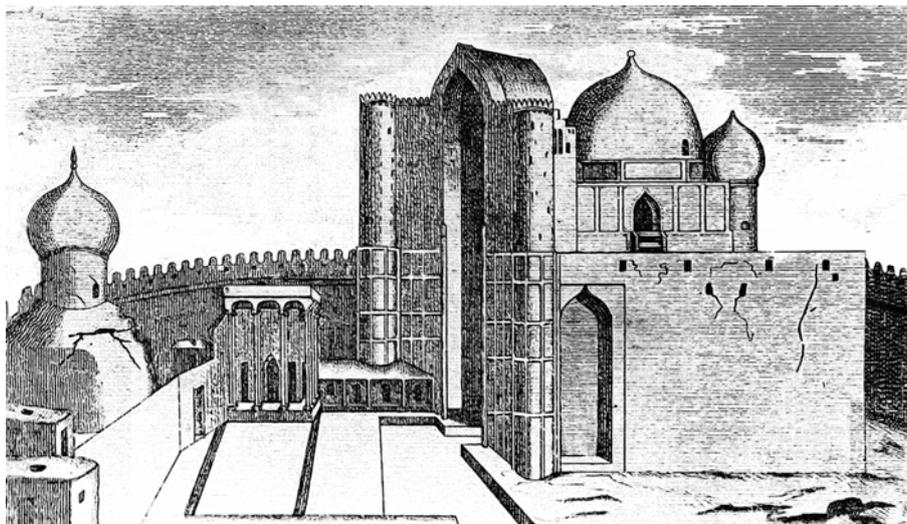


Рисунок 2 - Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. 1866 г. Рисунок из "Военного сборника»

Исследования К.А. Шахурина были вызваны необходимостью подводки фундаментов под внешние стены мавзолея. Наблюдение за подводкой осуществляла архитектор Т.Ш. Карумидзе.

Помещение за восточной нишей было едва ли не первым её открытием в изучении мавзолея Ясави. В письме к начальнику СНРПМ Б.Н. Засыпкину от 17.06. (1952 г.) она сообщала: «Лично мне интересно определить примыкание двух периодов стройки и знать, что в заложенных помещениях за восточной нишей, за заложенной парной аркой в I эт[аже] западного минарета» [24, с. 3]. Б.Н. Засыпкин в свете исследований Т.Ш. Карумидзе сделал вывод, что когда начали возводить южный портал, помещения за восточной нишей и халим-ханой уже существовали. Они одновременны с нижней частью шипцовой стены главного портала [12, с. 8]. С архитектурно-инженерной точки зрения вывод бесспорный, но в отношении функциональной принадлежности заложенных помещений (помещение на втором этаже было частично заложено, а оконный проём в шипцовой стене – полностью) и происхождении самой восточной ниши ясности не было. Б.Н. Засыпкин далее делает заключение: «По-видимому, через восточную нишу и заложенные помещения был особый вход к колодцу со “святой водой”. Оно сплошь заложено во время сооружения портала» [12, с. 8]. При этом упускается из виду, что колодец вырыт в конце XVIII-нач. XIX вв. [20, с. 17].

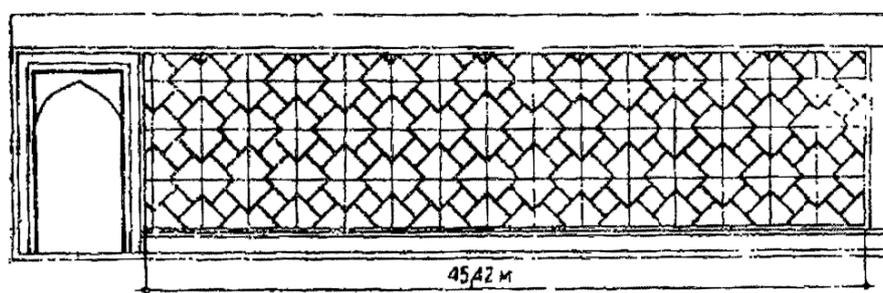


Рисунок 3 - Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. Схема композиции восточного фасада (по Л.Ю. Маньковской)

Неизвестно не только назначение заложенного помещения, но и соседствующей с ним кудук-ханы. Б.Т. Туякбаева и А.Н. Проскурин признают, что закладка за кудук-ханой не повлияла на функционально-планировочное решение мавзолея [35, с. 68]. Но она могла существенно изменить интерпретирование ниши, архитектурного элемента, важного не столько в функциональном отношении, сколько в семантическом и символично-содержательном понимании мавзолея Ясави в качестве *храмового* комплекса.

В 1955–1957 гг. Л.Ю. Маньковская раскрыла проёмы в шипцовой стене восточной ниши, [17, рис. 6] но, похоже, сознательно уклонялась от комментариев по восточной нише. Помещение за ней лишь единожды осторожно назвала художрой [17, с. 80].

В период реставрации мавзолея 1951–1955 гг. перед Б.Н. Засыпкиным и Т.Ш. Карумидзе в числе других насущных задач встала локальная проблема периодизации строительства главного, южного портала, а с конструктивной стороны – определение границ примыкания этого портала к основному объёму здания. При этом они не могли обойти вопроса о восточной нише. Они трактуют восточную нишу как «особый вход» в мавзолей [12, с. 4]. Даже располагая данными о заложенном помещении, Б.Т. Туякбаева также продолжает утверждать, что восточная ниша была одним из входов в здание [33, с. 32]. Данной гипотезы придерживались и другие авторы. А.К. Муминов полагает, что двери из этой ниши вели в кудук-хану [14, с. 81–82]. На подобную, сугубо утилитарную трактовку архитектурного элемента, имеющего неоднозначное семантическое истолкование, возможно, оказало воздействие мнение М.Е. Массона, что через этот проём «...в старое время проходили на поклонение к гробнице знатные сановные лица» [20, с. 14]. Не потому ли в публикациях о мавзолее Ясави в обозначениях ниши Ильяс-хана появляется слово «портал»?

Ни функционально, ни архитектурно ниша Ильяс-хана, конечно, порталом не является. Вводят в заблуждение её гипертрофированные размеры и выразительная пластика стрельчатой арки.

Применительно к европейской архитектуре портал трактуется как архитектурно выделенный и пластически и декоративно разработанный вход на фасаде в монументальном сооружении. Эти незатейливые определения архитектурно-терминологических словарей сводятся к тому, что портал есть наиболее представительный вход [8, с. 102]. Идея такого входа вполне (если не больше)

приложим к ближневосточному, средневосточному и среднеазиатскому порталу – *пештаку*. Как и всякий портал, пештак имеет в своей основе простую идею входа – сквозного проёма, ограниченного с трёх сторон (справа, слева, и сверху) [28, с. 72]. В сакральных сооружениях ислама эта архаическая структура, извечная парадигма входа, наполняется новым символично-семантическим содержанием.

Несомненно, в теологическом истолковании пештака - парадного входа должна звучать тема врат, будь то храм или дворец [27, с. 61]. Портал-пештак – это врата, прохождение через которые сродни сакральному действию. Но он же играет и роль незримой преграды, устанавливая дистанцию между посвящёнными и непосвящёнными, от которых за громадой пештака скрыто сакральное пространство, чаще всего это гурхана [27, с. 61; 25, с. 80–81].

В более широком контексте пештак, как и любой парадный вход, исторически символизирует переход из одного пространства (открытого) в другое (закрытое) или выход из него [28, с. 72]. Но символика перехода из одного пространства в другое не ограничивается физическим перемещением от мирского к священному, в основе этих ритуалов лежали более сложные трансформации представлений о портале-входе [40, с. 79–88].

В свете вышесказанного странным выглядит размещение портала на восточном фасаде в тесном соседстве с ещё более грандиозным порталом. Сложно судить о ландшафте Ясы в конце XIV в., но оформлять переход из открытой городской среды или некрополя в закрытую, ничтожно малую по отношению к самой нише камору площадью около 17 кв. м – это *non sensus*. Не укладывается оно и в версию об одной из комнат поэтапного торжественного входа в мавзолей. Проём, соединяющий помещение за восточной нишей и кудук-ханой, очень узок и сбит с оси вправо [16, с. 123, рис. 12]. Только протиснувшись через него, можно было попасть в кудук-хану. Затем, повернув налево, посетитель должен был следовать узким тёмным коридором в джамаат-хану (казандык). Подобный путь буквой «Z» не вяжется с посещением святыни сановными особами и вряд ли бы нуждался в монументальном портале.

В 1509 г. мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави посетил Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани, сопровождавший Мухаммада Шайбани-хана в его зимнем походе против казахов. В его сочинении «Михман-нама-йи Бухара» («Записки Бухарского гостя») есть немало восторженных строк об этом архитектурном шедевре. Он, казалось бы, будучи особой, не последнего ранга, должен был войти в мавзолей через «особый вход», тем более, что главный, южный портал его в начале XVI в. оставался ещё недостроенным. Из описания ибн Рузбихана следует, что в казандык он проходил иным путём. Именно в казандыке ибн Рузбихан видел колодец, который он сравнил – ни много, ни мало – с «началом источника Салсабил» [11, с. 208]. Колодец был обнаружен археологами в центре казандыка в 1997 г. и расчищен на глубину 7,4 м. В период достройки мавзолея Ясави владельцем Бухары Абдулла-ханом II (1591–1592) он был засыпан обломками квадратного жжёного кирпича и фрагментами керамического декора. На его месте, на специальном фундаменте был установлен легендарный котёл, отлитый для мавзолея в 1399 г. [31, с. 24–25].

6 апреля 1509 г. мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави посетил основатель Бухарского ханства и династии шайбанидов Мухаммад Шайбан-хан. Ибн Рузбихан посвятил этому событию специальную главу в «Михман-нам-йи Бухара» Вот как он описывает это действо: «Надев на себя *ихрам* поклонения могиле его святейшества Х^ваджа и отвечая «слушаюсь» на призыв божий, он от чистого сердца совершил [ритуальный] обход вокруг той ка'бы прошения, побежал по тропе молящихся и со смирением и покорностью поспешил пойти поклониться к жилищу *муджавиров* из совершающих коленапреклонение и земные поклоны. То, что подобает по обязательным правилам прославления и чествования такого преславного и чтимого места, было исполнено почтительным слугой» [11, с. 209]. В этом отрывке в общих чертах описан обряд *зийара* (от ар. *посещение*), едва ли не главным, в котором является ритуальный круговой обход святой могилы (в данном случае всего мавзолея) [26, с. 77], Могла ли играть ниша Ильяс-хана роль «наружной *зийрат-ханы*», которую Б.Т. Туякбаева и А.Н. Проскурин приписывают северному portalу мавзолея Ясави ? [36, с. 109] Читаем далее у ибн Рузбихана: «Снаружи куполообразного здания, на краю западной суфы, которая находится у порога могилы, он присел, и чтцы слова Божия приступили к благопристойному чтению нараспев. *Муджавиры* поднесли великолепные вкусные яства» [11, с. 209]. Очевидно, речь идёт о завершении *зийарата* Шайбани-ханом.

Северный портал функционально парадным входом не был, наружная дверь в гурхане никогда не открывалась. Его роль иная – структуро- и формообразующая. Вместе со сфероконическим ребристым куполом на высоком цилиндрическом барабане северный портал создаёт выразительный запоминающийся композиционный узел на северном фасаде мавзолея Ясави, отмечая местоположение почитаемой могилы. Порог северного портала не переступался, но перед ним возносилась молитва во время зийарата, что наделяло его значением зийарат-ханы.

Ниша Ильяс-хана если и играла роль внешней зийарат-ханы, то, скорее всего, в позднее время, что должно совпадать с появлением *чираг-ханы*, отмеченной М.Е. Массоном и на плане мавзолея 1938 года. В этом случае обряд зийарата сопровождался возжиганием огня, своеобразным реликтом доисламских верований, удерживающимся в суфийской практике.

Итак, археологически установлено – ниша Ильяс-хана не была сенью над почитаемым погребением; не служила она и парадным входом, хотя бы потому, что дверь и помещение за нею были заложены ещё в период строительства мавзолея. Не будучи порталом, функционально, восточная ниша не является таковым и архитектурно. Она лишена главных признаков, характеризующих традиционный пештак – не занимает центрального положения в композиции фасада; не выделяется из плоскости фасадной стены, хотя имеет значительную глубину, и не превышает её по высоте, т.е. не представляет собою «переднюю арку», что составляет суть термина «пештак» [5, с. 159]; имеет очень узкую раму и не выделяется декором.

Между тем в истории архитектуры Мавераннахра есть примеры портала, который (по выражению Л.И. Ремпеля) «никуда не ведёт». Таковым он назвал портал, обрамляющий михраб загородной мечети Намазгох в Бухаре (1119–1120) [27, с. 61]. Такое прочтение структуры михрабной ниши, на наш взгляд, небесспорно. Этот михраб двухчастный – состоит из собственно ниши михраба и обрамляющей его большой декоративной арки [13, с. 31]. На плане этот архитектурный элемент выглядит, как и все михрабы, в виде одной ступенчатой ниши [4, с. 9, рис. 2]. «Внешняя», весьма неглубокая для портала, арка бухарского михраба воспринимается более самостоятельной, так как значительно превышает по высоте «внутреннюю» михрабную нишу, имеющую конховое завершение, украшенное сталактитами [4, илл. 8].

Пример бухарской Намазгох показывает, что, будучи функционально обособленными и самостоятельными, михраб (молитвенная ниша) и портал (парадный вход), в архитектурном отношении не имеют чётких разграничений. Однако утверждение В.Л. Ворониной, что михраб в миниатюре повторяет пештак, не совсем справедливо [5, с. 161]. Михраб – это поставленный вертикально прямоугольник с вписанной в него нишей, имеющий устойчивые, в общем-то, пропорции, тогда как пештак бесконечно может варьировать в размерах и пропорциях, достаточно вспомнить непомерно широкие арки в порталах тимуридских медресе.

Если принять в качестве рабочей гипотезы, что ниша Ильяс-хана в мавзолее Ясави, никогда не служившая входом, в какой-то период его истории играла роль михраба, первым вопросом будет вопрос о том, каким образом этот важнейший детерминирующий элемент *мечети* оказался на боковом фасаде суфийского храмового комплекса.

Надо иметь в виду, что архитектура ислама строится на принципе осевых построений, где вся иерархия осей подчиняется главной оси – *кибле*. В мавзолее Ясави выделяются несколько сакральных осей. Очень сильно звучит продольная структурообразующая ось в направлении «юг–север», на которой находятся входной портал, казандык, гурхана и северный портал. Не менее важное значение в сакральном отношении имеют поперечные оси, параллельные кибле. Эта «ось ислама» в мечети комплекса акцентирована роскошным михрабом, на восточном фасаде – нишей Ильяс-хана.

Устройство «внешнего михраба» в мавзолее Ясави может найти объяснение в том случае, если воспринимать восточный фасад комплекса в качестве архитектурной аллюзии к загородному типу мечети намазгох, классическим образцом которой в древней своей части, относящейся к XII в., служит упоминавшаяся мечеть Намазгох в Бухаре [13, с. 31–33]. Такие мечети предназначались для всенародных молений два раза в году – в праздники *ид аль-адха* (араб.) или *курбан-байрам* (тюрк.) и *ид аль-фитр* (араб.) или *ураза-байрам* (тюрк.) [10, с. 90]. Мавзолей Ясави был местом притяжения религиозной жизни огромного региона, находился на древнем некрополе, что вполне отвечало традициям мечетей-намазгох. Это одно из условий, по которым суфийский храмовый

комплекс мог принять на себя дополнительные функции загородной праздничной мечети. Исходный её тип представлял собой стену с михрабом [19, с. 144]. В Туркестане эту задачу на себя могла символически взять ниша Ильяс-хана

Поскольку ниша Ильяс-хана в качестве михраба обращена вовне, за пределы комплекса, то естественно предположить перед нею наличие *мусалла* (араб. *место молитвы*) – обширной молитвенной площади, архитектурно связанной со стеной с михрабом.

Незначительный на первых этапах изучения памятника иконографический и топографический материал не даёт возможности для определённых выводов, оставляя вопрос в области предположений. На плане г. Туркестана, скопированном Д.Г. Мессершмидтом с оригинала XVI в., мавзолеем Ясави обозначен в виде отдельно стоящей башни. Около этого изображения-символа угадывается достаточно свободное пространство [9, с. 173].

Исторически сложилось так, что цитадель Туркестана возникла на древнем некрополе, исключительный статус которого был закреплён и продолжал возрастать с возведением суфийского храмового комплекса. Само здание мавзолея Ясави по прочности, масштабу и монументальности превышающее любое сооружение, возникшее на некрополе после него, помимо многих своих значений, в какой-то мере принимало на себя и оборонительные функции. Начиная с XVI в., мавзолеем Ясави неизменно включается в систему оборонительных стен, общегородских и крепостных. При этом территория некрополя уже с конца XIV–XV вв. постепенно входит в городскую застройку [30, с. 75]. В середине XIX в. возводится последний арк Туркестана, внутри сплошь застроенный. Освоение этой территории под жилую застройку началось ещё в конце XIV–XV вв. [29, с. 12]. После этого круговой обход (*таваф*) при исполнении зийарата наверняка сделался затруднительным. Значение «внешней зийарат-ханы» переходит к нише Ильяс-хана, в ней появляется чирак-хана. Но отголоски её первоначальной роли, возможно, сохраняются в городской микротопонимике. М.Е. Массон упоминает четверо ворот в городской стене Туркестана начала XIX в., одни из которых носили название «*Мусалла-капка*» (или *Баб-Араб* – по имени одного из учеников Ходжи Ахмеда Ясави) [20, с. 9]. Сложно судить о происхождении такого названия ворот и о том, на что они могли указывать – на площадь к востоку от мавзолея, постепенно занятую поздней фортификацией Туркестана, застроенную уже в XVI–XVIII вв., или на объект за пределами городской стены. В данном случае непросто опираться на археологические исследования, поскольку топография местности, непосредственно, прилегающей к мавзолею, была полностью сnivelирована на уровне XIV в. (местами XII в.) в ходе земляных работ в 1958 г. [37, с. 25]. Тем не менее, именно археологические открытия второй половине XX в. служат косвенным подтверждением гипотезы о нише Ильяс-хана. Если принять во внимание, что город Ясы V–XIV вв. локализуется на месте средневекового городища Культобе [29, с. 13], то мавзолеем Ясави, находящийся на некрополе в 300–400 м севернее Культобе, т.е. «за городом», мог в XIV в. ассоциироваться с загородной мечетью. Таковым его положение оставалось некоторое время и для «нового города» Туркестана, когда в XIV в. жители Ясы переселяются на новое место – Шавгар (городище Шойтобе), пока арк (цитадель) не слился с шахристаном [29, с. 13].

Против восприятия ниши Ильяс-хана в качестве михраба можно выдвинуть ряд возражений, на первый взгляд, совершенно обоснованных. Для них нетрудно сформулировать столь же мотивированные контраргументы. Например, дверь в щипцовой стене ниши, как и в северной, грани восточного минарета, очевидно, была техническим или аварийным выходом в период возведения главного портала. После его завершения она, вместе с целым рядом других второстепенных проёмов в фасадных стенах, была заложена. Асимметричное расположение ниши обусловлено тем, что устройство михраба по центру фасада нарушило бы логику всей объёмно-пространственной композиции. Такое размещение ниши означало бы изменение внутренней структуры комплекса и преобразования функционального порядка, поскольку монументальная ниша заняла бы место Малого Ак-Сарая. Смещение её к массиву главного портала не нарушало гармонии и законченности «сосредоточенного плана» (по выражению С.Г. Маллицкого) внутри храмового пространства, а в конструктивном отношении ниша также принимала на себя распор гигантской арки главного портала.

Ниша Ильяс-хана не укладывается в привычные представления о михрабе. Она менее декоративна. В качестве михраба превышает обычные размеры и по-настоящему монументально.

Орнамент, геометрический и эпиграфический, очень сдержан и подчёркнуто линейен в стиле декора всех фасадов. По сравнению с полихромией кашинного набора михраба внутри мечети ниша Ильяс-хана выглядит довольно аскетично. Её «П»-образная рама очень узка, целиком повторяет внешний бордюр обрамления северного портала мавзолея Ясави. Это исключает присутствие обычной коранической надписи, обрамляющей нишу михраба.

Казалось бы, отсутствие богословско–дидактической программы (цитаты из Корана и хадисов), присущей каноническим михрабам, не позволяет проводить параллели между восточной нишей и михрабом мечети. Оттого что в нише Ильяс-хана не имеется развитых порталных форм, соответственно сужается поле для применения эпиграфики. К тому же обильный полихромный декор выглядел бы диссонансом на фоне геометризованного гириха, развёрнутого справа налево по восточному фасаду. Эпиграфика ниши Ильяс-хана ограничивается именем Пророка «Мухаммад», многократно повторяющимся в точечной надписи на щипцовой стене, и восклицаниями «О, Милостивый! О, Милосердный!» в квадратах на софитах арки [14, с. 89]. В обрамлении квадратов Б.Т. Туякбаева также прочитала слово «Аллах» [34, с. 58]. В целом в нише Ильяс-хана продолжена заданность эпиграфики, свойственная всему восточному фасаду.

С другой стороны, можно предположить, что эпиграфический репертуар ранних праздничных мечетей Средней Азии, имеющих линейную композицию плана, т.е. представляющих собой стену с михрабом, также был ограничен. В михрабе упоминавшейся бухарской Намазгох XII в., за исключением «П»-образной рамы с формулой «Власть принадлежит Аллаху» (в нише Ильяс-хага отсутствует), в нише помещены только повторяющееся слово «Мухаммад» и имена четырёх праведных халифов [13, с. 33]. Вышесказанное не означает, что между нишей Ильяс-хана и собственно *михрабом* мечети, предназначенной для пятикратной ежедневной молитвы, следует ставить безусловный знак равенства. Комплекс мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави – это сооружение, не имеющее аналогов ни до него, ни после него, вобравшее в себя множество явных и скрытых смыслов, отчего многое в нём сделано «не по правилам» и продиктовано не официальным исламом, а суфийской теософией и обрядностью. Скорее всего, восточная ниша в числе других, неявных значений, может символизировать присутствие праздничной мечети на некрополе, где всё подчинено памяти благочестивого суфия. Она может также выступить одним из признаков, указывающих на *храмовое* содержание комплекса. Если попытаться проявить «онтологизированный» подход, то тема михраба по отношению к нише Ильяс-хана, вероятно, окажется не менее значимой, чем подход «функциональный».

С.Г. Маллицкий в своём обстоятельном концептуальном очерке о мавзолее Ясави не придал никакого значения восточной нише [15, с. 6–28]. При первом взгляде на план сооружения, ниша, казалось бы, не имеет ни малейшего отношения к концепции Маллицкого «сосредоточенного плана» Св. Софии в Константинополе и мавзолея Ясави в г. Туркестане, построенной на анализе структуры сакрального пространства *внутри* этих храмовых зданий. Между тем, на наш взгляд, восточная ниша с этой концепцией соотносится, не структурно, не иконографически, а семантически, являясь одним из скрытых проявлений соломонова начала в суфийском храмовом комплексе.

Если мыслить узко-функционально, то назначение михраба – указывать направление молитвы. Однако обозначением кибловой оси его роль в архитектуре мечети не ограничивается. Михраб несёт в себе целый комплекс явных и скрытых значений, уводящих его происхождение и генезис к истокам авраамических религий. Михрабная ниша первоначально интерпретировалась как «уменьшенная копия дворцовой апсиды» [32, с. 499]. Прототипом михраба считают и царский балдахин во дворцах. В религиозном контексте это было «святилище», форма его восходит к античному Ближнему Востоку. Этим купольно-портальным формам (в плоском изображении – арка) среди семитских народов придавалось сакральное значение [22].

Это один из вариантов интерпретации михраба в плане иконографии. Не менее сложно его богословско-символическое истолкование. В аяте 34-й Суры («Саба»), следующей за стихом «А Сулайману – ветер...», в перечислении других работ говорится, что джинны делают Сулайману «...что он пожелает, из алтарей» (Коран, 34:12). «Алтари» У. Дж. Гамблин переводит как «места служения», обозначаемые арабским словом «махариб» [7]. *Махариб* – множественное число слова «*михраб*». Последнее более определённо соотносится со строительством храма Соломона (Сулаймана).

Михраб в Коране упоминается не единожды. И ни в одном месте – в значении архитектурного элемента здания; в кораническом контексте – это здание, недвусмысленно указывающее на

Иерусалимский храм. Данная конкатенация приобретает ещё более определённые черты, когда в действие включается новозаветная традиция, также находящая параллели в Коране, как и ветхозаветные тексты. В особенности это касается мариологического цикла. В 3-й Суре («Семейство Имран») повествуется: «Всякий раз, как Закария входил к ней (Марьям – авт.) в михраб, он находил у неё пропитание...» (Коран, 3:32). Данный эпизод отражает факт вхождения Иерусалимского храма в Новый Завет через мариологический цикл. Исламская традиция не следовала буквально за событийной канвой библейской истории, но учитывала весь комплекс ближневосточных мифологических источников, воспринимая не столько сюжет, сколько его символическое содержание. Иерусалимский храм, архитектурно обозначаемый как михраб, входит не только в Новый Завет, но и Коран, через образ Марии.

В исламе михраб – кораническое воплощение Храма, становится в ассоциативный ряд с Каабой. А чёрный камень Каабы – это образ ключа к Небесному храму [39, с. 121]. Здесь авраамическая традиция приобретает некую завершенность, становясь символической скрепой для храмовых идей христианства и ислама. В этом русле развивается единая генеративная линия традиции мусульманской теменологии, в которой Каабе отведена роль *протохрама*, основанного Авраамом (Ибрахимом); воплощённая же идея Храма получит своё завершение при Соломоне [39, с. 121].

Ниша Ильяс-хана, ассоциируемая с михрабом, должна была свидетельствовать об отношении мавзолея Ясави к храмовой традиции монотеизма, восходящей к Иерусалимскому Храму, отражая это через суфийское мировоззрение. Когда ибн Рузбихан называл мавзолеем Ясави «Великим собором города Йаси» и уподоблял его образу храма Байт аль-Акса на Храмовой горе в Иерусалиме [11, с. 210], он, несомненно, имел в виду историческую аллюзию к Храму Соломона (Сулаймана).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Древний Туркестан // Новости археологии. – 1997. – № 1 (январь–июнь). С. 64–68.
- [2] Бакланов Н.Б. Три сооружения Тимура // Труды Всероссийской Академии художеств. – М.-Л.: Искусство, 1947. – Вып. I. – С. 51–66.
- [3] Бекчурин М.С. Описание мечети Азрета, находящейся в городе Туркестане // Военный сборник. – 1866. – № 8. – С. 209–217 (отд. 2, ил.).
- [4] Воронина В.Л. Архитектурные памятники Средней Азии: Бухара, Самарканд: Альбом. – Л.: Аврора, 1969. – 38 с., 24 л. ил.
- [5] Воронина В.Л. Эстетика форм в монументальном зодчестве Средней Азии // Архитектурное наследие. – 1981. – Вып. 29. – С. 154–169.
- [6] г. Туркестан. Мавзолеем Ходжа Ахмеда Ясеви. План I-го этажа // Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее: ЦГА РУз.). Ф. Р2406. Оп. 1. Д. 1462.
- [7] Гамблин У.Д. Иерусалимский Храм в Коране [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://mesto.org.il/2012-07-06-52-44/986-quran1>.
- [8] Грубе Г.Р. Кучмар А. Путеводитель по архитектурным формам: Справочник. – М.: Стройиздат, 1990. – 216 с.
- [9] Ёлгин Ю.А. Из истории изучения мавзолея Ходжа Ахмеда Ясеви. XVIII век // Известия НАН РК: Серия обществ. наук. – 2011. – № 3. – С. 168–180.
- [10] Ид аль-адха. Ид аль-фитр // Ислам: Словарь атеиста. – М.: Политиздат, 1988. – С. 90.
- [11] Из «Михман-нама-йи Бухара» Фазлаллаха ибн Рузбихана // История Казахстана в персидских источниках. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – Т. V: Извлечения из сочинений XIII–XIX веков. – 476 с.
- [12] Исследование, укрепление и реставрация памятника «Ахмад Ясеви» в г. Туркестане // ЦГА РУз. Ф. Р2406. Оп. 1. Д. 344.
- [13] Кочнев Б.Д. Средневековые загородные культовые сооружения Средней Азии. – Ташкент: Фан, 1976. – 84 с.
- [14] Мавзолеем Ходжа Ахмада Йасави / А.К. Муминов, М. Кожа, С. Молдаканагатулы. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – Алматы: «Эффект» ЖШС, 2011. – 208 с.
- [15] Маллицкий С.Г. Историко-архитектурное значение мечети Хазрета Ясавийского в гор. Туркестане // Протоколы заседаний и сообщения Туркестанского кружка любителей археологии. – 1908. – Вып. XII. – С. 6–28.
- [16] Маньковская Л.Ю. К изучению приёмов среднеазиатского зодчества конца XIV в.: (Мавзолеем Ходжа Ахмеда Ясеви) // Искусство зодчих Узбекистана. – 1962. – Вып. I. – С. 93–142.
- [17] Маньковская Л.Ю. Некоторые архитектурно-археологические наблюдения по реставрации комплекса Ходжа Ахмеда Ясеви в г. Туркестане // Известия АН КазССР: Серия истории, археологии и этнографии. – 1960. – Вып. 3 (14). – С. 52–69.
- [18] Маньковская Л.Ю. Ремонты и реставрация мавзолея Ахмада Ясави в городе Туркестане Казахской ССР // ЦГА РУз. Ф. Р2810. Оп. 1. Д. 16.
- [19] Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX – начало XX в.). – Ташкент: Фан, 1980.

– 183 с.

- [20] Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. – Ташкент: Типо-тит. - № 2 Узполиграфтреста, 1930. – 22 с.
- [21] Массон М.Е. О постройке мавзолей Ходжа Ахмеда в городе Туркестане // Известия Среднеазиатского географического общества. – Ташкент, 1929. – Т. XIX. – С. 39–43.
- [22] Михраб [Электронный ресурс]. Режим доступа: khatt.ru/hand_book/?states&id_theme=5&id
- [23] Нурмухаммедов Н.Б. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясеви. – Алма-Ата: Өнер, 1980. – 37 с., 75 л. ил.
- [24] Письма архитектора Тины Шалвовны Карумидзе // ЦГА РУз. Ф. Р2406. Оп. 1. Д. 906.
- [25] Пугаченкова Г.А. Мавзолей Араб-Ата: (из истории архитектуры Мавераннахра IX–X вв.). – Ташкент: АН УзССР, 1963. – 119 с. (Искусство зодчих Узбекистана. - Вып. II).
- [26] Резван Е.А. Зийара // Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, ГРВЛ, – 1991. – С. 77.
- [27] Ремпель Л.И. Искусство среднеазиатского Междуречья IX – начала XIII века // Ремпель Л.И. Искусство Среднего Востока. – М.: Сов. художник, 1978. – С. 42–111 (Избранные труды по истории и теории искусств).
- [28] Сардаров А. Генезис входа // Архитектура СССР. – 1988. – № 5. – С. 72–77.
- [29] Смагулов Е.А. Обзор стратиграфических данных и наблюдений по топографии средневекового Туркестана // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 2000. – № 1. – С. 3–17.
- [30] Смагулов Е.А., Григорьев Ф.П. Основные этапы формирования некрополя средневекового Туркестана: (к 1500-летию г. Туркестана) // Саясат. – 1996. – № 2. – С. 72–78.
- [31] Смагулов Е.А., Туякбаев М.К. Новое в ранней истории некрополя г. Туркестана // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 1998. – № 1. – С. 18–25.
- [32] Сурдель Д., Сурдель Ж. Цивилизация классического ислама. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 544 с.
- [33] Туякбаева Б.Т. Эпиграфика в архитектуре ханаки Ахмеда Ясеви // Искусство Казахстана. Изобразительное искусство, архитектура, театр и кино, музыка и музыковедение. – Алма-Ата: Өнер, 1987. – С. 28–34.
- [34] Туякбаева Б.Т. Эпиграфический декор архитектурного комплекса Ахмеда Ясеви. – Алма-Ата: Өнер, 1989. 176 с.
- [35] Туякбаева Б.Т., Проскурин А.Н. К истории строительства ханаки Ходжи Ахмеда Ясеви // Известия АН КазССР: Серия обществ. наук. – 1985. – № 4. – С. 63–69.
- [36] Туякбаева Б.Т., Проскурин А.Н. Мировоззренческие основы функционально-планировочной структуры ханаки Ахмеда Ясеви // Памятники истории и культуры Казахстана: Сб. Центрального совета Казахского общества охраны памятников истории и культуры. – Алма-Ата: Казахстан, 1989. – Вып. 4. – С. 106–116.
- [37] Туякбаева Б.Т., Проскурин А.Н. О цитаделях города Туркестана // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. – 2000. – № 1. – С. 17–27.
- [38] Шахурин К.А. Научно-археологический отчет по работам на памятнике архитектуры Ходжа-Ахмед-Ясеви в г. Туркестане в 1952 году // Архив Главного управления памятников материальной культуры и музеев Министерства культуры РУз., Я III³¹.
- [39] Шукуров Ш.М. Образ храма. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 496 с.
- [40] Cheorghiu D. Gates and doors The rites of passage before the modern age // Annure roumain d'antropologie – 1994 – Т. 31. – Р. 79–88.

REFERENCES

- [1] Baypakov K. M., Smagulov E. A. Ancient Turkestan//archeology News. **1997**. No. 1 (January-June). p. 64-68.
- [2] Cormorants N. B. Three constructions of Timur//Works of the All-Russian Academy of Arts. M.-L.: Art, **1947**. Issue I. p.51-66.
- [3] Bekchurin M. S. The description of the mosque of Azret which is in the city of Turkestan//the Military collection. **1866**. No. 8. p.209-217 (отд. 2, silt.).
- [4] Voronina V. L. Architectural monuments to Central Asia: Bukhara, Samarkand: Album. L.: Aurora, **1969**. 38 p., 24 l. silt.
- [5] Voronina V. L. An esthetics of forms in monumental architecture of Central Asia//Architectural inheritance. **1981**. Issue 29. p.154-169.
- [6] Turkestan. Hodge Ahmed's mausoleum of Yasevi. Plan of the I floor//Central state archive of the Republic of Uzbekistan (further: TsGA RUZ.). T. P2406. Оп. 1. 1462.
- [7] Gamblin U. D. The Jerusalem Temple in the Koran [An electronic resource] the access Mode: <http://mesto.org.il/2012-07-06-52-44/986-quran1>.
- [8] Grube G. R. Kuchmar A. Guide to architectural forms: Reference book. M.: Stroyizdat, **1990**. 216 p.
- [9] Yolgin Yu. A. From history of studying of the mausoleum of Hodge Ahmed of Yasavi. 18th century // News of NAN RK: Series of societies. sciences. **2011**. No. 3. p.168-180.
- [10] Eid al-Adha. Al-fitr ides//Islam: Dictionary of the atheist. M.: Politizdat, **1988**. p.90.
- [11] From "Mikhman-nama-yi Bukhara" of Fazlallah ibn Ruzbikhan//History of Kazakhstan in the Persian sources. Almaty: Dayk-Press, 2007. – T.V: Extraction from compositions of the 13-19th centuries. 476 p..
- [12] A research, solidifying and restoration of a monument "Ahmad Yasevi" in Turkestan//TsGA RUZ. T. P2406. Оп. 1. 344.
- [13] Kochnev B. D. Medieval country cult constructions of Central Asia. Tashkent: Fan, **1976**. 84 p..
- [14] Hodge Ahmad Yasavi's mausoleum / A. K. Muminov, M. Kozha, S. Moldakanagatula. Prod. the 3rd, reslave. and additional – Almaty: "Effect" of ZhShS, **2011**. 208 p.
- [15] Mallitsky S. G. Historical and architectural value of the mosque of Hazret Yassaviysky in mountains. Turkestan//Protocols of meetings and message of the Turkestan circle of fans of archeology. **1908**. Issue XII. p.6-28.
- [16] Mankovskaya L. Yu. To a study of methods of the Central Asian architecture of the end of the 14th century: (Hodge Ahmed Yasevi's mausoleum)//Art of architects of Uzbekistan. **1962**. Issue I. p.93-142.

- [17] Mankovskaya L. Yu. Some architectural and archaeological observations on restoration of a complex of Hodge Ahmed Yasevi in Turkestan//AN News KAZSSR: Series of history, archeology and ethnography. **1960**. Issue 3 (14). p.52-69.
- [18] Mankovskaya L. Yu. Repairs and restoration of the mausoleum of Ahmad Yassavi in the city of Turkestan of the Kazakh SSR//TsGA of RUZ. T. p.2810. Оп. 1. 16.
- [19] Mankovskaya L. Yu. Typological fundamentals of architecture of Central Asia (IX – the beginning of the 20th century). – Tashkent: Fan, **1980**. – 183 p..
- [20] Masson M. E. Mavzolya Hodzha Akhmeda Yasevi. Tashkent: Tipo-tit. - No. 2 of Uzpolidagftrest, **1930**. 22 p..
- [21] Masson M. E. About construction of the mausoleum of Hodge Ahmed in the city of Turkestan//News of the Central Asian geographical society. Tashkent, **1929**. T. XIX. p.39-43.
- [22] Mikhrab [An electronic resource]. Access mode: khatt.ru/hand_book/?states&id_theme=5&id
- [23] Nurmukhammedov N. B. Mavzolya Hodzhi Akhmeda Yasevi. Alma-Ata: ner, **1980**. 37 p., 75 l. silt.
- [24] Letters of the architect Tina Shalvovna Karumidze//TsGA RUZ. T. p.2406. Оп. 1. 906.
- [25] Pugachenkova G. A. Mausoleum Arab-Ata: (from history of architecture of Transoxiana of the 9-10th centuries). Tashkent: AN UZSSR, **1963**. 119 p.. (Art of architects of Uzbekistan. - Issue II).
- [26] Rezvan E. A. Ziyara//Islam: Encyclopedic dictionary. M.: Science, GRVL, **1991**. p.77.
- [27] Rempel L. I. Art of the Central Asian Entre Rios IX – the beginnings of the 13th century//Rempel L.I. Art of the Middle East. M.: Sov. artist, **1978**. p.42-111 (The chosen works on history and the theory of arts).
- [28] Sardarov A. Genesis of an entrance//Architecture of the USSR. **1988**. No. 5. p.72-77.
- [29] Smagulov E. A. Review stratigraficheskikh of data and observations on topography of medieval Turkestan//News NAN RK. Series of societies. sciences. **2000**. No. 1. p.3-17.
- [30] Smagulov E. A., Grigoriev F. P. Main stages of formation of a necropolis of medieval Turkestan: (to the 1500 anniversary of Turkestan)//Sayasat. **1996**. No. 2. p.72-78.
- [31] Smagulov E. A., Tuyakbayev M. K. Novoye in early history of a necropolis of Turkestan//NAN RK'S News. Series of societies. sciences. **1998**. No. 1. p.18-25.
- [32] Surdel D., Surdel Zh. Tsivilization of classical Islam. Yekaterinburg: U-trading station, **2006**. 544 p.
- [33] Tuyakbayeva of B. T. Epigrafik in architecture of a hanaka of Ahmed Yasavi//Art of Kazakhstan. Fine arts, architecture, theater and cinema, music and musicology. Alma-Ata: ner, **1987**. p.28-34.
- [34] Tuyakbayeva B. T. Epigrafichesky decor of an architectural complex of Ahmed Yasavi. Alma-Ata: ner, **1989**. 176 p.
- [35] Tuyakbayeva B. T., Proskurin A. N. To history of a construction of a hanaka of Hodzhi Ahmed Yasavi//AN News KAZSSR: Series of societies. sciences. **1985**. No. 4. p.63-69.
- [36] Tuyakbayeva B. T., Proskurin A. N. World outlook bases of functional and planning structure of a hanaka of Ahmed Yasavi//Historical and cultural monuments of Kazakhstan: Sat. Central office of the Kazakh society of protection of historical and cultural monuments. Alma-Ata: Kazakhstan, **1989**. Issue 4. p.106-116.
- [37] Tuyakbayeva B. T., Proskurin A. N. About citadels of the city of Turkestan//NAN RK'S News. Series of societies. sciences. **2000**. No. 1. p.17-27.
- [38] Shakhurin K. A. The scientific and archaeological report on works on a monument of architecture of Hodge-Ahmed-Yasevi in Turkestan in 1952//Archive of Head department of monuments of material culture and museums of the Ministry of Culture of RUZ., I.
- [39] Shukurov Sh. M. Image of the temple. M.: Progress-Tradition, **2002**. 496 p.
- [40] Cheorghiu D. Gates and doors the rites of passage before the modern age//Annure roumain d'antropologie. **1994**. T. 31. p. 79–88.

Ю.А. Ёлгин

М.О. Әуезов атындағы ОҚМУ жанындағы Археологиялық зерттеулер ҒЗИ,
Шымкент қаласы, Қазақстан

ІЛЪЯС ХАННЫҢ НИШАСЫ: ПОРТАЛ НЕМЕСЕ МИХРАБ?

Аннотация. Ілъяс ханның нишасы Қожа Ахмед Яассауи кесенесі кешеніндегі жеке сәулеттік элемент ретінде алғаш рет қарастырылып отыр. Оның Қожа Ахмед кесенесіндегі сопылық храм кешенінде пайда болуы, композициялық және мінәжаттық орны мен маңыздылығы жөніндегі мәселелер көтеріледі. Портал және мирабтық ниша ретінде оны түсіндірудің нұсқалары талданады. Авторлар өздерінің болжамында сүйенген Яассауи кесенесі бойынша жазылған әдеби деректерді талдауы XX ғасырдың екінші жартысындағы археологиялық және архитектуралық-инженерлік зерттеулерден дәлелдеулер табады.

Кілт сөздер: ислам, суфизм, мешіт, михраб, пештак, портал, архитектура, археология, қазба, шурф, мемориальды, жерлеу, ниша, арка, кесене, храм, нерополь.

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

ISSN 2224-5294

Volume 1, Number 311 (2017), 113 – 123

UDC 2: 903/904(574/575)

B.A. Zheleznyakov

Reserve-Museum of “Tamgaly”, Almaty oblast, Kazakhstan
A.H. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan
boriszheleznyakov@mail.ru

ABOUT ORIENTATIONS OF MEDIEVAL ARCHITECTURE IN SOUTHERN KAZAKHSTAN. TO THE BASES OF ISLAMIC TRADITION OF CULT ARCHITECTURE

Abstract. Data on orientations of Medieval Muslim cult constructions of Southern Kazakhstan available to the author (mainly received by him during researches) are provided in this article. Examples of interpretation and the generalized conclusions on the orientations of mosques investigated recently in the different countries, relating to various stages of the developments of tradition of architecture of Islam are given, because recently the West became interested (mainly the Muslim scientists). This article is the continuation of author's work that published earlier on pre-Islamic orientations of constructions of Middle East.

The interconditionality of ancient and medieval orientations of cult constructions as purely external, and more deep is traced. During some periods orientation to the Qibla was observed almost perfectly, in others periods, a certain waste from this tradition was observed. However questions of formation of tradition of orientation to Mecca often become a subject of discussions.

Keywords: Qibla, mihrab, cult orientation, inducement, mosque, hanaka, mausoleum, Makkah, Jerusalem, Kabah.

УДК 2: 903/904(574/575)

Б.А. Железняков

РГКП Заповедник-музей «Тамгалы», Алматинская обл., Казахстан
Институт археологии им. А.Х. Маргулана

ОБ ОРИЕНТИРОВКАХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА. К ОСНОВАМ ИСЛАМСКОЙ ТРАДИЦИИ КУЛЬТОВОГО ЗОДЧЕСТВА

Аннотация. В статье приводятся данные по доступным для автора (главным образом, полученным им же в ходе исследований) ориентировкам средневековых мусульманских культовых сооружений Южного Казахстана. Приводятся примеры интерпретации и обобщенные выводы по ориентировкам мечетей, исследованным в последнее время в разных странах, относящиеся к различным этапам развития традиции зодчества ислама, поскольку именно в последнее время на Западе произошел всплеск интереса (главным образом у мусульманских ученых). Статья является продолжением работы, опубликованной ранее по доисламским ориентировкам сооружений Среднего Востока. Прослеживается взаимообусловленность древних и средневековых ориентировок культовых сооружений как чисто внешняя, так и более глубинная. В одни периоды ориентировка на кыблу соблюдалась практически безукоризненно, в другие наблюдались определенные отходы от этой традиции. Однако вопросы становления традиции ориентировки на Мекку по-прежнему часто становятся предметом дискуссий.

Ключевые слова: кыбла, михраб, культовая ориентировка, склонение, мечеть, ханака, мавзолей, Мекка, Иерусалим.

Хорошо известно, что культурный аспект распространения ислама в раннем средневековье носил не столько характер проповеди нового учения, сколько более глобальных воздействий, фактически погружения в новую культуру, образ жизни, создание новой цивилизации. Именно поэтому и был явлен феномен Мусульманского Ренессанса. Новая культура перевернула старые представления о мироустройстве, в значительной мере основываясь на лучших достижениях старой культуры. Один из основополагающих вопросов, которые пришлось решать идеологам новой культуры на этапе ее становления: вопросы культовой архитектуры и, в частности, ее ориентировки: выбор ориентира для духовной жизни мусульман. Известно о предписании Шариата обращаться при молитве в сторону Мекки. При этом многие современные ученые признают, что в самые ранние годы становления ислама, мусульмане обращались в сторону Иерусалима. И если сейчас определить угол ориентировки культового сооружения можно совершенно без проблем, то в те далекие времена вычисления проводились с помощью сложных формул. Современные исследования этой проблематики тщательно изучают ориентировку исторических мечетей. Приоритет отдается именно вычислениям.

В связи с этим сложилось две тенденции в их интерпретациях. Одна преимущественно западных ученых и предполагает, что первая ориентировка мечетей была на Иерусалим, очевидно, на мусульманскую святыню храм «Золотой купол» (Dome of The Rock) [1]. Мусульманские исследователи же преимущественно считают, что ориентировка изначально была на Кыблу [2]. В этой связи, были написаны монографии, в том числе и посвященные влиянию науки Востока на Ренессанс в Европе [3, р. 307]. Именно этой тематике в последнее время был посвящен целый ряд научных работ, пытавшихся оправдать или опровергнуть это положение на примерах конкретных исторических мечетей. Несмотря на то, что эта тематика не является профильной для данной статьи, эти работы значительно помогли нам разобраться в проблеме. Тематика исследований, связанных с ориентировками культовых, поминально-погребальных, образовательных сооружений, в разные исторические эпохи занимала до сих пор крайне незначительное место, в том числе и в исследованиях по средневековой исламской архитектуре (особенно, что касается отечественных исследований).

В обеих работах приоритет отдан чисто астрономическим и геодезическим вопросам, которые важны для профессионалов. Все одиннадцать мечетей Греции ориентированы на юго-восток, а сама она варьируется от 132 до 151 градусов (от севера) и максимальная погрешность в 10 градусов авторами считается оправданной в тех условиях [1, р. 163-164]. Выводы этой публикации об общих вопросах и конкретных ориентировках исламских сооружений Греции периода XVI-XVIII вв. важны для нашего исследования. Значительно сложнее ситуация с ранними мечетями Востока, которая рассматривается во второй из указанных работ и также, как и первая имеет значительный список источников и литературы. Анализируя известные данные по ранним мечетям, автор заключает, что в первые века ислама мусульмане не имели инструментов для определения направления на Кыблу с точностью. Только с третьего века появляются математические решения для этого и в это же время они были доступны не везде. Это и послужило причиной того, что в разных городах и странах (Кордова, XII в. Каир, XV в., Самарканд, XI в.) направление мечетей было различным, иногда далеким от истинного направления [2].

Учеными в советский период гораздо больше внимания уделялось описанию, систематизации и интерпретации геометризованных планировок и орнаментов внешней и внутренней отделки, в основе которых лежала древняя универсальная символика. Значительный интерес представляют исследования в области изучения особенностей культовых строений ислама, в частности ханака, которые имеют определенное поступательное развитие от работы к работе [4, 5, с. 13-36]. Зарубежные исследования оказались значительно более разнообразными. Вместе с тем, именно на заре исследований культовой мусульманской архитектуры В.В. Бартольд уделил внимание вопросам ориентировки первых мечетей, о чем речь пойдет ниже. Возможно, что его идеи на этот счет можно подвергать сомнению... Накопление данных по исследованиям объектов истории культуры Центральной Азии давно уже привело к значительному числу примеров неопределенности в отнесении их к тому или иному культу, в том числе и очень известных объектов.

Разнообразие ориентировки культовых сооружений связано с доисламским периодом, впрочем, как для Европы с дохристианским периодом. Распространение и укоренение монотеистичес-

ких религий внесло значительное упорядочение в ориентировки культовых сооружений. В Центральной Азии: наличие множества религий до прихода христианства и ислама – зороастризма, буддизма, шаманизма, иудаизма, манихейства. С другой стороны, вплоть до XIII-XIV вв. в восточных регионах Центральной Азии были весьма широко распространены большинство из этих религий. Ламаизм исповедовали джунгары, выбивавшие надписи, изображения, строившие монастыри, вплоть до Нового времени на значительной территории Центральной Азии. Тем самым именно четкая дифференциация культовых ориентировок способна пролить свет на интерпретацию культовых сооружений, о чем так долго спорили исследователи по вопросам, например, храмов Пенджикента [6].

Тема сакральных ориентировок культовых построек комплексная и требует значительного внимания, со стороны точных дисциплин, например, астрономии, изучающей движение солнца, луны, других светил, поскольку именно они служили ориентирами для подобных ориентировок. Именно точные их вычисления и вызвали в свое время бурное развитие астрологии и основ астрономии - отслеживания движения светил. Материалы о двух наиболее распространенных вариантах ориентировок и их интерпретациях известных памятников региона Трансоксиании: р. Сырдарья – Амударья (Жуантобе, Кой-Крылган-Кала и ряда других) в доисламское время уже были опубликованы автором [7]. За основу для интерпретаций были взяты материалы ХАЭЭ [8], на основе которых рассматриваются материалы доступных ориентировок памятников Южного Казахстана. Также рассматриваются солнечные ориентировки Стоунхенджа и их связь с лунными точками восхода и захода, материалы, ставшие достоянием не только узкопрофильной научной мировой общественности. В статье рассматриваются вопросы ориентировки круглопланового Аркаима, других известных памятников Средней Азии: мавзолей Саманидов, храма Бабаата, прослеживается определенный генезис этих ориентировок сквозь века, отмечается преемственность в разных культурах, в том числе в архитектуре курганов раннего железного века. Конечно, имеются и нерешенные, например, определенные сложности возникают с культовыми постройками в виде «четырёхлепестковых розеток». Их интерпретация потребует дополнительных усилий.

Вполне закономерным представляется то, что камень Каабы – это кубическая постройка (высота – 13,1 м., длина и ширина, соответственно, – 11,03 и 12,86 м) сам по себе имеет сложную ориентировку на восход летнего солнца своей северо-восточной гранью, а юго-восточной – на восход Канопуса (вторая по яркости звезда небосклона, альфа в созвездии Карина) на широте Мекки. Кроме того, еще несколько ориентировок на астрономические события практически совпадают с другими ориентирами этого священного для всех мусульман камня [1, р. 165]. Очевидно, знаменуя собой некую «точку силы», ставшую столпом утверждения ислама. Впрочем, известно, что до появления ислама Кааба представляла собой одно из мест поклонения в языческом святилище главного мекканского племени – курейш. Возможно, что интерпретацию всех сакральных ориентировок этого сооружения мы никогда не узнаем.

Об ориентировках отдельных объектов и крупных городищ относительно направления восхода зимнего солнца мы уже писали (античное и средневековое городище Жуантобе на р. Арыси) [7, с. 92-93], но об ориентировке на Канопуса или другую заметную звезду археологу без специального образования говорить не приходится. Однако, комплексное изучение доисламских ориентировок памятников, где явно просматриваются определенные ориентировки, в том числе и в Казахстане, могут пролить свет и, на глубокий смысл ориентировок Каабы (рис. 1). На устройство таких магических центров притяжения дохристианского и доисламского мира.

Культура раннего ислама прочно опиралась на доисламскую культуру и науку, в том числе астрономию. На Ближнем и Среднем Востоке доисламского периода культовыми ориентировками являлись солнечно-лунные (что касается традиционных мировоззрений). Лишь первичный анализ аспектов соотношения традиционных и исламских элементов мировоззрения в раннеисламский период на основе орнамента керамики был опубликован [9,10]. Значительно более радикальные изменения произошли, как всем известно, в погребальном обряде, а также во всем строе городской жизни. Факт военных походов арабов в Южный Казахстан в начале второй трети VIII в. и их разрушительные последствия для городов и поселений хорошо известны. Следы пожаров и разрушений зафиксированы археологами на большинстве памятников городской культуры Южного Казахстана. Кроме того, и окончательное прекращение жизни на многих памятниках

городской культуры отмечено именно в это время мировоззренческого перелома [11, 12, 13]. По дискуссионным вопросам коренных изменений городской структуры в период более мирного проникновения ислама в период Саманидов и Караханидов был предложен несколько новый подход [14].

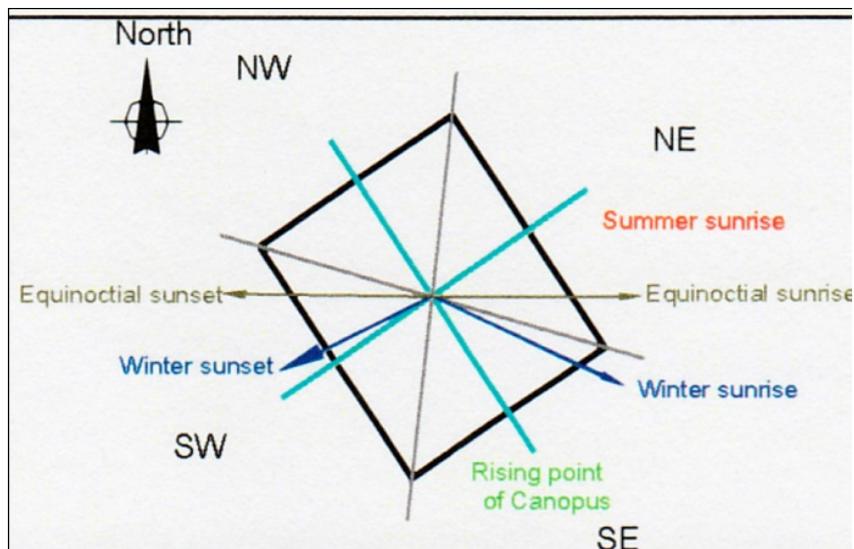


Рисунок 1 – Схема ориентации камня Каабы (по. Пантацис, с. 159).

Пространственный анализ становится все более актуальным, в первую очередь благодаря наиболее комплексному подходу, с доступным обращением к современным технологиям и оборудованию. С другой стороны, он имеет и прикладное значение в вопросах выделения охраняемых территорий и зон памятников различного уровня охраны, в определении понятия культурного ландшафта, относящегося к тому или иному историко-культурному памятнику.

В отдельных исследованиях по закономерностям планировки ансамблей мусульманских культовых центров Средней Азии затрагивали эту тему. Историки архитектуры отмечают различия в склонении михрабных ниш: одни имеют 22 градуса к югу от западного направления, применительно для Самарканда были заранее вымерены архитекторами – исследователями памятника, другие имеют различное склонение, возможно, исходя из удобства планировки. Исследователи объясняют этот факт хронологическими особенностями и причинами. Так, имеются сведения о том, что в XV в. направлению михрабов придавалось существенное значение. В XVII в. этого правила не придерживались и ориентировали молитвенные ниши чаще всего просто на запад [15, с. 164]. Далее авторы делают заключение о том, что различие в ориентировках ниш, скорее всего, означало различие в хронологии их строительства.

Столкнувшись с единой ориентировкой регистана Саурана при съемках топографии этого городища в 2005 г. (всего было отснято примерно пятая часть городища, из-за сокращения времени проведения исследований), было выяснено, что не только этот духовный центр средневекового города был ориентирован с отклонением в 44 градуса от западного направления на юг, но и весь город с его въездом, улицами, сооружениями пред въездом [16, с. 64] (рис. 2). Вполне возможно, что именно сакральными ориентировками зачастую определялась необходимость выбора нового места для городов, существовавших уже долгие столетия, но прошедших через резкий слом религии, как это, возможно, произошло с Саураном в период XIII-XIV вв., который был перенесен на новое место. А возможные улучшения городской структуры, увеличение городских площадей, как снабжение водой, парки и другое были лишь дополнительными причинами для осуществления столь трудоемкой операции.

Хорошо известно, что именно распространение религий и глобальных учений меняло облик традиционных культур народов и целых империй значительнее, нежели завоевания. Этот процесс на территории Западной и Центральной Евразии связан с революционными изменениями во

внешнем облике культуры, его наиболее характерных, знаковых параметрах: **культовые сооружения, их ориентировки**, погребальный обряд. Несмотря на различия в религиозной составляющей имеет определенные сходства.

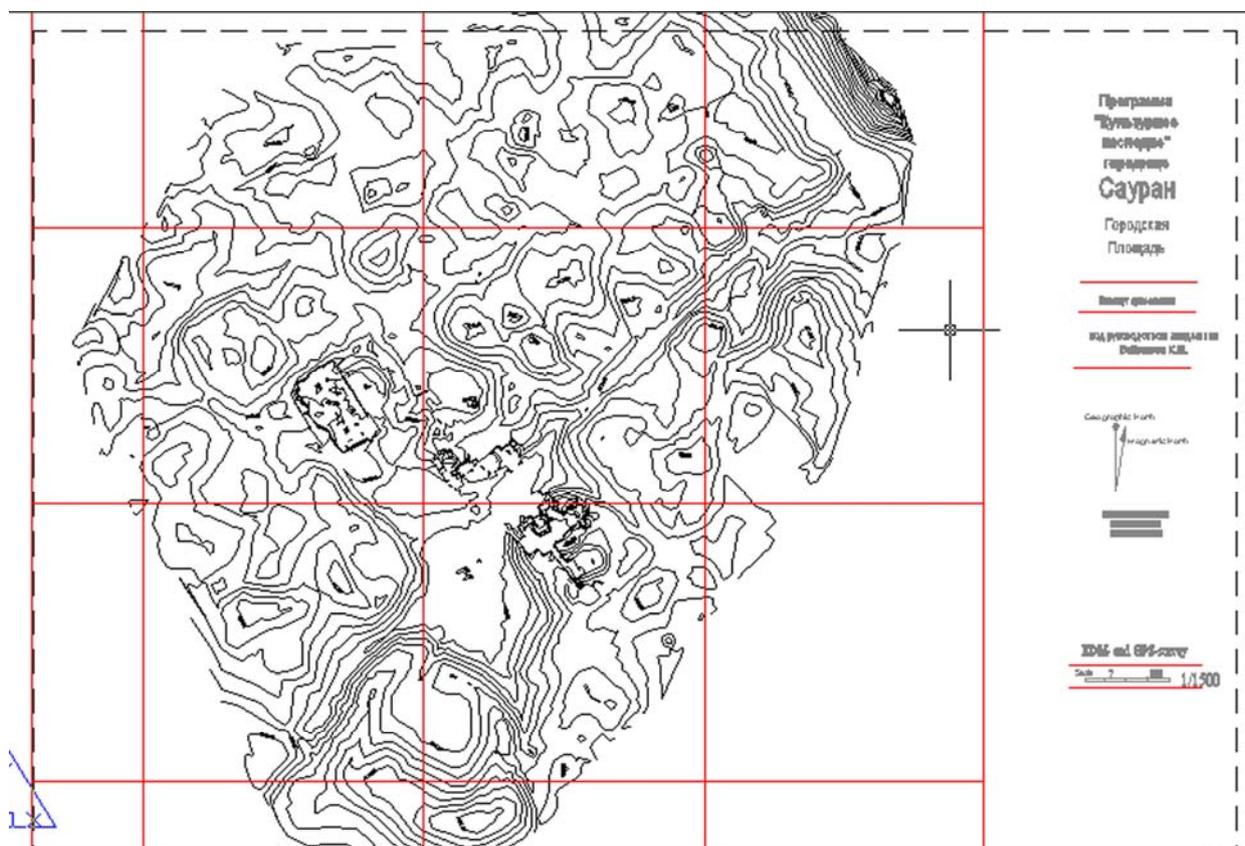


Рисунок 2 - Топоплан север-восточной части городища Сауран

Вопросы распространения христианской культуры в Европе занимали и занимают в науке Старого света значительное место. Закономерность рассмотрения вопросов периодизации истории в вопросе перехода к раннему средневековью в зависимости только лишь от распада Римской Империи вполне закономерно, на наш взгляд. М. Элиаде не остался в стороне от дискуссии по этому вопросу и явно поддерживает раннего исследователя проблемы Анри Пирена, который привлек внимание к тому, что после 474 г., когда последний римский император Запада был низложен предводителем варваров, в течение еще двух веков пользуются римскими принципами управления и сохраняют звания и титулы, унаследованные от времен империи [17, с. 46]. С точки зрения У.К. Барка на историю Западной Европы в период между 300 и 600 г. одним из важнейших влияющих факторов являлось распространение и укоренение христианства. Развитию этой идеи М. Элиаде посвятил целую главу в своей известной работе.

Тем самым, переход от поздней античности к раннему средневековью в Западной Европе у многих исследователей связан с переломом в духовной сфере: отказе от господствующего языческого мировоззрения и принятия монотеизма в виде христианства. Одно из наиболее отчетливых изменений, прослеживаемый археологически - отказ от языческих святилищ-капищ, которые сменяются христианскими культовыми сооружениями. Их архитектура и планировка сформировалась не сразу, но ориентировка церквей и храмов изначально приняла такой вид, чтобы алтарь как наиболее сакральная часть храма находился строго в восточной стороне постройки, с тем, чтобы обращение к божеству проходило в сакральном направлении. В соответствии с этой ориентировкой часто строились жилища и всегда соблюдалась аналогичная же ориентировка в погребальном обряде. Тем самым, историки христианской архитектуры занимаются хронологическими и локаль-

ными особенностями сооружений, но их ориентировка – вполне отчетливо сохраняет свое постоянство. К моменту формирования христианской идеологии уже существовали подобные же идеологические системы других религиозных учений, в свою очередь также имевших четкие воззрения на сакральную сторону, исходя из основ своего учения [7, с. 91].

Известно, что расцвет раннемусульманской культуры, испытавшей активное взаимодействие с богатой местной домусульманской основой в саманидский и караханидский периоды истории, получил название «**Мусульманского ренессанса**». Как мы знаем, мусульманский ренессанс предшествовал европейскому, однако сам перелом в мировоззрении населения Западной и Центральной Азии на монотеизм начался позже Европы. Распространение христианства в Азии началось раньше Европы, но христианский монотеизм не стал господствующей идеологией в крупном регионе Азии в доисламское время. Перелом наступает лишь в момент исламизации населения, которая в некоторых регионах растянулась на века. Однако основы учения укореняются достаточно быстро. Четко это проявляется в ориентации захоронений или культовых сооружений, повсеместно отмечая распространение этой религии. Значительное число исследователей Мусульманского ренессанса, начиная с А. Меца, подчеркивают значение слияния передовой науки: философии, астрономии, земледелия медицины и т.д. и религиозной системы.

В.В. Бартольд, изучая вопросы особенностей начальной истории ислама, подчеркивал, незаслуженную редкость постановки вопросов связанных, с ориентировкой мусульманских культовых сооружений этого времени. Идентификация сакральной стороны, стояли перед каждым новым учением в момент его становления и перехода к массовому строительству культовых помещений. Видимо, это связано, в том числе и с явным отсутствием достаточности материалов по теме. Востоковед, исследователь ислама и Арабского халифата отмечал, что, несмотря на то, что ислам, как наиболее поздняя (из мировых) религия, возникшая уже «при полном свете истории», вопреки этой относительной близости к современности таит множество еще нерешенных вопросов, особенно, это касается первых шагов формирования обрядовой стороны ислама. Возникновение ислама в относительно поздний период религиозной истории повлекло еще и то, что сакральная привязка должна была соотноситься с подобной возникших ранее религиозных учений. Культовые постройки возникших ранее учений уже была осуществлена, исходя из принципов неземной (например, ориентир, взятый на одну из сторон света) или земной ориентир, некое особо сакральное место, находящееся на поверхности планеты Земля. Тем самым произошла идентификация учения с его сакральной стороной и основные ориентировки уже отождествились с тем или иным учением.

В частности, «критическое изучение мусульманского предания все более приводит исследователей к убеждению, что для составителей жизнеописания пророка тексты Корана, имеющие биографическое значение, были столь же темны, как для нас, и вызывали произвольные и разноречивые толкования» [18, с. 537]. К числу подобных вопросов, где предание, до сих пор принимавшееся на веру учеными, не находит подтверждения в тексте Корана относится, по словам исследователя, и вопрос об ориентировке первых мусульманских мечетей. После переселения Мухаммеда из Мекки в Медину пророк велел обращаться мусульманам лицом к меккскому храму, Ка'бе. Предание свидетельствует о том, что в Мекке и в первое время после переселения в Медину мусульмане обращались в сторону Иерусалима. Соответственно, сторона, куда предписывалось обращаться приверженцам новой религии называлась киблой. Подобная ориентировка ранней мечети, построенной в Медине, описывается, например, в популярной во времена В.В. Бартольда «Истории ислама» Августа Мюллера, который пишет следующее: «Из желая похвалить иудеям Мухаммед предписывал обращаться при молитве по направлению к Иерусалиму, т.е. к северу. Поэтому фасад строения тянулся с востока на запад. Главные двери выходили на юг, северная же стена была сплошная» [18, с. 539]. Описание мечети было заимствовано, по В.В. Бартольду, из труда Шпреннера. Мюллер упоминает о четырехдневной остановке Мухаммеда на пути из Мекки в Медину в селении Куба. Во время этой остановки было положено основание молитвенному зданию, действительно первому по времени своего возведения в мусульманском мире. В.В. Бартольд приводит подробные описания паломников этой мечети, ничем не отличавшихся от других ранних мечетей [18, с. 539-540]. Интересно то, что единственные ворота были на западной стороне, с запада же к мечети примыкала площадь с колодцем; на противоположном конце площади был широкий камень, похожий на корыто, на котором совершались омовения [18, с. 539-

540]. (Явные аналогии с казахстанским Акыртасом.) После чего, классик востоковедения делает следующий вывод: «Ясно, что в мечеть входили с западной стороны, из чего можно вывести заключение, что здание было ориентировано не на север, в сторону Иерусалима, а на восток, по образцу христианских базилик того времени». Далее он пишет, что ориентировка на восток не могла быть заимствована из аравийских языческих традиций. Ка'ба примыкала к городской площади с северо-запада, а вход в храм был с северо-востока, на противоположном, северо-западном конце находился дом совещания, как впоследствии в той стороне мечети, куда она была ориентирована, строилась максура – огороженное пространство, где помещались государь или наместник со своими приближенными или своей гвардией. Восточная ориентировка могла быть заимствована у христиан [18, с. 540]. Это мнение классика по одному частному вопросу и, в то же время, его частное мнение...



Рисунок 3 - План соборной мечети Отрара, кон. XIV в.

Далее мы приведем краткий анализ ориентировок мусульманских культовых сооружений Южного и Юго-Восточного Казахстана, к изучению которых автор имел непосредственное отношение. Самое известное сооружение: соборная мечеть Отрара. Съёмки тополана были проведены в 2002-2003 гг. в рамках международного проекта по консервации древнего Отрара (рис. 3). Значительное по размерам здание на краю цитадели городища. Именно размеры и место расположения не дали строителям, видимо времени Тимура сориентировать ее идеально. Ориентировка около 10 градусов имеет склонение на юг от правильной ориентации на Мекку. Интересно отметить, что небольшая и поздняя мечеть (XVII-XVIII вв.), также имеющаяся на приведенном плане в верхнем (северном) углу большой мечети имеет более правильную ориентировку. Но и она несколько отличается от ориентировки Саурана, которая соблюдена абсолютно правильно, в том числе это согласуется и с датировками (XIV-XV вв.), когда, как считается и в Самарканде выдерживали правильное склонение (22 градуса), а для Саурана 44. Склонение для Отрара – промежуточное, но ближе к сауранскому, порядка 40 градусов. Мы приводим топоплан

регистана и северо-восточной части Саурана, который был снят в 2005 г. в ходе проведения исследований автором этого городища (рис. 2, 4). Пусть и на неполном топоплане видно, что и в руинированном состоянии город сохранял общую ориентировку на Мекку (улицы, Регистан, северо-восточная стена, в которой был вход в городище, и пройдя по короткой улице, всякий входивший попадал на площадь-Регистан, застроенную медресе, мечетью другими общественными зданиями, все это было ориентировано точно на Мекку. Топоплан хорошо согласуется с аэрофото (рис. 4). Известно о том, что ориентировка Западно-Казахстанских сооружений, Поволжья имеет южную ориентировку. Также ориентирована мечеть из городища Бельджамен, аналогичная по планировке мечети на городище Каялык.

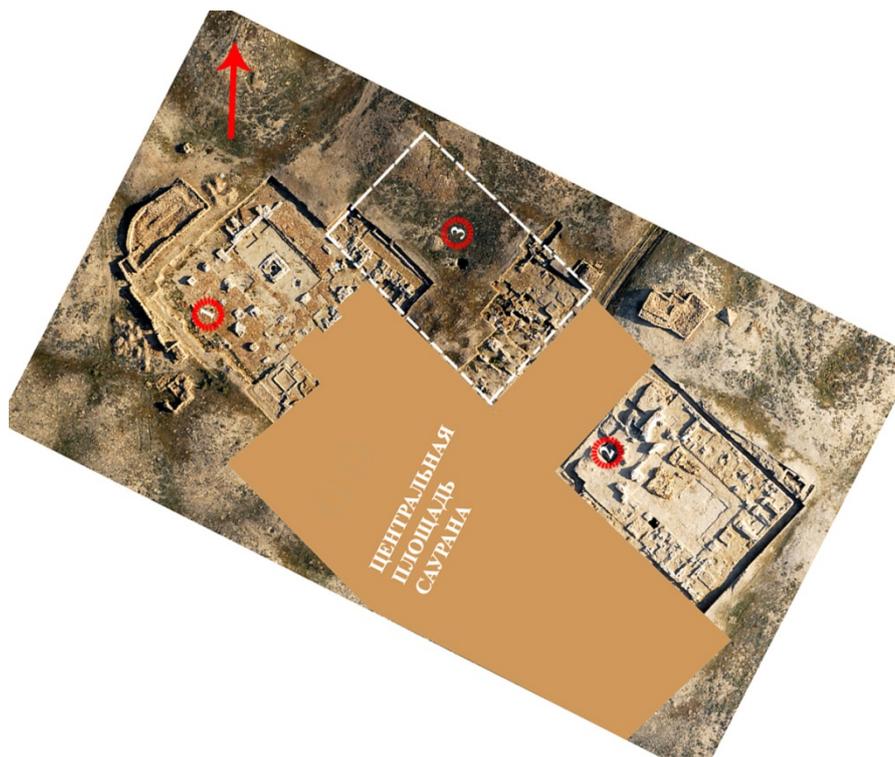


Рисунок 4 - Аэрофото центральной площади Саурана с указанием ориентировки на север (по: Смагулов Е.А. и др.)

Изучая мусульманские объекты городища Каялык, автор столкнулся со следующей проблемой. Мечеть Каялыка ориентирована со склонением на юг в 25 градусов (рис. 5), а комплекс мавзолеев и ханака со склонением в 33 градуса (рис. 6). Необходимо уточнить, что это единый комплекс, который по источникам часто создавался в домонгольской Средней Азии, но археологически исследованы лишь их единицы. Расстояние между объектами менее 200 м, а хронологические расхождения: конец XII и середина XIII в. (для мечети) не столь значительна, чтобы прошел прорыв в традиции. Объяснить эту заметную даже на глаз (по планам) разницу можно как минимум двумя причинами. Либо крупное сооружение мечети (более позднее) нельзя было расположить в городской застройке в точной ориентации к Мекке. Однако это можно подвергнуть умозрительному сомнению (раскопки еще не проводились), поскольку центральная площадь имела значительную площадь и видимо, мечеть могла быть окружена временными постройками базара). Вторая версия подобного расхождения заключается в том, что ко времени строительства мечети, раннеисламский комплекс мавзолеев-ханака уже был разрушен. Ориентировать пришлось заново, а этому уже не придавалось такое большое значение, как при строительстве культового центра на полстолетия раньше. Косвенно, это может быть подтверждено фактом владения регионом Кучлука, который, как известно, разрушал исламские культовые сооружения. При раскопках сооружения было найдено лишь незначительное число кирпича от разрушенных мавзолеев. Мавзолеи находи-

Таким образом, при чисто археологическом исследовании ориентировок культовых сооружений мусульманской культуры накоплен определенный опыт. Имеются различия в ориентировках даже на одном памятнике. И в тоже время имеются данные и о совершенно правильном склонении археологически исследованных объектов. В первую очередь это практически весь Сауран, заложенный в XIV в., а также ранний культовый комплекс на городище Каялык, построенный в конце XII в.

В Казахстане выявлены памятники, которые имеют абсолютно «правильное» склонение в сторону Мекки, они относятся к периоду конца XII – начала XIV в. Видимо, правы были исследователи средневекового Самарканда, что в позднем средневековье этому уделяли меньшее внимание, возможно часто в угоду общей городской планировке, ее гармонии. Для решения вопроса требуется привлечения более широких данных по исламским культовым сооружениям Казахстана и Центральной Азии. Интересна ситуация с Акыртасом, который, видимо, относится к самому раннему этапу проникновения ислама в регион. Очевидно, что там имеется определенная погрешность в ориентировке этого известного памятника. Она может быть связана именно с ранним периодом начала постройки (середина VIII в. (?), а не с принадлежностью к другому культу. Тем самым и на исламских культовых сооружениях средневековья Южного Казахстана можно проследить общий генезис исламской науки и культуры, более того, население этой территории непосредственно участвовало в их генезисе.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Pantazis G., Lambrou E. Investigating the orientation of eleven mosques in Greece. // *Jornal of Astronomical History and Heritage*, 12(2). – Bangkok, 2009. National Astronomical Research Institute of Thailand. – P. 159-166.
- [2] Saifullah M.S.M., Ghoniem M., Squires R., Hamman M. A. The Qibla Of Early Mosques: Jerusalem Or Makkah? Web site: <http://www.islamicawareness.org/HistoryIslam/Dome of the Rock>, 2001.
- [3] Saliba G. *Islamic science and the making of the European Renaissance*. – London, 2007. – 328 p.
- [4] Зиливинская Э.Д. Медресе и ханака в Золотой Орде (по письменным и археологическим данным) // *Проблемы истории, филологии, культуры*. – № 32. – Магнитогорск, 2011. – С. 129-151.
- [5] Байпаков К.М. *Исламская археологическая архитектура и археология Казахстана*. – Алматы, 2012. – 283 с.
- [6] Шкода В.Г. *Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V-VIII вв.)*. – СПб., 2009. – 280 с.
- [7] Железняков Б.А. К вопросу о сакральных ориентировках архитектурных сооружений Средней Азии античности и средневековья. // *История и археология Семиречья*. – № 4. – Алматы, 2011. – С. 89-101.
- [8] Кой-Крылган-Кала – памятник культуры Древнего Хорезма. IV в до н.э. – IV в. н.э. // *Отв. Ред. С.П. Толстов, Б.И. Байнберг*. – М., 1967. – 311 с.
- [9] Железняков Б.А. Орнамент на керамике в караханидское время: о природе культурных взаимодействий территории Южного Казахстана. // *Известия НАН РК Сер. обществ. Наук*. – № 1. – Алматы, 2008. – С. 200-218;
- [10] Железняков Б.А. К истокам синкретизма в караханидском орнаментальном сюжете. Фарн и крест // *Материалы II Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения-2010»*. – Актобе, 2010. – С. 139-145.
- [11] Смагулов Е.А. Арабское нашествие в Южный Казахстан: данные письменных и археологических источников // *Мобилизованный археологией*. – Астана, 2004. – С. 103-113.
- [12] Кожа М. О начальном этапе исламизации юга Казахстана на основе данных родословных и археологии. // *Научный мир Казахстана*. – № 3, 2008. – Алматы. – С. 164-169.
- [13] Кожа М. Походы арабов в районы Ферганы, Чача и средней Сырдарьи в VIII в. // *Материалы и исследования по археологии Кыргызстана*. – Бишкек, 2009. – Вып. 4. – С. 97–103.
- [14] Железняков Б.А. Об особенностях формирования городских рабадов в IX-X вв. на юге Казахстана (городища с длинными стенами). // *Известия НАН РК Сер. обществ. наук*. – № 1 (268). – Алматы, 2009. – С. 174-195.
- [15] Плетнев И.Е., Шваб Ю.З. Архитектурный ансамбль у мазара Ходжа Ахрара в Самарканде // *Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура)*. – М., 1977. – С. 160-165, рис. 39-43.
- [16] Байпаков К.М., Железняков Б.А. Сауран – город правоверных. // *Nomad Kazakhstan*, – № 1(7). – Алматы, 2006. – С. 56-64.
- [17] Элиаде М. *История веры и религиозных идей*. – Т. 3. – М., 2002. Глава XXXIV. – 512 с.
- [18] Бартольд В.В. Ориентировка первых мусульманских мечетей. // *Сочинения*. – Т. VI. – М., 1966. – С. 537-541.

REFERENCES

- [1] Pantazis G., Lambrou E. Investigating the orientation of eleven mosques in Greece. // *Jornal of Astronomical History and Heritage*, 12(2). – Bangkok, 2009. National Astronomical Research Institute of Thailand. – P. 159-166.
- [2] Saifullah M.S.M., Ghoniem M., Squires R., Hamman M. A. The Qibla Of Early Mosques: Jerusalem Or Makkah? Web site: <http://www.islamicawareness.org/HistoryIslam/Dome of the Rock>, 2001.
- [3] Saliba G. *Islamic science and the making of the European Renaissance*. – London, 2007. – 328 p.

- [4] Zilivinskaya E.D. Madrasah and a hanaka in the Golden Horde (according to written and archaeological data)//Problems of history, philology, culture. - No. 32. – Magnitogorsk, 2011. – p.129-151.
- [5] Baypakov K.M. Islamic archaeological architecture and archeology of Kazakhstan. – Almaty, 2012. – 283 p.
- [6] V. G. Pendzhikentskiye's Skoda temples and problems of religion of Sogd (the 5-8th centuries). – SPb., 2009. – 280 p.
- [7] Iron ores B. A. K to a question of sacral orientations of architectural constructions of Central Asia of antiquity and Middle Ages.//History and archeology of Semirechya. - No. 4. - Almaty, 2011. - p. 89-101.
- [8] Koy-Krylgan-Kala – a monument of culture of Ancient Khwarezm. IV in BC – 4th century AD//Otv. Edition S. P. Tolstov, B. I. Baynberg. – M, 1967. – 311 p.
- [9] Iron ores B. A. Ornament on ceramics in karakhanidsky time: about the nature of cultural interactions of the territory of the Southern Kazakhstan.//News NAN RK Ser. societies. Sciences. - No. 1. - Almaty, 2008. – p.200-218;
- [10] Iron ores B. A. K to sinkryuetizm sources in a karakhanidsky ornamental plot. Farn and cross//Materials II of the International scientific conference "Kadyrbayevsky Readings-2010". - Aktobe, 2010. - p.139-145.
- [11] Smagulov E.A. The Arab invasion to the Southern Kazakhstan: data of written and archaeological sources//Mobilized by archeology. – Astana, 2004. – p.103-113.
- [12] M. O skin the initial stage of Islamization of the South of Kazakhstan on the basis of these family trees and archeology.//Scientific world of Kazakhstan. - No. 3, 2008. – Almaty. – p.164-169.
- [13] M skin. Campaigns of Arabs to the districts of Fergana, Chacha and the Central Syr Darya in V III century//Materials and researches on archeology of Kyrgyzstan. – Bishkek, 2009. - Issue 4. - p.97-103.
- [14] Iron ores B. A. About features of formation of city rabad in the 9-10th centuries in the south of Kazakhstan (the ancient settlement with long walls).//News NAN RK Ser. societies. sciences. - No. 1 (268). – Almaty, 2009. – p.174-195.
- [15] Pletnev I.E., Schwab Ue.S. An architectural complex at Hodge Akhrar's mazar in Samarkand//Central Asia in the ancient time and the Middle Ages (history and culture). – M, 1977. – p.160-165, fig. 39-43.
- [16] Baypakov K.M., Iron ores B. A. Sauran – the city devout.//Nomad Kazakhstan, - No. 1(7). – Almaty, 2006. – p.56-64.
- [17] Eliade M. History of belief and religious ideas. - T. 3. – M, 2002. Chapter XXXIV. – 512 p.
- [18] Bartold V. V. Orientation of the first Muslim mosques.//Compositions. - T. VI. – M, 1966. – p.537-541.

Б.А. Железняков

«Таңбалы» қорық-мұражайы РМҚК, Алматы обл., Қазақстан
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

ОҢТҮСТІК ҚАЗАҚСТАННЫҢ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ АРХИТЕКТУРАСЫНЫҢ БАҒЫТТАЛУЫ ХАҚЫНДА. КУЛЬТТІК СӘУЛЕТ ӨНЕРІНІҢ ИСЛАМДЫҚ ДӘСТҮРІ НЕГІЗІНДЕ

Аннотация. Мақалада Оңтүстік Қазақстанның ортағасырлық мұсылмандық культтік құрылыстардың бағытталуы бойынша автордың қолында бар (негізінен, өзінің зерттеулері барысында алынған) мәліметтер келтіріледі. Сонымен қатар, соңғы кездерде көптеген елдерде ислам сәулет өнерінің даму дәстүрінің әртүрлі кезеңдеріне жататын мешіттердің бағытталуы бойынша жүргізген зерттеулерің талдау үлгілері мен қорытындылары беріледі. Бүгінде Батыс елдерінде осыған қызығушылық артып отыр. Мақала Орта Шығыс елдеріндегі исламға дейінгі құрылыстардың бағытталуы бойынша бұрын жарияланған еңбектің жалғасы болып табылады. Культтік құрылыстардың ежелгі дәуір мен орта ғасырларға бағытталуында сырттай әрі біршама тереңдеп кететін өзара шарттылық байқалады. Сондықтан да, ислам құрылыстарының бағытталу заңдылықтарын анықтау әрекеттері жасалады. Бір кезеңде салынған мешіттердің құбылаға бағытталуы мүлтіксіз сақталса, екінші кезеңдегілерінен бұл дәстүрден айтарлықтай ауытқығандығы аңғарылады. Дегенмен, Меккеге бағытталу дәстүрінің қалыптасу мәселесі жиі пікірталас туғызып келеді.

Кілт сөздер: құбыла, михраб, культтік бағыт, бұру, мешіт, ханака, кесене, Мекке, Иерусалим.

S.S. Murgabayev, M.M. Bakhtybayev, L.J. Maldybekova

International Kazakh-Turkish University named Khoja Ahmet Yasawi, Turkestan,
E-mail: melsb@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL STUDIES AT THE KARATAU TUMULUS BURIAL GROUNDS

Abstract. The Karatau team of the Syganak archaeological expedition of the Research Centre of Archaeology of the International Kazakh-Turkish University named Khoja Ahmed Yasawi hold the exploration works along the lower and middle reaches of Kyzylata and Biresek rivers in 2012 field season. In the course of the study the burial grounds Kyzylata I, Kyzylata II, Biresek I and a single tumulus Biresek II were excavated. The aim of the study is to obtain new data on early medieval cultures, identifying features of the evolution and trends in the overall development of culture and the reconstruction of obsequies and philosophical foundations of ancient tribes.

Key words: Tumulus, burial mound, burial chamber, dromos, burial ground.

УДК 902.2

С.С. Мургабаев, М.М. Бахтыбаев, Л.Ж. Малдыбекова

Международный казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмеда Ясави, Туркестан, Казахстан

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА КУРУМАХ КАРАТАУ

Аннотация. Каратауский отряд Сыганакской археологической экспедиций Научно-исследовательского центра Археологии Международного казахско-турецкого университета имени Ходжи Ахмеда Ясави в полевом сезоне 2012 года провел разведочные работы вдоль нижнего и среднего течения рек Кызылата и Биресек. В ходе исследования были произведены раскопки на могильниках Кызылата I, Кызылата II, Биресек I и на одиночном куруме Биресек II. Целью исследования является получение новых данных по культурам раннего средневековья, выявление особенности эволюции и тенденции общего развития культуры и реконструкция погребальных обрядов и мировоззренческих основ древних племен.

Ключевые слова: Курум, курган, погребальная камера, дромос, могильник.

Введение. Каратауский отряд Сыганакской археологической экспедиции научно-исследовательского центра Археологии МКТУ им. Х.А. Ясави в полевом сезоне 2012 года провел исследования на 4-х курумах могильника Кызылата I (курумы № 4-7), на одном куруме могильника Кызылата II (курум № 1), на 2-х курумах могильника Биресек I (курумы № 5, 12) и на одиночном куруме Биресек II.

Аналогичные исследования проводились на курумах Каратау в 1958, 1962, 1969 гг. М.С. Мершиевым [1], А.Г. Максимовой [2]. А исследования курумов в Западной Фергане проводились Б.А. Литвинским [3].

Целью исследования является получение новых данных по культурам раннего средневековья, выявление особенности эволюции и тенденции общего развития культуры и реконструкция погребальных обрядов и мировоззренческих основ древних племен.

Методика. Исследование курумов производилось с учетом методического опыта, накопленного в ходе изучения аналогичных памятников. Расчистке подвергалась только внутренняя часть

погребальной камеры, а также дромос сооружения. Отрисовке подвергался внешний панцирь сооружения, включая развал конструкции, а также кладка внутренних поверхностей стен погребальной камеры и дромоса. За условный «0» чаще всего принималась самая высокая точка конструкции курума. Учитывая то обстоятельство, что большинство курумов расположены на склонах, имеющих значительный уклон, высота курума измерялась от уровня нижней точки погребальной камеры, соответствующей уровню скального основания конструкции курума.

Результаты исследования. Могильник Кызылата I находится в Туркестанском районе Южно-Казахстанской области, в 17 км к северо-северо-западу от города Кентау, в долине горной речки Кызылата. Могильник был открыт в 2004 году Туранской археологической экспедицией МКТУ им. Х.А.Ясави [4].

В ходе исследований, проведенных на памятнике в 2004 году в могильник были включены курумы и курганы расположенные по обоим берегам реки Кызылата. При исследовании 2012 года нами курумный могильник был разделен на два отдельных памятника – курумный могильник Кызылата I расположенный на левом берегу реки и могильник Кызылата II, расположенный на правом берегу реки [5].

Курумы могильника Кызылата I расположены цепочкой с юга на север, протянувшейся по левому берегу реки Кызылата. Начало цепочки курумов находится в 60 м севернее крепости Балакорган, а заканчивается в 2,5 км к северу от нее. Большая часть курумов расположена на вершине хребта, оконтуривающего с востока узкую долину речки Кызылата, занимающая самую высокую точку перевала и лишь курум № 1 расположен в низине на берегу реки. Среднее расстояние между курумами 150 м. Всего в могильнике зафиксировано 17 курумов различного диаметра и высоты.

Курум 4 расположен на вершине хребта, ограничивающего с востока долину реки Кызылата, в 460 м к северу от крепости Балакорган. Курум состоит из двух частей: собственно, конструкции курума, то есть насыпи, и внешнего кольца, оконтуривающего площадку курума по всему периметру. Курум сложен из необработанных камней средних и крупных размеров (от 0,25x0,1 м до 1,1x0,9 м). В кладке главным образом использован скальный плитняк. Размеры собственно курума, с учетом развала конструкции 8x9 м. Высота сохранившейся части от уровня пола погребальной камеры 1,35 м. Диаметр кольца по внешнему контуру (без учета развала кольца) 13 м, высота кладки кольца (от уровня современной дневной поверхности) – 0,25-0,4 м, ширина 0,5-1,5 м. Из-за того, что внешняя часть (кольцо курума) расположена на естественной возвышенности, ее восточная и западная части сползли вниз (рис. 1).

Погребальная камера подпрямоугольных очертаний размерами 2,6x1,0 м, продольной осью ориентирована по линии север-юг (рис. 2 - 1). С южной части к нему примыкает дромос. Внутренняя часть погребальной камеры сложена в технике ложного свода, имеющего перекрытие из крупных плит. Поперечный разрез камеры имеет форму усеченного конуса. Ширина сохранившейся части перекрытия камеры 0,5 м. Длина визуальной фиксируемой с поверхности части дромоса – 1,2 м, ширина дромоса у входа в погребальную камеру 0,6 м. Большая часть дромоса завалена камнями мелких и средних размеров, попавших внутрь конструкции в результате разрушения курума, в привходовой части дромоса отмечена закладка в технике правильной кладки, перекрывавший вход внутрь курума. Высота сохранившейся части заклада дромоса 0,48 м, длина заложеной части – 0,7 м. В центральной и южной части погребальной камеры верхние венцы кладки, а также перекрытие камеры не сохранились. Так же в значительной степени утрачена верхняя часть кладки дромоса.

При раскопках курумов пол погребальных камер был очищен от естественного грунта и доведен до коренных выходов скал.

Курум 5 располагается в 75 м к северу от курума 4, в 540 м к северу от крепости Балакорган, на перевальной части хребта. Так же, как и курум 4, площадка курума 5, оконтурена по периметру кольцевидным валом (так называемое кольцо курума), сложенным из камней мелких и средних размеров. Правильной кладки в конструкции кольца не отмечено. Размеры кольца (по внешнему контуру) 12x13 м. Ширина кольца (без учета развала) около 1,0-1,5 м, высота кладки кольца (от уровня современной дневной поверхности) – 0,25-0,30 м. Курум сложен из необработанных камней средних и крупных размеров (от 0,25x0,1 м до 1,1x0,9 м). Размеры собственно курума 7,5x7,0 м, максимальная высота сохранившейся части от уровня пола погребальной камеры 1,35 м.



Рисунок 1 – Могильник Кызылата I. Курум 4. Общий вид с севера

Погребальная камера имеет в плане форму овала размерами 2,3x1,2 м ориентированного длинной осью по линии северо-запад-юго-восток. В южной части к погребальной камере примыкает дромос, сориентированный в соответствии с направлением осевой линии погребальной камеры. Внутренняя часть погребальной камеры сложена в технике ложного свода, перекрытого сверху широкими плитами. Поперечный разрез камеры имеет форму полуовала – ширина перекрытия камеры 0,7 м. Длина дромоса – 2,5 м, ширина дромоса у входа в погребальную камеру 0,4 м, ширина выходной части дромоса 0,6 м. Пороговая часть дромоса оформлена несколькими крупными камнями, встроенными в кладку основания погребальной камеры. Ширина порога дромоса 0,4 м, длина – 0,3 м, высота порога (от уровня пола) 0,37 м (рис. 2 - 2).

Курум 6 расположен в 35 м севернее курума 5. Размеры курума 8,5x8,0 м, а с учетом развала кладки курума – 9x11 м. Максимальная высота сохранившейся части (от уровня современной дневной поверхности у основания северной полы курума) - 1,02 м. Кольцо отсутствует. На вершине курума имеется так называемый «тур», сложенный местными пастухами в наши дни. Высота остатков «тура» - 0,53 м. Курум не раскапывался. В центральной части насыпи на месте погребальной камеры имеется прогиб подпрямоугольной формы и размерами 2,5x1,8 м (глубина 0,3 м).

Курум 7 расположен в 110 м севернее курума 6, и в 700 м к северу от крепости Балакорган, в небольшой седловине между гребнями хребта. Размер курума 12x12 м, с учетом развала конструкции кургана 12x15 м. Максимальная высота сохранившейся части от уровня пола погребальной камеры 1,55 м. Кольцо отсутствует (рис. 2 - 3).

Погребальная камера имеет подпрямоугольную форму размерами 2,3x1,4 м, в южной части к погребальной камере примыкает дромос. Продольная ось камеры сориентирована по линии северо-восток-юго-запад. Внутренняя часть погребальной камеры сложена в технике ложного свода. Поперечный разрез камеры имеет форму полуовала. Высота погребальной камеры 1,34 м. Дромос был расчищен частично - с внутренней стороны на протяжении 0,5 м. Следов заклада дромоса в

виде правильной кладки не отмечено. Длина визуальной фиксируемой с поверхности части дромоса – 1,1 м, ширина дромоса у входа в погребальную камеру: 0,6 м. Ширина порога дромоса 0,6 м, длина – 0,5 м, высота порога (от уровня пола) 0,3 м.

В северной части погребальной камеры на уровне пола были обнаружены фрагменты костей человека, включая челюсть взрослого человека, а также фрагменты керамики от двух лепных сосудов.

- Лепной сосуд (рис. 3 - 1). Размеры сохранившейся части: диаметр донца 4,2 см, диаметр по максимальной части тулова 8,0 см, диаметр по горлышку 6,8 см, высота, сохранившейся части 6,8 см, высота сосуда до наиболее широкой части 4,0 см, высота плечика 2,6 см, толщина стенки: 1,0 см (дно), 1,1 см (придонная часть), 0,7 см (тулово), 0,5 см (горло). Дно плоское, без поддона. Форма тулова бомбовидная. Судя по небольшому сохранившемуся участку, горловина имела небольшой отгиб вовне. Формовка: лепной. Обжиг неравномерный – напольный. Поверхность стенок – пятнистая: от светло-красного до серо-черного. Формовка грубая, следов заглаживания не отмечено. На внутренней поверхности стенок отмечены следы от грубой формовки пальцами. Венчик отсутствует.

- Фрагмент стенки лепного сосуда. Размеры сохранившейся части 7,2x4,7 см, толщина стенки: от 0,7 до 0,6 см. Формовка: лепной. Тесто средней плотности, плохого промеса. Обжиг неравномерный – напольный. Наружная поверхность имеет следы грубой обмазки сырым глиняным раствором, частично закопченным при использовании сосуда. Формовка грубая, следов заглаживания не отмечено. Сохранность плохая. Значительная часть сосуда утрачена.

В ходе проведенных исследований на курумах могильника Кызылата I был получен материал, позволяющий уточнить и заметно расширить наши представления о курумах, как археологических объектах. Вещевой материал, в целом также аналогичен керамическому комплексу, встречаемому в курумных могильниках Ферганы [6,7].

Могильник Кызылата II находится в долине горной речки Кызылата, на ее правом берегу, напротив могильника Кызылата I. Могильник занимает две невысокие площадки над поймой реки на отрогах восточного склона хребта, служащего западной границей Кызылатинской долины.

Всего на поверхности зафиксировано 8 курганов (из 8 объектов, включаемых в описываемый могильник лишь 3 можно с уверенностью отнести к типу «курум»), остальные курганы при внешнем осмотре признаков курума, то есть наземной погребальной камеры и дромоса не имели, может не сохранились), различного диаметра и высоты. Курганы в могильнике расположены двумя группами, естественной границей между которыми служит небольшая ложбина между двумя отрогами хребта. Среднее расстояние между курумами 100 м.

Курум 1 занимает крайнее юго-западное положение на территории могильника. Надпойменная площадка, на которой расположен курум, имеет значительный уклон к востоку, в силу чего большая часть развала конструкции расположена с восточной части сооружения. Размер курума 12x12 м, а с учетом развала конструкции кургана – 14x16 м. Максимальная высота сохранившейся части от уровня пола погребальной камеры 1,55 м. Кольцо отсутствует. Погребальная камера имеет форму овала размерами 2,3x1,63 м (рис. 2 - 4). Внутренняя часть погребальной камеры сложена в технике ложного свода. Поперечный разрез камеры имеет форму полуовала. Высота погребальной камеры 1,3 м. Дромос был расчищен.

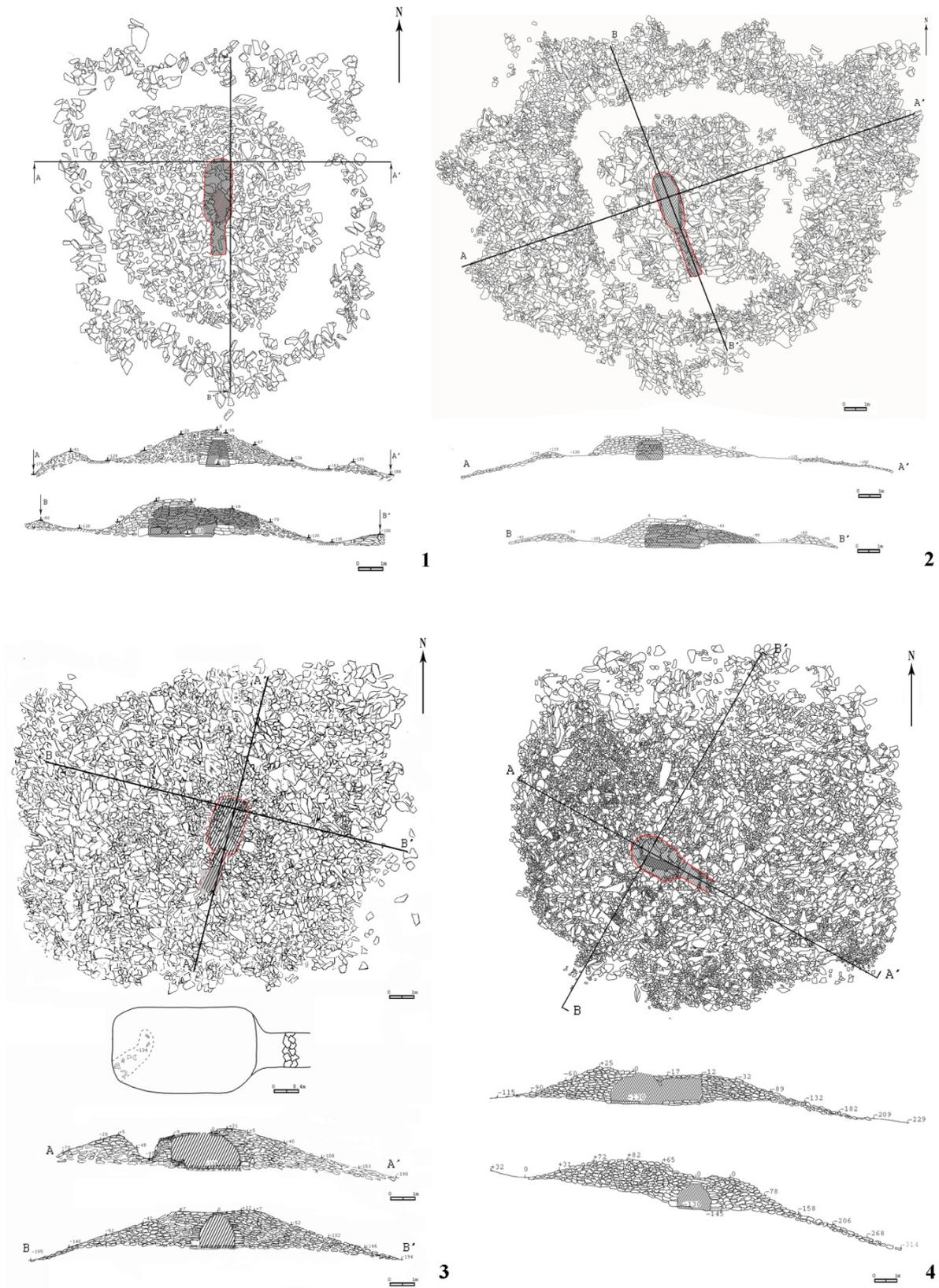


Рисунок 2 - Могильник Кызылата I-II. Планы, разрезы
1 - Кызылата I. Курум 4; 2 - Кызылата I. Курум 5; 3 - Кызылата I. Курум 7; 4 - Кызылата II. Курум 1

Длина изученной части дромоса – 1,1 м. Ширина дромоса 0,6 м, общая длина – около 1,7 м. В пороговой части дромос имеет заметное расширение – до 0,8 м; высота порога (от уровня пола) 0,15 м (0,03 м от уровня расчищенных находок).

В северной части погребальной камеры на уровне пола были обнаружены фрагменты костей человека, фрагменты керамики от трех сосудов.

- Лепной сосуд (рис. 3 - 2). Размеры сохранившейся части: диаметр донца 7,2 см, диаметр по максимальной части тулова 9,3 см, диаметр по горлышку 6,9 см, диаметр по устью 7,3 см. Общая высота сосуда 10,7 см, высота горла 1,25 см, высота сосуда до наиболее широкой части 6,0 см, высота плечика 3,45 см, толщина стенки 1,05 см (дно), 1,1 см (придонная часть), 0,9 см (тулово), 0,7 см (горло и венчик). Ручка налепная, овальная в сечении (длина – ок. 4,5 см, толщина – 1,2, ширина – 1,8). Дно плоское на грубо оформленном прямом дисковидном поддоне. Венчик хорошо профилирован, выгнут наружу. Формовка: лепной. Обжиг неравномерный – напольный. На внутренней поверхности стенок отмечены следы от грубой формовки пальцами. Часть сосуда утрачена. Археологическую целостность сосуда нарушает лишь неясность точного места крепления ручки к тулову.

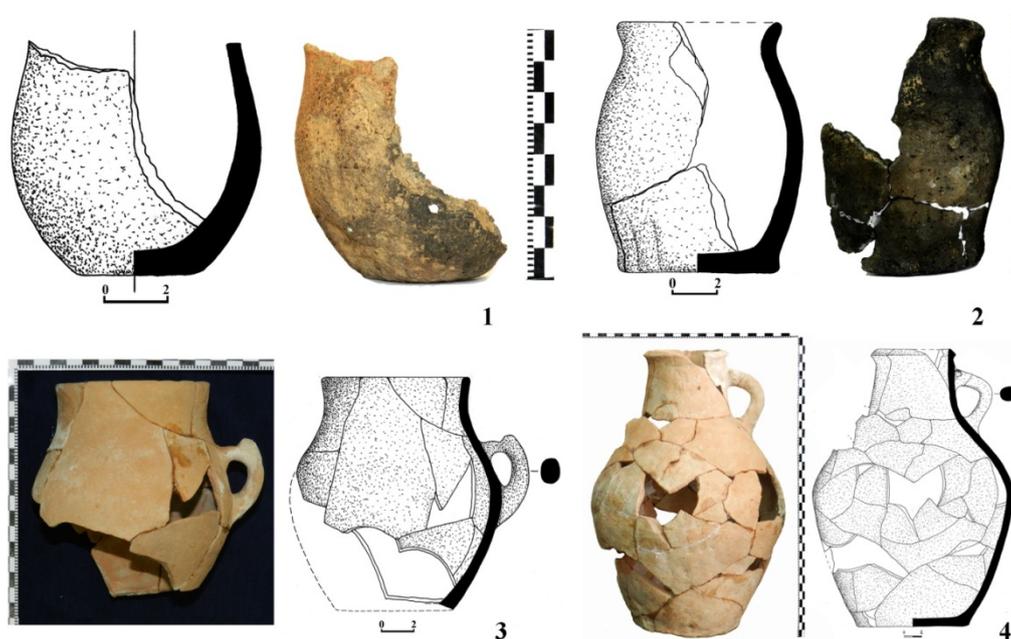


Рисунок 3 – Находки

1 - Могильник Кызылата I. Курум 7. Фрагмент лепного сосуда; 2 - Могильник Кызылата II. Курум №1. Фрагмент сосуда; 3 - Могильник Биресек I. Курум 12. Сосуд 1; 4 - Могильник Биресек I. Курум 12. Сосуд 2

- Донце, венчик и фрагменты стенок крупного сосуда (хумча). Размеры: диаметр дна 24,5 см, максимальный диаметр по тулову 39 см, диаметр по сохранившейся части горловины 20 см; максимальная высота сохранившейся части 42 см, толщина стенки: 0,8 см (тулово), 0,75 см (сохранившаяся часть верхней части плечика – переход к горловине), 0,9 см (придонная часть), 1,05 см (дно), 1,4 см (венчик), 0,9 см (горловина). Дно плоское без поддона. Венчик хорошо профилирован, выгнут наружу. Формовка: лепной. Обжиг равномерный. На поверхности отмечены расчесы при заглаживании поверхности щепкой. Ангобирован. По внешней поверхности роспись в виде потеков красного ангоба на желтом и сером фоне.

- Венчик и участок стенки сосуда. Фрагмент (6,0x4,7 см). Размеры: диаметр по устью 12,0 см, диаметр горловины 11,5 см, максимальный диаметр сохранившейся части тулова 14,7 см. Максимальная высота сохранившейся части 5,1 см, высота горловины 2,1 см; толщина стенки: 0,6 см (тулово), 0,7 см (горловина) 0,5-0,6 см (венчик), 0,9 см (горловина). Венчик хорошо профилирован, слегка отогнут наружу. Формовка: лепной. Обжиг равномерный. Сосуд покрыт

оранжевым ангобом плохого качества. Местами сохранились следы росписи темно-коричневым ангобом, по оранжевому фону. Значительная часть сосуда утрачена.

Курумный могильник Биресек I находится в Туркестанском районе Южно-Казахстанской области, в 11 км к северо - северо-востоку от города Кентау, в долине реки Биресек, в 500 м к юго-западу от кордона Каратауского заповедника. Курумы расположены на правом берегу реки Биресек на склоне хребта, ограничивающего узкую долину реки с северо-запада.

Памятник открыт в 2012 году Каратауским отрядом Сыганакской археологической экспедиции (С. Мургабаев, М. Бахтыбаев) [5]. Всего в составе могильника зафиксировано 17 курумов различного диаметра и высоты.

Курум 5 расположен на слоне хребта оконтуривающего долину р. Биресек с запада, занимая небольшую площадку у основания крупного скального выхода. Восточная часть площадки, на которой покоится основание курума, укреплена кладкой из крупных необработанных плит. Размер курума 8,0x9,0 м. Максимальная высота сохранившейся части от уровня пола погребальной камеры 1,61 м. В составе кладки курума, а также в заполнении погребальной камеры отмечено большое количество щебня с песком и мелких камней

Погребальная камера имеет в плане подпрямоугольную форму размерами 2,33x1,63 м (рис. 4 - 1). Внутренняя часть погребальной камеры сложена в технике ложного свода. Длина дромоса – 1,75 м, ширина дромоса у входа в погребальную камеру 0,6 м, ширина выходной части дромоса 0,67 м. Порог обозначен крупным плоским камнем подтреугольных очертаний. Ширина порога дромоса 0,5 м, длина – 0,45 м, высота порога (от уровня пола) 0,19 м (-134 от условного «0»). Дно погребальной камеры представляет собой поверхность коренного скального выхода. Дно имеет ощутимый уклон к востоку (-0,2-0,25 м). Уровень порога находится на высоте западных углов погребальной камеры. На момент начала раскопок дромос курума был заложен правильной кладкой из необработанных плоских камней средних размеров (0,4x0,3 м). При разборе заклада выяснилось, что верхние венцы кладки расклинены мелкими камнями (0,1x0,15 м), треугольной формы, причем отмечено, что «клинья» вбивались в кладку изнутри погребальной камеры.

Из находок в куруме 5 можно отметить лишь тонкую бусину-нанизку, обнаруженную в юго-восточной части погребальной камеры на уровне пола.

Бусина. Продолговатой цилиндрической формы, имеет заметный изгиб, круглая в сечении. Размеры: длина 1,4 см, толщина (диаметр сечения) 0,4 см; диаметр отверстия 0,04 см. Бусина белого цвета. Различимы продольные нитевидные прожилки. При контакте с водой бусина обретает нежно-розовый телесный цвет.

Курум 12 размером 7,5x7,0 м. Максимальная высота сохранившейся части от уровня пола погребальной камеры: 1,86 м. Кольцо отсутствует. Курум был сооружен на скальной площадке специально выровненной для этой цели кладкой из крупных плит. Погребальная камера имеет в плане подпрямоугольную форму размерами 2,34x1,60 м (продольные стенки 2,18 и 2,34 м, поперечные стенки 1,69 и 1,43 м). Пол погребальной камеры зафиксирован на глубине «-131» от условного «0». Внутренняя часть погребальной камеры сложена в технике ложного свода. Поперечный разрез камеры имеет форму полуовала. Дромос обращен на юго-восток. Длина дромоса – 1,4 м, ширина дромоса у входа в погребальную камеру 0,6 м. Высота дромоса от порога до перекрытия дромоса 1,24 м. Дромос в разрезе имеет форму правильного треугольника. Уровень порога дромоса («-119» от условного «0»), возвышается над полом погребальной камеры на 0,15 м (рис. 4 - 2).

Находки исчерпываются тремя лепными сосудами, железной поясной пряжкой, а также пластинкой из жести.

Лепной сосуд. Размеры: диаметр донца 7,0 см, диаметр по ребру 13,5 см, диаметр по горлышку 9,0 см, диаметр по устью 9,5 см (рисунок 3 - 3). Общая высота сосуда ок. 14,5 см, высота горла 3,2 см, высота ребра 7,5 см; толщина стенки: 0,55 см (горло и венчик), 0,6 см (тулово), 0,7 см (придонная часть). Ручка в сечении – прямоугольник со скругленными углами. Длина ручки: 4,8 см, ширина 1,4 см, толщина 1,1 см. в верхней части ручка имеет характерный рожковидная протома. Дно плоское без поддона. Горловина прямая, венчик слегка отогнут наружу. Придонная часть сосуда овально расширяется кверху, плавно переходя в некрутые плечики. Выполнен из теста хорошей отмучки, вымес качественный, черепок плотный. Поверхность светло-коричневая.

Лепной сосуд. Размеры: диаметр донца 13,0 см, диаметр по ребру 23,5 см, диаметр по

основанию горла 10,4 см, диаметр по верхней части горловины: 9,0 см, диаметр по устью 10,5 см. Общая высота сосуда 33,5 см, высота горла 8,0 см, высота ребра 15,5 см; толщина стенки: 0,8 см (горло), толщина стенок тулова неодинакова – от 0,75 до 0,9 см (тулово), 0,8-0,9 см (дно). Ручка в сечении – прямоугольник со скругленными углами. Длина ручки: 8,5 см, ширина 1,65 см, толщина 1,6 см. В верхней части ручка имеет два характерных рожковидных протомы (рисунок 3 - 4). Дно плоское без поддона. Горловина конусовидная – сужается кверху. Венчик прямоугольный с четко обозначенными ребрами, отогнут наружу. Придонная часть сосуда прямо конусовидно расширяется кверху, с ощутимо резким изгибом переходя в некрутые конусовидные плечики. Переход от плечиков к горловине также четко обозначен резким изменением угла, а также в некоторых местах рисками на внешней поверхности стенок. У основания горловины сосуд имеет носик, сохранившийся в следах. Поверхность светло-коричневая. Орнаментация отсутствует.

Лепной сосуд. Размеры: диаметр донца 9,0 см, диаметр по ребру 13,5 см, диаметр по горлышку 9,0 см, диаметр по устью 11,0 см. Общая высота сосуда 17,0 см, высота горла 4,8 см, высота ребра 6,0 см; толщина стенки: 0,55 см (горло), 0,6 см (венчик), 0,7-0,8 см (тулово), 1,1 см (придонная часть). Ручка в сечении – прямоугольник со скругленными углами. Длина ручки: 5,6 см, ширина 1,8 см, толщина 1,35 см. В верхней части ручка имеет характерную рожковидную протому. Дно плоское без поддона. Горловина высокая, слегка отогнута наружу раструбом. Венчик хорошо профилирован, отогнут вовне. Тулово бомбовидное. Придонная часть сосуда овально расширяется кверху, плавно переходя в крутые плечики. Поверхность красная. Формовка ручная, внешняя поверхность грубо заглажена рукой, местами видны следы от пальцев.

- Железная пряжка. Размеры: лицевая бляха 4,3x3,5 см (толщина 0,4 см). На лицевой стороне кованный узор – в прямоугольной рамке две окружности, соприкасающиеся краями, с вписанными в них ромбическими фигурами. По внешнему краю бляхи узор дополнен припаянными к краю тремя пирамидальными зубцами, образованными из трех спаянных колец (диаметром 0,7 см), благодаря чему бляха обретает форму редуцированного трезубца. Бляха прикреплена к пряжке двумя заклепками (диаметр сечения 0,3 см), которые также фиксировали. Скрепка пряжки представляет собой изогнутую в петлю железную пластину с прорезью для хода язычка и проемом для кольца пряжки. Оставшиеся длинные концы пластины приклепаны к лицевой бляхе с тыльной стороны. Общая длина пластины – около 8,3 см (в сложенном положении – 4,2 см), толщина – 0,2 см, ширина прорези для язычка – 1,1 см. Ременное кольцо имеет форму правильного овала (размерами 2,2x3,1 см); изготовлено из треугольного в сечении прута, расширяющегося к середине (1,0x0,7 см) и сужающегося на концах (0,7x0,45 см). Язычок изготовлен из треугольного в сечении прута с ребром жесткости обращенным к лицевой стороне пряжки. Кончик язычка изогнут внутрь под углом 90°. Шарнир язычка имеет два специально предусмотренных блокиратора, ограничивающих свободный ход язычка пряжки и превращающих его в жесткий фиксатор ремня. Длина язычка 2,7 см, сечение: 0,6x0,4 см.

Фрагмент железного крепления. Представляет собой сложенную вдвое железную пластинку размерами 5,2x1,2 см (в сложенном состоянии 2,6x1,2 см). Толщина пластины 0,07 см. сложенные вместе концы пластинки пробиты насквозь мелким железным гвоздиком, послужившим заклепкой. Судя по всему, пластинка служила в качестве крепления чего-либо на кожаном изделии.

Одиночный курум Биресек II находится в Туркестанском районе Южно-Казахстанской области, в 11 км к северо - северо-востоку от города Кентау, в долине реки Биресек, в 600 м к юго-западу от кордона Каратауского заповедника. Курум расположен на левом берегу реки Биресек на склоне хребта, ограничивающего узкую долину с юго-востока.

Памятник открыт в 2012 году Каратауским отрядом Сыганакской археологической экспедиции (С. Мургабаев, М. Бахтыбаев) [5].

Размер курума 8,5x8,0 м. Максимальная высота сохранившейся части от уровня пола погребальной камеры 1,05 м (рис. 4 - 3). Погребальная камера имеет в плане подпрямоугольную форму размерами 2,07x1,75 м (продольные стенки 2,01 и 1,63 м, поперечные стенки 1,38 и 1,52 м). Пол погребальной камеры зафиксирован на глубине «-96» от условного «0». Поперечный разрез камеры имеет форму незаконченного полуовала. Дромос курума обращен на запад. Длина дромоса – 1,7 м, ширина – 0,6 м.

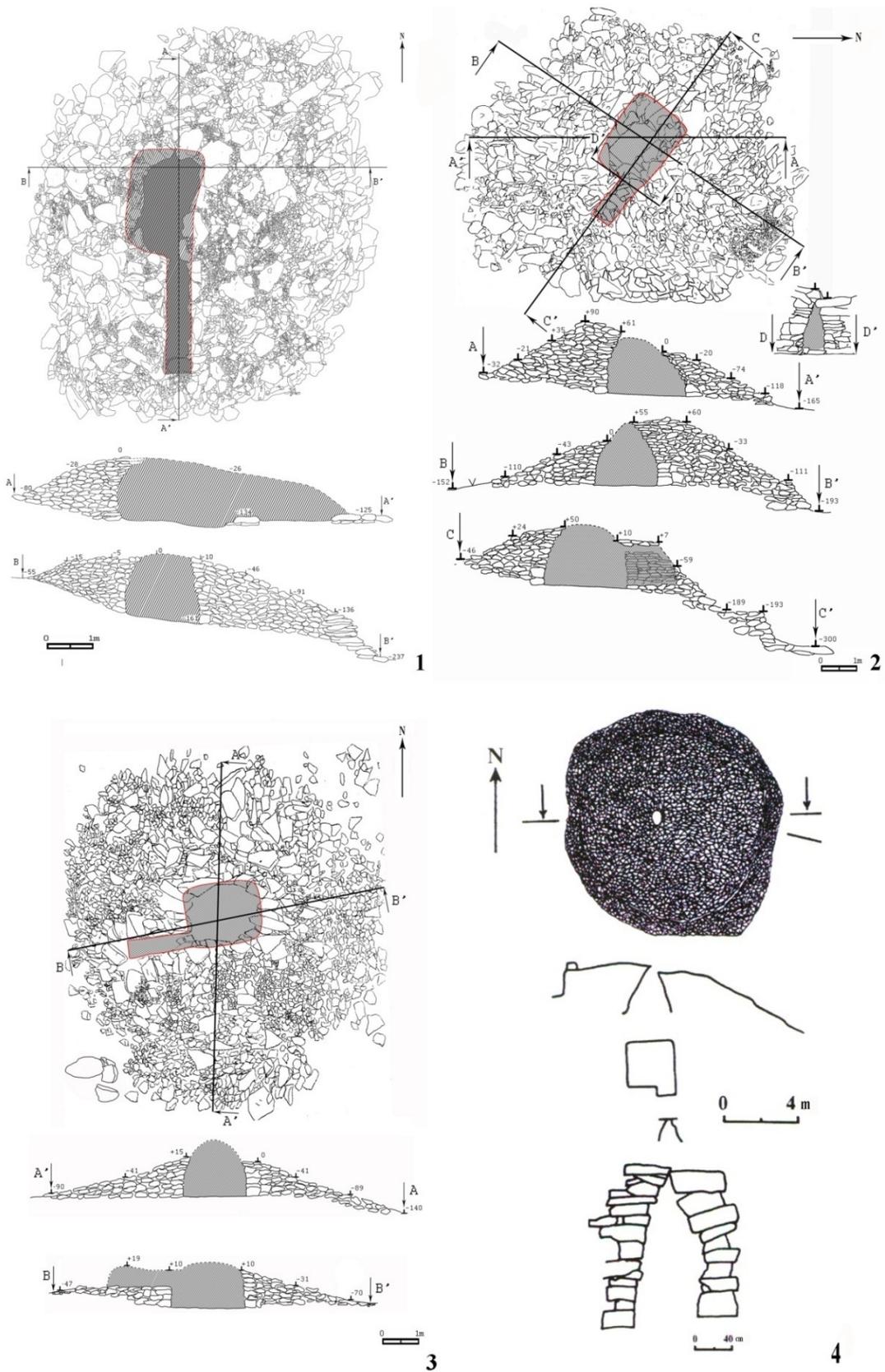


Рисунок 4 - Планы, разрезы
 1 - Могильник Биресек 1. Курум 5, 2 - Могильник Биресек 1. Курум 12,
 3 - Курум Биресек 2; 4 - Могильник Есекбел. Курум 1

Фрагмент ручки и участок стенки гончарного сосуда. Размеры: толщина стенки 0,35 см. Ручка имеет в сечении форму уплощенного овала размерами 4,7x1,8 см. Изготовлен из теста хорошей отмучки, вымес качественный, черепок плотный. Примеси в тесте не обнаружены. Черепок в изломе кирпично-красного цвета. Прокален равномерно. Обжиг качественный, окислительный. Поверхность черепка светло-красная. Формовка на гончарном круге. Сосуд покрыт светло-желтым ангобом. Орнамент в виде вертикальных потеков красного ангоба по светло-желтому фону.

Обсуждение. В 2004 году Туранской археологической экспедицией выше по течению реки Биресек был раскопан курум 1 могильника Есекбел. Курум диаметром 15 м, высотой 2,2 м (рис. 5). По конструкции курум аналогичен выше описанным, но внешние контуры кладки сохранились хорошо, а погребальная камера в плане подквадратной формы (рис. 4 - 4). При расчистке погребальной камеры были обнаружены два золотых изделия предназначенные для вышивки. На одном из них изображена голова кошачьего хищника, другой листовидной формы (рис. 6) [4,8].

В рассматриваемом нами районе в 1958, 1962, 1969 гг. в ходе археологического исследования были раскопаны курумы, погребальные камеры которых по конструкции имеют сходство с нашими курумами, в отличие от наших они не имеют дромосов. Погребальная камера вытянута с севера на юг, пол погребальной камеры расчищен и выложен каменными плитами [1,2]. Большинство курумов обнаруженных авторами в ходе разведки в разные годы, начиная с 1998 г. в центральной и северной части Каратау имеют дромосные конструкции [4]. Погребальные конструкции с дромосом практикуются с эпохи поздней бронзы [9]. Все курумы, исследованные в 2012 г. с дромосом и погребальные камеры в большинстве вытянуты с севера на юг, иногда из-за горной топографии они ориентированы на восток. Исходя из этого можно сделать вывод, что определенной строгой ориентации не было. Следующая особенность – каменная оградка вокруг кургана в группе Кызылата I (рис. 1). Подобные каменные оградки различных типов встречаются в погребениях эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья [10,11,12,13]. А в некоторых ферганских курганах вокруг кургана выкладывались оградки в несколько рядов из больших камней, пространство между ними заполнялось мелкими камнями [6].

Судя по костному материалу погребенные ориентированы ногами к коридору. Курумы имеют наземных конструкций и внутри камеры нет погребальной ямы. Традиция захоронения в курумах позволяет с уверенностью говорить, что погребенные не были сверху засыпаны землей. Пол погребальной камеры курумов раскопанных А.Г.Максимовой выложен каменными плитами, костного материала очень мало, либо вовсе отсутствует, видимо, от того, что погребенный лежал на поверхности. Или же «покойник» был захоронен после полного или частичного сожжения, или же было захоронено только костяк. Традиция захоронения костяка после того как «покойного» отдавали на съедение птицам, собакам существуют у некоторых народов до сегодняшних дней. Вероятно курумы использовались для погребения не однократно, но это пока гипотеза.

Антропологический материал, подтвердил интерпретацию курумов как погребальных памятников, с обрядом погребения во многом сходным с таковым в курумах Западной Ферганы [14], близкие параллели ферганским аналогам имеются (размеры, форма, техника кладки, наличие дромосов и колец и т.д.) и в архитектуре изученных памятников Каратау, а также топографии их размещения (горные склоны и перевалы). Вещевой материал, обнаруженный в курумах ущелья Кызылата и Биресек, в целом также аналогичен керамическому комплексу, встречаемому в курумных могильниках Западной Ферганы [6], керамическому комплексу средней и нижней течения Сырдарии, в том числе Отрарского оазиса [7].

Исследователи при анализе комплексов из курумов Западной Ферганы, учитывая все категории инвентаря, делят их на две группы: западную и восточную. Западную группу как горный вариант каунчинско-джунской культуры. Для восточной группы характерна традиция позднеусуньской и равнинной Ферганы. Датируются весь материал с I-II вв. н.э до VI-VII вв. Но при этом удельный вес захоронений V-VII вв. [15] М.Э. Воронец датировал курумы I-II веками нашей эры [16], пересмотрев эти материалы Б.А. Литвинский дал датировку IV-V вв. [6].

Материалы из курумов хребта Каратау А.Г. Максимова датирует первой половиной I тыс. [2].



Рисунок 5 – Могильник Есекбел. Курум 1. Общий вид



Рисунок 6 – Могильник Есекбел. Курум 1. Находки

Выводы. В отличие от керамики с курумов Ферганы в рассматриваемом нами регионе не встречается керамика с зооморфной ручкой, но тем не менее встречаются более поздние варианты с протомами в верхней части ручки. Вообще зооморфные образы на ручках керамических сосудов в Средней Азии, особенно в среднем течении Сырдарьи, в первой половине I тыс. сменяются условными протомами и позже VIII в. встречаются крайне редко. Керамику рассматриваемого нами присырдарьинского Каратау можно датировать IV-VII вв. Среди керамического комплекса 2012 г. только единственный экземпляр изготовленный на гончарном круге, со следами светло-желтого ангоба с потеками красного ангоба (Бирисек II) имеет широкие хронологические рамки, охватывая более поздние периоды. Эта особенность наталкивает нас на мысль о повторном использовании курумов.

Среди металлических изделий 2 небольшие поясные пряжки из могильника Кызылата, особенно одна с кованым узором на лицевой стороне, были широко распространены в VI- VIII вв. Провести четкую аналогию золотым изделиям, выявленным в 2004 г. с могильника Есекбел сложно, но пластинка с головой хищника, повернутой анфас по стилистике напоминает гунские изделия. Листовидное изделие с застежкой в верхней части по времени аналогично времени пластинки. Мы предполагаем, что хронологические рамки металлических изделий аналогичны керамическому комплексу.

Наконец, топография могильника Кызылата I, четко увязывающая могильник в один историко-культурный комплекс со средневековой крепостью Балакорган, позволяет подойти к постановке

вопроса о поселенческих памятниках, оставленных населением, практиковавшим курумный обряд погребения.

Это предварительные результаты. Будущие исследования на памятниках позволят расширить хронологические рамки и решить вопросы этнической принадлежности.

Исследование финансировалось Комитетом науки Министерство образования и науки Республики Казахстан в рамках бюджетной программы 055 «Научная и/или научно-техническая деятельность», подпрограмма 101 «Грантовое финансирование научных исследований», по приоритету: «Интеллектуальный потенциал страны».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Мершиев М.С. Могильник у поселения Актобе. // Труды ИИАЭ АН КазССР. - Т.14. Археология. - Алматы, 1962. - С.84-87.
- [2] Максимова А.Г. Курумы хребта Каратау. Археологические исследования в Казахстане. - Алматы, 1973. - С.156-165.
- [3] Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы (Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии). - М., 1972.
- [4] Отчет Туранской археологической экспедиции о научно-исследовательской работе по итогам 2004 года по теме Проведение исследования в Южно-Казахстанской области (промежуточный). - Туркестан, 2005. - 192 с. Архив НИЦ Археологии, инв. № 4. - № 212. - С.70-72.
- [5] Отчет о научно-исследовательской работе по итогам 2012 года выполненного в рамках бюджетной программы МОН РК 055 «научная и/или научно-техническая деятельность» подпрограмма 101 «грантовое финансирование научных исследований», по приоритету «интеллектуальный потенциал страны» по подприоритету «фундаментальные и прикладные исследования в области экономических, социальных и гуманитарных наук» по теме Преемственность древних и средневековых археологических памятников южных склонов Каратау (промежуточный). - Туркестан, 2012. - 141 с. - Архив НИЦ Археологии, инв. - № 15. - С.78.
- [6] Литвинский Б.А. Керамика из могильников Западной Ферганы (первое тысячелетие н.э.). - М., 1974. - Табл. 46,11; табл.48,1; табл. 56,4.
- [7] Левина Л.М. Керамика нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. - М., 1971. - С. 236, табл.122,124,128. табл. 46,8; табл.48,1.
- [8] Арынов К. Археологические памятники на пойме рек Биресек и Кызылата. Научный сборник «Молодой ученый». - Туркестан, 2005. - С.48-49.
- [9] Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки нижней Сырдарьи. - М., 1997. -187 с.
- [10] Нурмаганбетов Е.М. Новые археологические исследования памятников острова Тасарал на озере Балхаш // Маргулановские чтения-2011. Материалы международной археологической конференции. - Астана, 2011. - С.317-320.
- [11] Горячев А.А. Археологические исследования стоянки и могильника раннежелезного века в верховьях ущелья Турген. // Маргулановские чтения-2011. Материалы международной археологической конференции. - Астана, 2011. - С.227-231.
- [12] Айткали А.К., Жунисханов А.С., Каирмаганбетов А.М., Ахметов М.Г., Рахманкулов Е.Ж. Предварительные результаты исследования могильника Каратобе в микроархеологическом районе Кокентау в 2014 году. // «Кадырбаевские чтения-2014» материалы IV международной научной конференции. - Астана, 2014.- С.151-160.
- [13] ҚР БҒМ «Елдің зияткерлік әлеуеті» атты ғылымның даму приоритеті, «Экономикалық, әлеуметтік және гуманитарлық саласындағы іргелі және қолданбалы зерттеулер» арнайы ғылыми бағыты бойынша 055 «Ғылыми және / немесе ғылыми-техникалық қызмет» бюджеттік бағдарламасы, 101 «Ғылыми зерттеулерді гранттық қаржыландыру» аясында орындалған Қаратаудың оңтүстік беткейіндегі ежелгі және ортағасырлық археологиялық ескерткіштердің сабақтастығы пақырыбы бойынша 2013 жылы атқарылған ғылыми-зерттеу жұмыстары жайлы есеп (аралық). - Түркістан, 2013. - 96 б. Археология ҒЗО мұрағаты, инв. № 16. - 68-77 бб.
- [14] Литвинский Б.А. Изучение курумов северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. «Археологические работы в Таджикистане 1957 г.». - Выпуск V. - Сталинабад, 1959. - С.123., рис.7.
- [15] Литвинский Б.А. Среднеазиатские железные наконечники стрел. СА, 1965, №2. С.85.
- [16] Воронец М.Э. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук Узб. ССР на территории Ферганы в 1950-1951 годах. - Тр. Музея истории УзССР. - Вып. II. - Ташкент, 1954. С.63,77.

REFERENCES

- [1] Mershiyev M. S. A burial ground at the settlement of Aktobe. // Works IIAE AN KAZSSR. - T.14. Archeology. - Almaty, 1962. - Page 84-87.
- [2] Maximova of A.G. Kuruma of Ridge Karatau. Archaeological researches in Kazakhstan. - Almaty, 1973. - Page 156-165.
- [3] Litvinsky B. A. Barrows and kuruma of the Western Fergana (Excavation. A funeral ceremony in the light of ethnography). - M, 1972.
- [4] The report of the Turonian archaeological expedition on research work following the results of 2004 on the subject

Carrying out research in the Southern Kazakhstan area (intermediate). - Turkistan, **2005**. - 192 pages. Research Center Arkheologii archive, инв. No. 4. - No. 212. - Page 70-72.

[5] The report on research work following the results of 2012 executed within the budget program of MAUN RK 055 "scientific and/or scientific and technical activities" the subprogramme 101 "grant financing of scientific researches" on a priority "intellectual potential of the country" on a subpriority "basic and applied researches in the field of economic, social and the humanities" on the subject Succession of Ancient and Medieval Archaeological Monuments of the Southern Slopes of Karatau (intermediate). - Turkistan, **2012**. - 141 pages - Research Center Arkheologii Archive, инв. - No. 15. - Page 78.

[6] Litvinsky B. A. Ceramics from burial grounds of the Western Fergana (the first millennium AD). - M., **1974**. - Tab. 46,11; tab. 48,1; tab. 56,4.

[7] Levina L.M. Ceramics of the lower and Central Syr Darya in the I millennium AD - M., 1971. - Page 236, tab. 122,124,128. tab. 46,8; tab. 48,1.

[8] Arynov K. Archaeological monuments on a flood plain of the rivers Biresek and Kyzylata. Scientific collection "Young Scientist". - Turkistan, **2005**. - Page 48-49.

[9] Itina M. A., Yablonsky of L.T. Saca of the lower Syr Darya. - M., **1997**. -187 pages.

[10] Nurmaganbetov E.M. New archaeological researches of monuments of the island Tasaral on Lake Balkhash/Margulanovsky readings-2011. Materials of the international archaeological conference. - Astana, **2011**. - Page 317-320.

[11] Goryachev A.A. Archaeological researches of the parking and a burial ground of the early Iron Age in upper courses of the gorge of the Tourist's gen. \Margulanovsky readings-2011. Materials of the international archaeological conference. - Astana, **2011**. - Page 227-231.

[12] Aytkali A.K., Zhuniskhanov A.S., Kairmaganbetov A.M., Akhmetov M. G., Rakhmankulov E.Zh. Preliminary results of research of a burial ground of Karatobe in the microarchaeological region of Kokentau in 2014. \Kadyrbayevsky readings-2014" materials IV of the international scientific conference. - Astana, **2014**. - Page 151-160.

[13] ҚР Ұлымна атта В М "Eld _ Ziyatkerl_k leut _" ң the lady a priority i, "Ekonomikala қ, әлеуметтік to the zhena of a gumanitarla қ salasynda a ipreni to the zhena of a oldanbala the zertteuler" arnaya yly ba yta of a boynsh 055 " yly және / to not Mesa ylymi-tekhnikala қ yzmt" бюджеттік ba darlamasa, 101 " yly зерттеулерді grants қ to a arzhylandyr" an ayasynda орындалған aratauda ң оңтүстік беткейіндегі ежелгі to the zhena of an orta asyrla қ arkheologiyala қ ескерткіштерді і ң saba tasty a of na урыбы of a boynsh 2013 veins to a zhayla zh mystara at aryl an ylymi-zertte esep (arala қ). - T rk stan, 2013. - 96. M ra ata ZO archeology, инв. No. 16. - 68-77 бб.

[14] Litvinsky B. A. Studying of kurum of northeast part of the Leninabad area in 1957. "Archaeological works in Tajikistan 1957". - Release of V. - Stalinabad, **1959**. - Page 123, fig. 7.

[15] Litvinsky B. A. Central Asian iron tips of arrows. - CA, **1965**, No. 2. Page 85.

[16] Voronets M. E. Archaeological researches of Institute of history and archeology and Museum of history of Academy of Sciences of Uzb. The Soviet Socialist Republic in the territory of Fergana in 1950-1951. - Tr. Museum of history of UZSSR. - Issue II. - Tashkent, 1954. Page 63, 77.

С.С. Мургабаев, М.М. Бахтыбаев, Л.Ж. Малдыбекова

Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университет, Түркістан, Қазақстан

ҚАРАТАУДЫҢ ТАСТАН ҮЙІЛГЕН ҚОРИМДАРЫНДА ЖҮРГІЗІЛГЕН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

Аннотация. 2012 жылдың далалық зерттеу жұмыстары барысында Қ.А.Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университетінің Сығанақ археологиялық экспедициясы «Қаратау тобы» Қызылата, Біресек өзендерінің жоғарғы және орта ағыстары бойында орналасқан археологиялық ескерткіштер зерттеді.

Зерттеу барысында аталған аймақтарда Қызылата I, Қызылата II, Біресек I обалар қорымында және Біресек II жеке обасында қазба жұмыстарын жүргізді. Зерттеудің негізгі мақсаты ерте орта ғасыр кезеңдерінің мәдениеттері жайлы жаңа деректер алу, көне тайпалар мәдениетінің дамуын және эволюция ерекшеліктерін ашып көрсету, көне тұрғындардың дүниетанымы мен жердеу рәсімдерін реконструкциялау болып табылады.

«Қаратаудың оңтүстік беткейіндегі ежелгі және ортағасырлық археологиялық ескерткіштердің сабақтастығы» атты ғылыми жоба ҚР Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті тарапынан «Елдің зияткерлік әлеуеті» атты ғылымның даму приоритеті, «Экономикалық, әлеуметтік және гуманитарлық саласындағы іргелі және қолданбалы зерттеулер» арнайы ғылыми бағыты бойынша қаржыландырылып, 055 «Ғылыми және/немесе ғылыми-техникалық қызмет» бюджеттік бағдарламасы, 101 «Ғылыми зерттеулерді гранттық қаржыландыру» аясында орындалды.

Тірек сөздер: Оба, қорған, жерлеу шұңқыры, дромос, қорым.

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

ISSN 2224-5294

Volume 1, Number 311 (2017), 137 – 142

D.A. Taleev

al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

E-mail: doc19_59@mail.ru

MEDIEVAL CITY SYUTKENT

Abstract. In article written data of the Arab, Persian and Turkic sources on the medieval city of Syutkent located on the left coast of the Syr Darya River are considered. The short review of the archaeological researches made on the ancient settlement Syutkent is made. Their results are compared with materials of the historical and topographical researches which are carried out in 2009 according to the “Cultural heritage” state program. The location is also defined and the preliminary chronology of the ancient settlement Syutkent is given.

Keywords: Syutkent, Syrdarya, research, archeology, state program "Cultural Heritage", sources, materials, topography, chronology.

ӘОК 903/904 (574)"05/1" "653"

Д.А. Галеев

Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Алматы, Қазақстан

ОРТАҒАСЫРЛЫҚ СҮТКЕНТ ҚАЛАСЫ

Аннотация. Мақалада Сырдария өзенінің ортанғы ағысында орналасқан ортағасырлық Сүткент қаласы жайлы араб, парсы және түрік жазба деректерінің мәліметтері қарастырылған. Қаланың археологиялық зерттелу деңгейіне қысқаша шолу жасалған. Олардың нәтижелерін 2009 жылы «Мәдени мұра» мемлекеттік бағдарламасы бойынша Сүткенттің орнындарында жүргізілген тарихи-топографиялық зерттеулермен толықыра отырып, қаланың орналасқан орны мен өмірсүрген уақыты жайлы шартты болжамдар жасалған.

Тірек сөздер: Сүткент, Сырдария, зерттеу, археология, мемлекеттік бағдарлама, «Мәдени мұра», деректер, материалдар, топография, мерзімделу.

Қасиетті Сырдария өзенінің ортанғы ағысында болған Сүткент қаласы туралы мәліметтер Х-ХV ғасырлар аралығындағы жазба деректерде кездеседі. Ол туралы Х ғасырда өмір сүрген саяхатшы Ибн Хаукаль өзінің «Китаб ал месалик ва-л-мемалик» - атты кітабында былай деп жазады. «(Шаш өзені) – бұл өзен, өзіне түрік және ислам елдерінде келіп қосылатын өзендер есебінен көбейеді. Оның негізгі бастауы Өзкент округіндегі түрік елінен басталады, кейіннен оған Харшаб, Урасан, Куба, Джидгил т.б. өзендер қосылады, ол үлкейіп, су қоры молаяды. Әрі қарай ол Ахсикенттің жанынан өтіп, Ходжент, Бенекет арқылы Сүткентке жетеді. Одан әрі Фарабтан өтіп, Сауранның шекарасына барғанда жағасын түрік-оғыздар жайлаған шөлді аймақпен ағады» [1, 8 б.]. Ондағы Шаш өзені – Сырдария деректерде Аракс, Яксард, Сейхун, Шаш, Гулзария, Сыр және Сырдария деген аттармен белгілі.

Тағы бір жерінде Ибн Хаукаль Испиджаб округі жайлы айта келіп «... Оның маңындағы (Испиджаб) қалалардың қатарында Бадухкет, Субаникет, Тараз, Атлах, Шельджи, Кедер, Сүткент, Шавгар, Сауран және Весидж бар. Субаникет – Канджид округінің басты қаласы...», - деп көрсетеді [1, 6 б.]

Дәл осыған ұқсас мәліметті Х ғасырдың 30-жылдары жазылған еңбегінде араб географы әл-Истахри да келтірген [2, 29-90].

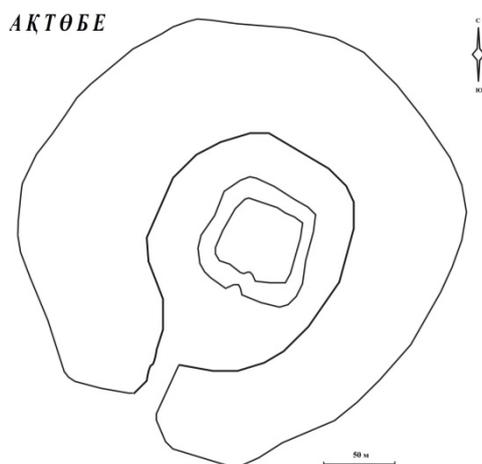
Ал, Х ғасырдағы авторы белгісіз «Худудал-алам» атты парсы тілінде жазылған географиялық шығармада қала туралы былай деп жазылған. «Сүткент – өзен жағасында орналасқан және молшылыққа кенелген қала. (Оның) тұрғындары жауынгер келеді. Ол бейбіт түріктердің шоғырланған жері, олардың рулары (кабиле) ішінен көпшілігі мұсылмандықты қабылдаған» [1, 9-10 бб.].

IX ғасырда Сүткент қаласы қарлұқтардың қоластында болды. Ал, Х ғасырда қаланы оғыздар мекендесе керек. Осы тұста оғыздар Сырдарияның сол жағалауында көшіп жүргені жайлы мәліметтер бар. Олар Х ғасырда Сырдарияның сол жағалауымен Фараб аймағына кіріп, Сүткент қаласына дейін жеткен [2, 29-30 бб.]. Махмуд Қашқари мәлімдеуінше Сырдарияның ортаңғы ағысында отырықшы мекендер болған. Олардың қатарында Сауран, Сүткент, Сығанақ және Қарнак қалалары бар [3, 469, 502, 532, 534 бб.]. Қалалардың негізгі тұрғындары ятұқтар (жатақтар) деп аталған. Махмуд Қашқари « ... бұл қалаларда тұратын оғыздар басқа жерге көшпейді, соғыспайды, ятұқтар деп, елеусіз қалған жалқаулар ретінде атаған».

Махмуд Қашқариден кейін қаланың аты ұзақ уақыт жазба деректердің беттерінде кездеспейді. Ол туралы мәуренахыр мен монғол дәуіріне қатысты деректерде де ештеңе жоқ. Тек 1404-1405 жылдың қысында Самарқаннан Отырарға сапары барысында Ақсақ Темір Сүткент арқылы өткені жайлы Шереф ад-дин Йездиде қысқаша мәлімет сақталған [4, 224 б.].

К.М. Байпақовтың пікірі бойынша Сырдарияның сол жағалауларына дейін жеткен оғыз көштері Фараб өңірі мен Арыс өзенінің ортаңғы ағысындағы Кенджид өңірін де қамтыған. Арыс өзенінің Сырдарияға құйар тұсынан бастап өзеннің екі бетін тұтас қамтыған Фараб өлкесінің құрамына Х-ХІІ ғасырларда Сүткент қаласы да кірген.

Деректерде осындай мәліметтермен әйгілі Сүткент қаласының орны бұл күнде Оңтүстік Қазақстан облысы, Шардара ауданында, Сырдария өзенінің сол жағалауындағы Қаракөл қойнауында сақталған. Қаланың атын сол жердегі ауыл осы күнге дейін мұра ретінде жалғастырып келеді. Қазақстанның ортағасырлық тарихында өзіндік із қалдырған осы қаланың әркездегі орны бұл күнде бірнеше жерде орналасқан.

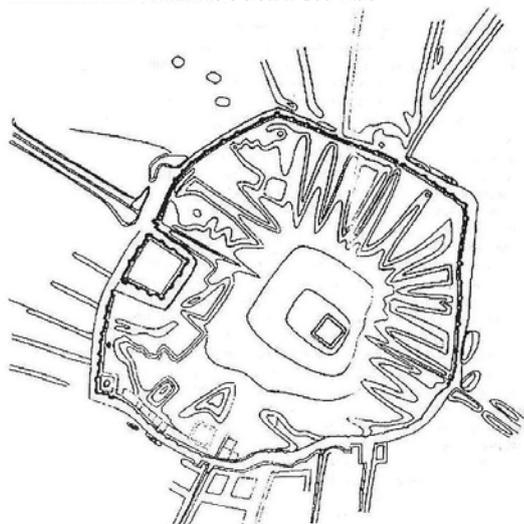


Олардың алғашқысы Ақтөбе қалашығы Сүткент ауылынан оңтүстік-батысқа қарай 2 шақырым жерде. Ол дөңгелек рабатты төбе.

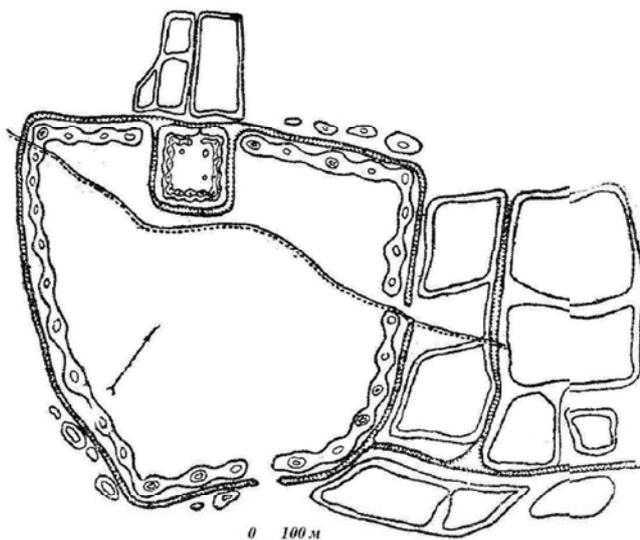
Екіншісі және негізгісі Шыңғыстөбе, ол ауылдан солтүстік-батыста шетінде шақырым орналасқан. Үшіншісі кейінгі ортағасырлық Сүткенттің орны ауылдың ішінде оңтүстік шетінде болған.

Сүткенттің орнын алғаш 1900 жылы Н.В. Руднев тауып анықтаған. Ол қаланың қираған орнында сақталған бедерін сызып, қаланың топографиясын, қорғаныс құрылыстарын және орталық бөлігіндегі құрылыстарының орналасу жүйесін сипаттап жазған. Руднев жобасын түсірген қалашық Сүткенттің гүлденген кезінің орны (Шыңғыстөбе) болатын [5, 224 б.].

ПЛАН РАЗВАЛИН г. СЮТКЕНТ
 масштаб в дюйме 100 саж.



Сүткент II (Руденко бойынша)



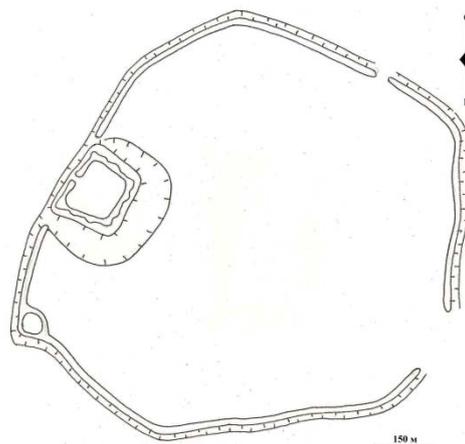
Сүткент II (Агеева бойынша)

Ал 1949 жылы Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясы (А.Н. Бернштам) Сүткенттің орнын екі жерден анықтап, оларды Сүткент I және Сүткент II деп белгілеген. Экспедиция мүшелері олардың жобасын қағазға түсіріп, көлемдерін өлшеп, топографиясын сипаттап жазды. Салынған кішігірім барлау қазбасы мен ескерткіштердің үстінен жиналған материалдар негізінде тіршілік Сүткент I де XV-XVI ғасырларға, ал Сүткент II де XIX ғасырға дейін жалғасқан деген тұжырым жасаған [6, 119-121]. Дегенмен 1960 жылы басылып шыққан «Археологическая карта Казахстана» атты жинақта біршама түзетулер жасалып, Сүткент I қалашығы VI-XIII ғасырлар аралығында, ал Сүткент II қалашығы XIV-XVIII ғғ. аралығында өмір сүрген деп берілген [7, 340 б.]. Ал 1994 жылы жарық көрген «Свод памятников истории и культуры Казахстана» атты жинақа Сүткент туралы мәліметтер Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясының (бұдан әрі ОҚАЭ) мүшелері Е.И. Агеева мен Г.И. Пацевичтің (Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана.) еңбегінен көшіріліп берілген [8, 333-334 бб.]. Демек Сүткенттің орнында алғаш зерттеу жүргізілгеннен бері 60 жыл өткен және осыған дейін кең көлемдегі жан-жақты зерттеу жасалмаған. Алынған мәліметтер толық емес, көп жағдайда шындыққа сәйкес келмейді.

2009 жылдың тамыз айында ОҚАЭ ның Қазақ хандығы қалалары тобы (Д.А. Талеев) «Мәдени мұра» мемлекеттік бағдарламасы бойынша бөлінген қаржыға Сырдыя өзенінің сол жағалауында кейінгі ортағасырлық қалаларды тарихи-топографиялық тұрғыдан зерттеу мақсатымен археологиялық барлау жұмыстары жүргізді. Сырдарияның сол жағалауында жүргізген археологиялық барлаудың нәтижесі аты жазба деректерде X ғасырдан белгілі Сүткент қаласының шын мәнінде уақыт жағынан кезектесіп келетін үш бірдей орында болғанын анықтады. Яғни қала үш дүркін орнын ауыстырған. Қаланың алғашқы кезеңінің (Сүткент I) орны «Ақтөбе» қалажұрты болған. Бұл қалашық осы күнге дейін белгісіз болып, зерттелмей келген. Сүткенттің ертедегі өмірі жайлы мәлімет ешқандай жазба деректерде кездеспейді. Бірақ қаланың сол замандағы орны (Ақтөбе қалашығы) қазіргі Сүткент ауылының оңтүстік-батыста 2 шақырым жерде сақталған. Қалашықтың географиялық координаттары: С.41°56'138"; Ш. 68° 04'270". Теңіз деңгейінен биіктігі 219 м. Ол орталық бөлігі төрт бұрышты келген, айнала дөңгелек шаһристан қоршаған қалашық (суретті қараңыз). Жалпы ауданы 7,6 ганы алып жатыр. Ескерткіште ешқандай қазба жүргізілмеген. Қалашықтың топографиялық ерекшелігі мен үстінен жиналған қыш ыдыс сынықтарының сипаты бойынша оны IV – VIII ғасырларға жатқызуға болады.



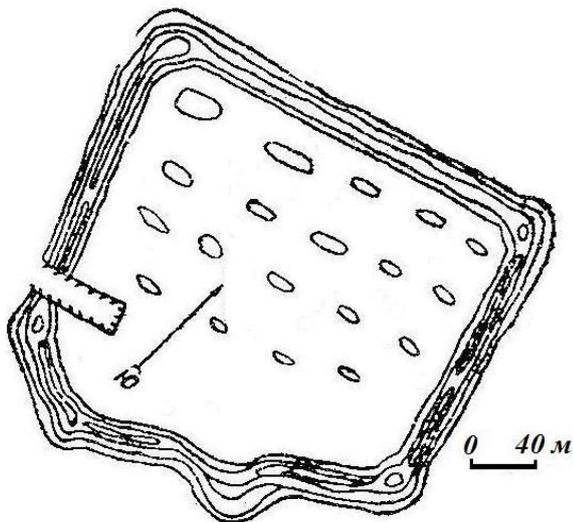
Шыңғыстөбе. Космофото



Шыңғыстөбе. Сызба жобасы

Сүткенттің келесі кезеңдегі орны (Сүткент II) бұл күнде «Шыңғыстөбе» деп аталады. Ол төбе ауылдың солтүстік-батыс шетінде жатыр. Қалашықтың географиялық координаттары: С.41°56'308"; Ш.68°04'195". теңіз деңгейінен биіктігі 219 м. Айнала тізбектеліп келген мұнаралардан түзілген ұзын қабырғаман қоршалған бұл қалашық 45 гектардан артық аумақты алып жатыр. Ұзын қабырғалардың сыртқы жағынан терең ор қазылған. Ордан тысқары аймақта болған көптеген жеке құрылыстардың қирандылары да сақталған.

Айналадағы жерден 4-5 м биіктікте сақталған қаланың цитаделі батыс қабырғаның орта тұсында орналасқан. Оның өлшемі: батыс қабырғасы 128 м, шығыс қабырғасы 98 м, солтүтік және оңтүстік қабырғалары 108 м. Цитаделдің қабырғаларының орта тұсы мен бұрыштарында дөңгелек мұнаралар болған. Қақпасы батыс қабырғасының орта тұсында. Қақпаның екі шетінде болған мұнаралар байқалады. Қабырғасы айнала ормен қоршалған. Үстінен жиналған қыш ыдыстардың әртүрлі сынықтары, сырланған және сырланбаған ыдыс қалдықтары және басқа да заттар, қалашықтың VIII – XIII ғасырлар аралығында тіршілік кешкендігін білдіреді. Біз салған барлау шұңқырынан майшам, дастархан, құмыра, құмған, майшам секілді ыдыстармен қатар темір қортпалары, шыны ыдыстардың қалдықтары, өте нашар сақталған теңге табылды. Ибн Хаукал мен әл Истахри жазбалары мен авторы белгісіз шығарма «Худуд әл-Әлемде» айтылатын Сүткент қаласының орны осы Шыңғыстөбе қалашығы болар деп шамаладық.



Кейінгі Сүткент (Агеева бойынша)

Кейінгі ортағасырлық Сүткент қаласының (Сүткент III) орны Шыңғыстөбенің цитаделінен шығысқа қарай 1,5 шақырым жерде, қазіргі ауылдың оңтүстік шетінде болған. Оның жобасын 1949 жылы ОҚАЭ түсірген (суретті қараңыз). Өкінішке орай қазіргі күнде бұл ескерткіш нашар сақталған. Оның үстінен тұрғын үйлер мен жол түсіп кеткен. Оның географиялық координаттары: С.41°56'110"; Ш.68°05'231". теңіз деңгейінен биіктігі 218 м. Шаруашылық және құрылыс жұмыстарының салдарынан бұзылған кейінгі ортағасырлық Сүткент қаласының орнын зерттеу мүмкіндігі болмады. Жеке үй салу кезінде қазылған жерлерден XVI-XVII ғғ. жататын құмыралардың сынықтары табылған.

Сонымен 2009 жылы біз жүргізген зерттеу жұмыстарының тұжырымдарын бізге дейін жүргізілген зерттеулер нәтижелері мен жазба деректері мәліметтеріне байланыстыра отырып жасалатын ой тұжырым бойынша Сүткент қаласы 2 мың жылғы жақын өмір сүрген үлкен қала болған. Сондай-ақ бұл қала монғол шапқыншылығына дейін

Сырдарияның ортаңғы ағысындағы сауда мен мәдениеттің ірі орталықтарының бірі болған деп айта аламыз.



Шыңғыстөбеге салынған барлау шұңқыры кезінде табылған заттар

ӘДЕБИЕТ

[1] Ибн-Хаукал. Книга ал-месалик ва-л-мамалик // Извлечение из письменных источников о средневековых городах Сауран и Сыгнак / автор предисловия и составитель М. Елеуов. – Туркестан, 2005. – 96 с.

[2] эл-Истахри. Книга Масалик ал-Мамалик // Материалы по истории киргизов и Киргизии. - В.1. – М.: Наука, 1973. – С. 29-30.

[3] Қашқари М. Түрік сөздігі. - 3томдық. - Т.1. – Алматы, 1997. - 595 б.

[4] Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. - Соч.Т.3. – М.: Наука, 1965. - 713 с.

[5] Руднев Н.В. Следы городов по Сыр-Дарье // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана / Авторы предисловия и составители Елеуов М., Бахтыбаев М.М. – Туркестан: Туран, 2011. – 447 с. илл.

[6] Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. – 1958. - Т.5. – С. 3-215.

[7] Археологическая карта Казахстана. – Алма-Ата, 1960. – С.340. - № 4758-4759.

[8] Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанской область. – Алматы, 1994. – С.333-334. - № 702, 705.

REFERENCES

[1] Ibn-Khaukal. Kitab al-mesalik va-l-memalik // Izvlecheniye iz pis'mennykh istochnikov o srednevekovykh gorodakh Sauran i Sygnak / avtor predisloviya i sostavitel' M. Yeleuov. Turkestan, 2005. – 96 s.

- [2] əl-Istakhri. Kitab Masalik al-Mamalik // Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii. V.1. M.: Nauka, **1973**. S. 29-30.
- [3] K, ashk, ari M. Tyrik sөzdіgi. 3 tomdyk. T.1. Almaty, **1997**. 595 b.
- [4] Bartol'd V.V. K istorii orosheniya Turkestana. - Soch.T.3, M.: Nauka, **1965**. 713s.
- [5] Rudnev N.V. Sledi gorodov po Syr-Dar'ye // Protokoly zasedaniy i soobshcheniy chlenov Turkestanskogo kruzha lyubiteley arkheologii. Istoriko-kul'turnyye pamyatniki Kazakhstana / Avtory predisloviya i sostaviteli Yeleuov M., Bakhtybayev M.M. – Turkestan: Turan, **2011**. 447 s. ill.
- [6] Ageyeva Ye.I., Patsevich G.I. Iz istorii osedlykh poselenii i gorodov Yuzhnogo Kazakhstana \ Tr.IIAE AN KazSSR. – **1958**. T.5. S. 3-215.
- [7] Arkheologicheskaya karta Kazakhstana. – Alma-Ata, **1960**. S.340. № 4758-4759.
- [8] Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Kazakhstana. Yuzhno-Kazakhstanskoy oblast'. Almaty, **1994**. S.333-334. №702,705.

Д.А. Талеев

КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД СЮТКЕНТ

Аннотация. В статье рассматриваются письменные сведения арабских, персидских и тюркских источников о средневековом городе Сюткент, расположенном на левом берегу Сырдарьи. Сделан краткий обзор археологических исследований, произведенных на городище Сюткент. Их результаты сопоставлены с материалами историко-топографических изысканий, проведенных в 2009 году по госпрограмме «Культурное наследие». Также определено место расположения и дана предварительная хронология городища Сюткент.

Ключевые слова: Сюткент, Сырдарья, исследование, археология, госпрограмма, «Культурное наследие», источники, материалы, топография, хронология.

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

ISSN 2224-5294

Volume 1, Number 311 (2017), 143 – 159

UDC 902 / 904" 653"

B.A. Baytanayev, A.A. Goryachev, V.V. Sarayev, A.Kh. Shayakhmetov

A.Kh. Margulan Institute of archeology, Almaty, Kazakhstan
baytanaev@mail.ru, aga.2805@mail.ru, saraev.53@mail.ru, toliktommy@gmail.com

ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES OF THE EARLY IRON AGE MONUMENTS IN THE FOOTHILLS OF KARATAU AND NORTHERN SLOPES OF KARZHANTAU RIDGE

Abstract. Archaeological investigation in the Southern Kazakhstan area in 2016 has considered Boralday and Tereksay gorges and the plateau between them on the southern slopes of Karatau Mountains and northern slopes of the western part of the Karzhantau ridge. There have been recorded in total about 50 new monuments of the early Iron Age, presented by kurgan burial grounds and settlements. Settlements of the early Iron Age are noticed in the middle part and at the exit from mountain gorges. Burial grounds concentrate on foothill soles, mountain passes and high terraces of river valleys.

Reconnoitering archeological excavations have been carried out on the settlement and in Tuttybulak cave in the valley of the river Boralday. Materials of researches have shown that the cave in the early Iron Age and Middle Ages was used as a workshop for smelting foaming iron – bloom. The settlement represented a small working settlement of handicraftsmen which has separated from the main large settlements of farmers.

The ecological base of the region led to unification of economic system based on irrigation agriculture. Development of cattle breeding of ancient people had secondary importance. Providing the cattle with forage was based on a pasture on fields after harvesting and mowing. Gardening as an industry of household was pushed to mountainous areas. Features and traditions of the economic-household system which arose in the ancient time gained further development in the Middle Ages.

Keywords: settlement, burial ground, cave, early Iron Age, Middle Ages, metallurgy, household complex.

УДК 902 / 904" 653"

Б.А. Байтанаев, А.А. Горячев, В.В. Сараев, А.Х. Шаяхметов

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ПРЕДГОРЬЯХ КАРАТАУ И У СЕВЕРНЫХ СКЛОНОВ ХРЕБТА КАРЖАНТАУ

Аннотация. Археологической разведкой 2016 года в Южно-Казахстанской области были охвачены ущелья Боралдай и Терексай и плато между ними на южных склонах гор Каратау и северные склоны западной части хребта Каржантау. В общей сложности было зафиксировано около 50 новых памятников раннего железного века, представленные курганными могильниками и поселениями. Поселения раннего железного века отмечены в средней части и на выходе из горных ущелий. Могильники концентрируются на предгорных подошвах, горных перевалах и высоких террасах речных долин.

Рекогносцировочные археологические раскопки были проведены на поселении и в пещере Туттыбулак в долине реки Боралдай. Материалы исследований показали, что пещера в раннем железном веке и средневековье использовалась как мастерская по выплавке пористого железа – крицы. Поселение представляло собой небольшой рабочий поселок ремесленников, отделившийся от основных крупных селений земле-дельцев.

Экологическая база региона привела к сложению хозяйственной системы, основой которой являлось поливное земледелие. Развитие животноводства у древнего населения носило вспомогательный характер. Обеспечение скота кормом было основано на выпасе на полях после уборки урожая и сенокосении. Садоводство как отрасль хозяйства выдвигалось в горные районы. Особенности и традиции хозяйственно-экономической системы, зародившейся в древности, получили дальнейшее развитие в средневековье.

Ключевые слова: поселение, могильник, пещера, ранний железный век, средневековье, металлургия, хозяйственно-жилой комплекс.

По проекту «Ранний железный век Южного Казахстана» в предгорьях Каратау и у северных склонов хребта Каржантау были проведены исследования, основной задачей которых являлось выяснение характера хозяйственно-экономической системы древнего населения региона. С этой целью произведены рекогносцировочные раскопки на поселении и в пещере Туттыбулак, археологической разведкой охвачены памятники раннего железного века в ущельях Боралдай, Терексай, Акбастау и плато между ними в предгорьях Каратау. На северных склонах западной части хребта Каржантау разведка производилась на участке с южными притоками реки Келес – Жигергенсай, Уясай и Каржансай.

Работа по выявлению памятников проводилась на основе визуального обнаружения признаков трудовой деятельности человека в историческом прошлом (следы жилищ древних земледельцев, русла арыков и каналов, курганы, фрагменты керамики) и подъемного материала. Культурно-типологическая атрибуция объектов осуществлялась на основе характера конструктивных особенностей памятников и найденного на их территории вещевого и керамического материала.

Институты бытовых и социальных отношений в древних сообществах всегда складывались под влиянием окружающей природы. При выборе природной среды для выживания и трудовой деятельности человека, в прошлом, наиболее привлекательной была экологическая ниша, которая по природным условиям (климат, доступность водных источников, совмещенность горных склонов и равнины и т.д.) наиболее соответствовала бы потребностям человека. Южно-Казахстанская область расположена в пределах восточной части Туранской низменности и западных отрогов Тянь-Шаня. Большая часть территории – слабо всхолмленная равнина (высота 200–300 м), с бугристо-грядовыми песками Кызылкум и Мойынкум. В центральной части области протягивается горный хребет Каратау (г. Бессаз – 2176 м), на юго-востоке – западная окраина Таласского Алатау, хребты Каржантау (высота до 2824 м) и Угамский (высота до 4238 м).

Климат резко континентальный, засушливый, с продолжительным жарким сухим летом и короткой тёплой, почти бесснежной зимой, с частыми оттепелями и дождями. Почва относится к категории предгорно-пустынно-степной зоне сероземов. Сероземы развиваются на обширных подгорных наклонных равнинах, значительно расчлененных долинами рек и временными водотоками, и на холмистых предгорьях. Нижняя граница их распространения проходит на высоте 200 – 400 м, верхняя на высоте – 1200–1600 м над у.м. Наиболее характерными почвообразующими породами в предгорной сероземной зоне являются лессовидные суглинки, часто подстилаемые галечниками, встречаются и каменистые породы.

В растительном покрове описываемой зоны четко прослеживается вертикальная поясность. В нижнем ярусе развивается эфемеровая полупустыня, типичными представителями которой являются пустынная осока и луковичный мятлик. Следующий пояс относится к эфемерово-разнотравной полупустыне, в которой также преобладает осока пустынная и луковичный мятлик, но, кроме того, распространены однолетние виды костров, маки, луковичный ячмень и другие, луковичные и клубеньковые растения более длительного периода вегетации. На высоких предгорьях и на низкогорьях растительный покров формируется пырейно-разнотравными ассоциациями. В период выпадения весенне-осенних дождей растительность интенсивно развивается, в засушливый летний период она отмирает [1, с. 310-311]. В таких природных условиях будет понятным желание человека в выборе места для проживания быть ближе к воде и, естественным образом, все древние и настоящие поселения основаны по берегам рек региона.

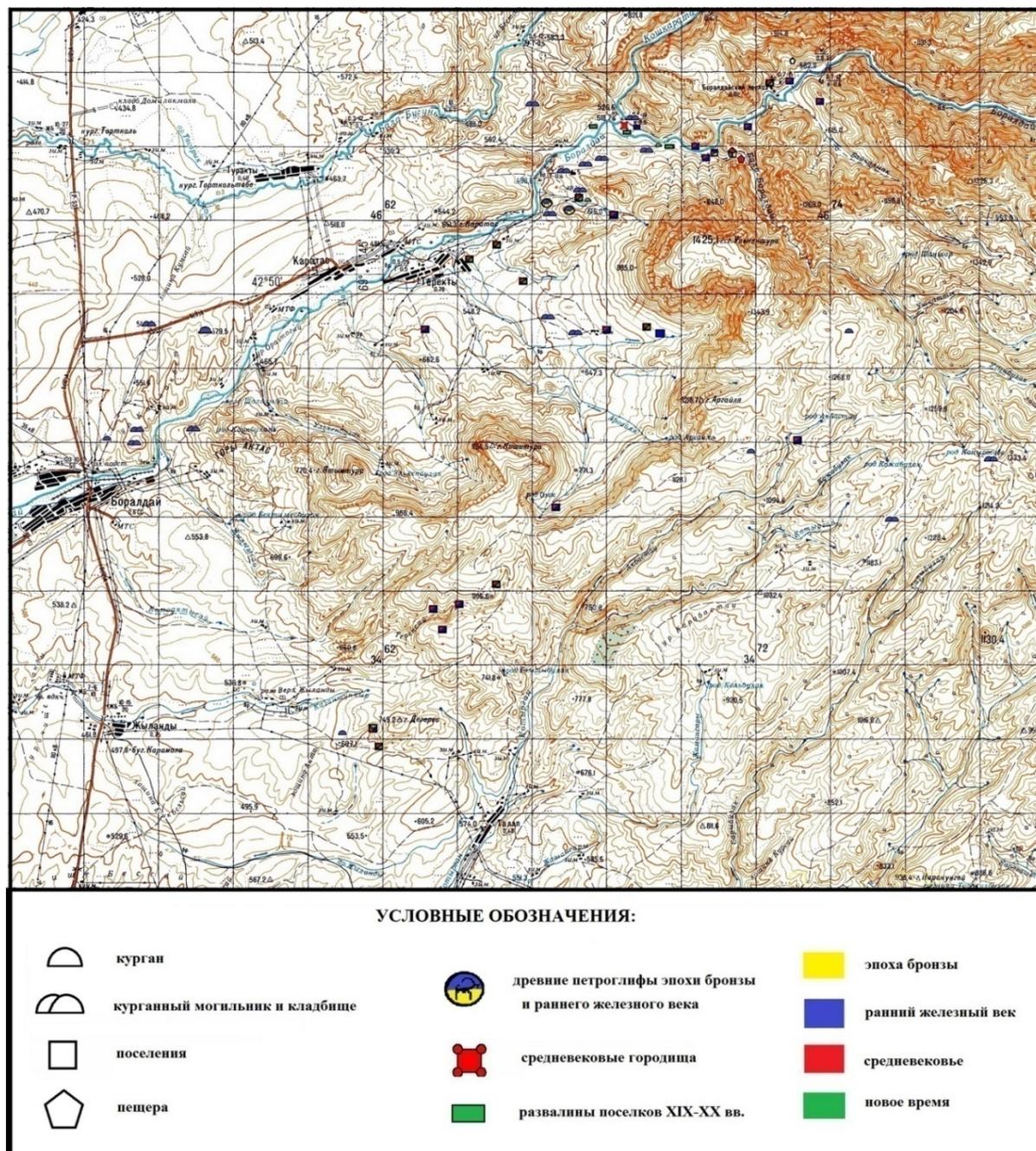


Рисунок 1 - Карта расположения археологических памятников в ущелье Боралдай и на прилегающих территориях

Боралдайский хребет – юго-западный отрог гор Каратау, несмотря на засушливый климат, имеет хорошо развитую сеть рек и ручьёв. Она формируется из нескольких крупных рек (Боралдай, Кашкарата), стекающих по юго-западному склону, и их многочисленных притоков. Долины рек хорошо выражены в горной и предгорной части. Ширина речных долин при выходе из гор достигает нескольких километров. Однако большей частью в горной зоне русла рек имеют узкие каньоны, что сокращает возможности их хозяйственного использования, в том числе и в историческое время. Только в среднем течении реки Боралдай имеются широкие надпойменные платформы, где фиксируются исторические и археологические памятники.

Обследование горной части бассейна реки Боралдай и на прилегающих к ней территориях в урочищах Терексай, Жыланды, Акбастау и в горах Дегерес, Киши и Улькентура, позволило выявить около 20 древних поселений и более 20 могильников или курганных групп раннего железного

века (рис. 1). Горная зона региона начала исследоваться сравнительно недавно и представлена материалами о древних петроглифах [2]. В результате проведенных работ составлена полная археологическая карта микрорайона, где отмечены 3 пещеры, в которых обнаружены материалы от эпохи бронзы до позднего средневековья, 2 поселения эпохи бронзы и раннего железного века, 18 поселений и стоянок раннего железного века и средневековья, 13 поселений нового времени.

Древние поселения в долине Боралдай преимущественно сосредоточены в боковых ущельях к югу от реки. Они занимают ровные площадки по берегам ручьев вблизи известных и сегодня родников. Поселения состояли из серии жилищ-полуземлянок. Конструкции жилищ выглядят как неглубокие западины подпрямоугольной и квадратной форм, по периметру которых прослеживаются фрагменты каменных кладок оснований фундаментов. Размеры западин от 5x4 м до 6x8 м. Всего прослеживается от 5-6 до 10-12 жилищ в составе таких поселков. По данным исследований все средневековые жилые постройки расположены вблизи или на территории древних поселений раннего железного века.

Могильники раннего железного века состоят из небольших групп (от 2 до 10-15) курганов с насыпями сферической формы или с уплощенными вершинами. Во всех случаях по периметру насыпей прослеживаются кольцевые каменные ограды. Могильники располагались, как правило, в долине реки на выходе из боковых ущелий, где фиксируются древние поселения того же времени. Это дает основание предполагать их прямую взаимосвязь и рассматривать как часть единого археологического комплекса.

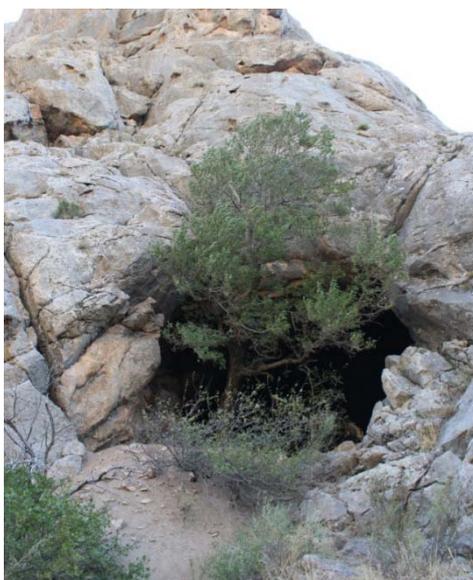


Фото 1 - Вход в пещеру Туттыбулак-I

Наиболее ярким памятником ущелья Боралдай является пещера на северо-восточном склоне горной гряды Улькентура (фото 1). Она расположена на левом берегу ручья Туттыбулак (Бола Боралдай), в 15-20 м выше его русла, в 300–350 м к востоку от места слияния двух ручьев с рекой Боралдай. Пещера была обследована в полевом сезоне 2015 года [3, с. 175-177]. Пещерное пространство представляет собой углубление в скалистой породе, содержащее значительный культурный слой. Пещера в плане подовальной формы ориентирована по оси юго-восток – северо-запад в длину 32 м. Её свод поднимается на высоту до 10 м (рис. 2: 1). Внутри обнаружены 4 очажные ямы – две у входа и две в глубине. Ямы округлой формы, размерами от 1,5 до 3 м в диаметре. При зачистке очажные ямы имеют значительную глубину прокала, что свидетельствует о длительном их использовании. В верхней части потолка пещеры на стыке с юго-западной стенкой имеются два воздуховода естественного происхождения. Очажные ямы концентрируются в районе данных воздухопроводов. Потолки свода между ямами сильно закопчены. Через них пещера постепенно замыкается и заполняется гунтом и осколками скальных плит.

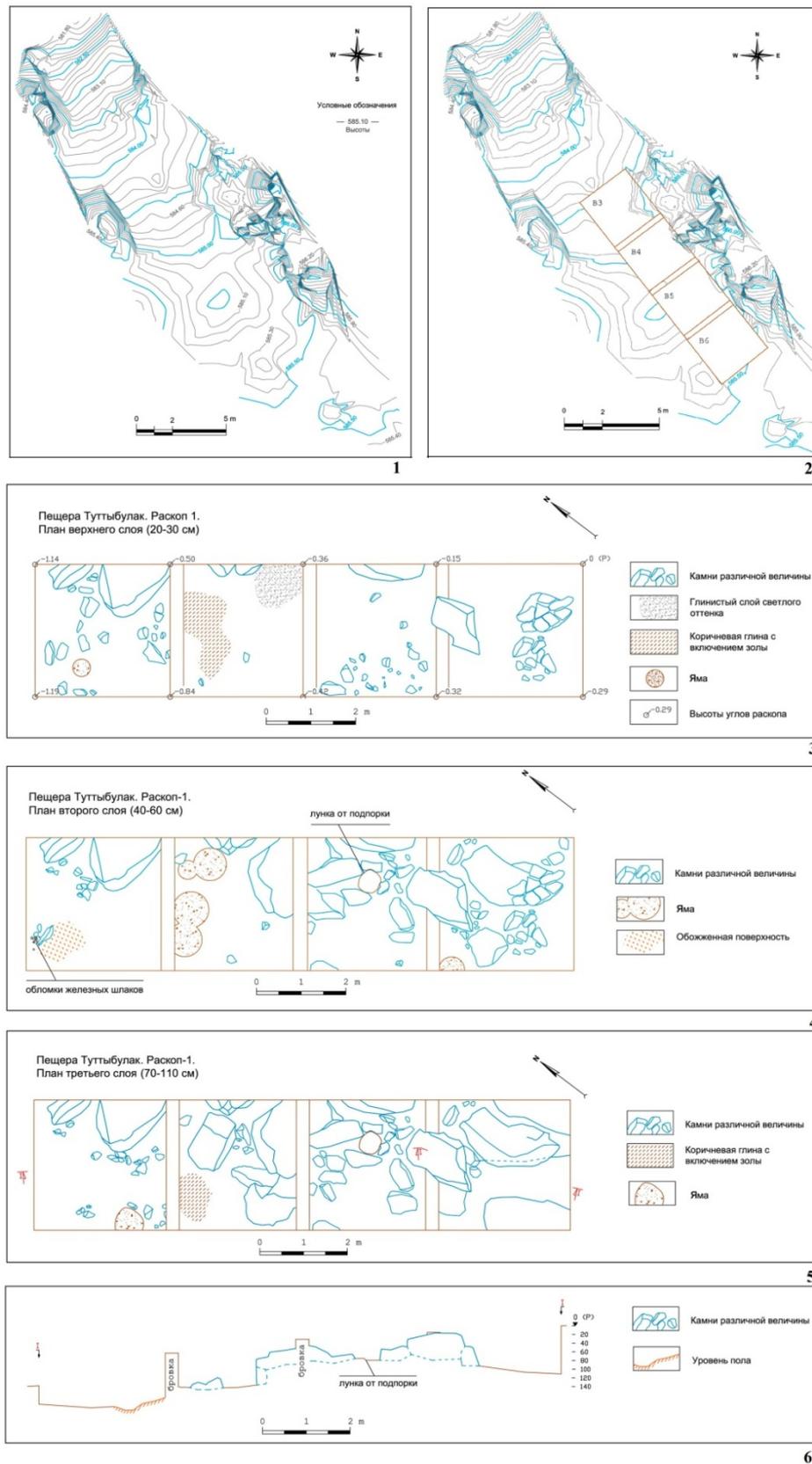


Рис. 2. Раскоп 2016 года в пещере Туттыбулак-I: 1 – топографический план пещеры; 2 – расположение раскопов в пещере; 3 – план раскопа на глубине 20-30см; 4 – план раскопа на глубине 40-60см; 5 – план раскопа на глубине 70-110см; 6 – план разрез раскопа 2016 года.

Входная группа представляет собой слегка наклонную площадку, размерами около 2 м в длину, 7 м в ширину и высотой 4,7 м. Пространство пещеры состоит из 2-х частей: грота и собственно пещеры, размерами 18 м в длину, в ширину на входе 7 м, в центральной части – 10 м, у грота 7,5 м (фото 2). Гротовая часть расположена в глубине: 10 м в длину, 7,5 м в ширину, в конце плавно сужается до 3,5 м. У северо-восточной стороны в результате обвала каменных плит от стены образовалась площадка на высоте 80 см от дна пещеры, длиной 6 м, шириной 3,2 м. На площадке имеется культурный слой, где найдены фрагменты средневековой станковой керамики, каменные орудия труда.



Фото 2 - Внутреннее пространство пещеры Туттыбулак-I до раскопок

Раскоп заложен по центру пещеры в виде четырех квадратов, размерами 3х3 м от грота до входной площадки, общей площадью 36 м² (рис. 2:2) и охватил восточные части двух хозяйственных ям, а также основание скальных блоков, отделившихся от северо-восточной стены. Раскоп ориентирован по оси северо-запад – юго-восток (40°).

В процессе исследований выяснено, что средневековые рабочие площадки устроены на крупных каменных плитах, отделившихся от северо-восточной стенки и потолка пещеры. Основная группа таких плит перекрывает более ранние слои и находится на глубине 80-90 см от современной поверхности (рис. 2: 3-5). В раскопе были открыты контуры трех железоплавильных ям средневекового периода, получен обширный материал в виде железорудных шлаков, крицы, каменных и костяных орудий труда и керамики различных этапов этого времени (рис. 3).

Керамика по данному уровню в основном станковая, тесто у сосудов разнообразное. Обломки кувшинов имеют хорошо промешанное тесто с качественным обжигом. Мелкая кухонная посуда имеет более грубое по качеству тесто с редкими примесями шамота. Тесто варьируется по цвету от серого до ярко кирпичного. Поливная керамика в слое 0-30 см разновременная. К примеру, одновременно были обнаружены фрагменты позднесредневековых сосудов с серой и зеленой поливой и фрагменты керамики с поливой, типичной для караханидской эпохи. Аналогичные формы встречаются на средневековых городищах Средней Азии и Южного Казахстана [4, с. 387]. Раннесредневековая керамика встречается в слоях от 50 до 80 см на разных участках раскопа. Особенностью данных фрагментов является наличие характерных брызг ангоба на стенках кувшинов. Аналогии данным сосудам имеются в материалах каунчинской культуры, в частности на территории Арысского бассейна [5, с. 116-117].

На участках, свободных от камней, на глубине 90-100 см обнаружены две рабочие площадки (одна с железоплавильной ямой). Находки с этого уровня представлены костями животных, фрагментами каменных орудий труда и керамикой раннего железного века (рис. 4). Посуда из

данного слоя представлена фрагментами кувшинов, чашек, мисок и крынок. Подобные формы сосудов встречаются в ближайшей округе у северных склонов Каржантау [6, с. 77-79]. Наиболее выразительные формы отмечены среди посуды позднесакских племен Жетысу [7, табл. XI].

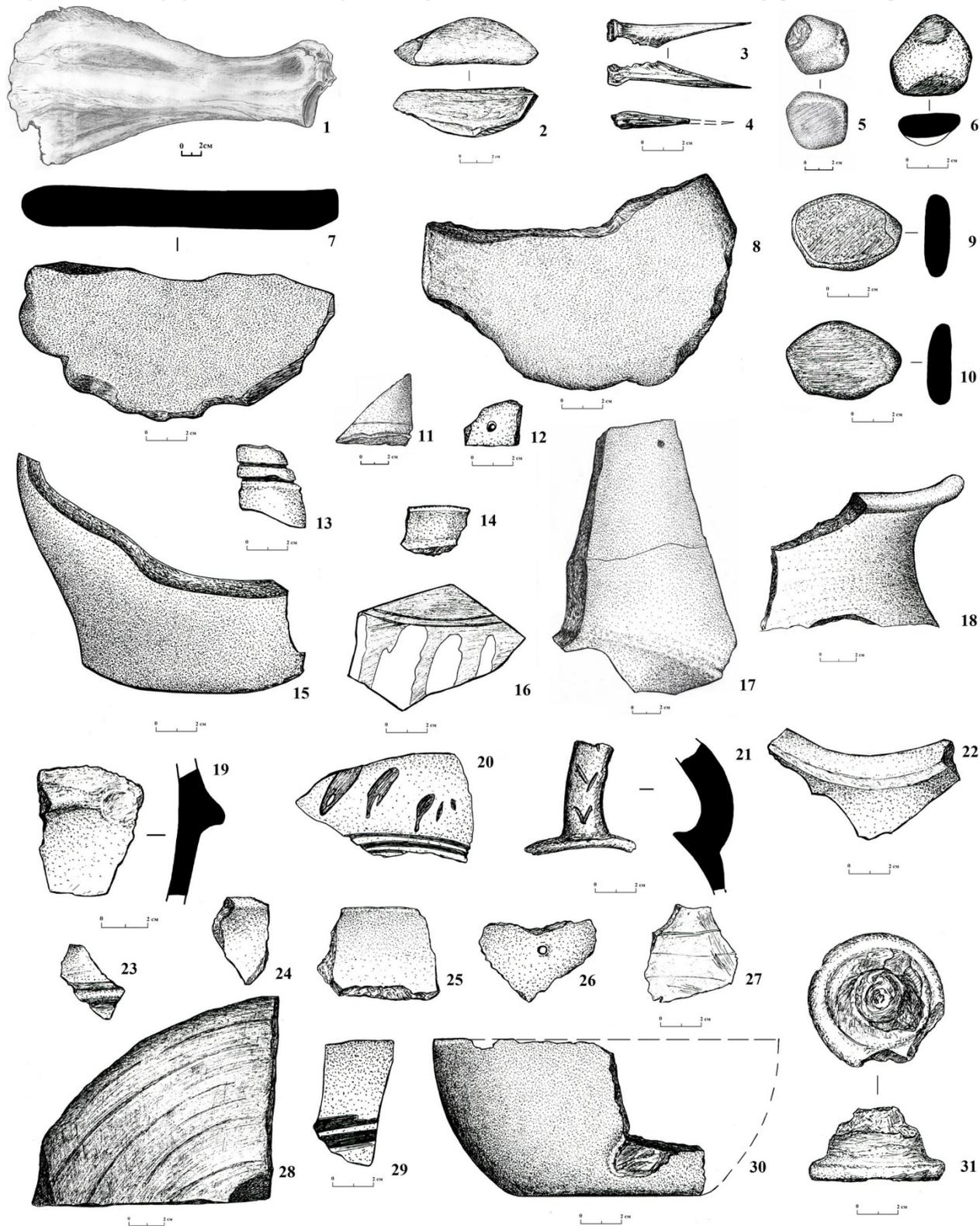


Рисунок 3 - Средневековый вещевой инвентарь из раскопа 2016 года в пещере Тутгыбулак-I на глубине 0-60 см: 1-4 – кость; 5-10 – камень; 6-31 – керамика.

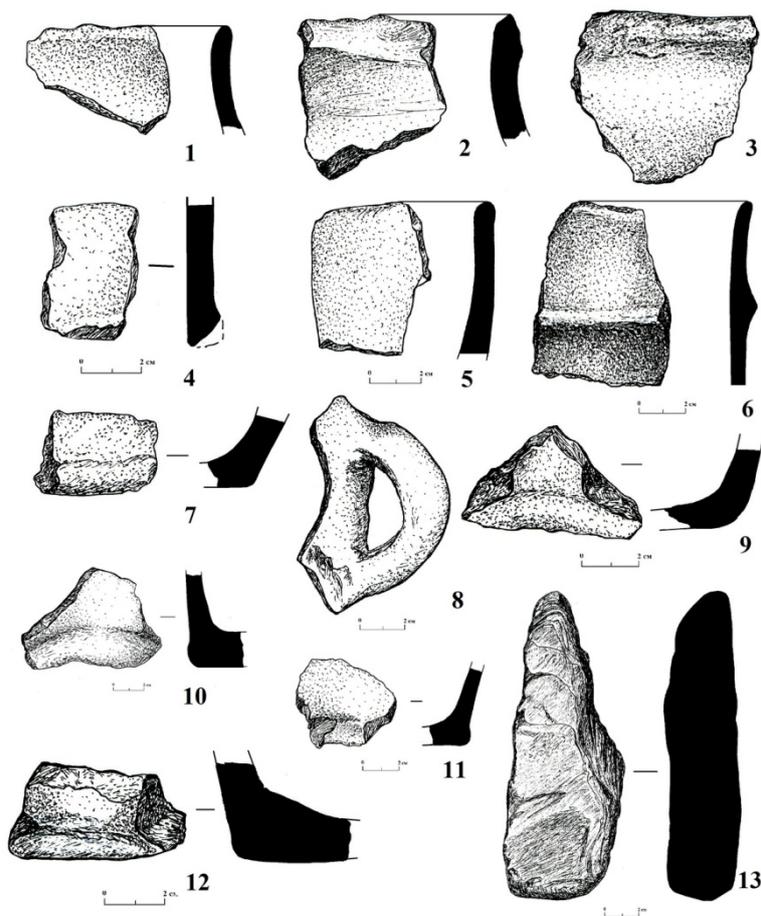


Рисунок 4 - Вещевой инвентарь раннего железного века из раскопа 2016 года в пещере Тутгыбулак-I на глубине 70-110см: 1-12 – керамика; 13 – камень

Таким образом, в результате рекогносцировочных работ в пещере Тутгыбулак отмечены следы пребывания и жизнедеятельности людей в эпоху позднего средневековья (XVII-XVIII вв.), рабочие площадки развитого (X- XV вв.) и раннего средневековья (IV-VI вв.), фиксируемые на различных уровнях от 0,2 до 0,8 м. На глубинах 0,9-1,1 м обнаруживаются материалы рабочих площадок раннего железного века характерные для V-III вв. до н.э.

Собранный археологический материал – в основном это фрагменты керамики, позволяет говорить о том, что пещера представляла интерес для людей на протяжении не менее трех тысячелетий. Сама пещера - помещение больших размеров, в котором можно укрыться от атмосферных осадков. Ее ближайшее природное окружение для людей не имеет никакой привлекательности. Объяснением этого противоречия могут послужить находки внутри пещеры фрагментов кусков расплавленного шлака, который образуется не в обыкновенном костре, а в результате высокотемпературной плавки металла. На полу пещеры найдены различной формы и размеров комья камней, притягивающиеся сильным магнитом. Они рассматриваются как исходный материал (руда) для выплавки металла. Поскольку магнитом притягиваются как рудный материал, так и отдельные фрагменты шлаков, то можно говорить, что здесь выплавляли железо. Однако при этом необходимо уточнить, что выплавлять в таких условиях можно только пористое железо так называемую крицу. Железо же, как таковое, получали уже после более высокотемпературной переплавке крицы и ее проковке.

Опорными технологическими этапами древней металлургии являются: 1) сортировка и раздробление рудного материала; 2) сушка раздробленной руды в костре либо специально подготовленной печи; 3) изготовление печи для процесса восстановления металла из руды в форме глиняного колодца над ямой; 4) просушка этой печи в течение не меньше двух часов; 5) разжи-

гание печи и послойная загрузка компонентов, составляющих шихту, через верхнее отверстие печи. Шихта состояла из дров, руды и флюсов. В качестве флюсов использовались минералы, содержащие известняк, иногда это были кости животных; 6) горение печи продолжалось в течение нескольких часов с периодическим добавлением шихты; 7) по окончании выплавки (восстановления железа) печь разрушали и вынимали крицу.

Изначально выплавлять железо из руд при более высокой температуре нельзя, так как это значительно уменьшит процент его выхода. В качестве флюса, добавляемого в шихту, применялись минералы содержащие карбонаты (мел, мрамор, известняк). Практически все минералы в ущелье с пещерой бурно реагируют с раствором соляной кислотой с выделением газа (углекислый газ), что определяет присутствие в их составе карбонатов. В древности в таких процессах в качестве флюсов могли использовать и кости животных. Рассмотрение всех этапов процесса химического восстановления железа из руды, свидетельствует о практически значимом выборе пещеры в качестве помещения для такого рода деятельности. Производство необходимого продукта в условиях большого и, условно говоря, крытого помещения было гарантией непрерывности и независимости совершаемых процессов от атмосферных осадков в любое время года. Кроме того, рассмотрение технологических процессов легко объясняет множество различного диаметра ям, как на поверхности дна пещеры, так и в различных слоях археологических раскопов, мозаичную многослойность бровок (фото 3), наличие костей различных животных и обожженных в том числе.



Фото 3 - Пещера Туттыбулак-I. Раскоп 2016 года. Юго-восточная бровка квадрата Б-6

В 300 м выше по склону гряды находится еще одна двухкамерная пещера схожей структуры. У ее входа также высажены деревья (фото 4). Пещера ориентирована по оси юго-восток – северо-запад с выходом в северо-западную сторону. Параметры основной камеры пещеры – в длину 16 м, в ширину 10 м, высотой до 4 м. На входе отмечены фрагменты камней со следами обработки и раннесредневековой керамики. Вероятно, в древности и средневековье обе пещеры использовались местным населением, вероятно, как мастерские по производству металла.



Фото 4 - Пещера Туттыбулак-II на северо-восточном склоне гряды Улькентура

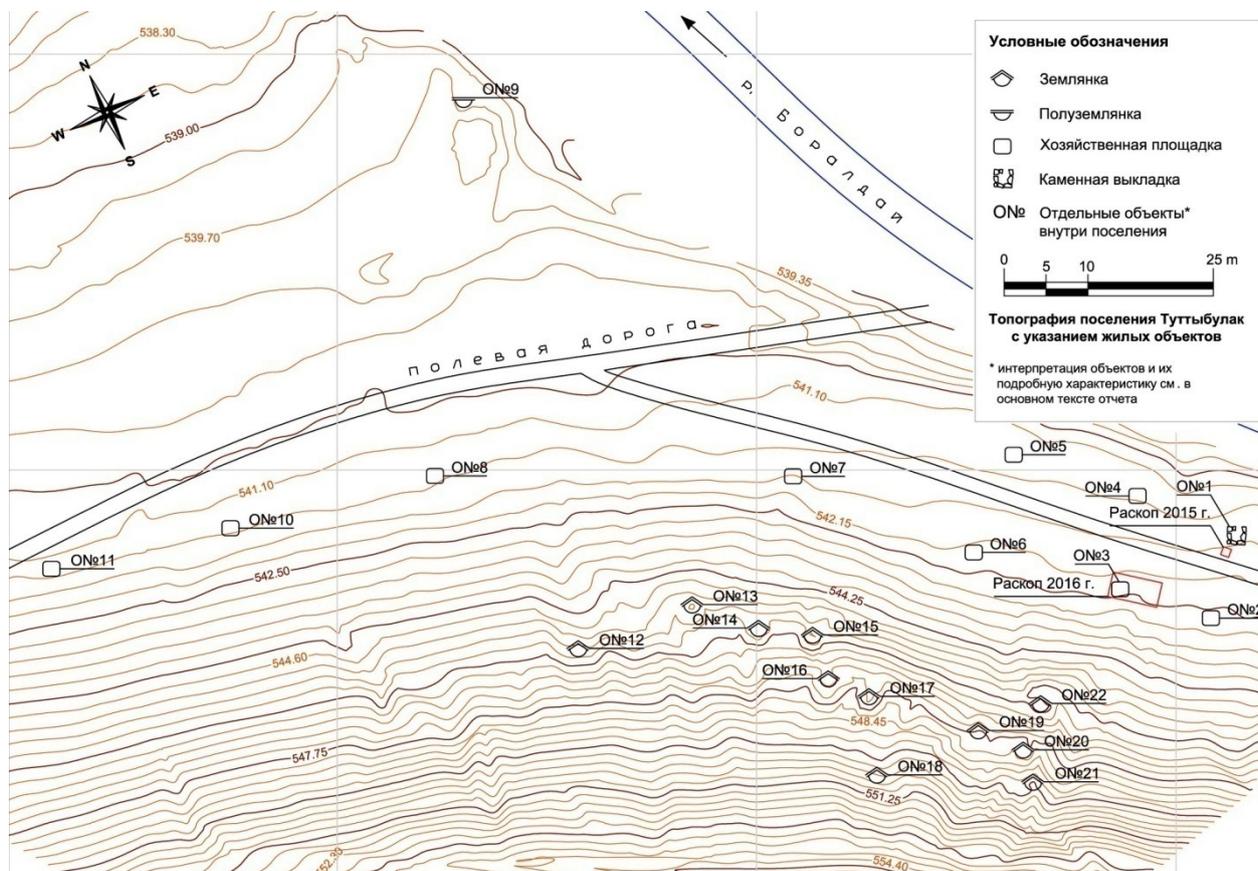


Рисунок 5 - Топографический план поселения Туттыбулак-I

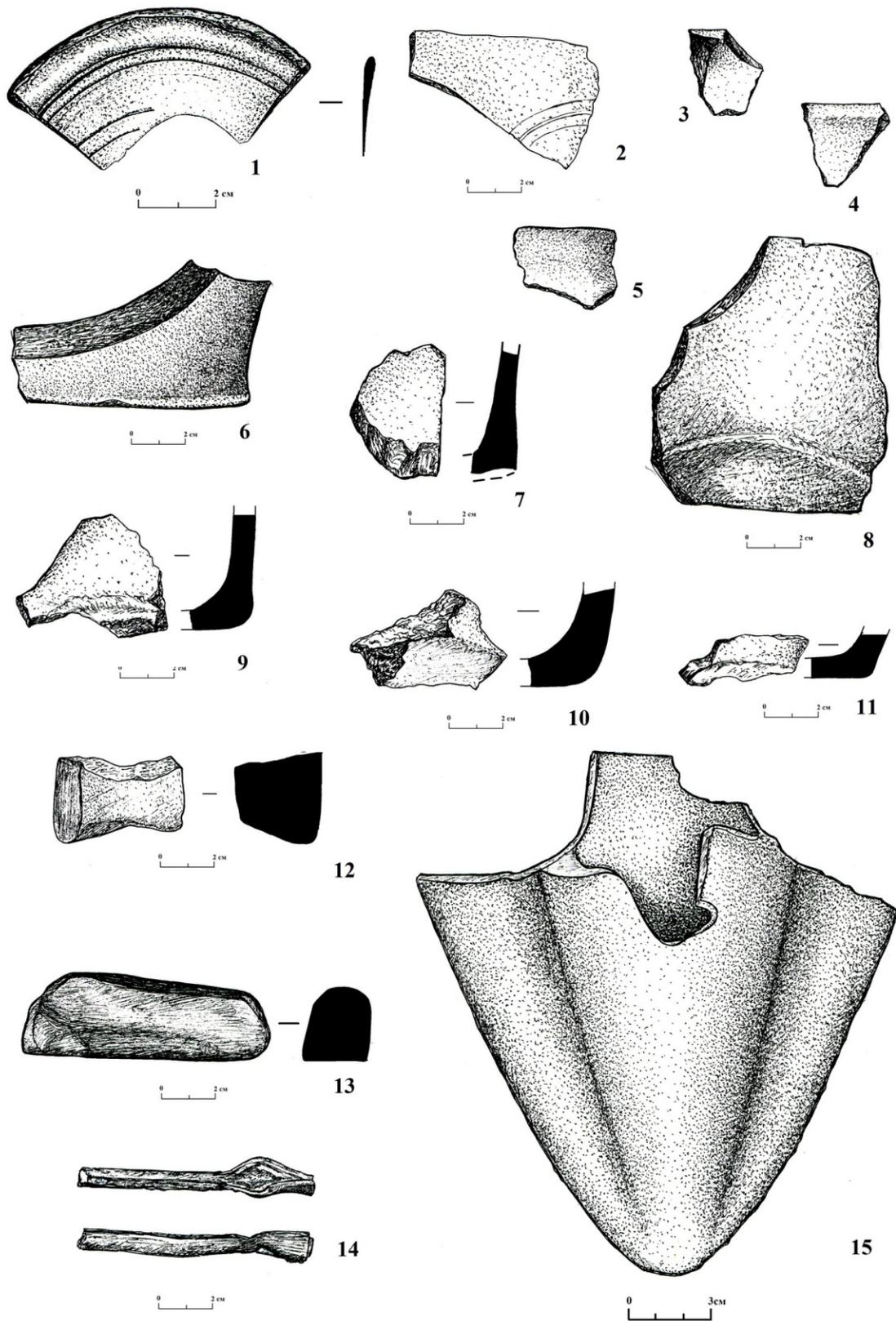


Рисунок 6 - Средневековый вещевой инвентарь из раскопа 2016 года на поселении Туттыбулак-I на глубине 0-60см:
 1 – фрагмент бронзового блюда с посеребрением; 2-11 – керамика; 12, 13 – камень; 14 – фрагмент железного инструмента; 15 – металлический тиш для омача

Рекогносцировочные раскопки на поселении Туттыбулак-I (рис. 5), расположенного в 300 м к западу от одноименной пещеры, были произведены с целью выяснения возможных взаимосвязей с пещерой, как предположительное место проживания мастеров, занимавшихся выплавкой металла в пещере. Для этого в восточной части поселения была избрана ровная площадка у подножия склона, где заложен раскоп из двух квадратов размерами 3x3 м, общей площадью 18 м². В ходе раскопок на глубине 40-50 см обнаружена каменная закладка хозяйственной ямы, содержащая значительное количество железорудных шлаков, фрагментов битой средневековой керамики и костей животных. Вещевой инвентарь средневекового поселения на площадке прослеживался до глубины 60 см. Наиболее значительными находками помимо керамики явились фрагмент бронзового блюда с посеребрением с одной стороны, тиш для омача [8, с. 128-131] и деталь железного орудия труда средневекового кузнеца (рис. 6). Материалы раскопок с данных слоев относятся к разным этапам от раннего до позднего средневековья.

С глубины 70 см до 100-110 см встречаются фрагменты каменных орудий труда и керамики раннего железного века и эпохи бронзы (рис. 7). В квадрате А1 в центральной части на глубине 90 см найден железный нож малых размеров, определяемый как охотничий, наиболее часто встречающийся в материалах сакских поселений [9, рис. 6:18; 6, табл. 56: 5,6]. По особенностям формы он датируется от раннесакского времени до V-III вв. до н.э. [6, с. 67-68; 10, с.122] Материалы раскопок подтвердили, что указанный памятник являлся поселением ремесленников, отделившихся от крупных селений земледельцев местной округи.

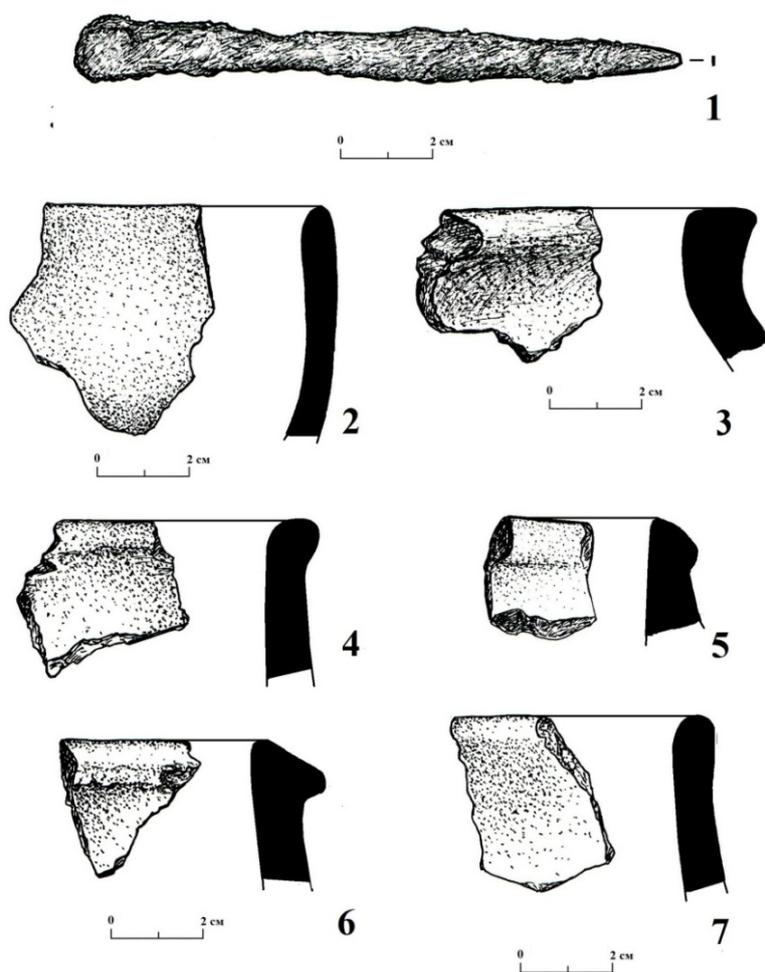


Рисунок 7 - Вещевой инвентарь раннего железного века из раскопа 2016 года на поселении Туттыбулак-I на глубине 80-100см: 1 – железный нож, 2-7 – керамика

Таким образом, чтобы позиционировать насельников рассмотренных поселений оазиса реки Боралдай необходимо обозначить потенциал природных возможностей для превращения автотрофной экосистемы данного региона в антропогенную. Узкие и скалистые склоны бортов ущелья в совокупности со своеобразным, сильно укороченным вегетационным периодом за пределами реки, не позволяет предполагать масштабного развития животноводства. Допустимо только придомное содержание небольшого стада. Отсутствие больших и ровных площадей у реки исключает возможность интенсивного и масштабного развития земледелия, ситуацию не меняет даже наличие воды. При столь значительной плотности заселения небольшого участка ущелья (рис. 1) охоту как основу жизнеобеспечения также можно исключить. Однако имеющийся на настоящее время фактический материал позволяет говорить, что люди проживали в этом природном оазисе не менее 3 тысяч лет.

Наиболее обильным базисом, могущим обеспечить человека пищей в этом регионе, являются дикорастущие плодово-ягодные растения. Боярышник желтый и красный, яблони, груши, тутовник, фисташки, каркас кавказский, урюк, дикий виноград и грецкий орех при своевременном сборе урожая и правильной обработке с целью длительного хранения вполне может обеспечить пищей не одну небольшую семью. Как показывает фактический материал, практически на всех из рассмотренных поселений, люди прокладывали искусственные русла для полива растений и /ухода за ними, вероятно, ухаживали за ними и, возможно, вели спонтанную селекционную работу. В местах, где воду подвести было невозможно, создавали арыки по склону горы, удерживающие влагу. Исключение составляют поселения, расположенные непосредственно на берегу родника Туттыбулак. В настоящее время, арык, выведший поток к полю, мог быть нивелирован дорогой ведущей к кордону. То, что люди, проживавшие на поселении Туттыбулак занимались земледелием не вызывает сомнения, поскольку в контрольном археологическом шурфе был найден чугунный тиш для омоча. Таким образом, рядом со всеми рассмотренными поселениями можно обнаружить небольшие поля для посадки зерновых. Урожай зерновых с полей поливного земледелия больше урожая с богарных полей в 6-7 раз, следовательно, на небольших участках при поливе посевов можно получить урожай достаточный для обеспечения хлебом небольшого количества людей.

Жители пойменных и надпойменных равнин могли обеспечить себя продуктами питания по минимуму в полном объеме. В то же время это не снимало вопрос потребности в предметах быта и других вещах, производимых ремесленниками, с которыми они могли выйти на контакт, со своей стороны предложив на обмен, куплю-продажу только то, что у самих было в избытке. Таким избыточным продуктом у жителей ущелья Боралдай могли быть выплавленный на поселении и в пещере Туттыбулак металл и плоды деревьев и кустарников, за которыми они ухаживали в окружении своих поселений.

Таким способом закладываются отношения между жителями разных поселений. Легко образуется культурный слой посредников, решающий проблему контакта между людьми, производящими разные бытовые предметы и пищевые продукты. Наиболее подходящим местом для союза таких посредников является территория при слиянии ущелий Кошкарата и Боралдай. Самостоятельно заниматься процессами обмена и продажи избытков собранного урожая, жителям удаленных горных поселений проблематично. Но иметь перевалочно-торговую базу было бы очень удобно. Интересно, что в раннем средневековье на этом месте возникает караултобе, а сама местность, по сообщению госинспектора Жолдасова И.И., называется «Тараз» - «весы».

Исследования поселений и курганов раннего железного века на верхних плато горы Улькентура и Кишитура и прилегающих к ним ущельях Акбастау и Терексай, имеющих прямые выходы в долину реки Боралдай в районе местного Тараза, показали, что их жители занимались преимущественно животноводством и сенокосением. На сегодняшний день эта территория также является сенокосными угодьями данного региона. Древние памятники среднего течения реки Боралдай представлены крупными поселениями земледельцев и ремесленников (один из поселков, вошедший в состав современного села Теректы назывался Темирши – «железный»). Хозяйственно-экономическая структура развития населения раннего железного века в ущелье Боралдай представляется самодостаточной. Специализация древних насельников на различные виды

сельскохозяйственного производства и ремесла, и наличие своеобразного торгового и административного центра позволила создать ту модель экономического развития, которая обеспечила активное освоение региона в средневековую эпоху.

Хребет Каржантау является частью горной системы Западного Тянь-Шаня и имеет ассиметричное строение. Западные отроги хребта фактически являются водным бассейном реки Келес. Многочисленные речки и ручьи, берущие начало в горах Каржантау и у его северо-западных склонов, прорезают предгорные подошвы, образуя неширокие долины. Наиболее благоприятные условия в этом регионе сложились для развития поливного земледелия, садоводства и виноградарства [11, с.31].

Археологической разведкой 2016 года охвачен участок северных склонов хребта Каржантау с южными притоками реки Келес – Жигергенсай, Уясай и Каржансай. Разведка в этом районе производилась от устьев основного хребта до реки Келес, по берегам ручьев и вершинам горных отрогов – водоразделов (рис. 8). В результате работ выявлены 3 древних поселения на северных окраинах сел Аккум и Шакпак. Анализ их местоположения позволил предположить, что основные крупные поселения древних эпох располагались там, где сегодня находятся современные населенные пункты, что затрудняет их поиск. Поселения концентрировались преимущественно возле устьев небольших саев с родниками. Практически на выходе из всех боковых ущелий подошвы северо-западных склонов хребта Каржантау по левому берегу реки Келес фиксируются средневековые поселения и усадьбы нового времени. Эти же площадки были наиболее удобны и для устройства древних поселений. Однако в силу плотного заселения микрорайона в более поздние времена они не сохранились. В устьях ущелий обнаружены два крупных средневековых укрепленных городища в урочище Чинар (Шынар) на водоразделах между притоками рек Каржансай и Уясай. Подъемный материал позволяет отнести их к периоду раннего средневековья.

Деятельность местного населения была определена в пользу поливного земледелия. Домашних животных проще было содержать и выпасать на территориях, входящих в состав подворья. На сравнительно больших приусадебных площадях высевали траву, по периметру высаживали деревья и поливали весь участок из арыков, подводивших воду с гор для орошения полей. В целом такой прием содержания небольшого стада домашнего скота очень гармонично вписывается в структуру системы поливного земледелия. Принципиально подобная схема в сельских поселениях сохраняется и в настоящее время. Стада домашних животных выпасаются на стерне уже убранных полей. Садоводство как отрасль земледелия и даже выращивание зерновых по мере развития выдвигались в более высокие горные районы. Это было более рационально, рентабельно и в “русле” уже сложившейся, привычной деятельности в местных природных условиях. Хребты некоторых водоразделов разрабатывались под посадку фруктовых деревьев либо под зерновые или сенокосы.

На древних поселениях на поверхности в качестве подъемного материала сравнительно часто обнаруживается керамика, относящаяся к средневековью. При этом известно, что в средневековье в низинной части предгорной полосы был расцвет городского образа жизни, основанного на поливном земледелии. В тоже время часть населения могла содержать скот в ближайших горных ущельях. Но природные условия не предоставляли большого территориального выбора, поэтому средневековые скотоводческие стоянки располагались поверх поселений их предшественников.

На вершинах водоразделов между ручьями – притоками вышеперечисленных рек обнаружено значительное количество курганных могильников. Всего обнаружено 30 таких памятников, наибольшее количество из них (17) группируются в долине реки Каржансай (фото 5). Как правило, у северных склонов Каржантау они представляли собой одиночные группы «царских» курганов (фото 6) или рядовые кладбища по несколько десятков курганов. Наиболее крупные «царские» курганы в данном районе концентрируются на сопках непосредственно возле современных населённых пунктов – Жанабазар, Алтынтобе, Каржан, Аккум, Кызылбулак, Карабастау, Жигерген, Шакпак и др. Их детальное исследование должно способствовать изучению развития древних культур Южного Каратау и представляется очень перспективным.

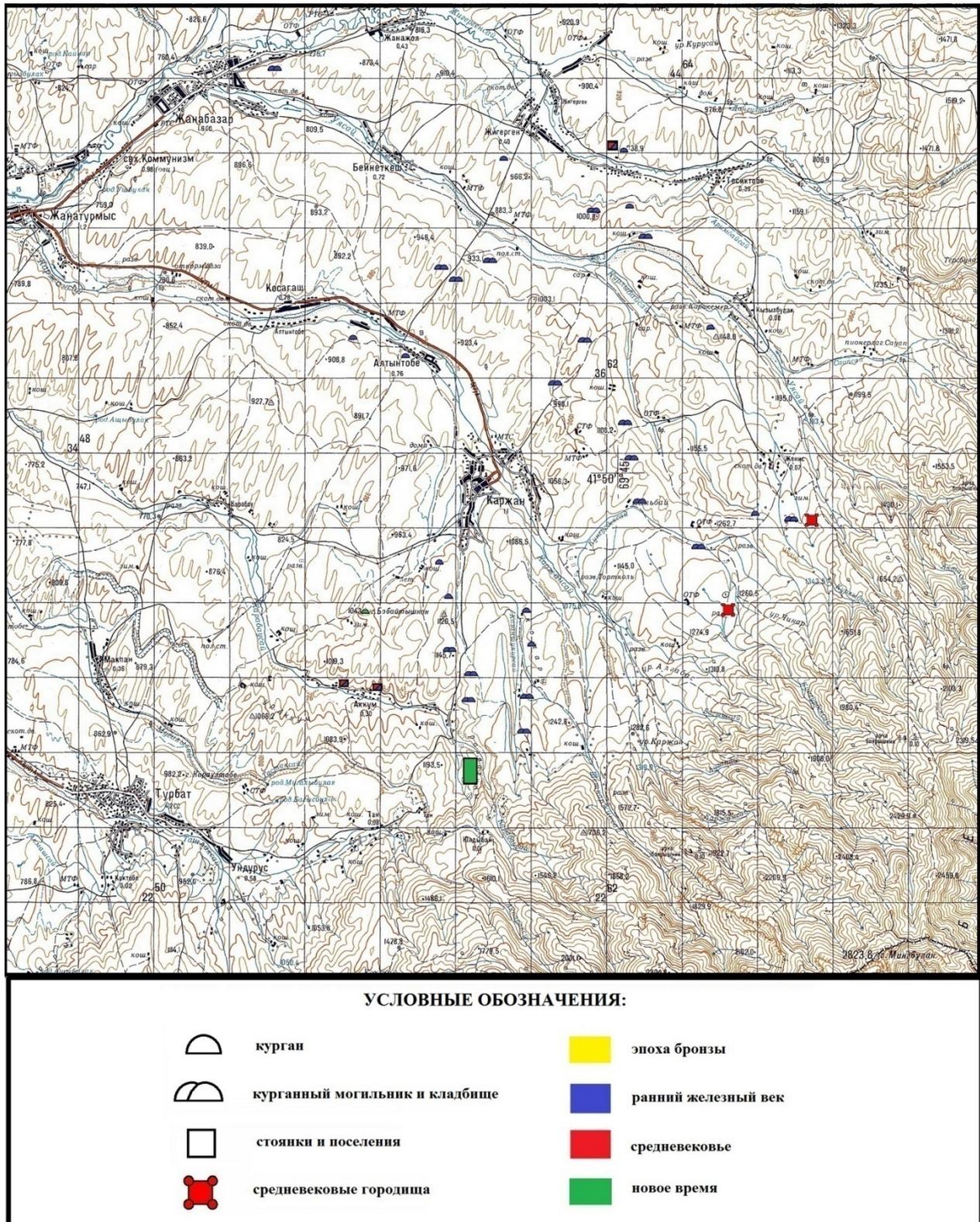


Рисунок 8 - Карта расположения археологических памятников у северных склонов хребта Каржантау в районе южных притоков реки Келес



Фото 5 - Курганы раннего железного века на вершине водораздела по правому берегу реки Каржансай



Фото 6 - «Царский» курган над долиной с древним и средневековым поселением на вершине увала по левому берегу реки Уясай

Археологические исследования по данной проблеме были произведены при поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан по программе 055 «Научная и/или научно-техническая деятельность», подпрограмме 101 «Грантовое финансирование», по приоритету «Интеллектуальный потенциал страны», по теме: «Ранний железный век Южного Казахстана».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Афанасьева Т.В., Василенко В.И., Терешина Т.В., Шерemet Б.В. Почвы в СССР. - М, 1979. – 380 с.
- [2] Байтанаев Б.А., Потапов С.А., Грищенко А.Н. Петроглифы Боралдая. — Алматы, 2007. – 112 с.
- [3] Байтанаев Б.А., Горячев А.А., Сараев В.В., Шаяхметов А.Х. Разведка археологических памятников в долине реки Боралдай в предгорьях Каратау и у северных склонов хребта Каржантау // Известия НАН РК / Серия общественных и гуманитарных наук. – Алматы, 2015 - № 6(304). - С.174-181.
- [4] Смагулов Е.А. Древний Сауран. – Алматы, 2011.

- [5] Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. – Наука. Алма Ата, 1989.
- [6] Байтанаев Б.А. Древности Бургулюка. — Алматы, 2011. – 224 с.
- [7] Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата, 1963.
- [8] Сараев В.В. Инструменты земледельцев древнего Жетысу // История и археология Семиречья. - Вып.4. - Алматы, 2011. - С. 127-143.
- [9] Горячев А.А., Егорова Т.А. Поселения раннего железного века в ущелье Бутаковка (на юго-восточной окраине города Алматы) // Сакская культура Сары-Арки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии / Сборник научных статей, посвященный памяти Кималья Акишевича Акишева. – Алматы, 2015. - С. 90-99.
- [10] Самашев З.С., Григорьев Ф.П., Жумабекова Г.С. Древности Алматы. - Алматы, 2005. – 182 с.
- [11] Семёнова М.И. Природа и хозяйство Южно-Казахстанской области. — Алма-Ата, 1959.

REFERENCES

- [1] Afanaseva T.V., Vasilenko V.I., Tereshina T.V., SHERemet B.V. Pochvy v SSSR. M, 1979. 380 p.
- [2] Baytanaev B.A., Potapov S.A., Grischenko A.N. Petroglify Boraldaya. Almaty, 2007. 112 p.
- [3] Baytanaev B.A., Goryachev A.A., Saraev V.V., Shayahmetov A.H. Razvedka arheologicheskikh pamyatnikov v doline reki Boraldaya v predgoryah Karatau i u severnykh sklonov hrehta Karjantau // Izvestiya NAN RK / Seriya obschestvennykh i gumanitarnykh nauk. Almaty, 2015. № 6(304). p.174-181.
- [4] Smagulov E.A. Drevniy Sauran. Almaty, 2011.
- [5] Baypakov K.M., Podushkin A.N. Pamyatniki zemledelchesko-skotovodcheskoy kulturyi YUjnogo Kazahstana. Nauka. Alma Ata, 1989.
- [6] Baytanaev B.A. Drevnosti Burgulyuka. Almaty, 2011. 224 p.
- [7] Akishev K.A., Kushaev G.A. Drevnyaya kultura sakov i usuney doliny reki Ili. Alma-Ata, 1963.
- [8] Saraev V.V. Instrumenty zemledeltsev drevnego Jetyisu // Istoriya i arheologiya Semirechya. Vyip.4. Almaty, 2011. p.127-143.
- [9] Goryachev A.A., Egorova T.A. Poseleniya rannego jeleznoogo veka v ushele Butakovka (na yugo-vostochnoy okraine goroda Almaty) // Saksaya kultura Saryi-Arki v kontekste izucheniya etnosotsiokulturnykh protsessov stepnoy Evrazii / Sbornik nauchnykh statey, posvyaschennyiy pamyati Kimalya Akishevicha Akisheva. Almaty, 2015. p.90-99.
- [10] Samashev Z.S., Grigorev F.P., Jumabekova G.S. Drevnosti Almaty. Almaty, 2005. 182 p.
- [11] Semёnova M.I. Priroda i hozayaystvo YUjno-Kazahstanskoj oblasti. Alma-Ata, 1959.

Б.А. Байтанаев, А.А. Горячев, В.В. Сараев, А.Х. Шаяхметов

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан

ҚАРАТАУ ТАУ ЕТЕГІ МЕ ҚАРАЖАНТАУДЫҢ СОЛТҮСТІК БӨКТЕРІНДЕГІ ЕРТЕ ТЕМІР ҒАСЫРЫ ЕСКЕРТКІШТЕРІНДЕГІ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

Аннотация. Оңтүстік Қазақстан облысындағы 2016 жылғы археологиялық барлау жұмыстарымен Боралдай және Терексай шатқалдары және Қаратау тауының оңтүстік бөктері мен Қаражантаудың батыс баурайының солтүстік бөктері қамтылды. Жалпы алғанда ерте темір ғасырының қорғанды оба қорымдары мен тұрақтардан тұратын 50-ге жуық ескерткіштері есепке алынды. Ерте орта ғасырының тұрақтары таулы шатқалдың орта бөлігі мен шыға берісінде белгіленді. Оба қорымдар тау етегі, таулы жырақтар мен өзен алқабының биік террасаларында шоғырланған.

Археологиялық қазба жұмыстары Боралдай өзен алқабындағы тұрақ пен Тұттыбұлақ үңгірінде жүргізілді. Зерттеу мәліметтері үңгірдің ерте темір ғасырында және ортағасырда крица секілді темірді балқытатын шеберхана ретінде пайдаланылғаны анықталды. Тұрақ ірі жер өңдеуші орталықтардан бөлінген кішкене қол-өнершілер орталығы ретінде болған.

Аймақтың экологиялық базасы түбірі суармалы жер өңдеу болып табылатын шаруашылық жүйесінің қалыптасуына алып келген. Ерте тұрғындардағы мал шаруашылығының дамуы еншілес сипатта болған. Малды азықпен қамту егістіктегі басты өнім мен шөпті тергеннен кейінгі алынған өнімге негізделген. Бақша егу шаруашылықтың тармағы ретінде таулы аймақтарға жылжыған. Шаруашылық-экономикалық жүйенің ертеде туған ерекшелігі мен үрдістері кейініректе ортағасырларда жалғасын тауып дамыған.

Кілт сөздер: тұрақ, оба қорым, үңгір, ерте темір ғасыры, ортағасыр, металлургия, шаруашылық-тұрғын кешені.

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

ISSN 2224-5294

Volume 1, Number 311 (2017), 160 – 167

UDC 903/904 (584.5)

К.М. Baipakov, D.A. Voyakin

A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan
E-mail: kbaipakov@mail.ru, d_voyakin@hotmail.com

MEDIEVAL SETTLEMENTS ON THE NORTH KARATAU SECTION OF THE GREAT SILK ROAD

Abstract. This article presents the results of the studies of the Great Silk Road section and the ancient settlements situated on its territory. The article also provides the information on their localization and chronology. The ancient settlements of Kumkent (city of Koykan) and Suzak (city of Suzakh) are the most valuable for further studies because they were mentioned in the source of XIII century dedicated to the king Hethum I of Armenia Inferior.

The research works on the territory of Karatau Section of the Great Silk Road are needed to be continued in the future.

Keywords: Great Silk Road, Karatau Section, Karatau, aerial photo, topography, localization, chronology, excavation, ceramics.

УДК 903/904 (584.5)

К.М. Байпаков, Д.А. Воякин

Институт археологии им. А.Х. Маргулана», Алматы, Казахстан

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДИЩА НА СЕВЕРО-КАРАТАУСКОМ УЧАСТКЕ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Аннотация. В статье публикуются результаты исследований участка Великого Шелкового пути и расположенные на нем городища, приводится обоснование их локализации, определяется хронология. Наиболее важными для дальнейших исследований являются городища Кумкент – город Койкан и городище Сузак – город Сузах, о которых сообщает автор середины XIII в. – царь Малой Армении Гетум I.

Исследования Каратауского участка – отрезка Великого Шелкового пути должны быть продолжены.

Ключевые слова: Великий Шелковый путь, Каратауский участок, Каратау, аэрофото, топография, локализация, хронология, раскоп, керамика.

Первые исследования средневековых городов Северных склонов Каратау провел А.Х. Маргулан в 1946 г. Обследовались караванные пути, изучались остатки древней оседлой культуры и средневековые городища, известные по средневековым письменным источникам - города Кумкент и Саудакент, Сузак, Ак-Сумбе.

В 1950 году города и городища были описаны А.Х. Маргуланом в первом сводном труде об урбанизации Казахстана [1, с. 49-55; с. 109-110].

Обстоятельные сводки об этих и других поселениях и городищах в этом же регионе принадлежат А.Н. Бернштаму, Е.И. Агеевой и Г.И. Пацевичу [2, С. 95-96; с. 109-114]. Они также вошли в археологическую карту Казахстана [3].

Яркие материалы дали многолетние раскопки городища Баба-Ата [4, с. 117-219].

В 2015 г. по бюджетной программе: 217 «Развитие науки», подпрограмма 102 «Грантовое финансирование научных исследований» по теме: «История военного искусства Казахстана:

фортификация древних и средневековых городов Южного Казахстана (по материалам археологических исследований округов Фараб-Отрар и Шавгар-Туркестан)» были проведены комплексные исследования и раскопки городища Кумкент.

Если двигаться по Великому Шелковому пути, то можно проследить последовательность памятников.

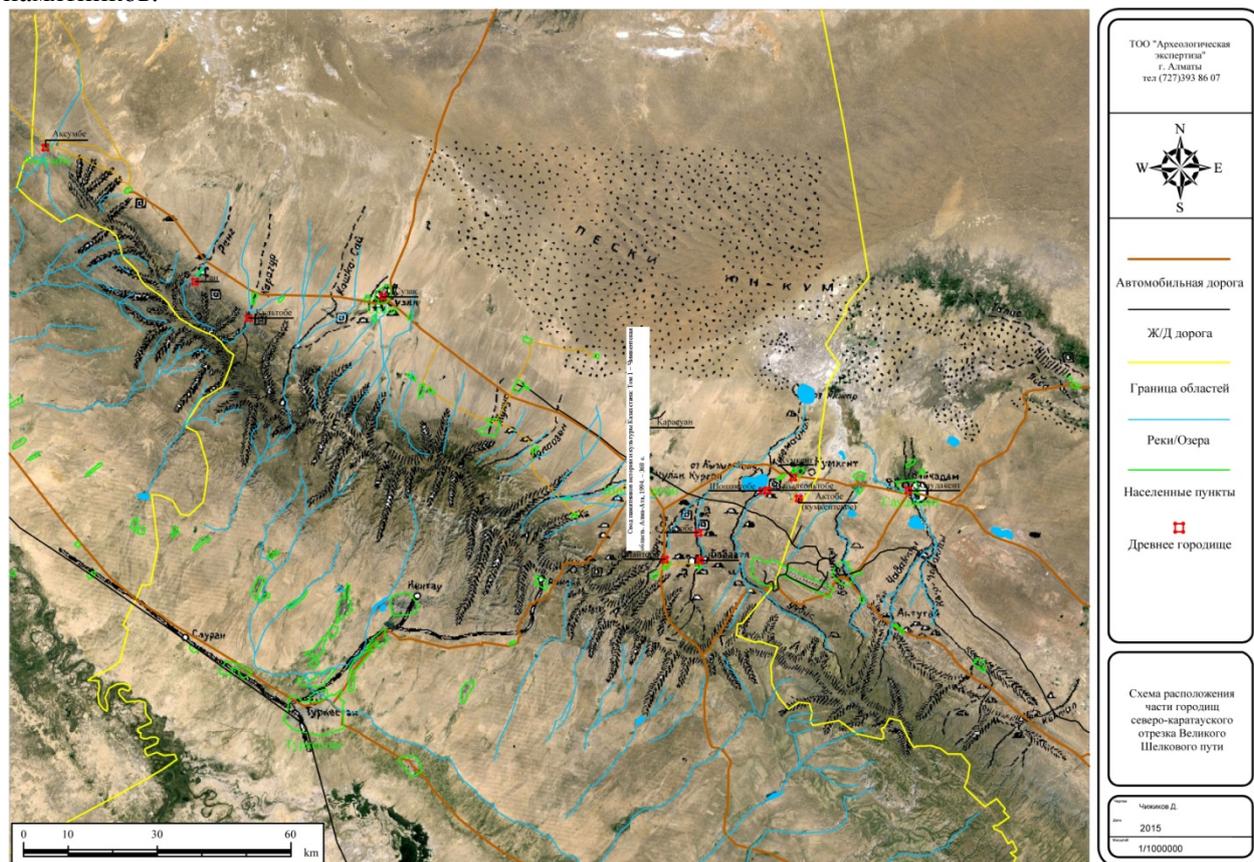


Схема расположения средневековых городищ на северо-карагандском отрезке Великого Шёлкового пути

Городище Ак-Сумбе расположено на юго-западной окраине поселка Аксумбе Южно-Казахстанской области. Памятник находится на левом берегу одноименной речки родникового происхождения.

В целом археологический комплекс, полученный в процессе раскопок позволяет определить хронологические рамки памятника в пределах X-XIV вв.

Активное обживание поселения в XII-XIII вв., по-видимому, было связано с обслуживанием караульной башни. Время сооружения башни Аксумбе относится к периоду правления Мухаммеда, безусловно, готовившегося к вторжению монголов и выбравшего тогда тактику укрепления гарнизонов страны взамен генерального сражения.

Городище Сузак расположено южнее современного посёлка Сузак на высоком естественном холме, который с севера и частично с запада и востока омывается небольшой речкой. Три склона, за исключением южного, у этого холма очень крутые, высотой от 15 до 30 м. Толщина культурного слоя, судя по обнаженному срезу на городище, достигает 8-10 м. Городище представляет собой трехъярусную площадку прямоугольной формы со срезанными углами, из которых самая высокая – средняя высотой (с северной стороны) 35 м и размером 350x200 м. Восточная площадка размером 300x200 м и высотой 20 м, западная – высотой около 15 м и размером 300x200 м. Археологическое обследование городища, проведенное в 1940-е гг., показало, что оно является разновременным, более древней была наиболее возвышенная средняя часть, соответствующая территории древнего шахристана. Две другие площадки представляли собой предместья – рабады. Датируется городище XII-XIX вв.



Городище Сузак. Аэрофото

Городище Шолак-Курган (Чулак-курган) расположено к востоку от одноименного поселка и представляет собой площадку со срезанным северо-западным углом, ориентированную сторонами по сторонам света. Размер её по верхнему краю 80x160 м, высота восточной части 30 м, западной – 20 м. Городище датируется VIII-XVIII вв.

В начале 1960-х гг., в связи с расширением села Шолак-Курган, верхний слой его был полностью уничтожен. В данный момент на его месте располагается мечеть и парк отдыха.

Городище Саудагент находится на территории поселка Байкадам и представляет собой прямоугольный в плане возвышенный бугор, ориентированный углами примерно по странам света, высотой в среднем около 5 м. Размер верхней площадки его 210x130 м. Площадка со всех сторон окружена оплывшим земляным валом высотой около 1 м со следами 11 башен в виде небольших земляных холмов. В северо-восточном углу площадки расположены остатки цитадели.

На территории цитадели заложен небольшой шурф, доведенный до глубины 2,5 м. Им была вскрыта внутренняя часть стены какого-то сооружения. Было обнаружено большое количество керамики монголо-тимуридского времени. Датируется городище X-XIV вв.

Городище Тамды расположено западнее пос. Шолактау на правом берегу небольшой горной речки Тамды. Оно представляет собой прямоугольной формы возвышенную площадку размером 175x300 м, ориентированную сторонами по странам света. Площадка со всех сторон окружена земляным валом высотой от 1,5 до 2,5 м и являлась, по-видимому, шахристаном. В северо-западном углу сохранились остатки цитадели в виде площадки 55x55 м, высотой около 4 м. Цитадель со всех сторон окружена земляным валом высотой около 0,5 м с остатками башен. Сохранилась северо-западная угловая башня, расчищена значительная часть глинобитной стены.

Городище Тамды возникло в VI-VIII вв. В раскопе было обнаружено 7 культурных слоев мощностью около 3 м, относящихся к VI-XIII вв.

Городище Майтобе занимает северную окраину села Жартытобе на левом берегу безымянного пересохшего источника.

Городище состоит из центрального бугра – цитадели, вытянутого с востока на запад размерами: основание 100x110 м, верхняя часть – 40x45 м и высотой 8-10 м. Крепостные стены в виде оплывшего вала высотой до 2,5 м огибают центральный бугор по контуру рвов, в северной

части отмечен разрыв-проход (въездные ворота). С юга к цитадели примыкает площадка размерами 80x90 м и высотой 3 м. Рекогносцировочный раскоп включил в себя площадь центрального помещения, прямоугольного в плане, размерами 15x13 м, стены которого сложены из кирпича-сырца 40x20x11 см, толщина стен до 1 м. Общий размер раскопа на цитадели 15x6 м. Жилые конструкции верхнего строительного горизонта вскрыты на глубине 0,9-1 м от уровня дневной поверхности. В результате обнаружены подпрямоугольные помещения из пахсы, в каждом из них 1-2 тандыра диаметром 0,8-0,9 м, с насечками на стенках, углубленные в полу выгребные ямы, округлые в плане, каменные выкладки на уровне пола; многочисленные фрагменты керамики, изделий из камня. Археологический материал включает фрагменты и восстанавливаемые формы сосудов хозяйственно-бытового, кухонного и столового назначения (поливные и неполивные), каменные ладьевидные зернотерки, песты, терочки. Находки из раскопа датируют городище VIII-XIII вв.

Городище Актобе (Кумкентское) расположено в 5,5 км юго-восточнее городища Кумкент. Оно представляет собой возвышенность овальной формы размером 140x220 м, высотой 11 м. На поверхности городища выделяется более высокая часть размером 77x97 м, являющаяся, по всей видимости, цитаделью. Датируется городище IV-VIII вв.

Городище Кызылкольтобе расположено в 4 км западнее городища Кумкент, в пойме безымянной реки (правый приток р. Ушбас), вблизи восточного берега озера Кызылколь.

В ходе археологической разведки 2015 г. на городище обнаружены во множестве фрагменты керамики – обломок венчика лепного сосуда типа небольшой тагоры со светлым ангобом снаружи, фрагмент венчика горловины кувшина, фрагмент коленчатой ручки кувшина, фрагмент плоского донца от лепного сосуда, напярсло, изготовленное из боковины сосуда, а также напярсло, изготовленное из днища сосуда. Датируется городище по находкам керамики V-VIII вв.

Городище Шошактобе расположено в 8 км юго-западнее городища Кумкент, в пойме безымянной реки (правый приток р. Ушбас), вблизи восточного берега озера Кызылколь, в 1 км западнее городища Кызылкольтобе.

На поверхности городища обнаружены фрагменты боковин крупных сосудов, фрагменты стенок тагоры, фрагменты стенок сосудов, снаружи покрытых светлым, красным и темным ангобом, фрагмент плоского донца от крупного сосуда типа кувшина, фрагмент плоского донца от сосуда, фрагмент плоского донца от крупного сосуда типа кувшина, фрагмент крышки сосуда. Также найден фрагмент боковины сосуда с прозрачной темно-зеленой поливой, фрагмент боковины от крупной чаши с желтой поливой по светлому ангобному фону и подглазурной орнаментацией в виде разводов темно-коричневого и кирпично-красного цвета. Датируется городище VI-XIV вв.

Городище Кумкент расположено в Сузакском районе Южно-Казахстанской области на северных склонах гор Каратау.

По всей видимости, именно Кумкент под названием Кайкант упоминает Киракос Гандзакци в XIII в. при описании путешествия армянского царя Гетума I к Батыю и Мангу-хану: «Затем, переправившись через реку, называемую Илансу, перевалив через отроги Таврских гор, прибыли в Далас и явились к брату Мангу-хана, Хулагу, получившему в удел страны Востока. Потом, повернув с запада на север, поехали в Хутухчин, Пергант, Сухул-хан, Уросо-хан, Кайкант, Хузах, т.е. Камоц, в Хундахойр и Сгнах, т.е. к горам Харчух (откуда происходят сельджуки), которые берут начало в Таврских горах, доходят до Парчина и здесь кончаются. Оттуда они поехали к Сартаху, сыну Батыя, который собирался к Мангу-хану» [5, с. 225].

Большой пласт сведений о Кумкенте связан с ногайской традицией. Как пишет В.В. Трепавлов: «В дастанах упоминаются города – места, где действуют персонажи: Сарай, Маджар, Сарайшык, Кумлы-кала и Сарлы-кала. Кумлы-кала сопоставима с Кумкентом (перевод одинаковый «Песчаная крепость»), который якобы принадлежал эпическому отцу Эдиге, Кутлу-Кая, и, видимо, считался сердцевинной его наследственных владений. Нурадин б. Идегей говорит отцу в татарском варианте эпоса: «Посылает тебе привет город Кумкент и вся страна, что тебе навсегда верна. Сам Кутлу-Кая обвинял в (окончательном) разорении города хана Токтамышша. По родословной князей Юсуповых, Кутлу-Кая «взял взятые Кумкент и учинился в Кумкенте государем». Очевидно, имеется в виду городище Кумкент, расположенное в окрестностях районного центра Чулаккурған» [6, с. 595-596].

Сведения о городище Кумкент появляются лишь в конце XIX – начале XX века. Так, в известной книге И.А. Кастанье приводятся сведения из статьи В. Колосовского: "...некогда Кум-Кент занимал обширную площадь земли, обнесенную городской стеной. Одна из улиц вела к центру, где над всем царила цитадель; со стен последней открывался широкий кругозор: с одной стороны, чернела далекая р. Чу, с другой – причудливо рисовались высокие горы, а с боков бесконечная равнина сливалась с горизонтом. Две груды крупного жженого красного кирпича квадратной формы указывают на места воротных башен; здесь же на полуосыпавшемся откосе видна часть фундамента из очень крупного, тщательно уложенного, булыжника. Вся поверхность «калы» усеяна черепками цветной посуды, битых корчаг, изразцов и сплавившихся шлаков» [7, с. 275].

Рекогносцировочные работы на памятнике впервые были проведены в конце 1940-х – начале 50-х гг. Центрально-Казахстанской и Южно-Казахстанской археологическими экспедициями [8, с. 109-112].

Для изучения стратиграфии и планиграфии цитадели Кумкента был заложен раскоп общей площадью 150 кв. м.

В ходе работ было выявлено 9 помещений верхнего (первого) строительного горизонта.

Помещение 1 размером 3,90x3,15 м расположено в юго-восточной части второго домовладения. В помещении была обнаружена суфа с тремя тандырами и ташнау. Первый тандыр расположен у северной стены помещения. Диаметр тандыра 60 см, внутренняя поверхность имеет рисунок в виде семи вертикальных линий, чередующихся с шестью волнистыми линиями. Поддувало тандыра расположено с южной стороны. Высота его 20 см, ширина в нижней части 16 см.

Тандыр имеет дымоход, расположенный в северо-западном углу помещения в месте соединения западной и северной стен. Диаметр дымохода около 20 см.

Помещение 2 размером 1,7x2,6 м с юга примыкает к помещению 1.

Помещение 3 расположено западнее помещения 2.

Помещение 4 расположено южнее помещений 2 и 3. Помещение с востока имеет суфу с впускным в нее тандыром. Расчищенная часть суфы имеет размеры 1,5x3,5 м, остальная часть уходит в восточную стенку раскопа.

Помещение 5 размером 3x3,3 м расположено западнее помещения 4. Оно, как и предыдущее помещение, в границы раскопа попало не полностью. П-образная суфа занимает почти всю площадь помещения. В суфе был расчищен тандыр диаметром 0,7 м и высотой 0,45 м. В заполнении тандыра было обнаружено 38 фрагментов неглазурованной и 22 фрагмента глазурованной керамики. От тандыра на северо-запад шел дымоход длиной 1 м.

Помещение 6 размером 3,3x4,8 м примыкает с запада к помещению 1 и с севера к помещению 5. Помещение имело хозяйственное предназначение, в нём обнаружено 8 хозяйственных ям. В северо-восточном углу находился вход, который позднее был заложен сырцовым кирпичом.

Помещение 7 размером 4,7x3,4-5,4 м с запада примыкает к помещению 6. В юго-восточном углу помещения расположена площадка размером 2,1x1,5 м. Перед ней находится вмазанный в суфу тандыр диаметром около 60 см и высотой около 50 см. Через отверстие в тандыре дым выводился по дымоходу длиной 1,4 и шириной 0,2 м в направлении с юго-востока.

В юго-восточном углу помещения под тандырной площадкой обнаружена стена нижнего (второго) строительного горизонта помещения. В границы раскопа попала сырцовая стена длиной 3,1 м и толщиной 0,4 м, с севера к ней прилегает стена длиной 1,7 м и толщиной 0,32 м.

Помещение 8 размером 2,7x4,5x5,3 м расположено в северо-западном углу раскопа, с севера примыкает к помещению 7. Большая часть помещения уходит за западную и северную границы раскопа.

В центре помещения была выявлена сырцовая стена, относящаяся ко второму строительному периоду. Выявленная стена имела длину 1,8 м, большая часть её уходит под западную границу раскопа. Стена плохой сохранности. Ширина её составляет около 40 см.

Помещение 9 размером 5,7x5,3x2,3 м было обнаружено в северо-восточном углу раскопа, вдоль его восточной границы. В помещении был расчищен тандыр с каном. В границы раскопа попала лишь часть помещения.



Городище Кумкент. Аэрофото

Кан (дымоходный канал, проложенный в суфе) Г-образной формы, примыкает к стене южной стене помещения. Длина кана – 95 см, длина короткого отрезка, непосредственно примыкающего к тандыру – 19 см.

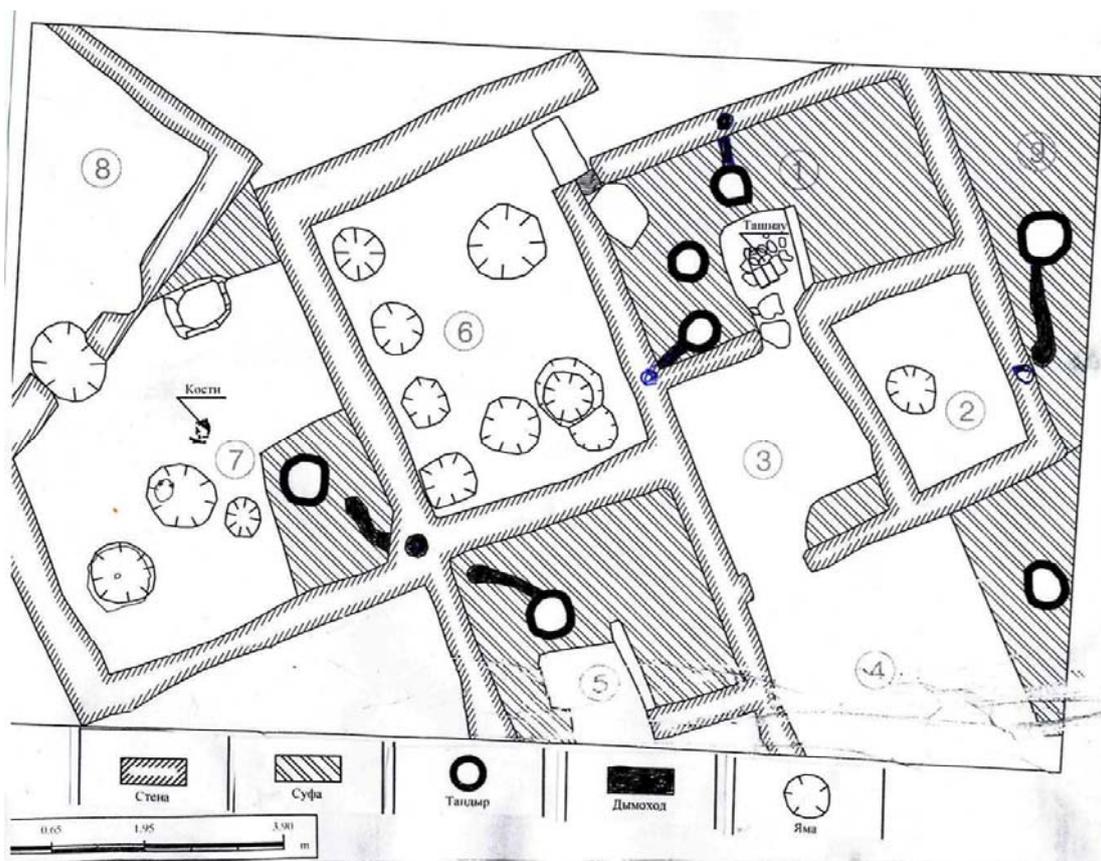
Двор размером 2,3x4,5x5 м раскопан частично, примыкает с запада к помещению 5 и с юга к помещению 7.

Керамический материал и бронзовое зеркало с растительным орнаментом на внешней стороне позволяют датировать верхний строительный горизонт.

Исследования городищ по трассе северо-каратауского отрезка Великого Шелкового пути свидетельствуют о том, что наиболее активно он функционировал в XIII в.

Современные исследования позволили оценить нынешнее состояние памятников, а также выявить ранее неизвестные памятники городской культуры средневековья.

Безусловно, требуется продолжение исследований этого важного отрезка Великого Шелкового пути.



Городище Кумкент. План

ЛИТЕРАТУРА

[1] Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. - Алма-Ата, 1950; Маргулан А.Х. Оседлые поселения VIII-XIII вв. на северных склонах Каратау (извлечение из археологического отчета) // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия археологическая. - Вып. 1. - Алма-Ата, 1948. - С. 109-110.

[2] Бернштам А.Н. Древний Отрар // Известия Академии наук КазССР. Серия археологическая. - Вып. 3. - Алма-Ата, 1951; Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР. Археология. - Том 5. - Алма-Ата, 1958.

[3] Археологическая карта Казахстана. Реестр. - Алма-Ата, 1960.

[4] Археологические исследования на северных склонах Каратау // Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР. - Т. 8. - Алма-Ата, 1962.

[5] Гандзакеци Киракос. История Армении. - М., 1976.

[6] Трепавлов В.В. История Ногайской орды. - М., 2001.

[7] Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. - Алматы, 2007.

[8] Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР. Археология. - Том 5. - Алма-Ата, 1958.

REFERENCES

- [1] Margulan A. H. From history of the cities and construction art of ancient Kazakhstan. Alma-Ata, **1950**; Margulan A. H. Settled settlements of the 8-13th centuries on northern slopes of Karatau (extraction from the archaeological report)//News of Academy of Sciences of the Kazakh SSR. A series is archaeological. Issue 1. Alma-Ata, **1948**. P. 109-110.
- [2] Bernshtam A. N. Ancient Otrar//News of Academy of Sciences of KAZSSR. A series is archaeological. Issue 3. Alma-Ata, 1951; Ageeva E. I., Patsevich G. I. From history of settled settlements and cities of the Southern Kazakhstan//Works of Institute of history, archeology and ethnography of Ch. Ch. Valikhanov of AN KAZSSR. Archeology. Volume 5. Alma-Ata, **1958**.
- [3] Archaeological penalty of Kazakhstan. Register. Alma-Ata, **1960**.
- [4] Archaeological researches on northern slopes of Karatau//Works of Institute of history, archeology and ethnography of Ch. Ch. Valikhanov of AN KAZSSR. T. 8. Alma-Ata, **1962**.
- [5] Gandzakets of Kirakos. History of Armenia. M., **1976**.
- [6] Trepavlov V. V. History of the Nogai horde. M., **2001**.
- [7] Kastanye I. A. Antiquities of the Kyrgyz steppe and Orenburg region. - Almaty, **2007**.
- [8] Ageeva E. I., Patsevich G. I. From history of settled settlements and cities of the Southern Kazakhstan//Works of Institute of history, archeology and ethnography of Ch. Ch. Valikhanov of AN KAZSSR. Archeology. Volume 5. Alma-Ata, **1958**.

К.М. Байпақов, Д.А. Воякин

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан

**ҰЛЫ ЖІБЕК ЖОЛЫНЫҢ СОЛТҮСТІК ҚАРАТАУ БӨЛІГІНДЕГІ
ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ҚАЛАЛАР**

Аннотация. Мақалада Ұлы Жібек жолының зерттелініп отырған бөлігінде орналасқан қалаларды баламалаудың негіздері, хронологиясын анықтау нәтижелері жарияланады. XIII ғ. ортасындағы автор – Кіші Арменияның патшасы Гетум I хабарламасында кездесетін Құмкент – Қойқан қаласы мен Созақ – Сузақ қаласын келешекте зерттеу айтарлықтай маңызды болып табылады.

Ұлы Жібек жолының Қаратау бөлігіндегі зерттеу жұмыстары жалғасуы керек.

Түйін сөздер: зация, хронология, қазба, керамика.

K.M. Baipakov, D.A. Voyakin, I.R. Kamaldinov

A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan
E-mail: kbaipakov@mail.ru d_voyakin@hotmail.com kamaldinov-ilyar@mail.ru

STUDIES OF THE FORTIFICATION SYSTEM OF THE ANCIENT SETTLEMENTS OF OTRARTOBE, KUIK MARDAN, KUIRYKTOBE, ALTYNTOBE AND TORTKOLTOBE-KARACHIK IN 2016

Abstract. This article represents the research results of grant project “History of military art of Kazakhstan: fortification system of the ancient and medieval cities of Southern Kazakhstan (based on the materials of archaeological studies of the regions of Farab-Otrar and Shavgar-Turkestan)”. The excavations were taken place on the territory of the fortification systems of the ancient settlements of Otrartobe, Kuik Mardan, Kuiryktobe, Altyntobe, Tortkol II (Karachik).

Traditional and modern research methods were used during the studying process. Aerial images of the above-mentioned sites were taken with the use of air drone. Scanning of the fortification walls and identification of its perimeters for the realization of the excavation process were made with the use of the ground-penetrating radar. Some new details of the fortification system of the ancient settlements of Otrartobe were identified after careful examination of the satellite and aerial images, while the studies of the surface plan of the entry complex, walls and congregational mosque were continued. Location of the entry complex of the southern part of rabat of the ancient settlement of Kuik Mardan was also identified. The 3D model of its donjon was also made.

Archaeological excavations were taken place on the territory of four sites. The rampart and the ditch on the south-western part of the ancient settlement of Otrartobe were cleared and the cut of the eastern wall was examined. In Kuik Mardan the work on territory of the donjon was continued. On the territory of the ancient settlement of Tortkol II (Karachik) a stratigraphic cut was made in the eastern part of the wall.

For the first time the geophysical studies with the use of the ground-penetrating radar GSSI were made on the territory of Kuik Mardan and on the part of the fortification wall on the territory of the probable entrance to the central part of rabad.

Keywords: fortification, rampart, tower, gate, citadel, shakhristan, Middle Ages, stratigraphy, Otrartobe, Kuik Mardan, Altyntobe, Tortkoltobe.

УДК 903/904 (584.5)

К.М. Байпаков, Д.А. Воякин, И.Р. Камалдинов

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

ИССЛЕДОВАНИЯ ФОРТИФИКАЦИИ НА ГОРОДИЩАХ ОТРАРТОБЕ, КУИК МАРДАН, КУЙРЫКТОБЕ, АЛТЫНТОБЕ И ТОРТКОЛЬТОБЕ-КАРАЧИК В 2016 ГОДУ

Аннотация. В статье представлены результаты об исследовании по гранту «История военного искусства Казахстана: фортификация древних и средневековых городов Южного Казахстана (по материалам археологических исследований округов Фараб-Отрар и Шавгар-Туркестан)» раскопки проводились на фортификационных сооружениях городищ Отрартобе, Куик-Мардан, Куйрыктобе, Алтынтобе и Тортколь II (Карачик).

Использовались традиционные и новые методы исследования. Были сделаны аэрофото выше памятников с помощью беспилотного летательного аппарата. Был применен георадар для сканирования крепостных стен, выявления их периметра до проведения раскопок. В результате тщательного изучения космоснимков и аэрофотоснимков были выявлены новые детали фортификации Отрартобе и городищ Отрарского оазиса, продолжено с помощью аэрофотоснимков уточнение ситуационного плана, въездного комплекса в контексте со стенами.

Проведены археологические раскопки на четырех памятниках.

На городище Куик-Мардан еще до раскопок было определено место въездного комплекса, находящегося в южной части рабада. Построена 3D модель выносной башни «донжона» городища Куик-Мардан.

Впервые на городище Куик-Мардан были проведены геофизические исследования при помощи георадара GSSI на участке крепостной стены и на месте предполагаемого въезда.

Исследована ранняя стена в основании платформы городища Куйрыктобе и стены цитадели VII-IX вв.

Изучен разрез крепостной стены шахристана на городище Алтынтобе и сделана графическая реконструкция стены.

На городище Тортколь II (Карачик) в его восточной части на месте стены заложен стратиграфический разрез.

Ключевые слова: фортификация, крепостная стена, башня, ворота, цитадель, шахристан, средневековье, стратиграфия, Отрартобе, Куик-Мардан, Алтынтобе, Торткольтобе-Карачик.

Фортификация юго-западных ворот Отрара. Раскопки в районах юго-западных ворот шахристана Отрара показали наличие остатков входного комплекса, состоящего из внутренних ворот, симметричных сырцовых сооружений ворот, вынесенных далеко за линию крепостных стен (рис. 1). Комплекс формировался на протяжении длительного времени в несколько этапов.



Рисунок 1 - Фортификационный комплекс. Отрар

Внутренние ворота расположены на линии крепостной стены шахристана. Крепостная стена и ворота были сооружены в конце XIII– начале XIV в. Крепостная стена представляет собой

облицовку останца ранних стен сырцовыми кирпичами. Стены ворот построены из кирпичей. Проем ворот имел ширину 4,3 м. Он оформлен пилонами с внутренней стороны.

В дальнейшем была сооружена платформа на останце культурных отложений и облицована жжеными кирпичами. На ней были построены два сооружения прямоугольной формы. Они сооружения оформили въезд в город.

На завершающем этапе сооружения комплекса были построены башни, фланкировавшие въезд. Для этого платформа была расширена с южной стороны. Фундаменты башен построены из квадратного жженого кирпича размером 27,5x27,5x6 см. Наземная часть была выполнена из сырцового кирпича. Башни расположены по линии север – юг под углом 45 градусов по отношению к крепостной стене. Северная башня вынесена на 23 м, южная – на 32 м от крепостной стены. Башни отстоят друг от друга на 3,8 м, между ними облицованный жжеными кирпичами фасад ранней платформы [1].

В 2015 году фортификационный комплекс был выявлен с помощью аэрофотоснимков и отреставрирован специалистами «Казреставрация» МКИС Республики Казахстан (рис. 1, 2).

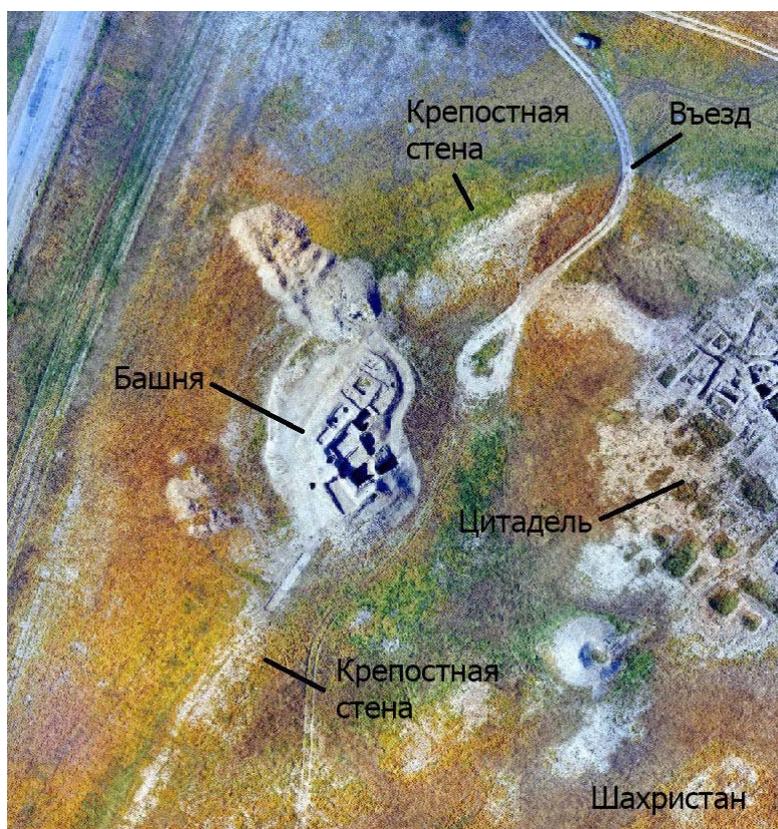


Рисунок 2 - Фортификация. Куик-Мардан. Аэрофото

Исследования Куик-Мардана. Городище Куик-Мардан – одно из самых крупных в Отрарском оазисе, находится в 10 км к северо-западу от городища Отрар. Географические координаты 42Т 438693 4750346. Памятник датируется I-XIV вв.

Городище имеет сложную топографию, сформировавшуюся за многие столетия: отдельные участки складывались и функционировали в разное время.

«Г»-образный в плане бугор, расположенный в 15 м западнее от подошвы цитадели, имеет крутые склоны (рис. 3). Это остатки башни длиной по верху 40 м, шириной 10-15 м и высотой 14 м. Башня фланкировала основной въезд на территорию городища, расположенный в западном обводе стен. Ложбина въезда у южной подошвы холма выводила на овальную площадь (6x30 м), а от нее шел въезд на территорию цитадели и шахристана.



Рисунок 3 - Выносная башня. Куик-Мардан. Аэрофото

В 2016 году были продолжены работы на выносной башне, расположенной в северо-западной части городища (рис. 4).

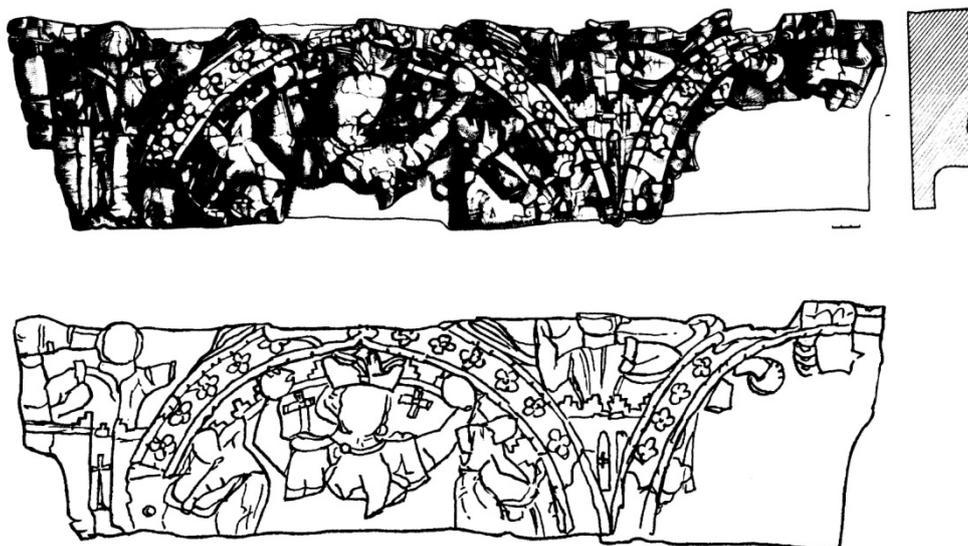


Рисунок 4 - Куйрыктобе. Доска с изображением богини Наны-Анахиты на крепостной стене и обороняющими ее лучниками

На объекте было выявлено 11 помещений, заложена стратиграфическая траншея и зачищен внешний фас крепостной стены, на которой был возведен фортификационный комплекс. В результате исследования башни было выявлено три строительных горизонта: от верхнего (первого) остались лишь мусорные ямы, относящиеся ко времени караханидов IX-XI веков, второй горизонт представляет сама башня, сложенная из сырцовых кирпичей, датируемый VII-VIII вв., и третий (нижний) строительный горизонт представляют стены, сложенные из пахсы, лежащие ниже сырцовых, которые датируются VI-VII вв.

Работы были продолжены на четырех помещениях №1, №5, №8 и №9. На площади раскопа выявлены еще два помещения №11 и №12.

Помещение №11 находилось в возвышенной юго-восточной части комплекса. С северо-запада оно имеет общую стену с помещением №5, а с юго-запада – с помещением №1. В плане помещение прямоугольной формы, длина по линии северо-восток – юго-запад 4 м, ширина 1,5 м. В ходе расчистки помещения было выявлено несколько полов. Второй пол был зафиксирован на глубине 0,4 м, на нем было найдено изделие из железа в виде кованого изогнутого прута, а также фрагменты керамики хумчи и кувшинов.

Помещение №12 в плане квадратное (2,8 x 2,8 м) находилось в западной части комплекса. С юго-восточной стороны оно имеет общую стенку с помещением №1, а с северо-восточной стороны общую стенку с помещениями №5 и №6. Пол помещения выявлен на глубине 1,1 м. В ходе расчистки помещения собрано множество фрагментов керамики – в основном боковины хумчей.

После проведения раскопок документалистами создана 3D реконструкция выносной башни «донжона» (рис. 5).

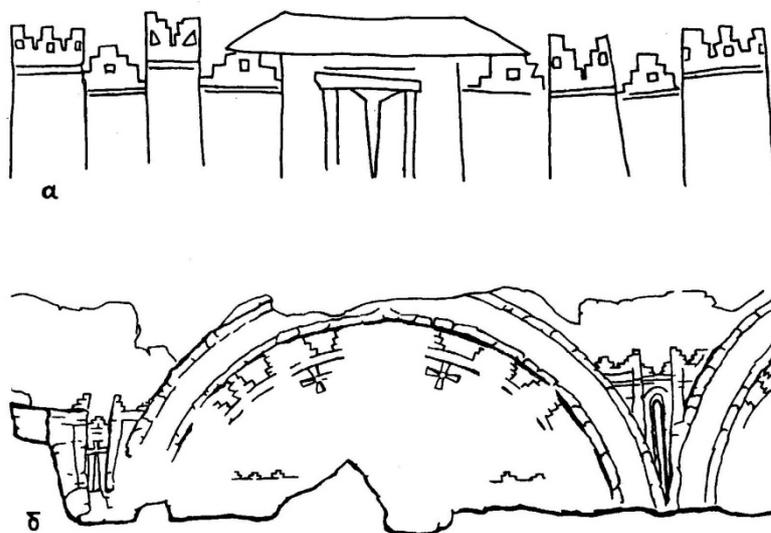


Рисунок 5 - Изображение крепостных стен на живописи Дуньхуана (а) и на резном панно из Куйрыктобе (б)

Разрез 1. Траншея шириной 2 м и длиной 15 м заложена на месте предполагаемого въезда (ворот), располагается юго-восточнее выносной башни на месте ложбины.

После снятия верхнего надувного слоя были обнаружены остатки двух стен, сохранившихся в один ряд кладки, вероятно оставшиеся от домовладения верхнего строительного горизонта. Также на этом уровне был выявлен слой пожара. Ниже под слоем горения выявлено еще несколько тонких слоев глины с зеленоватым оттенком и слоем с включением линз белых карбонатов. Ниже на глубине 20-25 см от дневной поверхности была выявлена мощная крепостная стена из сырцовых кирпичей размером 44x25x10 см. С целью выявления параметров стены траншея была расширена. Размер выявленной крепостной стены: толщина в верхней части 4 м, сохранившаяся высота 2 м.

Городище Куйрыктобе находится в 5-6 км юго-западнее Отрартобе. Раскопки на северо-западном участке цитадели дали материал первой половины I тыс. н.э. (отрарско-каратауская культура). Вскрыты оборонительные стены на участке длиной около 16 м, высотой 1 м (рис. 7). Расчищена плоскость наружного фаса [3].

Найденная керамика изготовлена в основном лепным способом и состоит из хумов, котлов, горшков, кувшинов, кружек. Особый интерес представляют водоносные кувшины, для которых характерно сочетание коричневого ангоба и рифленого горла. На тулове некоторых кувшинов имеются прочерченные тамгообразные знаки в виде ромбиков, квадратиков. Эти новые керамические комплексы датированы III-V вв. н.э.

Раскопки на цитадели обнаружили постройки трех одновременных строительных горизонтов. Нижний относится ко времени функционирования цитадели и датируется VII–второй половиной IX в. Средний (второй) горизонт, датируемый второй половиной IX–XI в., характеризуется постройками компактного городского квартала. И самые верхние слои XI–XII вв. принадлежали кварталу гончаров.

При раскопках парадного зала дворца в свое время были найдены горелые резные доски. На одной из них изображена богиня Анахита, которая стоит на крепостной стене города. Стену обороняют лучники. Показан арочный въезд в город, а наверху стены изображены крепостные зубцы. Эта уникальная находка дает конкретное представление о стене цитадели [4].

Городище Алтынтобе датируется первыми веками нашей эры – XI веком. Географические координаты 42Т 437102 UTM 4747216. Городище представляет собой 2-х ярусный бугор типа «тобе с площадкой», ориентированной сторонами по странам света. Северная часть, наиболее возвышенная (цитадель), подквадратная в плане, со скругленными углами, размерами: 135x150 м (по горизонтали 5 м) и 75x60 м (по горизонтали 15 м). Наибольшая высота цитадели 17,13 м. В центре северной стороны цитадели четко выделяется глубокая промоина-ложбина, идущая сверху вниз. Она, вероятно, возникла на месте бывших «северных» ворот – въезда в цитадель, ведущего по пандусу.

Другой въезд в цитадель вел с юга, из шахристана, уплощенной площадки, примыкающей к южной части цитадели (рис. 7). Наибольшая высота шахристана 7 м, размеры основания 100x225 м. По периметру территория шахристана охвачена полукольцом крепостной стены. Остатки ее в виде невысокого вала с ритмично расположенными возвышениями (оплывы башен) хорошо просматриваются на местности [5].

В 2016 г. исследован разрез крепостной стены в южной части шахристана. Стена сложена из сырцовых кирпичей размером 35x25x9 см. Сохранившаяся высота стены 2,2 м, толщина 3,5 м.

Городища Тортколь I и Тортколь II - город Шавгар-Карачук уверенно отождествляются с городищем Тортколь I на реке Карашык, тогда как позднесредневековый Карачук соответствует городищу Тортколь II, находящемуся на левом берегу р. Карачик.



Рисунок 6 - Торткольтобе I. Аэрофото

Раскопки на цитадели городища Тортколь I показали, что верхний слой XIII-XIV вв. содержит жилые постройки, а ниже предполагается нахождение монументального сооружения X-XII вв. О том, что город, локализованный на месте городища Тортколь I, активно жил в X-XIII вв., свидетельствует подъемный материал: многочисленные находки поливной керамики, стекла, металлические изделия.

Месторасположение памятника Тортколь I, топография, характер подъемного материала и данные топонимики свидетельствуют в пользу отождествления его со средневековым Шавгаром, поздним Карачуком. Поэтому Махмуд Кашгарский и указывает на более раннее название Карачука – Фараб, бывший в свое время составной частью округа Тарбанд, объединявшего и Фараб, и Шавгар [6].

Городище Тортколь II (Карачик) расположено в 8 км к северу от города Туркестан, на левом берегу р. Карачик в 250 м северо-западнее поселка Карашык. Координаты 43°22'21.72"С 68°12'50.97"В. Памятник датируется XIII-XVIII вв. [7].

В плане бугор подчетырехугольной формы размером 180x120 м, высотой 5 м (рис. 12). В северной части находится подчетырехугольный бугор высотой 8 м – остатки цитадели. Со всех сторон цитадель обнесена стеной с хорошо прослеживаемыми башнями на углах. Стеной обнесён и шахристан. По углам стены по периметру находились башни, от которых остались всхолмления высотой 1-1,5 м над общей поверхностью городища. Вокруг прослеживается ров в виде широкой ложбины. К центральным развалинам примыкает территория со следами застройки, обнесенная стеной с башнями.

В 2016 г. с целью изучения фортификации в восточной части городища была заложена стратиграфическая траншея для разреза предполагаемой крепостной стены.

Стратиграфический разрез сверху вниз состоит из следующих слоев:

1. Суглинок светло-желтого цвета, рыхлый.
2. Слой горения – толщина прослойки из золы и сажы 30-35 см.
3. Плотный слой суглинка с включениями белого карбоната мощностью 16-22 см.
4. Плотный суглинистый слой, перемешанный с золой. Толщина слоя 10-30 см.
5. Слой красно-коричневого цвета со следами прокала. Мощность слоя 10-17 см.
6. Фундамент стены из речной гальки.
7. Слой золы и древесного угля толщиной 60 см.
8. Слой-линза золы толщиной 20-30 см.
9. Слой органики (перепревшего навоза) толщиной 35 см.
10. Слой черного цвета (сажа) толщиной 15 см.
11. Слой темно-коричневого цвета.
12. Паховая стена толщиной 85-120 см.

В результате раскопок выявлено отсутствие внешней стены.

Выводы. В результате изучения в полевом сезоне 2016 г. фортификации четырех городищ Отрарского оазиса и одного городища Туркестанского оазиса:

Изучена выносная башня городища Куик-Мардан – донжон, в которой выявлено 12 помещений.

Проведены раскопки крепостной стены на городище Куйрыктобе, где исследовалась фортификационная система.

Исследована крепостная стена шахристана городища Алтынтобе.

Был сделан стратиграфический разрез на городище Торткольтобе II (Карачик), который показал, что позднесредневековое городище не имело внешней оборонительной стены.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. Книга III, часть 2. Урбанизация Казахского ханства во второй половине XV- XVIII в. - Алматы, 2015. - С.147-148.

[2] Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район. - Алматы, 2007. - С. 130-131.

[3] Семенов Г.Л. Согдийская фортификация V-VIII веков. - СПб., 1996. - С. 134.

[4] Байпаков К.М., Терновая Г.А. Религии и культуры средневекового Казахстана. - Алматы, 2005. - С. 53-54.

- [5] Байпаков К.М., Воякин Д.А., Смагулов Е.А. Городища Куик-Мардан, Алтынтөбе и Жалпактөбе. Алматы, 2006. С.48.
- [6] Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. - Алматы, 1994. - С. 293.
- [7]. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). - Алма-Ата, 1972. - С. 172-176.

REFERENCES

- [1] Байпаков К. М. Ancient and medieval urbanization of Kazakhstan. Book III, part 2. An urbanization of the Kazakh khanate in the second half of the 15-18th century - Алматы, 2015. P. 147-148.
- [2] Arch of historical and cultural monuments of the Southern Kazakhstan area. Otrarsky district. Алматы, 2007. P.130-131.
- [3] Semenov G. L. Sughd fortification of the 5-8th centuries. - SPb., 1996. P.134.
- [4] Байпаков К. М., Thorny G. A. Religions and cults of medieval Kazakhstan. Алматы, 2005. P.53-54.
- [5] Байпаков К. М., Voyakin D. A., Smagulov E. A. Ancient settlements Kuik-Mardan, Altyntobe and Zhalpaktobe. Алматы, 2006. P.48.
- [6] Arch of historical and cultural monuments of Kazakhstan. Southern Kazakhstan area. Алматы, 1994. P.293.
- [7] Akishev K. A., Байпаков К. М., Erzakovich L. B. Ancient Otrar (topography, stratigraphy, prospects). Alma-Ata, 1972. - P.172-176.

К.М. Байпаков, Д.А. Воякин, І.Р. Камалдинов

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты. Алматы, Қазақстан

2016 ЖЫЛЫ ОТЫРАРТӨБЕ, КҮЙІКМАРДАН, АЛТЫНТӨБЕ ЖӘНЕ ТӨРТКҮЛТӨБЕ-ҚАРАШЫҚ ҚАЛАЛАРЫНЫҢ ҚОРҒАНЫС ЖҮЙЕСІНЕ ЖҮРГІЗІЛГЕН ЗЕРТТЕУЛЕР

Аннотация. Мақалада «Қазақстанның әскери өнерінің тарихы: Оңтүстік Қазақстанның ежелгі және ортағасырлық қалаларының қорғаныс жүйесі (Фараб-Отырар және Шауғар-Түркістан аймағындағы археологиялық зерттеулердің материалдары бойынша)» атты жоба бойынша Отырартөбе, Күйікмардан, Алтынтөбе және Төрткүл II (Қарашық) қалаларының қорғаныс жүйесі құрылыстарына жүргізілген қазба жұмыстарының нәтижелері беріледі.

Зерттеулерде дәстүрлі және жаңа әдістер қолданылды. Жоғарыда аталған ескерткіштерге пилотсыз ұшатын аппарат арқылы аэрофотосы жасалынды. Қазба жүргізілгенге дейін бекініс қабырғаларының периметрлерін анықтауда сканерлеу үшін георадар пайдаланылды. Алынған ғарыштық және әуе суреттерді мұқият зерттеу нәтижелерінде Отырартөбе қаласы ескерткіштерінің қорғаныс жүйесінің жаңа бөліктері анықталып, әуе суреттер көмегімен қақпа кешені, қабырға, алқалы мешіттің жағдайлық жоспарын анықтау жалғасытырылды. Күйікмардан қаласына қазба жүргізбестен бұрын рабадтың оңтүстік бөлігіндегі қақпа кешенінің орны анықталды. Мұнан басқа Марданкүйік қаласындағы «донжон» шығу мұнарасының 3D үлгісі жасалынды.

Төрт ескерткішке археологиялық қазба жүргізілді. Отырартөбе қаласының оңтүстік-батыс қорғаныс жүйесі бөлігіндегі бекініс қабырғасы тазаланып, оры кеңейтілді. Күйікмардан қаласындағы мұнарадағы жұмыстар жалғасытырылып, Алтынтөбе қаласы шахристанының бекініс қабырғасындағы кесік зерттелінді. Төрткүл II (Қарашық) қаласының шығыс жағындағы қабырға орнына стратиграфиялық кесік салынды.

Алғаш рет Күйікмардан қаласына GSSI георадар көмегімен геофизикалық зерттеулер жүргізілді. Күйікмардан қаласының қақпа мұнарасы деп болжалған орнындағы бекініс қабырға мен рабадтың орталық бөлігіндегі телім зерттелінді.

Кілт сөздер: қорғаныс жүйесі, қамал қабырғасы, мұнара, қақпа, цитадель, шахристан, орта ғасыр, стратиграфия, Отырартөбе, Күйікмардан, Алтынтөбе, Төрткүлтөбе.

E.A. Smagulov, P.N. Petrov, A.A. Erzhigitova

Institute of Archaeology named after A. Margulan, Almaty, Kazakhstan
az_sultan2015@mail.ru, aisulu6767@mail.ru

**SAURAN 2015 TREASURE OF COPPER COINS
OF THE SECOND HALF OF THE XVII CENTURY
(preliminary report)**

Abstract. In autumn of 2015 in the western part of the citadel Sauran the staff of Turkestan archeological expedition of Institute of Archeology named after A.H. Margulan found the a treasure of small copper coins with a total weight 22 kg. The treasure belongs to the upper, the latest construction horizon of building the site of the ancient settlement Sauran. It consisted of two parts, both of them were wrapped in a white cotton cloth. The bulk of the treasure coins – copper stocking up, without text and images. These coins are usually found on this archeological monument during the excavations, but they still had no any accurate attribution. Dating the treasure coins were copper coins of Tsar Alexei Mikhailovich, which were produced from 1655-1663. Thus, the treasure can be dated to the second part – the end XVII century. This is the first cash treasure of the second half of XVII century of the Kazakh Khanate.

Keywords: site of ancient settlement Sauran, XVII century, treasure, coins, stocking up, archeological excavations, Turkestan archeological expedition.

УДК 903/904:737.1 (574)

Е.А. Смагулов, П.Н. Петров, А.А. Ержигитова

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан

**САУРАНСКИЙ 2015 г. КЛАД МЕДНЫХ МОНЕТ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА
(предварительное сообщение)**

Аннотация. Осенью 2015 г. в западной части цитадели городища Сауран сотрудниками Туркестанской археологической экспедиции Института археологии им. А.Х. Маргулана был обнаружен клад мелких медных монет общим весом - 22 кг. Клад относится к верхнему, самому последнему строительному горизонту застройки калы Саурана. Он состоял из двух частей, каждая из которых была завернута в белую хлопчатобумажную ткань. Основная масса монет клада – медные пулы, не содержащие надписей и изображений. Эти монеты в качестве единичных находок часто встречаются на этом археологическом памятнике в ходе раскопок, но достоверной атрибуции они до сих пор не имели. Датированными клад монетами оказались медные копейки царя Алексея Михайловича, выпускавшиеся с 1655 по 1663 гг. То есть, клад может быть датирован второй половиной - концом XVII века. Это первый денежный клад второй половины XVII века Казахского ханства.

Ключевые слова: городище Сауран, XVII век, клад, монеты, пулы, археологические раскопки, Туркестанская археологическая экспедиция.

Осенью 2015 года в западной части калы (цитадели) на городище Сауран при осмотре очередного участка под археологический раскоп следующего года участниками Туркестанской археологической экспедиции Института археологии им. А.Х. Маргулана было обнаружено скоп-

ление мелких медных кругляшей и кусочков проволоки. Проверка металлодетектором позволила обнаружить два скопления монет. Так был обнаружен клад медных монет, разделенный на 2 части, каждая из которых была завернута в белую хлопчатобумажную ткань (рис.1). Оба комплекса были спрятаны примерно в 2-2,5-х метрах друг от друга и по весу были примерно равны между собой. Основная часть клада находилась на глубине 25-35 см от дневной поверхности. Надо отметить, что этот слой на городище Сауран серьезно деформирован благодаря природным факторам (дожди, ветра...) и жизнедеятельности растительности и норных полевых обитателей. Поскольку полноценных раскопок на месте обнаружения клада пока не проводилось, то археологический контекст может быть охарактеризован следующим образом: клад относится к верхнему, самому последнему строительному горизонту застройки калы Саурана. С определенной долей уверенности пока удалось установить одно: клад был сокрыт в помещении под полом.



Рисунок 1 - Фрагменты материи, в которую были завернуты монеты сауранского клада

Стратиграфические исследования городища Сауран, точнее Сауранской калы, были проведены ТАЭ в 1999 г. Тогда было установлено, что культурный слой городища имеет толщину до 4,0-4,5 м. и может быть подразделен на 4-5 строительных горизонтов. В верхнем, последнем по времени, строительном горизонте мощностью до 1,15 м. насчитывалось 3-4 уровня полов. По признакам свойственным комплексу глазурованной керамики и по собранному нумизматическому материалу,

в котором присутствовали русские копейки, уже тогда верхний строительный горизонт Саурана датировался нами XVII-нач. XVIII вв. [1, с.213]. находка предварительно описываемого здесь клада однозначно подтверждает выводы, сделанные еще в самом начале археологического изучения Саурана.



Рисунок 2 - Фототаблица видового состава клада

Объем клада можно оценить только приблизительно. Дело в том, что не менее 50% монет клада оказались слипшимися за счет собственных окислов, при этом мелкий песок и пыль также оказались захваченными окислами (видимо, ткань уже давно прогнила и грунт начал контактировать с содержимым тканевых свертков). В результате взвешивание всей массы монет клада после каждой переборки его содержимого показывает существенную потерю веса за счет удаления в первую очередь частиц грунта. В настоящее время вес монет клада составляет около 22 кг. Точный вес клада можно будет узнать только после того, как будут проведены реставрационные работы, и все монеты этого комплекса будут освобождены от окислов. Поскольку монеты очень мелкие и многие из них слипшиеся, то оценить их количество по счету в настоящее время также невозможно. Средний вес монеты составляет величину около 0,5 г, то есть, несложный подсчет позволяет оценить количество экземпляров монет в клада – около 40000 шт.

Состав клада. Состав обеих частей клада практически одинаков, поэтому в дальнейшем речь пойдет о едином составе клада (обе части были смешаны между собой). Состав клада всегда представляет наиболее значимую для анализа информацию и опирается на атрибуцию его монет. Но в данном случае мы вынуждены отказаться от такого подхода к изучению состава клада по той причине, что 93% монет не поддаются атрибуции. Причем, в большинстве своем мы называем в данном случае монетами по сути своей заготовки – вообще не чеканенные кусочки меди.

Изучению подверглась репрезентативная выборка весом в 3600 г. из всей массы монет клада. Все монеты этой выборки были разъединены, однако, лишь некоторые экземпляры (около 130 шт.) были очищены/отреставрированы. В массе монет выборки было достаточное количество экземпляров (сотни штук) различных видов, имевших прекрасную защитную естественную патину, что позволило без особых усилий получить достоверную метрологическую информацию для статистических исследований нумизматического материала клада.

Примерно 7% монет клада – медные копейки царя Алексея Михайловича. Среди них есть копейки, битые на старом Московском монетном дворе (с обозначением под конем букв «Мо», причем, «о» помещена над буквой «М» - рис.2: 3), на новом монетном дворе (под конем «МД» - рис.2: 4), на Псковском монетном дворе (под конем буква «П» - рис.2:1 и 2), монеты без указания монетного двора (возможно, обозначение утрачено - рис.2:5) и даже поддельные (рис.2:6). Весь этот набор копеек свидетельствует о том, что копейки поступили в обращение на рынках Саурана не с какого-то русского монетного двора, а из обращения с территории Русского царства. Кроме того, эти копейки, выпуск которых осуществлялся с 1655 по 1663 годы, являются единственными датируемыми монетами комплекса. Скорее всего, копейки поступили в обращение Саурана в 1660-е гг., однако, сколь длительным было их нахождение в обращении неизвестно, поэтому тезаврация клада может быть датирована точнее, чем вторая половина XVII века. Кроме датировки тезаврации клада эти копейки позволяют датировать и остальные анэпиграфные типы монет, имеющиеся в составе клада. Это одно из важнейших заключений, которое позволяет сделать изучаемый Сауранский 2015 г. клад. Оно важно как для нумизматики Казахстана, так и для археологии, поскольку позволяет датировать строительный горизонт на археологических памятниках, в которых обнаружены аналогичные монетки.

Основная масса монет клада может быть разбита на 5 групп:

1-я группа – заготовки нечеканенные круглые (иногда овальные – форма «часики») – самая многочисленная (~60% монет по весу) (см. рис.2:16; 17 и 18);

2-я группа – заготовки – не расплюснутые кусочки проволоки (~20% всех монет по весу) (рис.2:14 и 15);

3-я группы – заготовки нестандартной формы [плоские пластины неопределенной формы; пластинки, вырезанные из листа металла (из посуды?); округлые кусочки меди; кусочки меди, являющиеся остатками медеплавильного производства (медная окалина) и т.п.]. Такие заготовки составляют примерно 7% от всего весового количества монет клада (см. рис.2:19,20 – 22);

4-я группа – анонимные чеканенные монеты (как правило, это анэпиграфные монеты с изображением линий или подобия геометрических фигур) – 5% от всего количества монет клада (рис.2: 8 – 13). Р.З. Бурнашева относит их к первой половине XVII в., то к XVI веку [2, рис. 8; 3, с. 128, рис. 19]. Поскольку количество этих монет в клада второй половины XVII века мало, а

монет с изображениями животных нет совсем, то можно с большей уверенностью датировать монеты этой группы второй четвертью - серединой XVII века;

5-я группа – медные копейки царя Алексея Михайловича(рис.2:7).

К особенностям состава клада следует отнести то обстоятельство, что кроме целых копеек Алексея Михайловича, а также монет 4-й группы не редко встречаются их половинки, то есть, монеты даже такие мелкие резались пополам(рис.2: 7). Предварительный анализ весовых параметров монет каждой группы показывает, что вне зависимости от группы, вес заготовок и монет колеблется в пределах от 0,24 до 1,00 г. Причем, основная масса монет аккумулируется в интервале значений веса от 0,44 до 0,58 г. Подробный метрологический анализ будет проведен в ходе дальнейшего изучения клада, но уже имеющаяся информация свидетельствует об обращении на вес медных монет в г. Сауране во второй половине XVII века. Сам этот факт очень показателен и значим, поскольку речь идет об обращении на вес не монет из драгоценного металла (серебра или золота), а всего лишь из меди. Да еще столь мелкой, в большинстве случаев нечеканенной монеты! То есть, собственно, медь стала выполнять роль денег. Рынок с практически полным отсутствием серебряного обращения (из-за его дороговизны), обслуживаемый исключительно медной монетой и даже просто металлом – медью на вес – рынок, переживающий сильнейший экономический кризис.

Но может быть, мы имеем дело с заготовками ювелира для изготовления украшений и этот клад всего лишь накопление меди для переплавки? На этот вопрос мы вынуждены дать отрицательный ответ, поскольку, во-первых, медные копейки царя Алексея Михайловича встречаются при раскопках Саурана и вне кладов, также встречаются практически все виды «заготовок» и монет, имеющих в составе клада; во-вторых, в раскопе II в 2015 г. на Сауране был найден кладик из 4-х монет, среди которых была одна анэпиграфная монета (с четырьмя дугами [в= 0,79 г] – аналогичная рис.2: 13) и 3 круглые заготовки со значениями веса: 0,64; 0,57 и 0,55 г. Это маленький кладик, найденный в другом здании, с одной стороны, теперь четко датирует помещение и строительный горизонт второй половиной XVII века, в котором он был найден, а с другой стороны, подтверждает, что «заготовки» обращались как монеты в это время, и двадцати двухкилограммовый клад – это денежный клад.

По результатам предварительного изучения этого комплекса можно однозначно утверждать, что *это денежный клад времени существования Казахского ханства, и это первый известный подобный клад второй половины XVII века на территории Казахстана, который позволяет получить релевантную информацию о характере денежного обращения и монетной массе, обслуживающей местные рынки в указанное время.*

Следует особо отметить, что общая характеристика состояния товарно-денежных отношений в Казахском ханстве в XVII веке и монетной массы, данная Р. З. Бурнашевой по нумизматическим находкам в Отраре и г. Туркестане абсолютно верна [2, с. 121, 125, рис. 8]. Однако Сауранский 2015 года клад позволяет уточнить целый ряд немаловажных аспектов этой характеристики, чем он и ценен.

Однако как бы там ни было, а наблюдаемая ситуация с составом клада ставит очень важные вопросы: почему при таком характере монетного обращения, которые нам демонстрирует состав клада, население не перешло на натуральный обмен товарами, как это часто практиковалось в прошлые времена? Может быть, состав клада «запечатлел» не полный набор монет, имевшийся в обращении в г. Сауране в этот период? Ответы на эти вопросы, надо надеяться, помогут дать новые находки с территории интереснейшего археологического памятника - городища Сауран.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Смагулов Е.А., Туякбаев М.К., Ержигитова А.А. Краткие итоги полевых исследований Туркестанской археологической экспедиции в 1999 г. // Известия НАН РК. Серия обществ. и гуман. наук. – 2000. - №1. - С. 209-215.

[2] Бурнашева Р.З. Социально-экономическая характеристика г. Ясы (Туркестана) конца XV-XIX вв. по монетнымкладам и находкам // Города Туркестана. - Алматы, 1999. - С. 98-127.

[3] Бурнашева Р.З. Денежное обращение в городах Южного Казахстана в XV-XVIII вв. (историко-нумизматическое исследование). -Туркестан, 2006. - 256 с.

REFERENCES

- [1] Smagulov E.A., Tuyakbayev M. K., Erzhibitova A.A. A brief summary of field surveys of the Turkistan archaeological expedition in 1999//NAN RK'S News. Series of societies. and гуман. sciences. **2000**. No. 1. Page 209-215.
- [2] Burnasheva R. Z. The social and economic characteristic of Mr. Yasy (Turkistan) of the end of the 15-19th centuries on monetary treasures and finds//the City of Turkistan. Almaty, **1999**. Page 98-127.
- [3] Burnasheva R. Z. Currency circulation in the cities of the Southern Kazakhstan in the 15-18th centuries. (Historical and numismatical research). Turkistan, **2006**. 256 pages.

Е.Ә. Смағұлов, П.Н. Петров, А.А. Ержігітова

Ә.Х.Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан

**САУРАНЫҢ XVII ҒАСЫРДЫҢ ЕКІНШІ ЖАРТЫСЫМЕН МЕРЗІМДЕЛЕТІН
МЫС ТЕҢГЕЛЕР КӨМБЕСІ
(алдын ала хабарлама)**

Аннотация. 2015 жылы Сауран қаласы цитаделінің батыс жағында Ә.Марғұлана атындағы археология Институтының Түркістан археологиялық экспедициясы қазба жұмыстары барысында жалпы салмағы ~22 кг тұратын майда мыс теңгелер көмбесі тапқан болатын. Көмбе Сауран қаласының ең үстінгі, яғни соңғы құрылыс қабатының кезеңіне жатады. Ол екі бөліктен тұрған, әр қайсысы ақ мақта матаға оралған. Көмбе теңгелерінің басым көпшілігі – беттерінде жазулары және суреттері жоқ мыс пұлдар. Бұл теңгелер археологиялық қазба жұмыстары кезінде жеке олжалар ретінде жиі кездеседі. Бірақ осы күнге дейін олар анық атрибутикаға ие емес. Көмбенің мерзімін анықтайтын теңгелер 1655 жылдан бастап 1663 жылға дейін шығарылған Алексей Михайлович патшасының мыс тиындары. Яғни, көмбе XVII ғасырдың екінші жартысы – соңымен мерзімделеді. Бұл, Қазақ хандығы тұсындағы XVII ғасырдың екінші жартысының бірінші теңгелер көмбесі.

Тірек сөздер: Сауран қалашығы, XVII ғасыр, көмбе, теңгелер, пұлдар, археологиялық қазба, Түркістан археологиялық экспедициясы.

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

ISSN 2224-5294

Volume 1, Number 311 (2017), 182 – 184

UDC 94(574)

A.S. Ualtayeva

Senior researcher of History and Ethnology Institute named after
Ch. Valikhanov, Almaty, Kazakhstan
E-mail altyn.lazzat@mail.ru

ADMINISTRATIVE AND TERRITORIAL DIVISION OF KAZAKHSTAN BEFORE REVOLUTION

Abstract. The article describes the key documents passed by the tsarist government on the new administrative-territorial division of Kazakhstan. The aim of the described policy was to turn the region in the colonial periphery and provide its complete subordination to the new government. The condition of the titular nation and its aspirations were not taken into account in principle.

Key words: administrative and territorial division, Kazakhstan, khan.

There was a border control system, where Junior and Middle zhuz preserved to khan power after accessing of Kazakhstan to Russia during the XVIII and XIX centuries. The power of the Khan was eliminated after the death of Bukey khan (1817) and Ualiya khan (1819) who headed in Middle zhuz [1]. "Charter of the Siberian Kyrgyzstan" was published and developed by M. Speransky and future Decembrist G. Batenkov in 1822 [2]. The power of the Khan in the Middle zhuz was abolished and zhuz territory was divided into districts, volosts (township) and auls (village) according to the "Charter". Eight external districts were formed in the Middle Zhuz. They were Karkaraly (1824), Kushmurun (1824), Ayaguz (1831), Akmola and Amankaragay (1832), Bayan-Aul and Ushbulak (1833), Kokpekty (1844). District reported to Omsk Regional Management. Senior Sultan (Sultan aga) and two assessors managed it with district orders. Volost was headed by volost Sultan, aul was headed by aul sergeant.

Junior zhuz was eliminated in 1824. Abolishing the power of the Khan on the basis of old tribal division Government saved administrative borders. The territory was divided into three parts: the eastern, middle and western. They were headed by Sultan rulers who had gotten a salary.

Junior zhuz was divided into 56 distances (areas) in 1831. In turn distances were divided into lands and auls. The lands included territory between the two outposts. The distances which were relocated inside the zhuz were called steppe. The distances were headed by the sultans and sergeants. They were subordinated by sultan rulers [3].

The management of the Kazakh Junior zhuz was changed in 1844. The government replaced the Regional Border Management but they retained the Institute sultans and rulers.

Two regions were established in the Middle Zhuz which were Siberia Kyrgyz region and Semipalatinsk region in 1854. Kazakh who previously were subordinated to border authorities, started to submit to Semipalatinsk governor. In Semipalatinsk region was established military district chiefs, who were instructed to control Kazakh and Russian population.

Since 1854 the districts middle and lower stream of the Syr-Darya were under the authority of the special management of Syr-Darya line. Semirechie reported to the chief "Alatau County to Kyrgyz of the Great Horde", who subordinated to the West Siberian Governor-General.

Single management system was not in Kazakhstan. Special commission was created for introduction, which included representatives from the Internal Affairs Ministry, Military Orenburg and West Siberian governor-generalship. After learning the situation there, the Commission had to prepare a draft of the law about the management of Kazakhstan. The Commission had done considerable amount of work and collected a lot of material for two years (1865-1866). However they did not have time to compile it because of circumstances which changed dramatically.

Local authorities were strongly demanded the strengthening, because of border situation between Turkestan territory and "Central Asia khan" and also conquest of Tashkent and other Central Asian cities. Therefore special committee was formed to discuss issues on the structure of the Central Asia regions.

The project "Regulations of Turkestan" was introduced to the Committee of Ministers for consideration. They divided territory into Semirechensk and Syr-Darya. These territories were under the authority of new management. Both regions were part of the special Turkestan general-governorship.

In the beginning of 1868 the Committee of Ministers were represented by another part of the labor Steppe Commission. It was the management project in Western Siberia and the Orenburg governor-generalship regions [4]. The project was approved in October 1868 as the form of experience and called "Provisional Regulations in the steppe regions of Orenburg and West Siberian governor-generalship." Consequently, at the end of the 60-ies of the XIX century, the administrative-territorial division of Kazakhstan was the following form: Syr-Darya and Semirechensk region were part of Turkestan, Ural and Turgay were part of Orenburg, Akmola and Semipalatinsk were part of the West Siberian governor-generalship.

Syr-Darya region consisted of four counties (Tashkent, Aulie-Ata, Chimkent, Perov) and Amu Darya. Semirechensk region which was formed in 1867 included five counties: Vernen, Kopal, Sergiopol, Issyk-Kul and Tokmak. In 1869 Turkestan Governor-General ordered to transfer the management of the county from the village Sergiopol to Lepsinsk, which was transformed into the city in 1880. In 1883 Dzsharkent County was formed from the previously annexed lands (Western Ili region) and parts of Kopal and Vernen counties.

Akmola region consisted of five counties: Omsk, Petropavlovsk, Akmola, Atbasar and Kokchetau. Originally the region was divided into four districts: Omsk, Petropavlovsk, Kokshetau and Akmola. Sarysu County was formed for convenient control of the southern part of region in October 1869. There were not any settlement which would be suitable for county administration. Therefore it was temporary determined in Atbasar district, the former center of Atbasar district ministry, where it remained. Later the county was renamed in Atbasar.

According to regulation which was committed in 1868 Semipalatinsk region was divided into Semipalatinsk, Pavlodar, Karkaralyand Kokpekty counties and Zaisan region. Zaisan region was the special police force [5].

In 1869 the territory of Kokpekty and Zaisan counties police force were redivided. In the result of that Ust-Kamenogorsk district was formed. The center of this district was Ust-Kamenogorsk. The southern part of the county Kokpekty joined to Zaisan police force. Kokpekty included as no county town [6].

In 1883 Zaisan police force was transformed into the county.

Turgay region consisted of four counties: Aktobe, Nicholas, Irgiz and Turgay. There was no place to locate management of the two counties when the region was formed. That's why they were placed in the Orenburg province.

Management of Irgiz county was relocated to Aktobe fortress. Nikolaev county was relocated to Kostanay settlement, which shortly became the city only in the 1883-1884.

Ural region consisted of four counties: Ural, Kalmykov, Guryev and Temir. One of the county governments were appointed in Emba post, which had urban settlement rights. Soon, the post was abolished, the garrison was moved to the new fortification, which was called Temir in 1879. The county management was transferred to this fortress and the county received the same name.

In 1881 Orenburg Governor-General was abolished. Ural and Turgai regions began reporting directly to the Internal Affairs Ministry.

In 1882 West-Siberian Steppe was abolished, new General Government was established there, which included Akmola, Semipalatinsk, and Semirechensk region which was separated from the Turkestan province.

After Steppe governor-general was formatted, regions which were managed by different temporary regulations were under authority of Internal Affairs Ministry.

In Semirechensk region remained in force of "Provisional Regulations on the management of Semirechensk and Syr-Darya region which was submitted in 1867.

In Akmola, Semipalatinsk, Turgay and Ural regions acted under "Provisional Regulations on the management of steppe regions in Orenburg and West-Siberian General-Governorship" which was submitted in 1868.

The partial changes in the management were introduced in three governor-general (West Siberian, Orenburg and Turkestan) during the years of protracted experience.

"The Regulations on the management of Akmola, Semipalatinsk, Semirechie, Ural and Turgay regions" was adopted in 1891. It had not make any adjustments to the administrative-territorial structure.

Mainly the recent changes dealt with administrative subordination of the individual volost. They did not affect to the existing administrative-territorial division. It existed until the revolution.

The aim of the described policy was to turn the region in the colonial periphery and provide its complete subordination to the new government. The condition of the titular nation and its aspirations were not taken into account in principle.

REFERENCES

- [1] Artykbaev ZH.O. Istorija Kazahstana. Astana, **2004**. 159 s.
- [2] Begezhan Sulejmenov Izbrannye trudy. T. I. Agrarnyj vopros v Kazahstane poslednej treti NIN–nachala NKN v. (1867-1907 gg.). Almaty: «Eltanym», **2015**. 315 s.
- [3] <http://bibliotekar.kz/istorija-kazahskoi-ssr-e-bakmahanov/kolonialnaja-politika-carizma-v-kazahsta.html>
- [4] RGVIA. F. 400. Op. 1. D. 125. L. 5.
- [5] Polozhenie ob upravlenii v stepnykh oblastyah. SPb, **1898**. S. 18-19.
- [6] Materialy pokirgizskomuzemlepol'zovaniyu Semipalatinskoy oblasti. TVI. **1905**. S. 22.

ӘОЖ 94(574)

А.С. Уалтаева

Ш.У. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты, Алматы, Қазақстан

ТӨҢКЕРІСКЕ ДЕЙІНГІ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ӘКІМШІЛІК-АЙМАҚТЫҚ БӨЛІНУІ

Аннотация. Мақалада Қазақстанның жаңа әкімшілік-аймақтық бөлінуі бойынша патша үкіметі қабылдаған негізгі құжаттар қарастырылған. Көрсетілген саясаттың мақсаты аймақты отарлық жерге айналдыру және жаңа үкіметке толықтай бағындыру болды. Титулды ұлттың жағдайымен мүддесі түптеп келгенде, есепке алынбады.

Тірек сөздер: әкімшілік-аймақтық бөліну, Қазақстан, хандық.

УДК 94(574)

А.С. Уалтаева

Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО КАЗАХСТАНА

Аннотация. В статье рассмотрены основные документы, принятые царским правительством по новому административно-территориальному делению Казахстана. Целью изложенной политики было превращение края в колониальную окраину и полное подчинение новому правительству. Положение титульной нации и ее чаяния не учитывались в принципе.

Ключевые слова: административно-территориальное деление, Казахстан, ханство.

Рецензии

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

SERIES OF SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

ISSN 2224-5294

Volume 1, Number 311 (2017), 185 – 188

UDC 902(049.32)

M. V. Bedelbayeva

E. Buketov Karaganda State University, Karaganda, Kazakhstan

E-mail: bmv_1967@mail.ru

THE REVIEW ON THE BOOK BY G.S. ZHUMABEKOVA, G.A. BAZARABAYEVA AND A. ONGAR «ЕСІК. ИССЫК. ESİK»

Abstract. The book by G.S. Zhumabekova, G.A. Bazarabayeva and A. Ongar «Есік. Исык. Esik» was published in 2011. It presents the basic moments in monument studies. Today the materials on the mound "Esik" are still topical both in national and world science.

Keywords: Zhetysu, mound Esik, K.A. Akishev, ancient nomad culture, saka.

УДК 902(049.32)

М. В. Бедельбаева

Карагандинский государственный университет им. академика Е. Букетова,

Караганда, Казахстан

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Г. С. ДЖУМАБЕКОВОЙ, Г. А. БАЗАРБАЕВОЙ И А. ОНГАРА «ЕСІК. ИССЫК. ESİK»

Аннотация. В 2011 году вышла книга-альбом «Есік. Исык. Esik», подготовленная Г. С. Джумабековой, Г. А. Базарбаевой и А. Онгаром. В издании приведены основные моменты в изучении памятника. На сегодняшний день материалы кургана «Исык» сохраняют свою актуальность и значимость не только в отечественной, но и в мировой науке.

Ключевые слова: Жетысу, курган «Исык», К. А. Акишев, культура древних кочевников, саки.

История и культура ранних кочевников евразийских степей привлекала и привлекает пристальное внимание исследователей разных стран. И не только профессионалов – историков, археологов, антропологов, этнографов, искусствоведов, музейщиков, но и необремененного специальными знаниями читателя (хотя в эпоху распространения интернета о массовом читателе говорить не приходится). Повышенный интерес к сакской проблематике вполне объясним: для специалистов это острота нерешенных проблем о происхождении саков и их культуры, этнической принадлежности, географии расселения, характера сакского общества и уровня его развития, для остальных – прежде всего, блеск золота и яркость растиражированных образов искусства звериного стиля.

В силу этого рецензируемая работа является положительным опытом обобщения постоянно пополняемого археологического материала о культуре степных народов Евразии и его популяризации. Археологические данные, обретенные благодаря сенсационному открытию погребения из

кургана Иссык и ряду других позднее изученных, но не менее ярких памятников, с учетом современного методического уровня осмысления и междисциплинарного подхода значительно дополняют скурые сообщения письменных источников о материальной и духовной культуре, социальном строе, общественных отношениях и идеологии сакских племен.

Содержание книги значительно отличается по стилю написания от научного текста – легко читается, не изобилует профессиональной терминологией, не перегружено сносками на специальную литературу. Погружение в «тернии» специфических терминов и археологической методики намеренно отвергается авторами – для них приоритетом признан доступный язык, понятный широкой аудитории заинтересованных читателей. Отсюда проистекает научно-популярный и отчасти публицистический характер повествования. Это скорее научный иллюстрированный реферат и философско-поэтические названия его разделов с эпитафиями Б. Каирбекова тому подтверждение. Перед нами очерк об истории важного открытия и самостоятельной научной жизни уникальных археологических материалов. Если первоначальная публикация материалов в монографии К. А. Акишева «Курган Иссык» ставила целью «...проанализировать и интерпретировать Иссыкские находки, свидетельствующие о высокой социальной развитости общества» (1978, с. 11), то авторы данной работы отдали «...дань памяти самоотверженному труду исследователей кургана Иссык» (с. 89), что подчеркнуто в лаконичном, но очень емком авторском вступлении, определяющем задачи издания.

Уделяя особое внимание событийной стороне исследования Иссыкского кургана (исторический контекст, свидетельства очевидцев, воспоминания археологов, газетные статьи, архивные фото), «вплетая» в канву повествования биографии участников сенсационного открытия, авторы акцентируют основное внимание на культурно-исторической функции памятника, продолжающего привлекать внимание общественности даже несмотря на последующий после раскопок снос кургана. Актуальные вопросы дальнейшего музеефицирования культурного ландшафта могильника Иссык представляются вполне своевременными, рассчитанными на социальный заказ общества и государства, направленными на пропаганду исторического наследия. Историко-культурный заповедник-музей «Иссык» официально открыт в 2011 г. как музей в долине захоронения сакской знати. Творческие находки и планы сотрудников музея, искренние слова благодарности в адрес Б. Нурмуханбетова, который является основателем музея и вдохновителем коллектива, составляют содержание одного из разделов (с. 114-115). Появление книги послужит стимулом в дальнейшей разработке концепции музеефикации археологических древностей и станет ценным источником для развития и популяризации знаний в этой области.

План могильника Иссык, полученный в результате работ международной археологической экспедиции в 2008–2009 гг. (ТОО «Археология», Германский археологический институт – DAI, г. Берлин) и помещенный в книге (с. 16-17) демонстрирует реальную картину территориального расположения курганов, свидетельствуя о грандиозности памятника и существовании «герросов» саков.

Книга интересна еще и потому, что ее авторы имеют опыт полевого исследования курганов сакской знати памятников Казахского Алтая (могильники Берел, Майемер и др.). Хорошее знание археологического материала и умелое его использование позволило Г. С. Джумабековой, Г. А. Базарбаевой и А. Онгару обобщить широкий круг историко-интерпретационных вопросов.

Последний раздел книги – наиболее содержательный и представляющий самостоятельную научную ценность – основан на анализе материалов кургана Иссык и новейших археологических публикаций, которые недоступны широкому читателю и представляют сугубо источниковедческий интерес для научных идей. За последние десятилетия в результате интенсивных археологических исследований, осуществленных в рамках государственной программы «Культурное наследие», сделана масса открытий, которые существенно дополняют наши представления о генезисе сакской культуры, ее развитии, этнокультурных связях сакских племен.

Территориальный охват аналогий достаточно широк в географическом диапазоне: это новейшие данные по исследованным комплексам плато Укок, Тувы, Алтай, Средней Азии, Южного Урала и Нижнего Поволжья. Если издание 1978 г. представляет скрупулезное описание находок и их первичную интерпретацию, то рецензируемая книга нацелена, прежде всего, на анализ семиотического статуса вещевого комплекса на основе современного уровня знаний и широкого круга

аналогий из курганов, исследованных в последние годы. Значение цветосимволики, изобразительные каноны, семиотические свойства деталей костюма, стилистика изображений, детальное рассмотрение знаковых образов искусства звериного стиля – вот неполный перечень проблем, анализируемых в разделе.

Создание К. Акишевым и В. Садомсковым реконструкции костюма «Золотого человека» на основании анализа характера расположения золотых бляшек в погребении стало в свое время успешным музейным проектом, способствующим популяризации открытия. Символика образов сакского искусства по сей день используется в различных сферах культуры и стала узнаваемым брендом, олицетворяющим Казахстан. На основании новых данных и опыта реставрационной работы К. Алтынбеков предлагает свой вариант реконструкции культового доспеха сакского воина, приведенного в книге вместе с исчерпывающей характеристикой элементов костюма (с. 193).

Фактологическая база для интерпретации сюжетов изделий торевтики, относящихся к звериному стилю, выросла в разы, хотя продолжает оставаться неравноценной для различных регионов. Поэтому создание обобщающей работы, в которой представлено достаточно подробное изложение методики анализа является очень важным и позволяет читателю оценить процедуру научного поиска семиотического статуса вещевого комплекса. Признавая убедительным мнение А. К. Акишева, авторы подводят итоги определенного этапа исследования мифорелигиозных проблем саков.

Доскональное знание археологического материала позволило авторам внести ряд уточнений в прежние интерпретации сюжетов торевтики. Анализ новых данных позволил обоснованно детализировать ряд элементов костюма. Например, К. А. Акишев указывает ряд находок как «пластинки фигурные мелкие» (1978, с. 94), а современный уровень интерпретации с привлечением аналогий из новых материалов позволяет их трактовать как стилизацию зооморфных изображений, в частности – «нашивная бляшка в виде головы орлиного грифона» (с. 134-135, 143). Формулировка «бляхи – распределители ремней» (Акишев, 1978, с. 107) дополнена детализацией – «распределители ремней, декорированные изображением волка, свернувшегося в кольцо» (с. 90-91). Или: у К. А. Акишева – «перстень-печатка с изображением человеческой головы» (1978, с. 111) в настоящее время доказательно обозначается как «перстень с изображением Митры» (с. 103).

Использование принципа целостности позволило доказать, что изобразительное искусство при всей своей относительности убедительно отражает картину многогранной и сложно организованной ритуальной жизни сакского общества и это обоснованно аргументируется, в чем прослеживается несомненная заслуга авторов.

Упомянуты в разделе и письма, начертанные на малой серебряной чаше из погребения, которую ряд специалистов считают ритуальной. Анализируя надпись, К. А. Акишев упоминает еще два артефакта с эпиграфикой из Жетысу: могильники Каратома и Актас (1978, с. 73-74). Новейшие находки письменности, сделанной сакским письмом – прототипом древнеиндийского письма кхароштки, приведены в тексте рецензируемой книги: городище Культобе в долине реки Арысь, письменные памятники из Афганистана, Средней Азии, Южной Сибири. В настоящее время существуют различные толкования 26 знаков, начертанных на исыкской чаше, но ни одно прочтение (а их более 30) не признано подлинно научным. Этот вопрос требует дополнительной разработки и не может быть решен положительно при недостаточном количестве источников. Поэтому опубликованные переводы текста надписи, вероятно имеющие отношение к обряду погребения в кургане Исык, авторы не сочли возможным приводить, чтобы не преумножать гипотезы, возведенные в ранг абсолютного научного знания.

Текст сопровождают свыше сотни профессиональных фотографий артефактов, мастерски выполненных Олегом Беляловым, и их самоценность велика – они дают полное представление о шедеврах ювелирного искусства и могут служить надежным источником для их дальнейшего изучения.

Можно упрекнуть авторов в том, что на прорисовках ряда артефактов не указаны названия памятников, в которых они найдены, но образы узнаваемы и используются для важных акцентов в общей канве изложения, отображая всю полноту восприятия мира сакскими мастерами и украшая издание. Отдельные недостаточно разработанные положения не умаляют достоинств книги,

которая является наиболее полной сводкой тщательно проанализированных и научно осмысленных данных. В пользу этого свидетельствует и представительный библиографический список, насчитывающий около восьмидесяти источников, и текст на государственном и русском языках с абстрактом на английском.

Книга показала, что до сих пор не использованы все информационные возможности, предоставленные раскопками этого памятника. Как писал сам К. А. Акишев в монографии: «Отдельные вопросы истории культуры и истории искусства, на которые проливают свет исыкские находки, рассматриваются в книге в порядке постановки проблем для углубленного изучения их в будущем» (1978, с. 7). Археология Казахстана получила очень нужное издание, еще раз напоминающее о нерешенных проблемах и заставляющее вновь обращаться к уже хорошо известному материалу в поисках альтернативных путей решения. Новые археологические исследования, углубленное изучение отдельных проблем и дальнейшая разработка спорных вопросов продолжают доказывать гениальное прочтение материала авторами открытия – К. А. и А. К. Акишевыми, Б. Н. Нурмуханбетовым. Книга представляет несомненный историографический интерес, анализируя информативность дошедших сведений об открытии кургана, и демонстрирует столь необходимый в археологии процесс поиска более совершенных средств социологической интерпретации археологического материала. Рецензируемая работа, содержащая разнообразную и ценную информацию, читается с большим интересом и, как говорится, на одном дыхании. Изучением феномена существования сакского общества специалисты будут заниматься еще очень долго, но шедевры древних мастеров навечно стали достоянием мировой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Акишев К.А. Курган Исык. Искусство саков Казахстана. - М.: Искусство, 1978. - 132 с.

REFERENCES

- [1] Akishev K.A. Issyk mound. The art of Saca of Kazakhstan. - Moscow: Iskustvo, 1978. - 132 p.

М.В. Бедельбаева

Е. Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті, Қарағанды, Қазақстан
bmv_1967@mail.ru

Г.С. ЖҰМАБЕКОВАНЫҢ, Ғ.А. БАЗАРБАЕВАНЫҢ, А. ОҢҒАРДЫҢ «ЕСІК. ИССЫК. ESİK» КІТАБИНА ПІКІР

Аннотация. 2011 жылы Г.С. Жұмабекованың, Ғ.А. Базарбаеваның, А. Оңғардың дайындауында «Есік. Исык. Esik» кітап-альбомы жарыққа шықты. Басылымда ескерткішті зерттеудегі негізгі сәттер келтірілген. Бүгінгі таңда «Есік» қорғанының материалдары өз маңыздылығы мен өзектілігін тек отандық ғана емес, сондай-ақ әлемдік ғылымда сақтап келеді.

Кілт сөздер: Жетісу, «Есік» қорғаны, К. А. Ақышев, ежелгі көшпелілер мәдениеті, сақтар.

Юбилейные даты

ЮРИЮ АНДРЕЕВИЧУ ЁЛГИНУ – 60 ЛЕТ!



Ёлгин Юрий Андреевич, родился 30 апреля 1956 г. в п. КачирыМаксимо-Горьковского района Павлодарской области в семье рабочих целинного совхоза. Учился в средней школе №1 им. А.Н. Ёлгина. После переезда семьи в 1969 г. в Чимкент продолжил обучение в СШ №10 им. Ф.В. Клокова, которую окончил в 1975 г. В 1976 г. поступил на факультет теории и истории искусства института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина (СПбГАИЖАСА им. И.Е. Репина) в Ленинграде, после окончания обучения в 1982 году получил диплом по специальности «теория и история искусства». Имеет квалификацию искусствоведа. В 1983 г. был принят в Научно-исследовательский отдел охраны памятников истории и культуры Чимкентского (с 1992 г. Южно-Казахстанского) областного историко-краеведческого музея на должность младшего научного сотрудника.

Юрий Андреевич одним из первых в Казахстане начал работу по выявлению, изучению и постановке на государственный учёт движимых памятников истории и культуры, хранящихся в церквях, мечетях и других религиозных объединениях, в школьных и общественных музеях, в организациях и в личной собственности граждан, которую успешно проводил в течение десяти лет. В связи с этим много внимания уделял изучению иконописи, старопечатных книг и антиквариата, что впоследствии нашло отражение в некоторых публикациях. Параллельно с этим определилось и другое направление в его работе, связанное с выявлением, изучением и сохранностью архитектурного наследия Южно-Казахстанской области. Работая в НИО охраны памятников, принимал участие в подготовке ряда документов, связанных с ремонтом, реставрацией и охраной памятников архитектуры, в осуществлении контроля за исполнением решений местных органов власти по этим вопросам.

Тогда, в начале 1980-х гг., определился круг его научных интересов и тематика научных публикаций – отдельные теоретические вопросы изучения позднесредневековой культовой архитектуры ислама и христианства Южного Казахстана, история изучения мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане, проблемы ономастики памятников культовой архитектуры, архитектурная и археологическая библиография и историография.

Поскольку в Чимкенте не было научной базы для изучения средневековой архитектуры, а история архитектуры в Казахстане только переживала пору становления, его научная работа проходила в тесном содружестве с археологами Казахстана и Узбекистана. Совторой половины 1980-х гг. Юрий Андреевич регулярно принимал участие в научных конференциях и изданиях, осуществляемых Институтом археологии им. А.Х. Маргулана.

После реорганизации НИО охраны памятников работал в НИО истории, археологии и этнологии Южно-Казахстанского областного музея (ЮКОМ), где занимался вопросами изучения истории, культуры, искусства и этнографии Южного Казахстана. Регулярно оказывал консультативную помощь органам МВД, КНБ, Таможенного комитета по ЮКО, чем содействовал предотвращению незаконного вывоза культурных и художественных ценностей за пределы республики. При этом продолжал публиковать статьи по памятникам культовой архитектуры в научных и научно-популярных изданиях.

В 2009 г. поступил на работу в НИЦ «Археология» (в настоящее время НИИ Археологических исследований) при ЮКГУ им. М.О. Ауезова (Шымкент), в котором работает научным сотрудником по настоящее время. Здесь он полностью сосредоточился на изучении позднесредневековой архитектуры Южного Казахстана.

Юрий Андреевич автор двух монографий, одна из которых издана в соавторстве с доктором исторических наук, членом-корреспондентом НАН РК, Генеральным директором Института археологии им. А.Х. Маргулана Б.А. Байтанаевым. Им опубликовано более 60 статей в научных и научно-популярных изданиях, а также многочисленные статьи в местных и республиканских газетах.

Юрий Андреевич Ёлгин женат, воспитывает сына Дмитрия

Коллектив ИА им. А.Х. Маргулана

ПАВЛУ НИКОЛАЕВИЧУ ПЕТРОВУ – 60 лет!



Павел Николаевич Петров родился в г. Москве 19 января 1956 г. в семье военнослужащего, поэтому все детство проходило по местам службы его отца. Это был великолепный солнечный Баку, горный цветущий Грозный с рекой Сунжей, знойная Астраханская область – станция Ашулук. Именно там, под Астраханью он нашел свою первую джучидскую монету в далеком 1967 году. С этой находки и появился интерес к изучению восточных монет. После увольнения его отца с военной службы семья переехала в Нижний Новгород, где еще в 8 классе Павел Николаевич, интересуясь историей, начал ходить в археологический кружок Горьковского университета, который вела Татьяна Сергеевна Пономарева. Сохранив первую найденную монету, он пытался определить, что на ней написано, но никто из тех, к кому он обращался не мог ему в этом помочь. Таинственность этого объекта и предопределила его интерес к истории, археологии и нумизматике.

Высшее образование Павел Николаевич получил в Горьковском политехническом институте, а после института работал на предприятиях электронной промышленности. Его первым учителем в области нумизматики был нижегородский ученый Евгений Георгиевич Полуйко. Он-то и прочел надписи на медном пуле, найденном еще в детстве на городище Селитренное. Серьезное обучение восточной нумизматике началось в конце 1990-х гг. под руководством Владимира Ниловича Настича при активной поддержке и помощи Е.А. Давидович. Так интерес к нумизматике перерос в профессию. В дальнейшем Павел Николаевич работал в Институте Востоковедения РАН (г. Москва), в Казанском государственном университете он защищает кандидатскую диссертацию на тему «Нумизматическая история Чагатаидского государства 668/1270 – 770/1369 гг.». После защиты диссертации П.Н. Петров работал в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань), а ныне он работает в Институте археологии им. А.Х. Халикова АНРТ (г. Казань), в Центральном Государственном музее РК (г. Алматы), в Институте археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы).

Интересы Павла Николаевича Петрова в области нумизматики Востока в первую очередь касаются средневековья – с арабского завоевания в VIII в. н.э. и до XV в. включительно, свидетельством чему являются его многочисленные публикации. Надо сказать, что целеустремленность, с которой он работает над выбранными темами, определяется в первую очередь желанием приблизиться к пониманию процессов в истории товарно-денежных отношений – касаются ли они одного села, города, области или всего государства. Большое количество его научных изысканий посвящено монгольскому периоду в истории Евразии – с XIII по XV вв. Это и вопросы джучидской нумизматики, и проблемы, связанные с разработкой нумизматики Чагатаидского государства.

Одно из самых важных направлений, которым занимается Павел Николаевич, – взаимодействие с археологами, оказание им посильной помощи в реконструкции процессов возникновения и развития товарно-денежных отношений, а также кризисных явлений в экономике средневекового города, области, региона или страны.

В настоящее время Павел Николаевич является научным сотрудником Отдела эпохи античности и средневековья Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ученому приходится заниматься монетами Казахстана с домусульманского периода и практически до начала XX века. Профессия диктует необходимость отслеживать нумизматические находки на территории Казахстана каждый год. И эта работа также проводится, в том числе с помощью музеев Южного Казахстана и Центрального Государственного музея в г. Алматы.

Несомненно, что вклад этого ученого в изучение материальной культуры Евразии в области нумизматики значителен. Хочется пожелать Павлу Николаевичу и на будущее – успехов и удачи в его активных поисках и изысканиях на ниве нумизматики Евразии. Поздравляем юбиляра с 60-летием.

Коллектив Института археологии им. А.Х. Маргулана

Некролог

БЕКМУХАНБЕТ НУРМУХАНБЕТОВИЧ НУРМУХАНБЕТОВ (1935 – 2016)



Скоропостижно скончался старейший археолог Казахстана Бекен-ага, БекенНурмуханбетов.

Он родился 17 мая 1935 г. в Талдыкорганской области.

В 1950 году окончил школу-семилетку в родном селе, а десятилетнюю школу в селе Аксу в 1954 г. В этом же году был призван в ряды Советской армии, службу проходил в Азербайджане и закончил ее в звании сержанта, командира отделения.

В 1957 г. вернулся на родину и поступил на исторический факультет Казахского Государственного университета им. С.М.Кирова. После 1-го курса он попадает на практику в Семиреченскую археологическую экспедицию, которой руководил выдающийся казахстанский археолог Кималь Акишевич Акишев. Экспедиция раскапывала «царские курганы» знаменитого Бешатырского некрополя в долине реки Или. К.А.Акишев стал на долгие годы научным Учителем молодого Бекена, и вместе с ним работал на раскопках сакских, усуньских и гуннских курганов в долине р. Кегень.

А затем последовали поездки и работа в Отрарском оазисе и долине р. Арыси, где он изучал курганы Борижарского могильника и кангюйские могильники Кок-Мардан, мазараты Мардана в долине Сырдарьи. Эти исследования он проводил самостоятельно. Появились первые публикации, которые привлекли внимание исследователей новизной материалов, интересными суждениями и выводами.

Тогда же в 70-е годы он начал изучение мусульманских некрополей вблизи городища Куйрыктобе. Это были первые такого рода исследования, именно с них начинается свое развитие «мусульманская археология» Казахстана. Но все же любимой научной темой оставалась археология саков и усуней Жетысу. И здесь его ждали удивительные раскопки кургана Иссык. Он начал раскопки «царского кургана» на окраине села Иссык и первым смог увидеть полностью сохранившееся, не ограбленное погребение «Золотого человека». Вместе с К.А.Акишевым и группой

археологов он принял участие в раскопках теперь уже знаменитого памятника. Открытие века принадлежит К.А.Акишеву и Б.Н.Нурмуханбетову.

Вскоре последовало новое выдающееся открытие – находка Жалаулинского клада, состоящего из золотых украшений, собранных грабителями в курганах. Судьба распорядилась так, что Бекен-ага переехал в Иссык, где работал в Музее города в качестве руководителя, Главного научного сотрудника и начальника экспедиций, в том числе «Новостроечной», которая исследовала и сохранила для науки многие и многие памятники археологии.

Бекен, как называли его коллеги-археологи, был прекрасным ученым и непревзойденным популяризатором истории Казахстана. Его экскурсии по Иссыкскому некрополю собирали буквально толпы туристов, которые завороченно внимали очень эмоциональным рассказам Бекена Нурмуханбетовича. Его почтительно называли Бекен-ага и любили за глубокие знания древних культур, умение доступно и интересно рассказывать о древних временах, сакских царях и царицах, воинах и жрицах, о кентаврах Великой степи.

Вместе со своей супругой Халилей Атчебаевной Бекен вырастил прекрасных четверых сыновей, которые достойны своего выдающегося отца.

Память о Бекмуханбете Нурмуханбетовиче хранят жители его родины – Жетысу и всего Казахстана, и для друзей и коллег он всегда вспоминается молодым, веселым и жизнерадостным человеком, в ушах звучит его неповторимый смех, все это очень органично сочеталось с образом мудрого спокойного старца с молодой душой, завораживающей улыбкой, искрящимися дерзкими глазами.

Коллектив ИА им. А.Х. Маргулана

ЮРИЙ АРКАДЬЕВИЧ МОТОВ (1949 – 2016)



Юрий Аркадьевич Мотов – известный ученый, исследователь археологического культурного наследия Казахстана, родился 26 февраля 1949 г. в поселке Заводском Троицкого района Алтайского края. Затем семья переехала в Казахстан и поселилась неподалеку от города Жамбыла (ныне г. Тараз) в селе Майбулак, около удивительно красивого озера Бийли-Куль.

После окончания школы и службы в Военно-морском флоте СССР Юрий Аркадьевич поступил на исторический факультет Казахского педагогического института им. Абая. Это был один из старейших вузов Казахстана, где в свое время работали выдающиеся ученые Санджар Асфендиаров, Смет Кенесбаев, Сергалы Толыбеков, Митрофан Сильченко. Курс археологии читал Иван Иванович Копылов. Он, начиная с середины 50-х годов XX в., проводил раскопки на городище Талгар – городе Талхире. Вместе с ним на археологическую практику выезжали студенты и именно в Талгаре Ю.А. Мотов увлекся археологией и посвятил ей всю свою жизнь.

После окончания КазПИ им. Абая он работал в Институте «Казпроектреставрация», участвовал в раскопках средневекового города Туркестана и вместе с А.Н. Марьяшевым и А.С.Ермолаевой написал статью о городских стенах Туркестана.

Затем он работал в Институте истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч.Валиханова Академии наук Казахской ССР, в Центральном музее Казахстана. После образования в 1991 г. Института археологии им. А.Х. Маргулана и до выхода на пенсию Ю.А.Мотов трудился в коллективе именно этого Института. Он участвовал в раскопках на городище Красная Речка – средневековом Навакете, исследовал городище Тортколь вблизи городища Тараз, многие годы вел раскопки городища Куйрыктобе, занимался изучением средневековой керамики этого памятника.

Научные интересы Ю.А. Мотова не ограничивались только изучением средневековой городской культуры. Он изучал неолит – на берегах озера Бийли-Коль собрал богатую коллекцию неолитических орудий; изучал памятники эпохи древних тюрков, в частности, изваяния древних тюрков в своеобразных трехрогих головных уборах; золотые изделия саков Сибири, росписи Афрасиаба. Его работы отличаются тщательностью и новыми подходами, оригинальными выводами, академичностью. Он сделал много для археологии Казахстана, опубликовав несколько десятков статей, которые не устаревают со временем, на них ссылаются, их цитируют.

Юрий Аркадьевич Мотов был прекрасным полевиком: его раскопки всегда были скрупулезными, хорошо описанными и понятными, тщательно документированными.

Память о Юрии Аркадьевиче Мотове – профессиональном археологе, хорошем товарище, принципиальном человеке всегда будет с нами.

Коллектив Института археологии им. А.Х. Маргулана

МАЗМУҢЫ

Көне археология. Тас, қола және ерте темір ғасыры

<i>Горячев А.А., Чернов М.А.</i> Жетісудын қола дәуіріндегі жерлеу кешенінен алынған металдан жасалған заттары.....	5
<i>Дарменов Д.Т., Утубаев Ж.Р.</i> Шірік Рабат қалашығындағы лақатты жерлеу түрі.....	25
<i>Зданович Г.Б.</i> Архитектура маңызды жылнама: Арқайымдағы «Үй» және Ригведа поэтикалық дәстүріндегі «үй» ..	34
<i>Иванов С.С.</i> Қырғызстан аумағы ерте көшпелілерінің қола садақ жебелерінің жаңа табылымдары.....	38
<i>Китов Е.П., Китова А.О.</i> Арыс өзені бойындағы тұрғындардың одонтологиялық және палеопатологиялық ерекшеліктері	58
<u>Яблонский Л.Т.</u> Төменгі Сыр ерте сақтары археологиясының очеркі.....	64

Ортағасырлар археологиясы және сәулет өнері

<i>Ақымбек Е.Ш.</i> Ортағасырлық Ақтобе қаласындағы кірпіш күйдіртін пеші.....	76
<i>Байтанаев Б.Ә., Ёлгин Ю.А., Пантелеева Т.Л.</i> М.К. Приоровтың фотосуреттері Оңтүстік Қазақстанның ортағасырлық архитектура тарихының дереккөздері.....	88
<i>Байтанаев Б. Ә., Ерешибаев А. А., Шаяхметов А. Х.</i> Ортағасырлық Сайрам майшам-шырағандары.....	95
<i>Ёлгин Ю.А.</i> Ильяс-Хан ойығы: портал немесе михраб?.....	102
<i>Железняков Б.А.</i> Оңтүстік Қазақстанның ортағасырлық архитектурасының бағытталуы хақында. Культтік сәулет өнерінің исламдық дәстүрі негізінде.....	113
<i>Мургабаев С.С., Бахтыбаев М.М., Малдыбекова Л.Ж.</i> Қаратаудың тастан ұйылған қорымдарында жүргізілген археологиялық зерттеулер.....	124
<i>Талеев Д.А.</i> Ортағасырлық Сүткент қаласы.....	137

Далалық зерттеулер

<i>Байтанаев Б. Ә., Горячев А.А., Сараев В.В., Шаяхметов А.Х.</i> Қаратау тау етегі ме Қаржантаудың солтүстік бөктеріндегі ерте темір ғасыры ескерткіштеріндегі археологиялық зерттеулер.....	143
<i>Байпақов К.М., Воякин Д.А.</i> Ұлы Жібек жолының солтүстік Қаратау бөлігіндегі ортағасырлық қалалар.....	160
<i>Байпақов К.М., Воякин Д.А., Камалдинов И.Р.</i> 2016 жылы Отырартөбе, Күйікмардан, Алтынтөбе және Төрткүлтөбе-қарашық қалаларының қорғаныс жүйесіне жүргізілген зерттеулер.....	168
<i>Смағұлов Е.Ә., Петров П.Н., Ержігітова А.А.</i> Сауранның ХҮІІ ғасырдың екінші жартысымен мерзімделетін мыс теңгелер көмбесе (алдын ала хабарлама).....	176

Тарих

<i>Уалтаева А.С.</i> Төңкеріске дейінгі Қазақстанның әкімшілік-аймақтық бөлінуі.....	182
--	-----

Пікірлер

<i>Бедельбаева М. В.</i> Жұмабекованың Г. С., Базарбаеваның Ғ. А., Оңғардың А. «Есік. Иссык. Esik» кітабіна пікір... 185
--

Мерейтойлар

Юрий Андреевич Ёлгин – 60 жаста!.....	189
Павел Николаевич Петров – 60 жаста!	191

Қазанама

Бекмұханбет Нұрмұханбетұлы Нұрмұханбетов (1935-2016)	192
Юрий Аркадьевич Мотов (1949-2016)	194

СОДЕРЖАНИЕ

Археология древности.

Эпоха камня, бронзовый и ранний железный век

<i>Горячев А.А., Чернов М.А.</i> Металлический инвентарь из погребальных комплексов эпохи бронзы Жетысу.....	5
<i>Дарменов Р.Т., Утубаев Ж.Р.</i> Подбойный тип погребальных сооружений на городище Чирик Рабат.....	25
<i>Зданович Г. Б.</i> Архитектура как летопись смыслов: «дом» на Аркаиме и «Дом» в поэтической традиции	
Ригведы.....	34
<i>Иванов С.С.</i> Новые находки бронзовых наконечников стрел эпохи ранних кочевников на территории	
Кыргыстана.....	38
<i>Китов Е.П., Китова А.О.</i> Одонтологические и палеопатологические особенности населения бассейна реки	
Арысь.....	58
<i>Яблонский Л.Т.</i> Очерк археологии ранних саков Нижней Сырдарьи.....	64

Средневековая археология и архитектура

<i>Ақымбек Е.Ш.</i> Кирпичеобжигательная печь средневекового городища Актобе.....	76
<i>Байтанаев Б.А., Ёлгин Ю.А., Пантелева Т.Л.</i> Фотографии М.К. Приорова как источник по истории средневековой	
архитектуры Южного Казахстана.....	88
<i>Байтанаев Б.А., Ергеибаев А.А., Шаяхметов А.Х.</i> Средневековые светильники-чираги Сайрама.....	95
<i>Ёлгин Ю.А.</i> Ниша Ильяс-хана: портал или михраб?.....	102
<i>Железняков Б.А.</i> Об ориентировках средневековой архитектуры Южного Казахстана. К основам исламской	
традиции культового зодчества.....	113
<i>Мургабаев С.С., Бахтыбаев М.М., Малдыбекова Л.Ж.</i> Археологические исследования на курумных могильниках	
Каратау.....	124
<i>Талеев Д. А.</i> Средневековый город Сюткент	137

Полевые исследования

<i>Байтанаев Б.А., Горячев А.А., Сараев В.В., Шаяхметов А.Х.</i> Археологические исследования памятников раннего	
железного века в предгорьях Каратау и у северных склонов хребта Каржантау.....	143
<i>Байпаков К.М., Воякин Д.А.</i> Средневековые городища на северо-каратауском участке Великого Шелкового пути.....	160
<i>Байпаков К.М., Воякин Д.А., Камалдинов И.Р.</i> Исследования фортификации на городищах Отрартобе, Куик	
Мардан, Куйрыктобе, Алтынтобе и Торткольтобе-Карачик в 2016 году.....	168
<i>Смагулов Е.А., Петров П.Н., Ержигитова А.А.</i> Сауранский клад 2015 г. медных монет второй половины ХУП века	
(предварительное сообщение)	176

История

<i>Уалтаева А.С.</i> Административно-территориальное деление дореволюционного Казахстана.....	182
---	-----

Рецензии

<i>Бедельбаева М. В.</i> Рецензия на книгу Г. С. Джумабековой, Г. А. Базарбаевой и А. Онгара «Есік. Иссык. Esik»	185
--	-----

Юбилейные даты

Юрию Андреевичу Ёлгину – 60 лет!.....	189
Павлу Николаевичу Петрову – 60 лет!	191

Некролог

Бекмуханбет Нурмуханбетович Нурмуханбетов (1935-2016).....	192
Юрий Аркадьевич Мотов (1949-2016)	194

CONTENTS

Archaeology of the antiquity. Stone Age, Bronze and Early Iron Age

<i>Goryachev A.A., Chernov M.A.</i> Metal inventory from burial complexes of the bronze age in Zhetysu.....	5
<i>Darmenov R.T., Utubaev Zh.R.</i> Knocked out burial structures on the hillfort of Chiric-Rabat.....	25
<i>Zdanovich G. B.</i> The architecture as the chronicle of meanings: "house" on Arkaim site and "House" in poetic tradition of Rigveda.....	34
<i>Ivanov S.S.</i> The new finds of bronze arrowheads of ancient nomads epoch from Kyrgyzstan.....	38
<i>Kitov E.P., Kitova A.O.</i> Odontological and palaeopathological characteristics of the population of the Arys river basin.....	58
<i>Yablonsky L.T.</i> Archaeological sketch of early saks from Low Syrdarya.....	64

Medieval archaeology and architecture

<i>Akymbek Y.Sh.</i> Brick burning kiln of the medieval fortified site of Aktobe.....	76
<i>Baitanayev B.A., Yolgin Yu.A., Panteleyeva T.L.</i> Photos of M.K. Priorov as a source of South Kazakhstan medieval architecture history.....	88
<i>Baytanaev B. A., Yergeshbayev A. A., Shayakhmetov A. Kh.</i> Medieval Sayram chirag lamps.....	95
<i>Yolgin Yu.A.</i> Niche of Ilyas-khan: portal or mihrab?.....	102
<i>Zheleznyakov B.A.</i> About orientations of medieval architecture in Southern Kazakhstan. To the bases of islamic tradition of cult architecture.....	113
<i>Murgabayev S.S., Bakhtybayev M.M., Maldybekova L.J.</i> Archaeological studies at the Karatau tumulus burial grounds.....	124
<i>Taleev D.A.</i> Medieval city Syutkent.....	137

Field researches

<i>Baytanayev B. A., Goryachev A. A., Sarayev V. V., Shayakhmetov A.Kh.</i> Archaeological researches of the early Iron Age monuments in the foothills of Karatau and northern slopes of Karzhantau ridge.....	143
<i>Baipakov K.M., Voyakin D.A.</i> Medieval settlements on the north Karatau section of the Great Silk road.....	160
<i>Baipakov K.M., Voyakin D.A., Kamaldinov I.R.</i> Studies of the fortification system of the ancient settlements of Otrartobe, Kuik Mardan, Kuiryktobe, Altıntobe and Tortkoltobe-Karachik IN 2016.....	168
<i>Smagulov E.A., Petrov P.N., Erzhigitova A.A.</i> Sauran 2015 treasure of copper coins of the second half of the xvii century (preliminary report)	176

History

<i>Ualtayeva A.S.</i> Administrative and territorial division of Kazakhstan before revolution.....	182
--	-----

Reviews

<i>Bedelbaeva M. V.</i> The review on the book by G. S. Jumabekova, G. A. Bazarabayeva and A. Onggar «Есік. Иссык. Есік».....	185
---	-----

Anniversaries date

Yuri Andreyevich Ėlgin is 60 years!.....	189
Paul Nikolaevich Petrov - 60!	191

Necrologue

Bekmukhanbet Nurmuhambetov (1935-2016)	192
Yuri Motov (1949-2016)	194

**PUBLICATION ETHICS AND PUBLICATION MALPRACTICE
IN THE JOURNALS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

For information on Ethics in publishing and Ethical guidelines for journal publication see <http://www.elsevier.com/publishingethics> and <http://www.elsevier.com/journal-authors/ethics>.

Submission of an article to the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan implies that the work described has not been published previously (except in the form of an abstract or as part of a published lecture or academic thesis or as an electronic preprint, see <http://www.elsevier.com/postingpolicy>), that it is not under consideration for publication elsewhere, that its publication is approved by all authors and tacitly or explicitly by the responsible authorities where the work was carried out, and that, if accepted, it will not be published elsewhere in the same form, in English or in any other language, including electronically without the written consent of the copyright-holder. In particular, translations into English of papers already published in another language are not accepted.

No other forms of scientific misconduct are allowed, such as plagiarism, falsification, fraudulent data, incorrect interpretation of other works, incorrect citations, etc. The National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan follows the Code of Conduct of the Committee on Publication Ethics (COPE), and follows the COPE Flowcharts for Resolving Cases of Suspected Misconduct (http://publicationethics.org/files/u2/New_Code.pdf). To verify originality, your article may be checked by the originality detection service Cross Check <http://www.elsevier.com/editors/plagdetect>.

The authors are obliged to participate in peer review process and be ready to provide corrections, clarifications, retractions and apologies when needed. All authors of a paper should have significantly contributed to the research.

The reviewers should provide objective judgments and should point out relevant published works which are not yet cited. Reviewed articles should be treated confidentially. The reviewers will be chosen in such a way that there is no conflict of interests with respect to the research, the authors and/or the research funders.

The editors have complete responsibility and authority to reject or accept a paper, and they will only accept a paper when reasonably certain. They will preserve anonymity of reviewers and promote publication of corrections, clarifications, retractions and apologies when needed. The acceptance of a paper automatically implies the copyright transfer to the National Academy of sciences of the Republic of Kazakhstan.

The Editorial Board of the National Academy of sciences of the Republic of Kazakhstan will monitor and safeguard publishing ethics.

Правила оформления статьи для публикации в журнале смотреть на сайте:

[www:nauka-nanrk.kz](http://www.nauka-nanrk.kz)
social-human.kz

Редакторы *М.С. Ахметова, Д.С. Аленов, Т.А. Апендиев*
Верстка на компьютере *А.М. Кульгинбаевой*

Подписано в печать 15.02.2017.
Формат 60x881/8. Бумага офсетная. Печать – ризограф.
12,3 п.л. Тираж 2000. Заказ 1.

Уациональная академия наук РК
050010, Алматы, ул. Шевченко, 28, т. 272-13-18, 272-13-19